Б. Е. Фролов

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Фролов Борис Ефимович – заведующий отделом истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Родился 7 ноября 1948 г. в Кемерово в семье военнослужащего. С 1961 г. проживает в Краснодаре. В 1972 г. с отличием окончил исторический факультет Кубанского государственного университета и поступил на работу научным сотрудником в Краснодарский исторический музей. Специалист по военной истории, форменной одежде и оружию Кубанского казачьего войска. Автор около 300 научных статей и ряда монографий, таких как: «Очерки истории форменной одежды кубанских казаков» (Краснодар, 2000) в соавторстве с О. В. Матвеевым, «Регалии кубанского казачества» (Краснодар, 2001) в соавторстве с В. Е. Науменко, «Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион» (Краснодар, 2002), «Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань» (Краснодар, 2005), «Атаман Захарий Чепега» (Краснодар, 2006), «Страницы военной истории кубанского казачества» (Краснодар, 2007) в соавторстве с О. В. Матвеевым, «Военный лексикон кубанских казаков» (Краснодар, 2007), «Оружие кубанских казаков» (Краснодар, 2009).

Заслуженный работник культуры Кубани, лауреат премии администрации Краснодарского края в области науки и искусства имени К. В. Россинского (1995), премии Министерства культуры РФ им. И. Е. Забелина в области научно-исследовательской работы (2003).

ISBN 978-5-91050-066-6

ВВЕДЕНИЕ

Холодным оружием называется оружие, действие и применение которого не связано с использованием пороха и других взрывчатых веществ; оно специально предназначено для нанесения телесных повреждений при нападении или защите в рукопашном бою. Так или примерно так дается определение холодного оружия в различных энциклопедических, справочных, методических и оружиеведческих изданиях. Известный российский оружиевед А. Н. Кулинский заметил, что дефиниции подобного характера позволят причислить к холодному оружию совершенно отдельные классы оружия (баллистическое, защитное, пневматическое). В предложенном им определении особо подчеркивается мысль о том, что холодное оружие в отличие от других классов оружия приводится в действие исключительно мускульной силой человека [1].

Однако особые разногласия среди исследователей возникают при попытках создания классификационных схем холодного оружия. Классификация – один из инструментов научного познания, необходимый для определения объекта исследования и дифференциации его от других. Ученые, исходя из личного багажа знаний, темы и целей исследования, характера изучаемого материала, классифицируют холодное оружие по конструктивным признакам, материалу, боевой функции, дистанции поражения и т. д.

В «Советской Военной Энциклопедии» холодное оружие в зависимости от характера «приложения мышечных усилий воина» подразделяется на ударное (палица, кистень, булава...), колющее (шпага, пика, штык), рубящее (топор, секира, коса...) и сочетающее в себе несколько перечисленных признаков, один из которых является превалирующим [2]. Авторы определителя русского боевого оружия XI–XIX вв. выделили три основные группы холодного оружия: 1) белое (мечи, сабли, кинжалы, кортики, ножи...); 2) древковое (копья, рогатины, топоры, алебарды...); 3) ударное (палицы, клевцы, топорки, булавы, кистени...) [3]. Фактически такую же схему использовал еще в XIX в. известный австрийский оружиевед В. Бехайм [4]. Он лишь назвал белое (клинковое) оружие просто «холодным» и объединил вместе с древковым и ударным в группе наступательного оружия. Подобную классификацию употребили, к примеру, Ю. М. Ботяков и В. Р. Янборисов в своей работе по холодному оружию туркмен [5]. Активно используется данная классификация и ныне, хотя всем ясно, что первые две группы выделены в ней по конструктивному признаку, а третья – по характеру поражающего действия.

По механизму нанесения повреждений А. И. Устинов, М. Э. Портнов и Ю. А. Нацваладзе разделили холодное оружие на ударно-раздробляющее, колющее и рубяще-режущее [6]. По этому же пути пошел известный отечественный этнограф В. П. Курылев при описании оружия казахов [7]. М. В. Горелик в своей работе «Оружие Древнего Востока» применил более дробную схему [8]. По характеру поражающего действия и наносимой травмы он выделил следующие виды оружия: колющее (стрелы, дротики, копья); ударно-дробящее (булавы, боевые молоты, пращи); режуще-колющее (ножи); колющее и режуще-рубящее (кинжалы); рубяще-колющее

и режуще-рубящее (мечи); ударно-рубящее и ударно-раскалывающее (топоры); ударно-колющее (клевцы). По конструкции и материалу М. В. Горелик различает оружие древковое (выделяется поражающей частью, насаженной на древко), монолитное (рукоять составляет, как правило, единое целое с поражающей частью) и различные метательные конструкции.

Польский оружиевед В. Квасневич в группе холодного оружия наряду с клинковым выделяет древковое и обуховое [9]. Украинский исследователь Д. В. Тоичкин разработал систему, в рамках которой все разновидности холодного оружия объединяются в группы по двум критериям – функциональному назначению и конструктивным особенностям [10].

С. В. Дмитриев в методической работе, специально посвященной классификации холодного оружия, предложил следующее деление: 1) древковое оружие прямого удара (копья, пики и т. д.); 2) древковое оружие рубящего удара (топоры, секиры и т. д.); 3) ударно-раздробляющее (кистени, палицы, булавы и т. д.); 4) клинковое, или белое, оружие [11]. Последнее по характеру действия он разделил на колющее (штык, стилет, шпага...), рубящее (меч), режущее или рубяще-режущее одновременно (сабля, палаш, кинжал, нож). При классификации автор учитывает размер (длинноклинковое и короткоклинковое) и конфигурацию (прямой или изогнутый) клинка.

Объектом исследования настоящей работы является холодное клинковое (белое) оружие, употреблявшееся казаками Кубанского войска. Это войско, представляющее из себя, по заключению Войсковой Рады 1906 г., продукт административной «фабрикации», было образовано в 1860 г. [12]. Мы же начинаем свое исследование с конца XVIII в. Дело в том, что 19 ноября 1860 г. в Кубанское войско указом императора Александра II было переименовано Черноморское казачье войско [13]. В состав Кубанского войска также поступили первые шесть бригад, пеший батальон и две конные батареи Кавказского линейного казачьего войска. История Черноморского войска начинается с 20 августа 1787 г., когда светлейший князь Г. А. Потемкин повелел бывшим запорожским старши-

Исторические типы казаков, составивших Кубанское казачье войско. Реконструкция одежды и вооружения подъесаула К. К. Стринского. 1896 г. Слева направо: *хоперский казак последней четверти XVIII в., конный черноморский казак 40-х гг. XIX в., «черноморец в форме 1808 г.»* (на самом деле первая форменная одежда была введена в 1816 г.), *черноморский казак конца XVIII в., хоперский казак в форме образца 1845 г., два черноморских пластуна середины XIX в. Этот так называемый «почетный караул» был создан к празднику 200-летия ККВ*

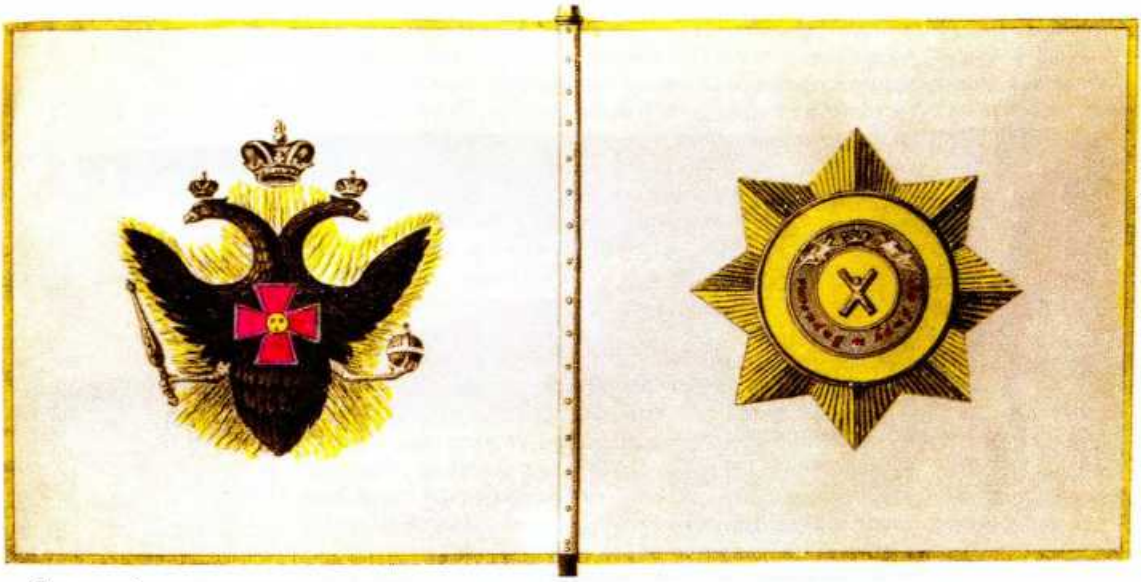

«Значок красной холстинки» — под таким названием этот куренной прапор проходит по описям регалий ККВ. Длина полотнища 279 см, ширина 61 см. Звезды, крест и полумесяц – из белой материи, к полотнищу пришиты

Одно из семи малых «куренных» знамен, пожалованных «войску верных казаков» 27 февраля 1788 г. (фотографии представляют внешний вид знамен на момент их возвращения из музея кубанского казачества, находящегося в г. Ховелл, штат Нью-Джерси, США)

Знамя «войска верных казаков», пожалованное Екатериной II в 1788 г. Из кн.: «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»

Малое «куренное» знамя (в документах конца XVIII в. их чаще называют «значок» или «прапор»), *пожалованное в 1788 г.*

Знамя полковое, пожалованное императором Павлом I в 1801 г.

Всего было пожаловано 14 таких знамен, по числу предполагавшихся к созданию 14 полков Черноморского казачьего войска. По положению 1802 г. в войске сформировали 20 полков (10 конных и 10 пеших), и недостающие 6 знамен пожаловал в 1803 г. император Александр I.

нам Сидору Белому и Антону Головатому начать комплектование волонтерных команд из казаков, «служивших в бывшей Сечи Запорожской». Надежды князя на массовый приток запорожцев не оправдались, и уже 12 октября он разрешил записывать в казаки всех желающих из свободных людей. В конце 1787 – начале 1788 г. волонтерные команды получили название «войско верных казаков», а в конце 1788 г. ему присвоили новое имя – «войско верных казаков Черноморских».

Кавказское линейное казачье войско было образовано в 1832 г. из казачьих полков Кавказской и Азовско-Моздокской линий и нескольких десятков крестьянских селений, население которых было обращено в казаки. К 1860 г. войско состояло из 10 бригад, 4 отдельных полков, 2 пеших батальонов и конных батарей.

Булавы и пернач из числа регалий Кубанского казачьего войска.

Точное происхождение их неизвестно. Пернач очень похож на перначи, употреблявшиеся в турецкой армии во второй половине XVIII в.

Значок стрелковой роты 5-го пешего батальона Кубанского казачьего войска. 1864 г. Полотнище прямоугольной формы, длиной 142 см, шириной 96 см, на конце разделяется на две косицы. Изготовлено из шелка желтого цвета (в настоящее время полотнище имеет светло-коричневый цвет; цвет охры), по краям оформлено бахромой. На обеих сторонах с помощью галуна и сплющенной витейки выполнены следующие надписи и изображения: вверху аббревиатура «ККВ» (Кубанское казачье войско); под ней крест с полумесяцем в основании; по сторонам креста «разбитая дата»: 1864 г.; под крестом «С.Р. 5-го П.» (стрелковая рота 5-го пешего батальона, буква «Б» утрачена.

Значок был изготовлен на средства нижних чинов стрелковой роты, а по ее расформировании в 1865 г. передан в церковь станицы Каневской, затем в архив станичного имущества. В октябре 1909 г. правление станицы передало значок на хранение в Кубанский войсковой музей

В 1860 г. события развивались следующим образом [14]. 8 февраля последовал царский указ о наименовании правого крыла Кавказской линии Кубанской областью, а левого – Терской. Все пространство от Главного хребта к северу (Кубанскую и Терскую области и Ставропольскую губернии) следовало именовать Северным Кавказом.

13 октября 1860 г. последовал приказ № 464 за подписью главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала кн. А. И. Барятинского с проектом преобразований Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск. А 19 ноября упомянутый выше указ императора одобрил проект и придал ему статус закона.

Верхняя хронологическая граница исследования четко не фиксируется. Принятие последнего образца холодного клинкового оружия для Кубанского войска относится к 1913 г., а потому начало Первой мировой войны может стать этой (хотя и формальной) вехой. В то же время резкое падение тактического значения кавалерии в этой войне и почти гарантированная бесплодность шашечных атак без предварительной огневой подготовки на изготовившегося противника заставили автора рассказать

о введении в конце войны пик на вооружение кубанских казаков. В таком случае хронологические рамки можно поднять до 1918 г., ко времени, когда была создана (хотя еще на бумаге) Кубанская армия. Нам неизвестны какие-либо изменения в холодном оружии кубанских казаков (кроме случаев использования уставных казачьих шашек образца 1881 г.) в годы Гражданской войны. При наличии таковых мы бы установили верхнюю дату на 1920 г., на время разгрома Кубанской армии и ее капитуляции в районе Сочи перед войсками 11-й Красной армии.

Первоначально настоящая работа задумывалась как монография, однако, учитывая пожелания издателя, автор выполнил ее в научно-популярном формате. В этих целях опущены полноценное введение и заключение, значительно сокращен справочный аппарат, не все цитаты из книг хорошо известных исследователей снабжены ссылками (в ряде случаев мы позволили себе просто упоминать фамилии этих ученых и их работы). Сам материал автор попытался изложить живым, быть может даже разговорным, языком.

Специально для реставраторов, коллекционеров и просто любителей холодного оружия описание его отдельных образцов дается не в краткой каталожной форме, а в развернутой, с акцентом на детали технического и технологического плана. Возможно, это поможет при атрибуции. Этим же целям служат и пространные аннотации под фотографиями некоторых экземпляров оружия, описания которых не вошли в основной текст. В наиболее интересных образцах указываются кривизна клинка, центр тяжести и спуск обуха от эфеса к острию.

Знак за безупречную службу в конвое императора Николая II. Утвержден в 1904 г. Знак для нижних чинов штамповался из белого металла (как на данном экземпляре) или меди. Встречается несколько разновидностей знака

Чины Собственного Его Императорского Величества конвоя. Лейб-гвардии Кавказские казачьи эскадроны: трубач Его Императорского Величества, казак в повседневной форме и бурке, трубач эскадронов в парадной форме. 1889 г. Акварель принадлежала есаулу конвоя А. П. Шапринскому

При написании аннотаций автор не придерживался какого-либо стандарта, а составлял их в произвольной форме, как диктовали объем и место. Инвентарные номера оружия указывались лишь в тех случаях, когда описание предмета имеется в основном тексте. В аннотации не включалось описание деталей оружия и без того хорошо видимых на фотографиях.

Понимая всю важность и одновременно всю сложность правильной атрибуции, автор планировал завершить книгу небольшой главой, посвященной этому вопросу. Определение новодельных деталей (претензия на подлинность делает их подделкой) является злободневной проблемой экспертизы холодного оружия. Сколько информации нам может сообщить один лишь хвостовик клинка (если, конечно, он доступен для обследования), сколько интересного нам поведает ржавчина на клинке, кожа ножен, резьба, заклепка и другие «мелочи»!

Уже в начале своей научной деятельности автор понял необходимость овладения приемами художественной обработки металла. Годы ученичества при художниках-прикладниках выявили более чем скромные наши технические и творческие возможности, но позволили заниматься несложной реставрацией. Соединение теоретических знаний и практического опыта и дало право обратиться к столь деликатной и «опасной» теме, как атрибуция.

Однако заданный объем издания заставил несколько «урезать» даже основные главы и отказаться от последней. Методические рекомендации по атрибуции холодного оружия мы постараемся издать отдельной брошюрой. Тем не менее в настоящее издание мы сознательно поместили ряд фотографий сабель, шашек и кинжалов, на которых имеются новодельные детали. В аннотациях будут кратко указаны признаки, которые помогли выявить эти анахронизмы.

Воспользовавшись научно-популярным характером издания, автор позволил себе высказать мнение относительно ряда вопросов, которые носят дискуссионный характер и ответ на которые будет дан (если вообще будет) еще не скоро в силу почти безнадежного состояния источниковой базы. В настоящее время эти споры носят скорее риторический характер.

При написании данной работы основными письменными источниками послужили различные законодательные акты конца XVIII – начала XX в.: «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), «Приказы по военному ведомству» и «Приказы военного министра». Подавляющее количество информации мы почерпнули из фондовых материалов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Наиболее полезной для нас оказалась делопроизводственная документация войскового штаба Кубанского казачьего войска (фонд № 396), который занимался всеми вопросами вооружения и снаряжения кубанских казаков.

Вещественные (вещевые) источники представлены материалами из собраний музеев Краснодарского края и, прежде всего, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (КГИАМЗ). Коллекция холодного оружия КГИАМЗ насчитывает около 400 единиц. Это не так уж и много. Но у этой коллекции есть три преимущества. Во-первых, в большинстве своем она состоит из кавказского и казачьего оружия. Во-вторых, почти все оно (оружие) представлено ординарными, сугубо боевыми экземплярами. И наконец, в большинстве случаев мы уверены, что оружие из фондов музея-заповедника принадлежало именно кубанским казакам и ими использовалось.

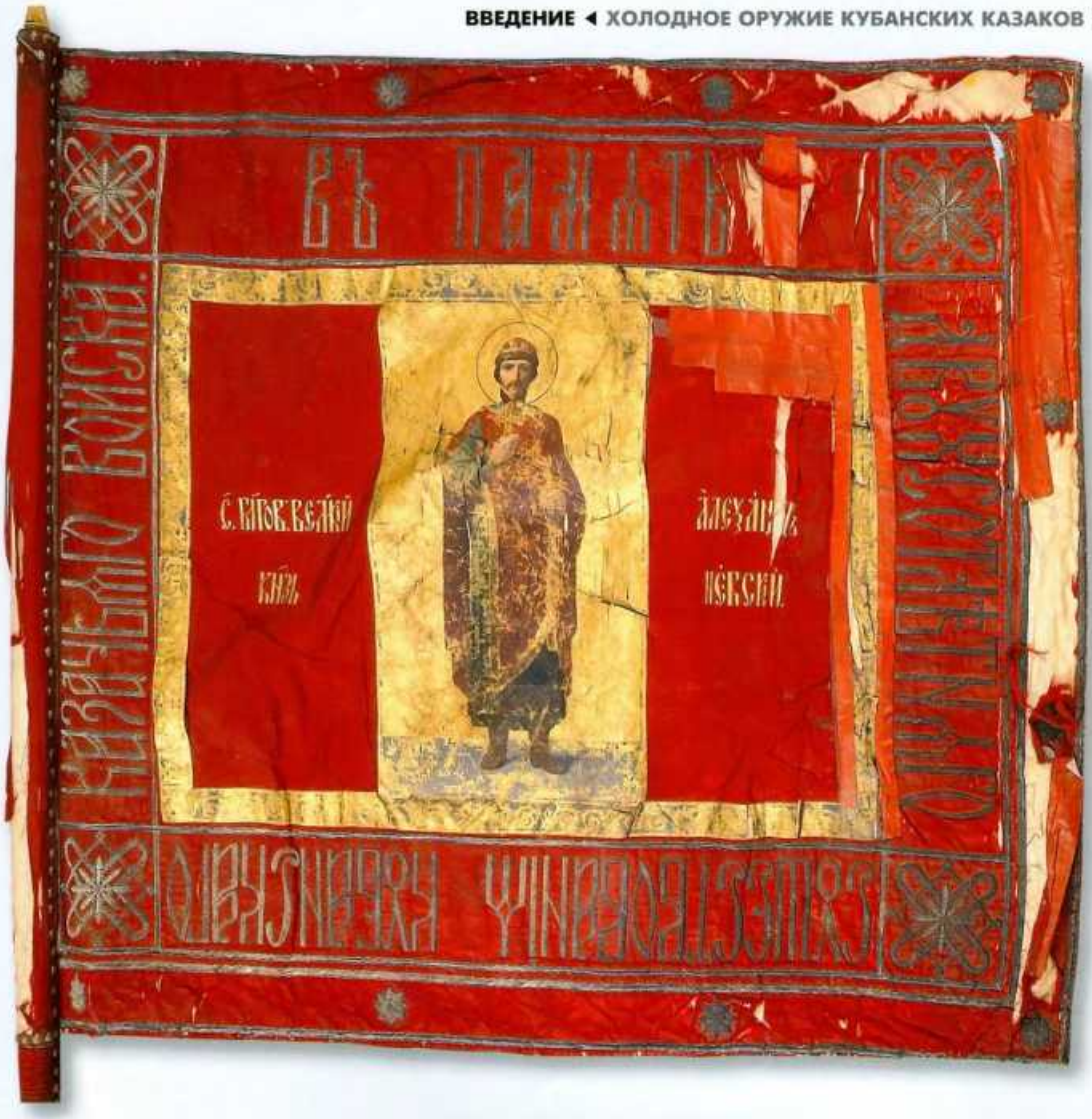
Казаки Кубанского пластунского батальона (один из четырех: 3, 4, 5, 6-й) *со знаменем, пожалованным 6 мая 1897 г. Снимок сделан перед отправкой на фронт*

Войсковое Георгиевское знамя, пожалованное императором Николаем II в память двухсотлетнего существования войска. 1896 г.

Дело в том, что практика мелкооптовых закупок и частных подрядов, которые практиковало Черноморское, а затем и Кубанское казачье войско, неизбежно порождала ряд детальных отличий казачьего уставного оружия от тех же образцов оружия, поступавших в регулярную армию (и, наверное, в другие казачьи войска). Прочитав наши довольно подробные описания сабель образца 1809, 1817 гг. и шашек 1838 г., внимательный читатель найдет эти отличия от ранее публиковавшихся образов этого оружия из других музеев. Скажем, из десяти казачьих шашек образца 1838 г., хранящихся в фондах КГИАМЗ, идентичны только две. Подобная вариабельность обусловлена не допусками валового заводского производства, а указанной практикой частных закупок и подрядов.

В музеях Краснодарского края очень мало сохранилось казачьего оружия конца XIX – начала XX в., что, впрочем, легко объяснимо. Оружие это было «действующим», и трагические события Гражданской войны, эмиграции и репрессий почти напрочь вырубили этот пласт материаль-

ной культуры. Да и какому смельчаку-музейщику могла прийти в голову шальная мысль целенаправленно комплектовать подобную тематическую коллекцию. Речь могла идти об отдельных поступлениях оружия от героев-красноармейцев. В КГИАМЗ хранится всего 10 кинжалов Кубанского казачьего войска, известных как образец 1904 г. Сохранность половины из них не позволяет даже установить год выпуска.

В связи с этим мы использовали материалы частных коллекций. Автор благодарен Ю. И. Синенко, В. В. Паришкуре, В. Ф. Виткалову, С. Г. Цыпкину за возможность произвести фотографирование и технические обмеры ряда экземпляров. Особую признательность хочется выразить Н. Н. Твердохлебову, чья богатейшая коллекция позволила автору провести натурное обследование казачьих кинжалов работы азиатских мастеров, известных нам ранее только по письменным источникам.

Очень интересные фотографии редких образцов оружия передал автору и А. Д. Гнедовский. Разумеется, мы признательны и благодарны Алексею

Знак Кубанского казачьего войска (в память двухсотлетнего юбилея).

Утвержден 18 февраля 1912 г. Серебряный венок из дубовых ветвей с наложенным в верхней части золотым двуглавым орлом, увенчанным тремя золотыми императорскими коронами. На груди орла золотой щиток, покрытый белой эмалью, с золотой цифрой «200». Внутри венка золотой совмещенный вензель Екатерины II и Николая II. На нижнюю часть венка наложен герб Кубанской области – щит под золотой царской короной, разделенный на две части: в верхней – на золотом фоне черный двуглавый орел с Кавказским крестом на груди, в нижней – на зеленом фоне золотая зубчатая стена с двумя круглыми башнями и открытыми воротами; над стеной – золотой пернач между двумя серебряными бунчуками. По сторонам щита – по два голубых знамени, над щитом – золотой штандарт с вензелем Александра II; щит обрамлен золотыми дубовыми листьями, перевитыми золотой Александровской лентой. На ленте золотые даты: 1696 и 1896. Встречается несколько разновидностей знака (Патрикеев С. Б., Бойнович А. Д. Нагрудные знаки России. – М. – СПб, 1998. – Т. 2.)

Гнедовскому и как генеральному директору одной из старейших инвестиционных компаний России «Велес Капитал», благодаря финансовой поддержке которой увидит свет эта книга.

Немногочисленные изобразительные источники играют в нашем исследовании явно вспомогательную роль и призваны скорее проиллюстрировать наши доводы, нежели что-либо доказать. Краткая их характеристика будет дана в процессе изложения материала или в аннотациях.

Систематизировав собранный материал, мы решили использовать диахронный принцип построения текста. Хронологически последовательное изложение событий, с одной стороны, облегчило и нашу работу, с другой, как мы надеемся, – поможет читателю быстро найти интересующую его тему. Неизбежные при этом принципе экстраполяции в прошлое или будущее нисколько, на наш взгляд, не нарушают стройности изложения. Основное содержание книги изложено в трех главах: «Сабли», «Шашки», «Ножи и кинжалы». От членения глав на параграфы мы сознательно отказались, так как выстроить их тематически очень трудно и они выглядят искусственными и притянутыми, а разбивать хронологически не имеет смысла.

При описании оружия по письменным документам автор оставлял линейные меры (меры длины) первоисточника, то есть русскую систему мер. При натурном обследовании предмета, естественно, использовалась метрическая система. Для перевода старых мер в современные в конце книги приложена таблица с мерами длины, употреблявшимися в России после указа 1835 г. [15].

В заключение автор хочет сердечно поблагодарить свою учительницу – известного российского оружиеведа Э. Г. Аствацатурян. Под руководством Эммы Григорьевны в 1979 г. автор проходил свою первую стажировку в отделе оружия Государственного исторического музея (ГИМ). Спасибо Вам, Эмма Григорьевна! Крепкого здоровья и долгих лет жизни!

При подготовке книги автор пользовался советами А. Н. Кулинского и своего рецензента Д. А. Шереметьева, за то хочется им выразить глубокую признательность. Эта работа не увидела бы свет без помощи коллег из Государственного архива Краснодарского края и лично директора архива Н. В. Малеевой. Автор благодарен В. Ю. Кунаеву, взвалившему на себя всю тяжесть организационной работы по изданию книги и сделавшему ряд тонких наблюдений экспертного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие. – СПб, 2005. – С. 9.

2. Советская Военная Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 8. – С. 385.

3. *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие. – М., 1953. – С. 21.

4. *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. – СПб, 1995.

5. *Ботяков Ю. М., Янборисов В. Р.* Холодное оружие туркмен // Сборник МАЭ. – Л., 1989. – № 43.

6. *Устинов А. И., Портнов М. Э., Нацваладзе Ю. А.* Холодное оружие. – М., 1994. – С. 7.

7. *Курылев В. П.* Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – Л., 1978. – С. 5.

8. *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока. – М., 1993. – С. 8.

9. *Квасневич В.* Польские сабли. – СПб, 2005. – С. 9.

10. *Тоичкин Д. В.* Козацька шабля XVII–XVIII ст.: историко-зброезнавче дослідження. – Київ, 2007. – С. 30.

11. *Дмитриев С. В.* Холодное оружие // Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. – СПб, 2003. – С. 78.

12. Войсковая Рада. – Екатеринодар, 1907. – С. 10.

13. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 35. – СПб, 1862. – Ст. 36237.

14. *Малукало А. Н.* Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг. – Краснодар, 2003. – С. 36.

15. *Каменева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. – М., 1975. – С. 241.

Глава 1

САБЛИ

Оружие и одежду казаков Черноморского войска в начальный период его существования попытался реконструировать известный кубанский историк И. Д. Попко. По его словам, вооружение казака составляли: «винтовка, пара пистолетов, сабля турецкая и ратище, то есть пика» [1]. Эта версия в различных интерпретациях кочевала по работам дореволюционных кубанских историков. Повторил ее и блестящий военный историк В. А. Потто, создавший целую серию компилятивных и беллетризированных очерков по истории кубанского казачества. На этих утверждениях остановимся более подробно, ибо они совершенно не соответствуют реалиям жизни.

Неизвестно, на какие источники опирался И. Д. Попко, вероятно, на воспоминания современников. Однако ретроспективные источники относятся к числу весьма ненадежных и могут «работать» лишь вкупе с прямыми документальными свидетельствами. Архивные материалы, которыми мы располагаем, не удостоверяют факт вооружения рядовых казаков того периода турецкими саблями. Более того, они не подтверждают наличие на вооружении черноморцев сабель вообще.

Документы периода Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. свидетельствуют об отпуске молодому войску верных черноморских казаков в огромном количестве русского оружия: ружей, карабинов, пик, пистолетов. К примеру, в 1787–1788 гг. войску выдали 1696 пистолетов, 2621 ружье, 1592 отвертки, 495 патронташей; в июне 1789 г. – 2108 карабинов... [2]. О поставке же сабель нет ни одного документа.

Видный исследователь истории черноморцев П. П. Короленко заметил этот факт и пытался объяснить его так: «...сабли и не требовались, вероятно потому, что каждый казак имел такое оружие свое...» [3]. Подобная интерпретация представляется малоубедительной. Известно, что бывшие запорожские казаки составляли только часть Черноморского войска, причем часть меньшую. По данным И. В. Бентковского, их было только 30% [4]. По нашим подсчетам, сделанным по итогам Первой переписи населения Черномории 1794 г., число казаков, «служивших от бывшего Запорожья», составляло 43% [5]. При этом следует учитывать, что в числе «запорожцев» присутствует немало беглых (что легко подтверждается документами), создавших себе более или менее убедительные легенды.

Костюмы и боевое снаряжение казаков в конце XVIII – начале XIX в. Пеший и конный казаки, войсковой полковник. Реконструкция И. Д. Попко. 1872 г.

К тому же пока еще никто документально не подтвердил поголовного вооружения запорожцев саблями (и не подтвердит, так как источники говорят об обратном). В любом случае невероятно, чтобы они на протяжении двенадцати лет после разрушения Сечи сумели сохранить свое оружие, будучи рассеянными по стране, а частью уже и закрепощенными. Это могла сделать лишь небольшая группа казаков, состоявших на русской военной службе. А у «охотников», вступавших в Черноморское войско, сабель и быть не могло.

Сабля вообще не фигурирует в документах военного периода, хоть както касающихся вооружения казаков. Она не упоминается среди казачьего оружия в рапортах русских военачальников. В десятках приказов руководителей Черноморского войска по вопросам вооружения казаков также ничего не говорится о саблях.

В июне 1789 г. секунд-майору Савве Белому поручается пересмотреть имеющееся у казаков оружие: «ружья, пистолеты, пики, ножи, патронницы...» [6]. Всем казакам, находящимся на флотилии (а это почти все пешие казаки), предписано иметь при себе ружье и пику [7]. Из рапорта полковника Белого: «Части моей все казаки ружья и пики перечистили, ножи отострили» [8]. В приказе полковнику М. Гулику от 16 ноября 1789 г. о приведении в исправность оружия речь снова идет только о ружьях и пиках. Из циркулярного ордера кошевого атамана Захария Чепеги от 19 марта 1791 г. всем командирам войска: «...подтвердить, чтоб во всякого были ружья и пики, а у кого не будет, тот не избежит строгого наказания киями» [9].

Упоминания о саблях мы не встретим ни в регулярных отчетах командиров казачьих частей атаману и войсковому судье, ни в отчетах войска в Главное Дежурство Екатеринославской армии (в них имелась специальная графа «вооружение»). Нет ее и в ведомостях утраченного в боях и при несчастных случаях оружия. К примеру, в рапорте войска от 2 июля 1788 г. о потерях в сражении с турками упомянуты ружья, патроны, пистолеты, пики [10]. В списках вещей и оружия, пропавших вместе с унесенной штормом лодкой Батуринского куреня, сабли не упомянуты [11]. Среди вещей, сгоревших в Уманском курене, сабель опять-таки нет [12]. Следует заметить, что в этих документах тщательно перечисляются такие «мелочи», как отвертки, патронташи, клейцеры, количество зарядов...

Готовясь к походу на Измаил, войсковой судья Антон Головатый приказывает, чтобы казаки «имели каждой в руках своих пику и ружье... дабы от нападения, Боже сохрани, спастись могли» [13]. На штурме этой крепости черноморцы (как и другие казаки) по приказу А. В. Суворова действуют укороченными пиками [14], что, кстати, хорошо видно на рисунке М. Иванова «Штурм Измаила». Совершенно не обученные рукопашному бою и штурмовым действиям казаки под сабельным ударом турок и татар несут тяжелые потери. Военные историки объясняют неоправданно большие потери не только отсутствием должной подготовки, но и «слабостью казачьего вооружения» – укороченными пятифутовыми пиками.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что иметь «короткие дротики для способнейшего действия оными» приказал казакам великий Суворов. Его приказ продублировали командир Черноморской гребной флотилии Де-Рибас и командир казачьей флотилии А. А. Головатый. Если следовать логике приведенного выше суждения (о «слабости казачьего вооружения»), то получится, что великий русский полководец, вооружив казаков короткими пиками, заранее обрек их на поражение и истребление. Но «этого не может быть потому, что не может быть никогда». Разгадка приказа Суворова, как нам представляется, заключается в следующем.

«Запорожские пешие казаки». Художник Т. Калинский. Вторая половина XVIII в.

«Запорожский казак». Художник С. И. Васильковский («Из Украинской старины». СПб, 1900)

«Запорожский казак». Явно идеализированная реконструкция середины XIX в. из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск»

«Малороссийский выборный казак и сотник». Художник Т. Калинский. Вторая половина XVIII в.

Выборные казаки – привилегированная часть украинского казачества, которая могла отбывать военную службу за собственный счет и была оставлена в казачьем реестре после реформирования российским правительством казачества на Левобережной Украине в 1735 г. Выборные казаки имели все казачьи права и привилегии. Остаток казаков, которые были переведены в подпомощники, обязаны были поставлять выборным казакам оружие, одежду, коней, провиант и фураж, обрабатывать их землю во время несения выборными военной службы (на Слободской Украине Петр I провел подобное деление еще в 1700 г.). В 1737 г. казачьи права имели всего 4200 человек. После ликвидации правительством украинского казачества выборные казаки были переведены в категорию войсковых обывателей и по своему положению приравнивались к государственным крестьянам.

Во-первых, у казаков не было иного оружия для рукопашного боя, кроме пик. Второе объяснение мы находим в трудах известного специалиста в области военной истории русской пехоты О. Г. Леонова. Уже Русско-турецкая война 1735–1739 гг. показала, что наиболее эффективным оружием против турецкой стремительной сабельной атаки «юринь» являются именно пики. Х. Манштейн писал: «...пошли колонною на неприятеля, и ...в этом случае действовали только пиками, как единственным оружием, которым можно обороняться от турецких сабель».

В 1786 г. М. И. Кутузов вооружил своих отборных стрелков пиками для защиты в ближнем бою. В 1788 г. главнокомандующий князь Г. А. Потемкин решил оснастить сводные гренадерские батальоны – отборную русскую пехоту, обученную рукопашному бою, – таким же коротким древковым оружием – «ножами на ратовищах». Часть таких «военных ножей» получили и черноморские казаки. Таким образом, А. В. Суворов, учитывая опыт рукопашных боев с турками, ввел короткие пики именно «для способнейшего действия» и уж никак не для ослабления своих малочисленных штурмующих колонн.

В одном из войсковых документов начала XIX в. есть прямое указание на то, что «в пешем войске сабли по надобности не употреблялись прежде...» [15]. Напомним, что пешие казаки составляли примерно 80–90% от общей численности войска. Но, может быть, казачья кавалерия, достигавшая в лучшие времена тысячи человек (речь идет о реальных бойцах, а не о списочном составе), была поголовно вооружена саблями? Документы этого не подтверждают. В журналах входящих и исходящих бумаг сообщается об отпуске в конную команду только ружей и пистолетов [16].

Собственных же сабель у казаков конной команды не могло быть в значительном количестве. Связано это с тем, что большую часть конных казаков составляли наемники, то есть люди, служившие за казаков-хозяев.

На одежду и вооружение своих наемников каждый казак-хозяин тратил минимум средств. О вооружении конной команды мы легко можем узнать из рапортов ее командира полковника З. А. Чепеги. Скажем, за 1789 г.: «ружей 1500, пистолетов 1000, ратищей 1000» [18].

Подобных документов можно привести еще немало. Но есть общая ведомость вооружения всех казаков Черноморского войска с указанием оружия как собственного, так и казенного [19]. В ней указаны даже ножи, но о саблях ни слова.

Как явствует из источников тех лет, сабля не считалась оружием нужным и обязательным для казака. Она ему не полагалась и «по штату». В целом ряде приказов встречается стандартная формулировка: «...подтвердить о имении вооруженности по штату ружьем, пистолем и пикою» [20].

Войсковой судья А. А. Головатый предпринял попытку вооружить саблями незначительную по численности команду казачьих канониров (227 человек в июле 1789 г.), которым в силу их воинской специальности обременительно было иметь дело с ружьем или пикой. Все они находились на канонерских лодках казачьей флотилии. «Желает всяк из них иметь по сабле или пистолету», – писал Головатый князю Потемкину в июле 1789 г. [21]. Сабель фактически безоружным канонирам не дали, а лишь выделили 17 августа русские военные ножи, которые насаживались на древки [22].

Естественно, описанный комплект вооружения: ружья, пики, пистолеты – сохранился и после переселения Черноморского казачьего войска на Кубань. Представим короткую хронологическую подборку документов на этот счет. 16 декабря 1792 г. войсковой судья А. А. Головатый, озабоченный большим количеством записавшихся в казаки безоружных людей, приказывает полковнику С. Белому: «...и как оным так и старым (казакам. – *Б. Ф.*) притвердить о имении вооруженности по штату ружьем, пистолетом и пикою на непредвиденные случаи» [23]. 2 февраля 1793 г. подобный приказ идет всем командирам войска: «Подтвердите иметь военное орудие, яко-то ружья, пистоли и пики» [24]. 23 августа кошевой атаман З. А. Чепега вновь требует: «...сколько у каждого хозяину будет сынов и работников... на всякого имели ружья и пики непременно» [25]. В этот же день атаман приказывает кордонным старшинам следить за тем, чтобы поселившиеся около кордонов казаки имели ружья и пики. В сентябре 1793 г. наступило время первой смены пограничной стражи. Требуя из селений 1000 казаков, З. Чепега приказывает «выставить их во всей готовности яко-то с парою лошадьми, ружьями, пиками и всем к воинству принадлежащим».

В ордере первому городничему Екатеринодара Даниле Волкорезу от 19 ноября 1793 г. предписывалось смотреть за жителями, «дабы все на всякую мужеска пола взрослую душу имели мушкеты исправные и пики...» [26]. Для войскового есаула была составлена особая инструкция, по которой он обязан был следить, «чтобы у кордонных казаков, а в селениях у жителей на всякую мужеска пола душу были исправные ружья, пики...» [27].

Во всех этих приказах о саблях никто и не вспоминает, но обратите внимание – из них «исчезли» и пистолеты. Все очень просто: война закончилась и массовые поставки оружия из русской армии прекратились. Казакам пришлось теперь одеваться и вооружаться за свой счет. Для многих из них это оказалось непосильным бременем. В этих условиях уже не до пистолетов, малополезных на кордонной службе. Войсковое руководство пытается заставить казаков приобрести хотя бы ружья и пики.

Бедность большей части казаков, их неустроенность на новом месте, отсутствие промышленных и торговых центров – вот далеко не все факторы, обусловившие просто бедственное положение дел с вооружением в конце XVIII в. Есть сотни документальных свидетельств об уровне бое-

способности черноморских казаков в этот период и их оружии, но мы приведем здесь лишь одну выдержку из письма войскового атамана Т. Т. Котляревского от 20 июня 1798 г.: «К крайнему прискорбию моему из получаемых мною от войскового правительства и пана войскового есаула уведомлений о пограничных происшествиях, вижу нашей пограничной стражи такую слабость, что уже закубанские хищные народы, в наши пределы переезжая без опасности, берут от нас скот, аки свой собственный, и казаков, по два человека разъезды делающих, захватывают в свои пределы, а противящихся им ранят и в смерть убивают; наши же стражи хищников ни единаго не поймают и тем умножают войску порок и бесславие. Сему поводом нижеизъясненная причина и вам довольно известная, что на границу поставлено казаков только тысячу пятьсот человек, да и те почти все наемные, нездоровые и малолетние и, по причине частых им перемен, к воинскому делу не привыкшие, которые, не повинуясь кордонным старшинам и не имея у себя исправных воинских зброй (оружия. – *Б. Ф.*), а конные – добрых лошадей, будучи одеты в тяжелую одежду, на не приученных лошадях, – всегда бывают показанным хищникам смешным игралищем в жертву» [28].

Еще несколько документов конца XVIII – начала XIX в., свидетельствующих об отсутствии сабель у черноморцев в указанное время. В 1796 г. от Черноморского войска было наряжено два полка (1000 человек) «исправных молодцов» для участия в Персидском походе. Казаков предполагалось использовать на лодках и конными. Учитывая последнее обстоятельство, атаман Чепега обратился в войсковое правительство с предложением снабдить казаков пиками, «так как оные употреблять будут и конными». 12 февраля правительство приняло решение о выдаче пик [28]. Кстати, после похода казаки подняли бунт, названный позже Персидским. В Петербург отправилась депутация в составе 14 казаков. За войсковой счет им купили приличную одежду. Сабель, естественно, ни у кого не было. В Москве для трех казаков приобрели сабли по 4 руб. 50 коп. каждая и на 8 рублей пасовых ремней.

В 1798 г. Черноморское войско выставило претензии к Турции «за имущество, заграбленное черкесами» в разные годы [29]. В обширном списке есть все что угодно, но нет ни одной сабли. И это понятно, так как в рапортах пограничных командиров о захваченных в плен или убитых кордонных казаках сабли также не упоминаются. Кстати, все рапорты о военных столкновениях с черкесами мы проанализировали в аспекте интересующей нас темы. Формулировки о действии оружием следующие: «...с ружей и пистолетов отражался», «дружно им (черкесам. – *Б. Ф.*) в глаза сделал ружейную перепалку», «казаки отстреливались и сражались на пиках...», «...выбросили все патроны», «...ударили в ратища» и т. п.

И последний интересный документ – рапорт атамана Ф. Я. Бурсака генералу Михельсону, датированный 2 июня 1800 г.: «В подкрепление двух егерских полков Драшковича и Лейхнера собрал я команду в 2005 человек казаков, вооруженных по-надлежащему ружьями, пистолями, пиками. Старшин конных 140, пеших 38. Казаков конных 879, пеших 949» [30].

Есть еще немало подобных прямых и косвенных свидетельств, но и приведенных вполне достаточно, чтобы сделать следующий вывод: сабля у черноморских казаков не принадлежала к категории массового и типичного оружия, а являлась скорее исключением, чем правилом. Конечно, говорить о полном отсутствии сабель в Черноморском войске в этот период будет неверно. Речь идет лишь о массовом вооружении рядовых казаков холодным клинковым оружием, а точнее – об отсутствии такового.

Безусловно, у отдельных простых казаков сабли имелись, но количество их настолько мизерно, что лишь оттеняет общую тенденцию. Из собранных нами более тысячи описаний имущества казаков не наберется и двадцати свидетельств о наличии сабли. Из примерно двухсот описей имущества участников Персидского похода 1796 г. «сабля проста» (о том, что это, по нашему мнению, означает, чуть ниже) зафиксирована лишь у одного казака [31]. В то же время все три попавшие в списки старшины владели саблями.

Мы обратили внимание, что практически во всех документах, где о сабле хоть как-то упоминается, она является принадлежностью казачьих старшин. Рискнем предположить, что сабля в этот период была прежде всего ранговым знаком различия, показателем социального статуса ее владельца. На эту мысль нас наводит и тот факт, что в Польше (а «польское влияние» на казаков было значительным) сабля служила признаком принадлежности к шляхте [32].

Со всей определенностью на статусный знак сабли указывает и видный историк запорожского казачества А. А. Скальковский. Говоря об оружии казаков, он пишет: «Ружье, два пистолета и пика составляли их вооружение; сабли – принадлежность дворянства носили: полковник, сотники и хорунжий» [33].

Мы не располагаем данными, позволяющими судить о степени распространенности сабель среди старшин Черноморского войска. Судя по всему, далеко не все из них владели саблями (в описях имущества многих войсковых чиновников они не указаны). Во всяком случае, даже такой известный казачий военачальник, как войсковой полковник Савва Белый (будущий командир гребной флотилии), в 1789 г. взял саблю в долг у полковника М. Гулика. В 1795 г. С. Белый скончался, так и не вернув саблю, что и стало поводом к разбирательству этого случая на заседании Черноморского войскового правительства 2 июня 1795 г. [34].

Учитывая последующую историю холодного оружия в Черноморском войске, прохладное отношение к нему казаков, уровень технического владения им, мы склонны предположить: сабля в среде черноморцев была не столько боевым оружием, сколько атрибутом старшины и просто деталью нарядного костюма.

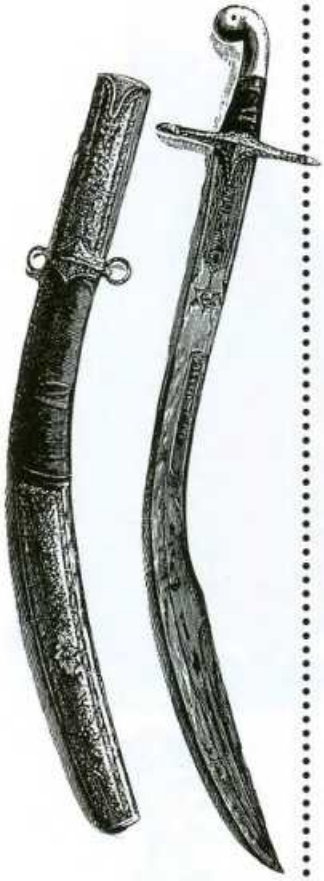
Какие же типы сабель бытовали в Черноморском войске в конце XVIII – начале XIX в.? Ответим на этот вопрос, опираясь исключительно на письменные источники и не строя никаких, казалось бы логичных, предположений. За тридцать лет работы с архивными документами мы изучили все дела Черноморского войска, причем все подряд, не обращая внимания на заголовок. Такой тотальный просмотр выявил всего около пятидесяти сообщений о старшинских саблях. Свидетельства эти разного характера: сабли в описях имущества умерших; сабли, конфискованные в счет оплаты долгов; «арестованные», пожалованные, украденные, купленные... Все описания предельно лаконичны.

Чаще всего в документах упоминаются сабли турецкие. Приведем несколько типичных описаний: «шабля турецка»; «сабля турецкая, обделанная под серебром с пехвами»; «сабля турецка с серебряным подкрыжником»; «сабля с темляком турецка»; «сабля турецка, оправлена серебром с вызолоченными жучками». Два самых подробных описания выглядят так: «сабля турецкая в серебре вся оправленная и ножны, осаженные камнями с позолотой»; «сабля турецкая, железко мусерное, а ножны в серебро оправлены и в середине зеленый бархат».

Полковник «малороссийского казацкого полка» (вверху) *и «знатный малороссийский шляхтич».* Художник Т. Калинский. Вторая половина XVIII в.

Турецкая сабля «кылыч», принадлежавшая последнему атаману Задунайской Сечи О. М. Гладкому

Осип Михайлович Гладкий (1789, село Мельники Золотоножского уезда Полтавской губернии – 05.07.1866, Александровск), генерал-майор, наказной атаман Азовского казачьего войска. Родился в семье сельского старосты. В 1820 г., оставив семью на содержание брата, уходит на заработки. Перепробовав несколько видов деятельности, Гладкий в конце концов убегает в Задунайскую Сечь, где записывается в Платнировский курень под прозвищем Бондарь. В 1827 г. избирается кошевым атаманом и утверждается фирманом султана в правах двухбунчужного паши. Установив контакты с представителями России, Гладкий начинает тайно готовиться к возвращению казачьего коша на родину. 9 мая 1828 г. часть запорожцев и райи на 61 лодке вышли в море и перешли в пределы Российской империи. Гладкий участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., был назначен наказным атаманом Отдельного Запорожского войска. После войны выбрал место для поселения казаков по берегу Азовского моря, между Бердянском и Мариуполем. Бывшие задунайские казаки и местные жители составили Азовское казачье войско, атаманом которого Гладкий был в 1832–1851 гг. В 1851 г. вышел в отставку.

Словари и переводчики с украинского языка не помогли нам определиться со словом «мусерное». Понимая всю неуместность наших дилетантских этимологических упражнений, рискнем все же предположить: перед нами искаженное слово «Миср», то есть Египет. Отсюда название известного шлема «мисюрка». Мы не думаем, что составитель документа указывает на египетское происхождение клинка, скорее речь может идти о территориально не локализированной группе клинков с арабского Востока. Но возможно и другое объяснение: термин «мусер»/«мисер» в лексике черноморцев того времени мог означать слово «булат». На эту мысль нас наталкивает сообщение о турецком кинжале с клинком «белого мисеру». Невольно вспоминается «байяз истамбули» – «белый стамбульский» булат. Это довольно редкий турецкий сорт пятнистого (крапчатого) булата с узором из множества мелких блестящих светлых и темных зерен и фоном, усеянным крупными светлыми пятнами и неровными штрихами.

К турецким, очевидно, следует отнести и «саблю табанную», принадлежавшую прапорщику Сутыке. В 1796 г. он основательно проворовался, и все его движимое имущество было конфисковано и выставлено на распродажу. Тут и появилась «сабля табанная с серебряным подкрыжником и темляком» [36]. Сутыка заявил о покупке этой сабли за 72 руб. 50 коп., но в продажу она пошла за 20 руб. 50 коп.

Составитель документа дал атрибуцию сабли Сутыки по наиболее яркому ее элементу – булатному клинку (табан – серый сетчатый персидский булат). Скорее всего, речь идет о турецком шемшире, выкованном из персидской булатной стали. Да и серебряный крыж говорит в пользу Турции, для Персии более характерен стальной.

Мнение о турецком происхождении сабли Сутыки косвенно может подтвердить и описание сабли майора Д. Евсюкова за 1804 г.: «сабля турецкая в серебряной оправе, полосы булатные под названием атабин и серебряным темляком».

Булатный узор на сабельном клинке XVIII в.

Полоса турецкой сабли «кылыч» конца XVIII – начала XIX в.

Многочисленные опыты в целях определения наилучшего вида холодного оружия провел полковник французской службы Марей. «Находясь во главе арабского корпуса, Марей был замечен по ловкости своего фехтования. Он испробовал все виды сабель и даже собственного изобретения.

По теории Марея в сабле должно различать три части. В первой пребывает действие: по опыту она ограничивается пространством двух дециметров (4,5 верш.), считая от острия, вторая часть есть начало движения и силы – это рукоятка или эфес, а третья промежуточная – есть коромысло рычага, от которого нельзя ничего ожидать, кроме переноса движения.

В условиях, требуемых для рубки, обычай проводить дорожки на плоскости клинка запрещается совершенно, и в резкой части клинка советуется давать ему несколько большую ширину. Разобрав вопрос о кривизне клинка, Марей доказывает хорошее действие ятагана и мамлюкской сабли, самой совершенной из оружия, назначенного для рубки.

После турецкой сабли Марей предпочитает для рубки английскую саблю...»

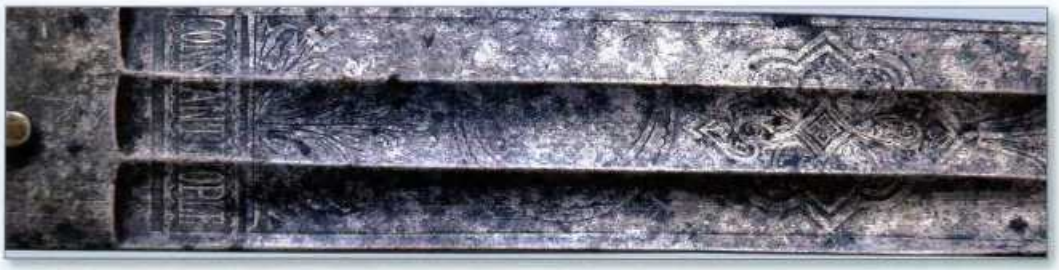
(Записка о белом оружии (Полковник французской службы Марей). 1841 г. // Военный сборник. – 1843. – № 1.)

Сабля турецкая «шемшир» XIX в.

Сабля турецкая «кылыч» 20-х гг. XIX в. Датировка дана по серебряному эфесу, несущему на себе черты европейского ампира

Сабля турецкая второй четверти XIX в.

Клинок работы европейского мастера. Железную крестовину с короткими плечами и деревянные щечки рукояти мы также не относим к турецкому производству. Определить место их изготовления и монтажа мы затрудняемся. Скорее всего, это гораздо более поздняя (чем клинок) доделка с целью придать полосе вид сабли

Наряду с подобными уверенными заявлениями о турецком происхождении сабель встречается выражение «сабля турецкого калибера». В лексике черноморцев слово «калибер» означало «образец», «форма». В архивных документах постоянно встречаются упоминания о «пистолетах нового калибера», «ружьях тульского калибера», «пиках старого калибера». То есть речь идет о саблях, выполненных наподобие турецких, в стиле турецких. Производство подобного оружия было широко распространено в Европе.

Приведем описание одной такой сабли, хранящейся в коллекции КГИАМЗ (КМ-6248). Клинок узкий, малоизогнутый, однолезвийный, на конце обоюдоострый; в сечении – прямоугольной формы с широким скосом лезвия и разложистым обухом. Обух в сечении круглой формы, к концу постепенно уплощается и переходит в контрлезвие (в литературе для обозначения обуха подобной формы встретился термин «шомпольный обух», но нам он кажется не очень удачным).

С правой стороны на границе хвостовика и пяты выполнено клеймо «мертвая голова». Иконографически идентичное клеймо приводит в своей работе A. Demmin, относя его к золингеновским маркам XVIII столетия [35]. С левой стороны на пяте выбито «KULL», на хвостовике – лигатура из трех букв: A, W и B (слитное написание у последних двух). По сведениям А. Н. Кулинского, Kull Peter – небольшая золингеновская фирма, работавшая в середине XIX в. [36]. На наш взгляд, клинок можно считать продукцией Самуэля Куля, работавшего ранее Петера.

Эфес – турецкого типа, с наклоненной закругленной головкой («в форме запятой», «каплеобразный набалдашник», «пистолетная рукоять»). Гарда простая, крестовая (крестовина с перекрестием), по казачьей терминологии тех лет – подкрыжник. Рукоять выполнена из листового серебра, украшена чеканными листочками винограда, фон разделан штихелем. Поверхность листьев дополнительно разгравирована штихелем. Верхний ус перекрестия на лицевой стороне был обрамлен перекрученной проволокой.

На лицевой стороне рукояти, начиная примерно с середины, укреплены в латунных кастах шесть камней бирюзы. Огранка типа «кабашон». Касты обрамлены перекрученной проволокой.

Техника исполнения: рукоять изготовлена из двух половинок, выбитых на форме и сваренных по ребрам. Цветы чеканены двумя-тремя чеканами, на границах подрезаны штихелем. Клинок был закреплен в рукояти на какой-то мастике. Ее основной,

Сабля турецкого типа (КМ-6248). *Клинок золингеновского мастера Самуэля Куля конца XVIII – начала XIX в.*

По нашему мнению, орнамент на крестовине резко выбивается из общего флористического декора эфеса и ножен. В центре крыжа расположена геральдическая роза, а перевивы на стержнях крестовины более напоминают обвившихся змей с кадуцея Гермеса. Вероятно, эта деталь – из другого комплекта

если не единственный, компонент – канифоль. При нагревании во время реставрации масса быстро расплавлялась, издавая характерный канифольный запах.

Ножны выполнены из двух половинок дерева, обтянуты тремя кусками черной кожи. Кожа посажена на клей и сзади по центру дополнительно скреплена нитками (шов грубый, прямо через край).

Прибор ножен: устье, обоймицы и наконечник – из серебра, декорированного в стиле эфеса. На устье с лицевой стороны установлено по вертикали семь камней бирюзы разной величины; огранка – кабашон. По низу устья шесть круглых гнезд, оформленных крученой проволокой. Такой же проволокой украшено и ребро устья на выпуклой стороне.

На обоймице закреплено пять камней бирюзы, образующих крест. На верхнем и нижнем краях по семь круглых гнезд. Наконечник был украшен десятью камнями бирюзы, осталось только шесть. Верх оформлен семью гнездами из проволочных кружков.

Устье и обоймица надеты на дерево встык с кожей, а наконечник – прямо на кожу. Кольца на устье и обоймице продеты в петли в форме бочоночков. Петли припаяны к пластинкам, а они уже – к ребрам деталей.

После турецких сабель вторую по численности группу составляют «сабли простые». У автора есть две версии относительно содержания этой краткой формулировки. В ряде документов «сабли простые» записаны после «сабель под серебром». Возможно, речь идет об оружии, при изготовлении которого не использовались дорогие материалы и отсутствовал какой-либо декор. Скорее же всего, под «простыми» понимаются сабли валового изготовления, состоявшие на вооружении легкоконных полков или конкретно малороссийских казачьих полков. Это ординарное, фактически штатное оружие, через термин «простое» противопоставляется оружию «штучному». Вторую версию подкрепляет и то обстоятельство, что в начале XIX в. подобные легкокавалерийские сабли стали называть «обыкновенными». Фактически перед нами два синонима – «простые» и «обыкновенные», разделенные десятью – двадцатью годами.

Таким же дискуссионным, как «сабли простые», остается вопрос и о «саблях черкесских». Сведения о них появляются в документах после переселения войска на Кубань. Перед нами дилемма: действительно ли речь идет о саблях или так казаки в то время называли шашки? Похоже, что слово «шашка» еще не было широко известно черноморцам, во всяком случае, в письменных источниках оно не употребляется. И это довод в пользу шашки. Стандартное описание этих сабель: «сабля черкесская с серебряными поясками» – никогда не встречается при описании других разновидностей сабель, да и сами «пояски» невольно наводят на мысль об узких шашечных обоймицах. В своем замечательном исследовании Э. Г. Аствацатурян сообщает об отсутствии сабель XVIII и XIX вв. среди коллекций черкесского оружия [37].

В то же время факт отсутствия черкесских сабель в музейных собраниях не может служить доказательством отсутствия их у адыгов вообще. Понятие «сабля, или шашка черкесская» в значительной мере условно (равно как и «казачья сабля») и может трактоваться не только как оружие, изготовленное адыгами (на чем и строится их атрибуция), но и как употребляемое ими. На отдельных рисунках европейских путешественников XVIII в. адыгские князья изображены с саблями. Есть свидетельство современника об «очень кривых саблях» абхазских старшин.

Екатеринославский казак. Х.-Г. Гейслер, 1793 г.

Малороссийский казак. Х.-Г. Гейслер, 1793 г. *Именно подобные сабли легкой кавалерии черноморские казаки могли называть «простыми» и «обыкновенными»*

В документах Персидского похода 1796 г. среди вещей полкового есаула армии подпоручика Ф. Филоновича упомянута «сабля местных народов». На этот титул могут претендовать три представленные здесь сабли (разумеется, список потенциальных претендентов тремя экземплярами не ограничивается). Слева – *грузинская сабля XVIII – начала XIX в. Сабля* справа *имеет клинок, морфологически близкий грузинским, да и клеймо на нем характерно для закавказских изделий. В отношении определения эфеса мы испытываем трудности, так как превалирующей версии у нас нет. Возможно, перед нами один из вариантов дагестанских зооморфных эфесов, хотя конструктивно он повторяет иранский тип.* Справа на стр. 31 – *классический иранский шемшир конца XVIII – начала XIX в.*

*В музее хранятся еще три грузинские сабли XVIII–XIX вв., две из них помечены клеймом «гурда». Военный историк В. Потто по поводу клинков «гурда» заметил: «Знатоки различают три рода гурды: это – Ассель (старая гурда), Гурда-мажар и Гурда-эль-мурза, отличающиеся друг от друга различными клеймами». Нам импонирует точка зрения неизвестного автора (инициалы «А. Б.») рукописи «Кавказские шашки», хранящейся в отделе оружия ГИМ. «Гурда» представляет собою тяжеловесную, широкую, плоскую полосу с тремя неглубокими долами (реже с двумя), идущими от самой рукояти. Тяжелый обух резко обрывается у пера... Такова «грузинская гурда» или «Гюрджи-гурда», как ее называют в горах... (далее автор описывает дагестанскую и хевсурскую гурды. – **Б. Ф.**).*

Что же касается клейм, о которых говорит Потто, то это очевидное недоразумение. Ведь гурда не есть произведение какой-нибудь фирмы: это особый вид шашек, ковавшихся в Дагестане в XVII и в XVIII вв. Их выделывали многочисленные оружейники, из которых каждый их метил клеймами на свой вид, сохраняя отличительные признаки гурды: челюсти и точки.

Ввиду того что гурда есть тип, и только тип, само собой понятно, что нельзя говорить о том, что данный клинок настоящая гурда или ненастоящая (конечно, если отбросить новейшие базарные подделки). Гурда может быть правильная или неправильная (точнее – типичная или нетипичная), хорошая или плохая. Она может быть перекована из генуэзского клинка или быть целиком кавказского изделия – но всякая гурда, выделанная в вышеуказанную эпоху в Дагестане, будет гурдой не поддельной, а настоящей».

С 1820-х гг. слово «шашка» не сходит со страниц войсковых документов, то есть оно уже прочно закрепилось в военной лексике казаков. И тем не менее сообщения о саблях черкесских по-прежнему встречаются. Не исключено, что в этом случае мы имеем дело с пресловутым «человеческим фактором», когда уровень образованности и эрудиции лица, составлявшего документ, творит с вещами удивительные метаморфозы.

Вот пример из тех лет. Начальник пограничного поста докладывает о захваченной у черкесов шашке и посылает ее в карантин. Чиновник карантина пишет уже об очищенной сабле. На аукционном торгу в Екатеринодаре речь вновь идет о шашке.

Попробуем все же сделать вывод. Да, представители черкесской знати продолжали носить сабли, которые играли, скорее всего, репрезентативную роль (как и у казачьей старшины), выполняя не столько боевую, сколько идеологическую функцию. А в походы и набеги они брали чаще всего шашки. Но «сабля черкесская», чтобы получить от казаков такое название, должна была обладать набором характерных и ярких черт, отличающих ее от других сабель. Но такой тип черкесской сабли действительно неизвестен.

Подобным ярким этническим маркером мог быть только «длинный нож», то есть шашка. По-видимому, ее и обозначали первое время привычным термином «сабля».

Подобный перенос термина был вполне типичным для того времени. Верхнюю плечевую одежду адыгов, известную нам под названием «черкеска», казаки называли, как и свою одежду, – свита, добавляя определение «черкесская» (одежду ногайцев – «свита ногайская», татар – «свита татарская»). Черкеской же именовали совершенно другой тип своей казачьей одежды [38].

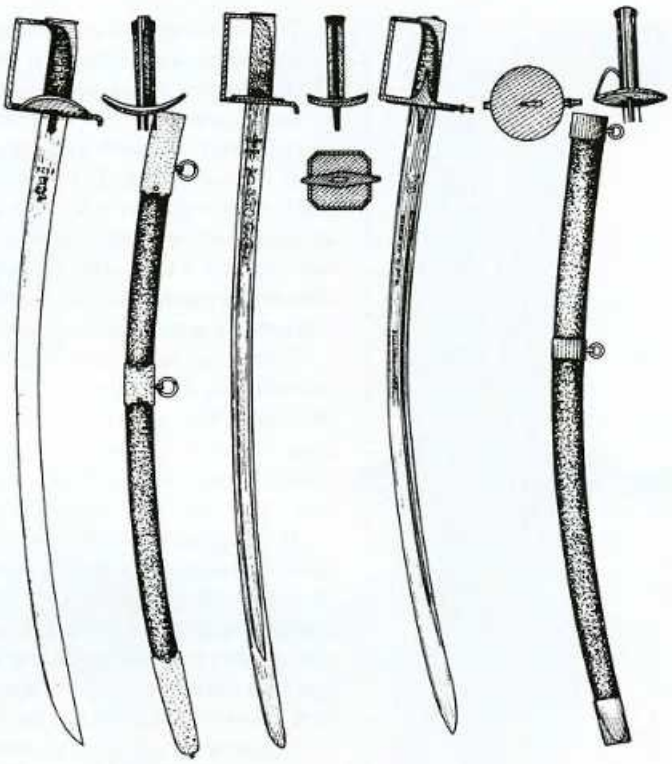
Все остальные разновидности сабель встретились нам в письменных источниках по одному разу. В эту группу, как ни удивительно, попала и «сабля польская». Зафиксирована она в документе 1802 г. Ее владелец участвовал в польском походе 1794 г., и тогда ему, вероятнее всего в качестве трофея, досталась сабля, которую В. Квасневич называет «костюшковка» [39]. Мы почти уверены, что «сабля арнаутская» представляет из себя балканскую саблю. Под названием «арнауты» нам известны албанцы, боснийцы, сербы, болгары, греки и представители других народов, служившие в турецкой и русской армиях.

Полной загадкой для нас (да и, вероятно, для автора документа 1802 г.) осталась «сабля в железных белых ножнах». Неудачей закончилась попытка атрибутировать «саблю кирасирскую», зафиксированную в документе 1801 г. в описи имущества войскового старшины Орла [40]. Возможно, речь идет о палаше или, что еще более вероятно и о чем есть упоминание в литературе, переделке из старого русского палаша. Еще более вероятно, что упомянута сабля, использовавшаяся, по предположению А. Н. Кулинского, в созданном Г. А. Потемкиным в 1790 г. кирасирском полку, расформированном после смерти князя. Хотя в «Инструкции о приеме оружия с казенных заводов» за 1810 г. указаны «сабли кирасирские и уланские».

В журнале Войсковой канцелярии за 1802 г. в имуществе умершего поручика Косовича отмечена «сабля малороссийская под серебром с позолотою» [41]. Уже не одно поколение украинских ученых пытается отве-

Кабардинский князь. Художник А. Орловский. 1816 г. *Как и на многих других рисунках этой эпохи, длинноклинковое оружие князя представлено саблей*

Польские боевые сабли-костюшковки второй половины XVIII в. (Квасневич В. Польские сабли. – СПб: Атлант, 2005.)

«Хотя данная сабля особенно характерна для времен костюшковского восстания, экземпляры, схожие с ней по форме, встречались в Польше ранее. На костюшковке неизменно монтировалась стальная замкнутая рукоять, перекрестье которой переходило в дужку, изогнутую в направлении головки под прямым углом. Почти до середины XVIII века у перекрестья были усы, пропущенные сквозь защитный щиток, но со второй половины этого столетия они стали редкостью; зато в то же время в нижней части стержня рукояти появился стальной перстень, крепящий планку на заднем ребре рукояти к хвостовику клинка. Стержни у старших по возрасту экземпляров были гладкими или обтянутыми гладкой кожей. На позднейших саблях, изготовленных во второй половине XVIII века, часто перед обтяжкой насекались поперечные бороздки. Вначале сабли иногда имели горизонтальные полукруглые дужки, игравшие роль гард, защищающих руку, но со временем эти дужки были заменены щитками (наличие которых стало обязательным), имевшими форму полукруга или прямоугольника со срезанными или прямоугольными углами (под конец века исчезли и они)». (*Квасневич В.* Указ. соч. – С. 67.)

тить на вопрос: что скрывается под понятием «украинская казачья сабля»? На Третьей Всесоюзной конференции историков оружия заведующий отделом Государственного исторического музея Украинской ССР В. А. Сидоренко сформулировал проблему следующим образом:

«В XVI в. встречается термин «козацкая сабля». Это были главным образом сабли иранского или турецкого типа... Пока очень трудно выявить особенности, которые вносили украинские мастера в изготовление этих сабель, а также и других видов оружия» [42].

Главный хранитель фонда оружия Львовского исторического музея Б. В. Мельник в одной из публикаций 1994 г. пришел к выводу, что «украинской казачьей сабли не существует не только как особенного морфологического типа, но и как предмета местного производства» [43]. Автор статьи «Сабля» в казачьей энциклопедии С. Ф. Плецкий признает, что тип украинской сабли пока еще точно неизвестен [44].

Историк-оружиевед Д. В. Тоичкин на основе изучения коллекций оружия украинских музеев, изобразительных и письменных источников пришел к следующим выводам [45]. Сущность понятия «украинская казачья сабля» он относит к числу острых и дискуссионных.

Исследователь обращает внимание на отсутствие свойственных исключительно Украине морфологических типов сабель. «Козацька шабля» – это понятие, которое объединяет разнообразные типы холодного оружия, распространенные на украинских землях. В XVII в. казацкими саблями фактически называли «гусарские карабелы».

Окончательное заключение ученого таково: «...про украинскую казачью саблю можно говорить в первую очередь как про оружие одного из распространенных в Украине морфологических типов, смонтированного местными мастерами-сабельниками, о деятельности которых свидетельствуют многочисленные письменные источники». Думаем, что это взвешенный подход, им можно руководствоваться и в поисках «русской сабли» XVI–XVIII вв.

Эфес сабли персидского типа работы украинских мастеров XVIII в. (из кн. Д. В. Тоичкина)

Но все-таки, как же казаки в 1802 г. идентифицировали саблю как «малороссийскую»? Вряд ли речь может идти об особенностях выковки и монтажа, скорее о стилистических и художественных. В любом случае какие-то характерные черты, позволявшие эрудированному современнику выделить отечественное производство, несомненно, были.

В своем труде Д. В. Тоичкин описывает саблю персидского типа, хранящуюся в фондах Харьковского исторического музея. Она была найдена на острове Чертомлык. Исследователь считает саблю работой украинских мастеров XVIII в. На эту мысль его наводят форма и стиль эфеса. В нем сочетаются иранские, балканские и турецкие оружейные традиции, которые нехарактерны для каждой из них отдельно.

Эфес – открытого типа, цельный, вылит из бронзы. Гарда простая, крестоподобная. Короткие концы крестовины имеют шарообразное окончание, верхнее плечо крестовины отломано. Перекрестие ромбовидной формы, шипы широкие. Оливкоподобное навершие подражает форме классического шамшира. Эфес покрыт растительным орнаментом в виде виноградных гроздьев и листьев.

В Краснодарском историко-археологическом музее хранится сабля (КМ-1764) с абсолютно идентичным эфесом. По странному стечению обстоятельств у него так же отломано верхнее плечо крестовины (и вдобавок оба шипа перекрестия). К описанию Д. В. Тоичкина добавим, что эфес отлит из двух половинок, довольно грубо спаянных латунью. Если украинский ученый не ошибся в своей атрибуции, то наша сабля (конечно, с другим клинком) прибыла на Кубань с каким-то черноморским старшиной.

Завершая обзор письменных свидетельств, упомянем четыре жалованные сабли. Атаману З. Чепеге и войсковому судье А. Головатому по одной сабле пожаловала Екатерина II и по одной – князь Г. А. Потемкин. О типе сабель князя не известно ничего. Царская сабля Чепеги была «осыпана дорогими каменьями». Судье Головатому императрица 14 апреля 1790 г. пожаловала золотую саблю. У нее была интересная и трудная судьба [46], в конце концов она оказалась за рубежом. Автор видел эмигрантский казачий журнал с фотографией этой сабли. Крайне низкое качество изображения не позволяет ее воспроизвести, о ней даже судить с уверенностью трудно. Более всего она похожа на гусарские сабли второй половины XVIII в. Видна планка на спинке рукояти, переходящая в слегка наклонную головку. Крестовина с перекрестием переходит в дужку под прямым углом. Прибор ножен состоит из устья, обоймицы и короткого наконечника.

Число известных автору изобразительных источников невелико. Мы сознательно исключили из их числа украинские народные картины «Казак Мамай», хотя в музейной коллекции среди них есть написанные уже на Кубани. Ведь народный живописец, следуя иконографической традиции, мог изобразить на картине типы сабель, давно уже вышедших из употребления. С другой стороны, он мог «сконструировать» полностью или частично фантазийные образцы, никогда не существовавшие в реальной жизни.

Таким образом, в нашем распоряжении остается лишь три репродукции, на которых хоть как-то видно оружие. Это портрет войскового судьи А. А. Головатого (1792 г.) кисти М. М. Иванова, «Наказание палками у черноморских казаков» Х.-Г. Гейслера (1801 г.) и «Черноморский казак» Е. М. Корнеева начала XIX в. Атрибуция оружия по изобразительным источникам – крайне ненадежное и рискованное занятие. Поэтому саблю, изображенную на портрете А. А. Головатого, мы осторожно назовем «саблей восточного типа». Подобный эфес приведен в труде Д. В. Тоичкина на странице 315. Очень похожие сабли мы встречаем на портретах донских старшин XVIII в.

Сабля «в восточном стиле» (КМ-1764). *Перед нами сборный экземпляр. Эфес идентичен эфесу сабли, найденной на острове Чертомлык. Гораздо более поздний клинок подобран к эфесу, хвостовик слишком далеко выступает за его габариты и не имеет резьбы для крепления*

Украинские народные картины «Казак Мамай» конца XVIII – начала XIX в. (из фондов КГИАМЗ)

...Эти картины представляют самобытный жанр живописи в изобразительном искусстве Украины XVIII в. До сегодняшнего дня остаются дискуссионными вопросы, связанные с прозвищем главного героя картин, временем их появления, семантикой образов и предметов. Приведем мнение Платона Белецкого: «Подвиги казаков и гайдамаков воспеты в народных преданиях: их изображения сельские живописцы создавали на стенах, дверях хат и ставнях, на ульях, а также в виде станковых картин маслом...

Не подлежит сомнению, что подобные картины писали и раньше, но все сохранившиеся относятся к концу XVIII и главным образом XIX веку, когда вольная жизнь в степях отошла в область преданий...

Фигура казака олицетворяет казачество... бандура – песню народа, его мечту, конь – его свободу, дуб – его силу...

Большинство картин имеют подписи. Слова, которыми они обычно начинаются: «хоть ты на мене глядишь, не угадаешь, как зовут, откуда родом, потому что у меня не одно имя, а есть их дочерта...» – пародируют текст эпитафий, помещавшихся на портретах казацких старшин...

«Мамаев» создавали цеховые иконописцы, получившие профессиональную подготовку в частной мастерской или «малярне». Создателями народных картин были также и самодеятельные сельские живописцы. Усложнение композиции, введение новых персонажей и сцен происходило под влиянием «вертепной интермедии» – украинского народного театра. Основой текста подписей становится монолог казака из подобных пьес».

(*Белецкий П.* Казак Мамай. – Л., 1975. – Вступительная статья к комплекту открыток.)

На рисунке Х.-Г. Гейслера «Наказание палками...» стоящий спиной к зрителю войсковой чиновник среднего звена вооружен легкокавалерийской саблей в железных ножнах. Как мы предположили выше, именно такие сабли в документах конца XVIII в. могли называть «простыми». Два крайних справа казака вооружены шашками.

Черноморский казак на рисунке Е. М. Корнеева имеет полный комплект вооружения, но идентифицировать оружие невозможно. Бросается в глаза пика, больше похожая на гарпун. Скорее всего, это «конструкт»

художника, но настораживает одно обстоятельство. На рисунке М. М. Иванова «Штурм Измаила» (1790 г.) в руках у черноморских казаков мы видим короткие пики с огромными, в треть длины, боевыми наконечниками; мало того, они граненые и сильно расширяются к древку. Про ружье можно сказать только лишь, что оно тяжелое и явно архаичное для своего времени. Сабля же, судя по крестовине с загнутыми в разные стороны концами и (как нам видится) отдельной металлической головкой, возможно, представляет из себя что-то похожее на «орлиную саблю» XVIII в.

Подведем предварительные итоги. В конце XVIII – начале XIX в. сабля не входила в разряд обязательного для казака оружия. Целый массив разноплановых источников подтверждает ее отсутствие на вооружении рядового казачества. Упоминание сабель в документах почти всегда связано с войсковыми чиновниками. По нашему мнению, сабля являлась ранговым знаком отличия казачьей старшины, репрезентативной, праздничной вещью. Отчетливо прослеживается пристрастие черноморских панов к саблям турецким или турецкого типа.

Попробуем представить вооружение черноморского казака той эпохи. «Вооруженность по штату» полагалась следующая: ружье, пистолет, пика. В годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. основным огнестрельным оружием черноморцев стало уставное оружие русской армии. Уже в январе 1788 г. войску передали 499 пар пистолетов, а в феврале доставили «карабины винтовальные и гладкие» [47]. Затем из Херсонского цейхгауза и отдельных полков армии поступают новые крупные партии карабинов. Установить, какие именно модели передавались казакам, не удалось.

Войсковой судья Черноморского казачьего войска А. А. Головатый. Художник М. Иванов. 1792 г. *(?)*

Антон Андреевич родился в 1732 г. (по другим данным – в 1744 г.) в местечке Новые Санджары Полтавской губернии. В 1757 г. записался в казаки Запорожской Сечи. Быстро продвигался по службе. После ликвидации Сечи в 1775 г. служил начальником земской полиции в Новомосковске. Был в числе бывших запорожских старшин, подавших в 1787 г. прошение Екатерине II об учреждении нового войска. В войске верных казаков стал войсковым судьей. Участвовал в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Возглавлял один из отрядов переселенцев на Кубань. В 1796 г. с двумя полками отправился в Персидский поход. Скончался 28 января 1797 г. на «Ленкоранском полуострове Камышеван» и там же был похоронен.

«Наказание палками у черноморских казаков». Х.-Г. Гейслер. 1801 г. Офорт с раскраской акварелью

Битье кием (длинная палка, утолщающаяся к одному концу) являлось одним из основных видов наказаний в Черномории конца XVIII – начала XIX в. Приведем пару свидетельств из документов тех лет. В 1794 г. войсковое правительство приговорило казака Болгарина за драку «наказать по обряду воинскому киями, дав сто один удар».

В том же году войсковое правительство рассматривало дело казака Левченко, укравшего четырех лошадей: «Приказали: казака Левченко за учиненную кражу... наказать по войсковому обряду киями, дав ударов сто один». В начале XIX в. к кию добавляются кнут и плети.

Черноморский казак. Художник Е. М. Корнеев. *Начало XIX в. Одежда казака: шапка-кучма, рубаха-голошейка, турецкая юпка (короткая куртка), опойковые (подбитые кожей) шаровары и юфтевые сапоги*

Портрет З. А. Чепеги кисти современного кубанского художника Г. Т. Квашуры

Пистолет кремневый балканской работы (Албания?) XVIII в. Замок типа «морлак» балканской подгруппы, яблоко рукояти удлиненной формы, заостренное.

Пистолет принадлежал атаману Черноморского казачьего войска Захарию Алексеевичу Чепеге, о чем свидетельствует владельческая надпись на стволе

Чепега Захарий Алексеевич (1725/1726–14.01.1797), кошевой атаман ЧКВ. Происхождение и место рождения точно неизвестны. В возрасте 24 лет записался на службу казаком в Запорожскую Сечь. Дослужился до полковника Протовчанской паланки. После ликвидации Сечи (1775 г.) находился в отставке. В ЧКВ возглавил конницу. 03.07.1788 назначен князем Г. А. Потемкиным войсковым атаманом. Активно ходатайствовал о выделении войску земель на Кубани. В октябре 1792 г. с первой сухопутной партией переселенцев достиг пожалованных земель Правобережной Кубани. Весной 1793 г. установил кордонную линию вдоль р. Кубани, в июне выбрал место для «войскового града», названного чуть позднее Екатеринодаром. В 1794–1795 гг. участвовал в походе против польских повстанцев.

Скорее всего, «новые» гладкоствольные и нарезные карабины являются кавалерийскими карабинами 1775 г. [48]. Упоминаемые в документах «бывшие в употреблении» карабины могут означать любой устаревший образец, снятый с вооружения регулярных войск. Ружья, очевидно, отпускались пехотные или драгунские. Пистолеты, вероятнее всего, принадлежали к группе так называемых сборных пистолетов, то есть собранных из отремонтированных частей пистолетов разных лет и конструкций. Во время войны их изготавливали в Кременчуге. Сделаны они были вполне добротно. Среди старшинского оружия очень часто упоминаются пистолеты «венетицкие», «виницкие» (возможно, речь идет о пистолетах из Венеции или вообще об итальянских).

С окончанием войны и переселением Черноморского войска на Кубань централизованные поставки армейского оружия прекращаются. Теперь ружья приобретаются на ярмарках и в торговых лавках. Как правило, это дешевые и посредственные ружья, отличающиеся большим разнообразием. До нас дошли сведения о наименованиях некоторых из них. И. Д. Попко писал о «терновках», «литовках», «арнаутках». По документам этих лет проходят еще «павловка», «бабакивка», «черноложка».

Судя по всему, «арнаутками» называли ружья балканского (а может быть, и вообще восточного) происхождения. Остальные названия, вероятно, происходят от имени мастера, торговца, места изготовления... По свидетельству В. А. Голобуцкого, «павловскими» ружьями широко торговали еще в Запорожской Сечи [49].

В XIX в. основным поставщиком оружия для Черномории становится Тула. Ружья поступают по трем каналам: войсковые заказы (чего никогда не было на сабли), ярмарочная торговля и розничная торговля в екатеринодарских лавках. В 1811 г. тульские мастера изготовили для лейб-гвардии Черноморской конной сотни пистолеты «на турецкий манер», а ружья «на манер черкесский» [50]. В мае 1813 г. Черноморское войско заключило с тульским оружейником И. Н. Бривиным контракт на изготовление 2034 длинноствольных «винтовых» ружей [51]. Принадлежали они к группе «сборных». В одном из документов сообщалось: «...замки не одного сорта, не подходят к ружьям и пистолетные».

Чтобы воссоздать цельный образ черноморца той эпохи, несколько слов о костюме. Подавляющее число казаков носили восточнославянскую народную одежду. В основной верхней одежде доминировали свиты. Повседневную одежду большинства казаков составляли сермяжные свиты, то есть шитые из домотканого некрашеного грубого сукна, преимущественно серого, коричневого и черного цветов. В одежде старшин и богатых казаков преобладает импортное сукно ярких цветов: синего, блакитного, желтого, зеленого (в источниках часто упоминается «аглицкая систа», «браславское сукно»). При возможности простые казаки старались пошить себе также «цветные» свиты, преимущественно синие. Часть казаков продолжала употреблять юпки – короткие куртки различного цвета, материала и происхождения.

В качестве дополнительной верхней одежды черноморские казаки использовали кожухи нагольные, кожухи крытые, шубы, серяки, киреи и бурки. Серяк – одежда для походов и непогоды в виде свиты с капюшоном – шился из грубого толстого сукна, обычно серого или коричневого цвета.

Лядунка – кавалерийская патронная сумка. Россия. Конец XVIII в. Кожа, латунь. Буквы «Х.К.П.» на крышке, возможно, означают «Харьковский конный полк».

Лядунку подарил Кубанскому войсковому музею в 1888 г. казак станицы Беломечетской Макеев. Семейная реликвия – «патронташ Хоперского полка» – принадлежала его прадеду

Ружье кремневое. Турция. Первая четверть XIX в. Сталь (дамаск), дерево, кость, медь, серебро, золото

Ружье кремневое. Турция. Вторая половина XIX в. Сталь (дамаск), дерево, белый металл

Ружье кремневое. Северо-Западный Кавказ. XIX в. Дерево, кость, сталь, серебро, золото

Рядовое казачество в качестве зимней верхней одежды использовало кожухи нагольные, то есть не покрытые материей овчинные шубы. Старшина и состоятельные казаки владели шубами, отделанными дорогим сукном и мехами. У войскового судьи А. А. Головатого были «шуба лисья под зеленым сукном с золотыми петлями» и «шуба волчья под красным сукном с золотыми петлями»; у прапорщика Сутыки – «полушубок, котовое нутро покрыто голубым сукном с обкладкою крымских сивых смушков».

Кирея, по мнению ряда исследователей, – одежда, аналогичная серяку, кобеняку. Но у черноморцев это явно праздничная одежда, пошитая из дорогого сукна. Бурки в тот период встречаются еще довольно редко. Их роль играют серяки. В тех случаях, когда в источнике указано происхождение бурки, она черкесская.

В штанах можно выделить три показателя: материал, цвет и тип. По материалу: «китаевые, парусовые, холстяные, бумажные, хрящевые, суконные»; по цвету преобладают серые, голубые, синие; по типу: штаны-шаровары и «штаны-портные».

Головные уборы: шапки-татарки, магерки, кучмы, чабанки, кабардинки, «шапки запорожские», «шапки круглые», малахаи, капелюхи, башлыки.

Попытки одеть казаков более-менее однообразно не увенчались успехом. За три года войны удалось пошить чуть больше двух тысяч кафтанов из сукна различных цветов. Достаточно уверенно можно констатировать наличие однообразной «форменной» одежды у немногочисленных казачьих канониров. 15 июля 1789 г. войсковой пушкарь Бакир рапортовал о наличии при артиллерии 228 канониров, из которых было «обмундировано 152 человека привезенным из Херсона красным сукном кафтанами».

Ружье кремневое (курок утрачен). Россия. Дагестан. XVIII в. Сталь (дамаск), дерево, золото, белый металл, кость

Ружье кремневое. Дагестан. XIX в. Сталь, дерево, белый металл, дерево, кость

Пистолет кремневый. Россия, Тула. 1740-е гг. Сталь, серебро, дерево

Две пороховницы и натруска XVIII–XIX вв. Дерево, железо, латунь, кость, рог. Верхняя пороховница сердцеобразной формы – турецкой работы. По ребру второй (круглой) пороховницы проделаны цилиндрические углубления, в которые туго посажены пули, обмотанные плотной тканью

Ситуация с одеждой рядовых казаков вполне ясна и может уточняться лишь в частностях. Сложнее определиться с офицерами. Часть казачьей старшины имела армейские чины, и не совсем ясно, носили ли они какую-либо унифицированную одежду. По мнению некоторых дореволюционных историков, казачьи офицеры «нашивали на свои кафтаны те именно галуны, какие полагались для мундиров этих чинов в войсках регулярных».

Действительно, в описях одежды старшин мы часто встречаем свиты, обложенные штабским или полуштабским позументом. Но в документе 1797 г. нам встретилось интересное сообщение о наличии у секунд-майора И. Великого «коротенькой морской свиты» и «платья конного». То есть какие-то попытки регламентировать обычную бытовую одежду по родам войск имели место. Тем не менее говорить о существовании форменной одежды у офицеров Черноморского войска еще преждевременно, пока не появятся дополнительные серьезные факты.

Но вернемся к холодному оружию. Первое свидетельство о вооружении казаков саблями относится к 1811 г., и связано оно с формированием лейб-гвардии Черноморской конной сотни. 18 мая 1811 г. военный министр отправил херсонскому военному губернатору Дюку де Ришелье предписание о выборе в число гвардии сотни конных казаков «из лучших людей... и потребного числа офицеров из отличнейших людей» [53].

Де Ришелье, хорошо знавший ситуацию в Черномории, прекрасно понимал, что сами казаки не смогут обзавестись необходимыми образцовыми вещами. Кроме, можно сказать, перманентной проблемы с деньгами существовала еще одна: в Черномории не производили да и не продавали требуемые предметы вооружения и снаряжения. Уже 24 мая губернатор в рапорте к военному министру Барклаю де Толли предложил: «Сукны красное и синее на кафтаны и волтрапы, для единообразного вооружения карабины, пистолеты, сабли, шпоры, гербы к подсумкам... по примеру донских ка-

Пистолет кремневый. Россия (?). Середина XVIII в. Сталь, бронза, серебро

заков отпустить из казны» [54]. Однако министр рассудил иначе и 2 июня сообщил Ришелье: «...снабжение сотни той мундирными и амуничными вещами, ружьями, пистолетами, саблями ...не принадлежит до комиссариата, но напротив, нижние чины в состав сотни назначенные, обязаны все то иметь от себя или от войска...».

Учитывая ситуацию, де Ришелье отдает распоряжение: ружья, пистолеты и сабли выбирать в войске. Атаман Черноморского войска Ф. Я. Бурсак посылает всем полковым командирам следующий приказ: «Предписал вам из полка вашего выбрать ружей, сабель, пистолетов, кои должны быть у казаков ...и чтобы ружья были черкесские или турецкие, мерою недлинные, сабли, пистолеты турецкой работы... Тем людям, у кого оные взяты будут, заплатятся из войска следуемые суммы» [55].

Сбор оружия в полках закончился полным фиаско. В рапортах полковых командиров речь идет буквально о единицах ружей и сабель, в большинстве полков сабель вообще не нашлось. Цена турецких сабель от 5 до 25 руб. [56]. Чтобы спасти положение, от войска для закупки оружия командировали в Тулу зауряд-есаула Федота с 5000 руб.

Сведения об оружии Черноморской гвардейской сотни содержатся в одном архивном документе 1846 г. Именно тогда в Черноморском войске подготовили описания и рисунки формы обмундирования казаков с 1801 по 1825 г. для внесения в планируемое издание по истории одежды и вооружения российских войск. Таким образом, мы имеем дело не с первоисточником, а с ретроспективным свидетельством, отстоящим от описываемых событий на 30 лет. Нам оно представляется надежным. В 1846 г. еще были живы участники описываемых событий, и наверняка, у кого-то из них сохранились образцы оружия и снаряжения.

Что говорится в этом документе по интересующему нас вопросу? Сабля офицерская: «Тульской работы с желтым эфесом, гайкою и наконечником, ножны деревянные, обтянутые черным хозом». Сабля казачья: «Таковая

Натруска и две пороховницы XVIII–XIX вв. Дерево, кожа, кость, серебро

же, но только погрубее и тяжелее» [57]. Портупея у офицеров из красного сафьяна с серебряным прибором, у казаков – с медным.

Дополнив это более чем краткое описание изобразительными источниками (напомним, что в их основе лежат рисунки, подготовленные в Черноморском войске), мы можем предположить, что саблю гвардейских казаков туляки изготовили по образцу легкокавалерийской сабли конца XVIII в. В это время на вооружение русской кавалерии уже поступила сабля образца 1809 г., и вполне возможно, зауряд-есаул Федот сумел купить сабли для казаков из старых запасов Тульского оружейного завода. Не исключен подряд на изготовление сабель у тульских мастеров или на частной фабрике.

Описывая русскую легкокавалерийскую саблю образца 1798 г., А. Н. Кулинский указывает, что латунными могли быть металлические части эфеса офицерских сабель [58]. Поэтому мы склонны считать, что указанный в цитированном выше документе «желтый эфес» относится лишь к саблям казачьих офицеров. Казаки, конечно же, имели на клинках сабель стальные эфесы; это подтверждают и рисунки, на которых изображены сабли в стальных ножнах с двумя гайками с кольцами и башмаком.

Приведем подробное описание легкокавалерийской сабли образца 1798 г., хранящейся в фондах КГИАМЗ (быть может, она из заказа 1811 г.?). Клинок стальной, слегка искривленный, однолезвийный, с одним широким долом, нижний край которого проходит по центру клинка. Толщина обуха у эфеса 5,2 мм, у острия – 2 мм; изгиб – 50/400 мм. Клинок сварен из двух полос; небрежность ковки видна на выщербинах и местах коррозии лезвия, где клинок раздвоился до 1 мм.

Эфес состоит из рукояти и гарды. Рукоять деревянная, покрыта черной кожей, с поперечными желобками. Их форма и способ изготовления не соответствуют технологиям XVIII – начала XIX в. Желобки выполнены на деревянном черене, а в то время желобковатость достигалась за счет обмотки черена шнурком. Кожа чрезмерно тонкая, эластичная, с ясно различимыми ворсинками (скорее всего, спил). Все это вместе взятое свидетельствует о том, что рукоять есть реконструкция гораздо более позднего времени.

Ружье кремневое. Турция. Середина XIX в. Дерево, сталь, латунь

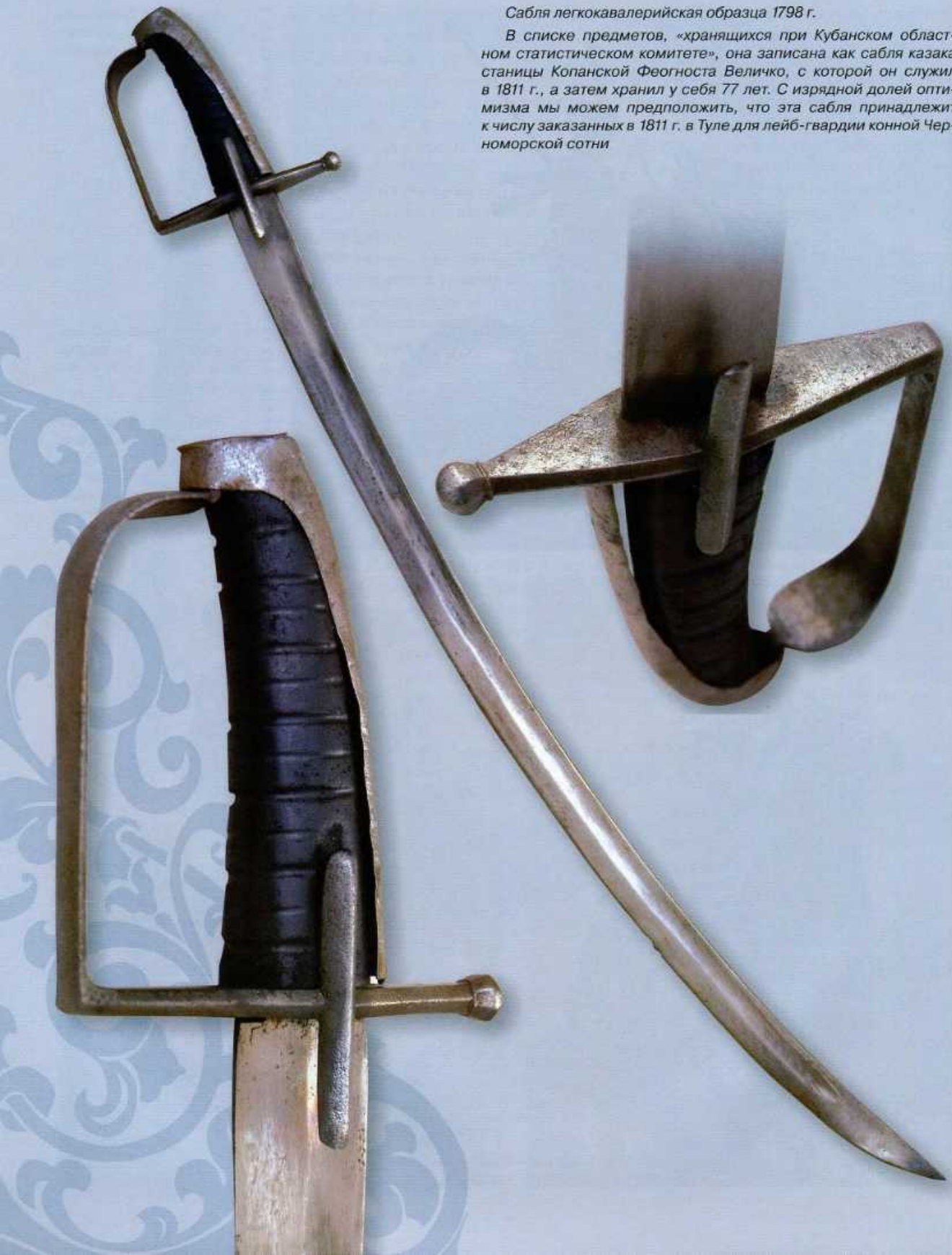
«Казаки в сражении». Раскрашенная гравюра К. Ф. Леваше по оригиналу К. Верне. 1810-е гг.

Унтер-офицер л.-гв. Черноморского эскадрона. 1813–1816 гг. (по А. В. Висковатову)

Рядовые л.-гв. Черноморского эскадрона. 1815–1816 гг. (по А. В. Висковатову). *На обоих рисунках гвардейских казаков видна легкокавалерийская сабля образца 1798 г.*

Сабля легкокавалерийская образца 1798 г.

В списке предметов, «хранящихся при Кубанском областном статистическом комитете», она записана как сабля казака станицы Копанской Феогноста Величко, с которой он служил в 1811 г., а затем хранил у себя 77 лет. С изрядной долей оптимизма мы можем предположить, что эта сабля принадлежит к числу заказанных в 1811 г. в Туле для лейб-гвардии конной Черноморской сотни

Сабля легкокавалерийская образца 1798 г.

Спинку рукояти покрывает металлическая планка, переходящая в головку. В развертке планка представляет букву «Т» с прямоугольным шипом в нижней части. После придания нужной формы на оправке верхние концы планки были спаяны латунью (причем шов проходит не по центру, а несколько сбоку), а сверху припаяна тонкая (0,5 мм) пластинка-навершие, закрывающая головку.

Гарда состоит из крестовины с перекрестием и передней дужки. Конец крестовины шаровидный, слегка уплощенный по четырем сторонам, что дает в сумме восемь граней. К перекрестию крестовина расширяется до 27 мм. Перекрестие – в виде прямой граненой планки, слегка врезано в ребра крестовины и спаяно с ней латунью. С внутренней стороны крестовины чуть выше отверстия для хвостовика выбито углубление прямоугольной формы под шип планки.

Далее от крестовины под прямым углом отходит передняя дужка (они выкованы из одного куска стали), которая, расширяясь от 10 мм снизу до 22 мм в верхней части, завершается изогнутым шипом, входящим в головку. Сечение дужки в форме уплощенного треугольника (плоская сторона, естественно, с внутренней части). Клинок крепится в эфесе за счет расклепки хвостовика прямо на головке.

Размеры: общая длина 860 мм, длина клинка 730 мм, ширина – 30 мм, центр тяжести – в 190 мм от эфеса.

Следующее свидетельство о поступлении сабель на вооружение черноморских казаков относится к Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. От Черноморского войска на театр военных действий командировали 9-й пеший полк подполковника Паливоды. Казаки поступили в состав Дунайской гребной флотилии и на «канонерских баркасах» занимались перевозкой войск и грузов, участвовали в ряде сражений.

Фактически уже после окончания войны, 30 августа 1812 г., новый командир полка подполковник Матвеев в рапорте своему непосредственному начальнику капитану Попондопуло писал: «Сей полк, продолжая здесь службу бессменно шестой год, лишился последнего обува и одеяния, а с получаемого в год 12-ти рублевого жалованья ...никак себя исправить ни в чем не могут... Ныне же по власти господина главнокомандующего Дунайскою армиею должны люди иметь у себя каждой – сабли, каковых я хотя и получил часть, а других только полосок без ножен с доставшихся от пленных турок, но во оных нет никаких исправностей... Покорнейше прошу о окипировании сего полка обувою и одеянием по числу 310 человек, а саблями по числу 160 человек на щет Черноморской войсковой суммы» [59].

Из текста документа не вполне ясно, все ли из 150 полученных сабель турецкие. Выдача требуемых еще 160 сабель вряд ли состоялась, так как поставка чего-либо за войсковой счет порождала столь обширную переписку, что хотя бы часть документов отложилась в войсковом архиве. К тому же и переписываться уже было некогда – полк перебросили на войну с Наполеоном.

Кардинальные изменения в вооружении казаков произошли в 1816 г. Еще в начале 1814 г. атаман Ф. Я. Бурсак, желая достичь единообразия в одежде казаков и придать им вид людей военных, ходатайствовал перед херсонским военным губернатором Дюком де Ришелье о выработке и утверждении образцового мундира и амуниции. Губернатор 8 апреля

ответил: «Я представляю это опытности Вашего превосходительства и прочих главных чиновников вверенного вам войска». Новую форму разработали чрезвычайно быстро, и уже 18 мая ее описание и четыре рисунка отправили в Херсон.

В отношении белого оружия в проекте говорилось следующее. Для офицеров конных полков: «Сабля обыкновенная на поясе черного сафьяна, шитого серебром, с серебряными пряжками и крючками, поверх пояса шарф»; для нижних чинов: «Сабля обыкновенная на поясе черного ремня, простроченного белыми нитками, с медными пряжками». Пешие полки: «Сабля и пояс к оной такие, как у конных» [60]. Что же понимали «главные чиновники» войска под «саблей обыкновенной»? Скорее всего, легкокавалерийскую саблю образца 1798 г. Для нас сейчас это не суть важно, так как никто и не стал выполнять приказ де Ришелье от 24 июня 1814 г. о заведении новой формы. Когда в феврале 1816 г. новый военный губернатор граф Ланжерон потребовал отчет о выполнении распоряжения своего «предместника», то Войсковая канцелярия с изумлением обнаружила, что за два года она не получила ни одного донесения из полков.

Тем временем в Петербурге были изготовлены и 11 февраля 1816 г. высочайше утверждены образцовые мундиры. 22 июня все образцовые вещи из столицы отправили в Кременчугское комиссариатское депо, где их получил хорунжий Летевский. Он доставил вещи в Екатеринодар и 29 ноября сдал на хранение войсковому казначею. При осмотре «образцовых вещей» оказалось, что среди них нет ни одной новой. Все они уже «были в употреблении» и к тому же «крепко поедены мулью». Две доставленные сабли имели погнутые ножны.

В самой первой описи обе сабли записаны как сабли Черноморской конной артиллерии [61]. Дело в том, что 11 февраля было утверждено описание обмундирования для конно-артиллерийских рот войска Донского, распространенное затем с небольшими изменениями и на черноморских артиллеристов. В документах начальника Главного штаба, военного министра, херсонского военного губернатора речь всегда идет о высочайше утвержденных 11 февраля «мундирах для нижних чинов лейб-гвардии Черноморского эскадрона, Черноморской конной и пешей артиллерии и Черноморским казакам». Но сами вещи были, а описания нет. И в Черномории пользовались описанием, присланным из войска Донского: «Сабля железная, эфес с двумя дужками, ножны с двумя кольцами без обручей, портупея красной юфты на трех кольцах с тремя железными пряжками, аметр (воронкообразное гнездо для пистолета с левой стороны портупеи. – *Б. Ф.*) черной юфты» [62].

Мы просмотрели работы А. Н. Кулинского, В. Г. Федорова, Е. Молло, но не смогли найти среди русского оружия того времени саблю с двумя дужками [63]. Очевидно, перед нами описка или же составители документа вовсе не учитывали столь обычную переднюю дужку. Во всех последующих документах Черноморского войска речь уже идет о сабле с тремя дужками. Вне всякого сомнения, в 1816 г. на вооружение Черноморского казачьего войска поступила легкокавалерийская сабля образца 1809 г. В фондах КГИАМЗ хранится пять сабель этого образца. При всей своей похожести и узнаваемости они несут весьма существенные различия в деталях. Опишем подробно одну из них (КМ-984).

Клинок изогнутый, с одним широким долом, однолезвийный, хотя боевой конец сведен почти на лезвие. У эфеса толщина обуха 8,3 мм. Пята очень небольшая, около 7 мм.

Сабля легкокавалерийская образца 1809 г. (КМ-984)

Сабля легкокавалерийская образца 1809 г.

Обращаем внимание на щиток с внутренней стороны крестовины; очевидно, перед нами вариант для уланских полков

Сабля легкокавалерийская образца 1809 г. Боковые дужки утрачены. Сабля, очевидно, использовалась и без них, о чем свидетельствуют аккуратно обработанные места стыка дужек с крестовиной. На черене хорошо видны головки деревянных шпилек, фиксирующих обмотку

Эфес состоит из рукояти и гарды. Деревянная рукоять была покрыта кожей, от которой сохранились лишь мелкие фрагменты под планкой; в настоящее время выкрашена черной краской. Спинку рукояти покрывает планка, переходящая в головку; сверху на нее наложено тонкое навершие (1 мм), на ней ромбическая шайба 3 мм толщиной, на которой и расклепан хвостовик клинка. Нижнюю часть рукояти обрамляет узкое тонкое (0,5 мм) кольцо, удерживающее планку и предохраняющее низ рукояти от повреждений.

Гарда образована крестовиной и тремя дужками – передней и двумя боковыми. Наибольшая ширина крестовины 24 мм. Передняя дужка отходит от крестовины под прямым углом, имея ширину 12,3 мм, затем на уровне верхней дужки резко уступом расширяется до 20 м и заходит в специальный паз, сделанный в головке. Для этого край дужки выбран полукругом (по форме рукояти), а в центре оставлена загнутая вверх крепежная лапка, упирающаяся в головку.

Крепление боковых дужек к передней осуществлено в шип. Для этого на передней дужке путем надруба были выполнены клиновидные шипы, а в боковых дужках – соответствующие им по форме пазы. Скреплены дужки кузнечной сваркой. В верхней изогнутой части передней дужки пробито прямоугольное отверстие длиной 16 и шириной 4 мм. На гарде остались явные и грубые следы кузнечных инструментов и тисков.

Ножны стальные, с устьем и фигурным башмаком. «Обручей» действительно нет. К ребру ножен прикреплены две узкие (9 мм) прямоугольные пластинки длиной 40 (нижняя) и 50 (верхняя) мм. К ним припаяны ушки для колец цилиндрической формы с внутренним диаметром 6,2 мм.

Размеры: общая длина 980 мм, длина клинка – 835, ширина – 36, толщина обуха – 8,3 мм, изгиб – 40/470 мм, центр тяжести – в 180 мм от эфеса.

Мы уже упоминали, что все пять сабель образца 1809 г., хранящихся в фондах музея-заповедника, имеют видимые на глаз отличия. Однообразно и качественно выглядят клинки. Различия в размерах вполне укладываются в границы допусков валового производства. Наибольшее различие в длине клинков равняется 30 мм, в изгибе – 10 мм. Гораздо более разнообразны эфесы. У одной из сабель крестовина с левой стороны расширяется, образуя овальный щиток для защиты большого пальца. По-разному оформлены концы крестовины, сильно – до 8 мм – разнится ширина передней дужки в верхней части, а также сама форма перехода от узкой к широкой части дужки, форма и угол загиба крепежной лапки, степень изогнутости боковых дужек, сечение крестовины и дужек.

На трех саблях повреждена кожа рукояти и видно, что обмотка черена производилась по-разному и различной толщины шнурком. На одной рукояти использован любопытный способ фиксации: в черен вбиты клиновидные деревянные гвоздики. Причем у крестовины они начинаются у самой планки, затем идут по диагонали, и последний гвоздь вбит у головки по центральной осевой брюшка.

Все эти отличия объясняются условиями, в которых проходило вооружение. У казаков, как всегда, не было средств, да и сами образцо-

вые вещи в продаже отсутствовали. Войсковая канцелярия потребовала от куренных атаманов, земских начальников, полицейских экспедиций, сельских полиций «сильнейше понуждать» казаков приобретать установленные форменные вещи. Эта мера не дала ничего. Тогда обмундирование и вооружение казаков особым указом возложили «на попечение полковых командиров». Последние начали «выбивать» с казаков деньги, брать их под залог в той же канцелярии «из разных сиротских сумм». Но дальше они действовали по-разному.

Командир 3-го конного полка войсковой старшина Стринский собирался кожаные вещи заказать в Москве, а железные и медные – в Туле и «наипаче как в казенных заводах по прочности оных». Командир полка Герк намеревался выбрать подрядчика в Черкасске, Стороженко – в Малороссии. Но большинство командиров обратились к уже известному им тульскому купцу и оружейнику Лентяеву. Наверное, при столь обширном заказе у Лентяева в Туле имелись субподрядчики. Войсковой полковник Порохня купил у того же Лентяева 100 сабель на собственные деньги, а потом взыскивал их с казаков.

С 1817 г. туляки стали привозить сабли для продажи в Екатеринодар. Подряды у туляков делали и казачьи артели через своих артельщиков. Отдельные командиры посылали в Тулу и Москву своих офицеров для приобретения форменных вещей за наличные деньги. Вскоре таких же чиновников с деньгами стала посылать Войсковая канцелярия. Наконец, стали делаться и войсковые закупки с переводом денег через Тульскую почтовую контору. Таким образом, оружие, приобретаемое у торговцев, заказываемое мелкими партиями у разных тульских мастеров, неизбежно должно было отличаться деталями от эталонного образца.

Стоимость сабли с портупеей в этот период составляла от 15 до 20 рублей (для сравнения: пика – 3,50 руб.). Интересно, что по документам сабля проходила в категории «прибор к мундирам» вместе с другими амуничными вещами. При отпуске предметов вооружения и снаряжения в казачьи сотни употреблялись выражения «конный прибор» и «пеший прибор». В последнем отсутствовали сабля и пистолет.

Примерно в эти годы в Черноморию прислали «Инструкцию о приеме оружия с казенных заводов» за 1810 г. [64]. Белому оружию полагалось быть сходным с образцовым, иметь хорошо закаленные и чисто выполированные клинки. Клинок не мог быть длиннее или короче на 2/10 дюйма, у́же или шире – на 1/10. «Для проверки закалки гнуть и клинок должен выпрямиться, рубить сухое дерево 3-мя ударами с дополнительною силою и ударить 3 раза плашмя по доске. Если лезвие клинка заворотится, либо искривится или захлябится в эфесе – не принимать. Эфес по образцу, без трещин, шрамов, чисто выполирован».

Не успели черноморские казаки обзавестись саблями 1809 г., как в 1817 г. последовало утверждение нового образца легкокавалерийской сабли. Нам не удалось обнаружить приказ о ее введении в Черноморское казачье войско. Вероятно, она входила в употребление постепенно в течение нескольких лет. Первоначально русские оружейники работали на регулярную кавалерию, снабжая черноморцев некоторое время саблями старого образца из своих запасов. Затем полностью перешли на новый и стали, как обычно, продавать новые сабли и принимать на них подряды.

Опишем две сабли, относящиеся к этому образцу. Клинок первой из них (КМ-999) стальной, искривленный, однолезвийный, с одним широким долом. На правой стороне клинка в 30 мм от эфеса выбиты буквы «G» в кружке, «М» и «Э»; цифры «5» в кружке, «1» и «3». На обухе надпись иглой «Златоустъ марта 1832 года».

Сабля кавалерийская солдатская образца 1817 г. для уланских полков (КМ-999).

С этой саблей в 1830-е гг. служил казак станицы Кисляковской Иосиф Рец. В музей поступила в 1888 г.

Сабля кавалерийская офицерская образца 1817 г. (?). (КМ-975)

Эфес состоит из рукояти и гарды. Гарда образована крестовиной и тремя дужками – передней и двумя боковыми. Передняя дужка полукруглой формы (в отличие от прямой образца 1809 г.) плавно переходит в крестовину, которая с левой стороны имеет слегка изогнутый щиток в форме полуовала для защиты большого пальца. Верхний конец дужки крепится к головке, нижний – слегка загнут к обуху клинка.

Деревянная рукоять покрыта черной кожей, имеющей желобковатый вид за счет обмотки деревянной основы шнурком. Спинка рукояти покрыта металлической планкой, переходящей в головку. Венчает конструкцию ромбическая шайба толщиной 4,5 мм, на которой и расклепан хвостовик.

Ножны стальные, с двумя гайками с кольцами и башмаком. Сами ножны и прибор к ним спаяны латунью.

Размеры: общая длина 1020 мм, длина клинка 870 мм, ширина клинка 33 мм, толщина обуха у эфеса 9 мм, центр тяжести – в 170 мм от эфеса.

Сабля кавалерийская офицерская (?) образца 1817 г. (КМ-975). Клинок слегка изогнутый, однолезвийный, однодольный. Обух плавно сходит с 8,5 до 1 мм, за счет чего боевой конец приобретает овальную форму. Пята небольшая, приблизительно 5 мм.

Эфес состоит из гарды и рукояти. Гарда образована крестовиной и тремя дужками – передней и двумя боковыми. Передняя дужка плавно переходит в крестовину, которая с внутренней стороны раскована на овальный щиток, загибающийся к рукояти, конец крестовины – в виде волютообразного завитка, наклоненного к обуху. Передняя дужка имеет круглое сечение (диаметр 7 мм), боковые дужки с внутренней стороны плоские, с внешней – выпуклые.

Рукоять деревянная, обтянута черной кожей, желобковатая заметно утончается к головке. Спинку покрывает узкая (14 мм) планка, переходящая в головку. С внутренней стороны в головке сделан П-образный вырез, за который крепится конец передней дужки (для этого в ней, в отличие от образца 1809 г., сделана специальная прорезь). Верх головки оформлен, как на солдатском образце: тонкое плоское навершие, выступающее за пределы головки на 1,5–2 мм, и ромбическая шайба, на которой расклепан хвостовик. Низ рукояти обрамлен кольцом шириной 6 мм.

Размеры: общая длина 910 мм, длина клинка 775 мм, ширина клинка 25 мм, толщина обуха 8,5 мм, центр тяжести – в 140 мм от эфеса.

Судя по щиткам с внутренней стороны крестовины, обе сабли выполнены по образцу кавалерийских сабель для уланских полков.

Выскажем свое мнение относительно легкокавалерийских сабель образца 1809 и 1817 гг. в контексте вооружения ими Черноморского войска. Обязать казаков заводить себе подобное оружие было решением весьма непродуманным. На наш взгляд, это неподходящий образец для иррегулярных войск. Впрочем, и офицеры регулярной армии были не в восторге: «Принятая у нас для легкой кавалерии сабля в железных ножнах не удовлетворяет своему назначению: она ломка, тяжела, лезвие легко притупляется в металлических ножнах, вися низко. Она оттягивает поясницу всадника, бьет по ногам лошадь на быстрых аллюрах, производит шум,

А. Ф. Бурсак (1782–1825) – первый командир «лейб-гвардии конной Черноморской сотни». Старший сын войскового атамана Федора Яковлевича Бурсака Афанасий был записан на службу казаком в 14 лет и быстро дослужился до чина полковника. С 1808 г. – адъютант у военного министра графа А. А. Аракчеева, с 1810 г. – у М. В. Барклая де Толли. В 1811 г. назначен командиром Черноморской гвардейской сотни. С 01.01.1813 по 25.06.1818 состоял вместе с сотней в конвое Александра I. В 1818 г. переведен в Черноморию, где нес службу на кордонной линии в должности командира 2-го конного полка. 28.03.1825 покончил жизнь самоубийством, бросившись в р. Кубань. Похоронен на Елизаветинском кладбище. Место гибели А. Бурсака в народе прозвали «Бурсаковскими скачками» (портрет А. Ф. Бурсака хранится в музее лейб-гвардии Казачьего полка в Курбевуа под Парижем)

Л. Е. Дмитриев-Кавказский. *«Казачья вышка». Автотипия. 1887 г. Судя по форме казаков и пикам в их руках, художником изображен пост на Черноморской кордонной линии*

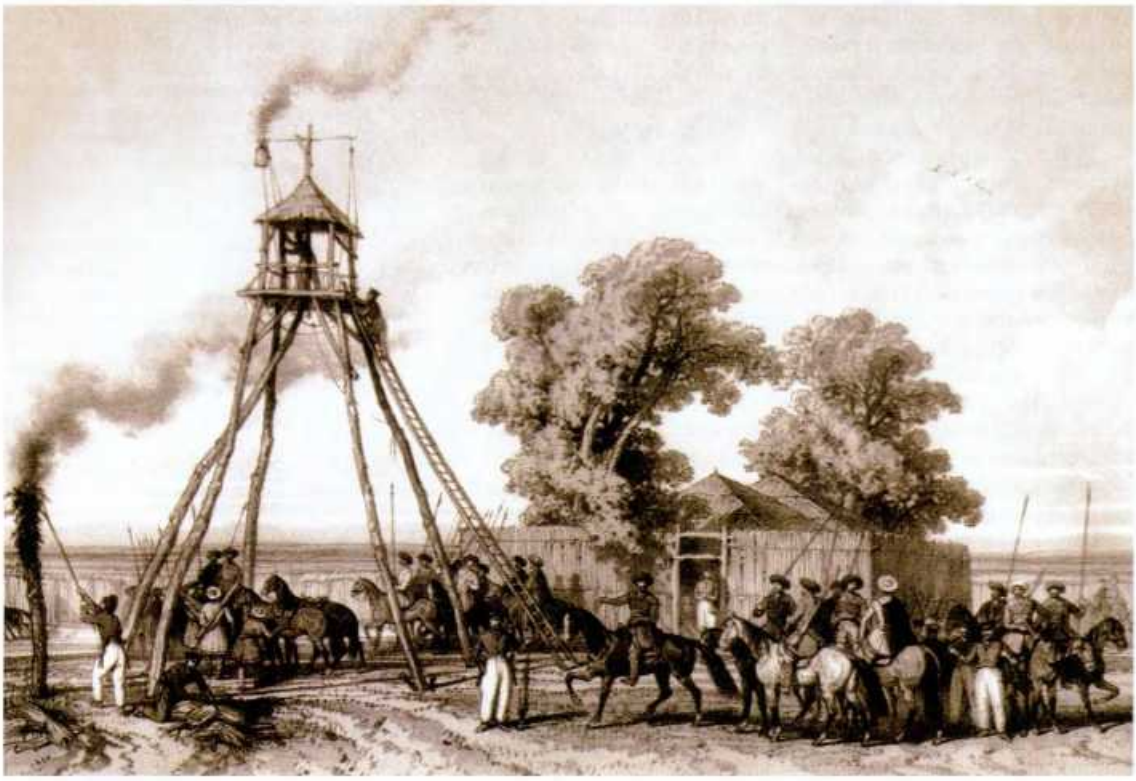
В литературе мы встретили свидетельство о том, что данный рисунок (под названием «Казачий пост: черкесы приближаются») выполнил французский художник Муане, сопровождавший А. Дюма в его поездке на Кавказ.

Пост представлял собой простое земельное укрепление в виде четырехугольного редута, нередко с бастионами. Был окружен небольшим рвом и земляным валом. На крону бруствера выкладывался гребень из терновника, по контрэскарпу – колючий боярышник. В лесистых местах на вал устанавливали деревянные пали. Пост вмещал от 50 до 200 казаков и был вооружен разнокалиберными орудиями.

который заглушает команду; кроме того, шум от сабли не дозволяет скрытых движений, так как он всегда преждевременно возвестит неприятелю о приближении кавалерии (во избежание чего сабли нередко обматывают соломой)».

Но если в регулярной кавалерии, действовавшей в сомкнутом строю, такая сабля более или менее успешно могла применяться, то для казаков она стала малоэффективным и, мало того, обременительным оружием. Тяжелый длинный клинок, тяжелый асимметричный эфес, норовящий провернуться в руке, тяжелые бряцающие ножны – уже одного этого достаточно, чтобы быстро и бесславно погибнуть под молниеносным налетом черкес.

Оценивая достоинства казачьего и черкесского оружия, известный историк черноморцев П. П. Короленко писал: «Черкесы острыми шашками перерубывали стоящую бурку, казаки тупыми саблями могли только огурцы рубить» [65]. Акцентировав внимание на слове «тупые», историк ушел от ответа о причинах этого явления. Дело не в качестве стали (тульская, а затем златоустовская клинковые стали были отменного качества) и не в плохой заточке, а в отсутствии заточки вообще. Объясняется этот парадокс следующим образом. В Черноморском войске не было устойчивой традиции употребления в бою холодного клинкового оружия, да она и не могла возникнуть вследствие отсутствия такового. Вооружение саблями, начатое в 1816 г. (а фактически с 1817 г.), так никогда и не завершилось. Тяжелое материальное положение, неудачный образец холодного оружия, его малопригодность (или даже ненужность) на кордонной службе заставляли многих казаков уклоняться от приобретения сабель. Казаки, имевшие сабли, нередко не брали их на пограничную службу (часто с разреше-

ния начальства), а если и брали, то, отправляясь в секреты и заложи, оставляли в постах. Материалы проверок несения службы на Черноморской кордонной линии подтверждают, что такое положение дел было не эпизодическим, а постоянным и массовым. Ну а если сабли не брали на боевое дежурство, то и затачивать их не имело смысла.

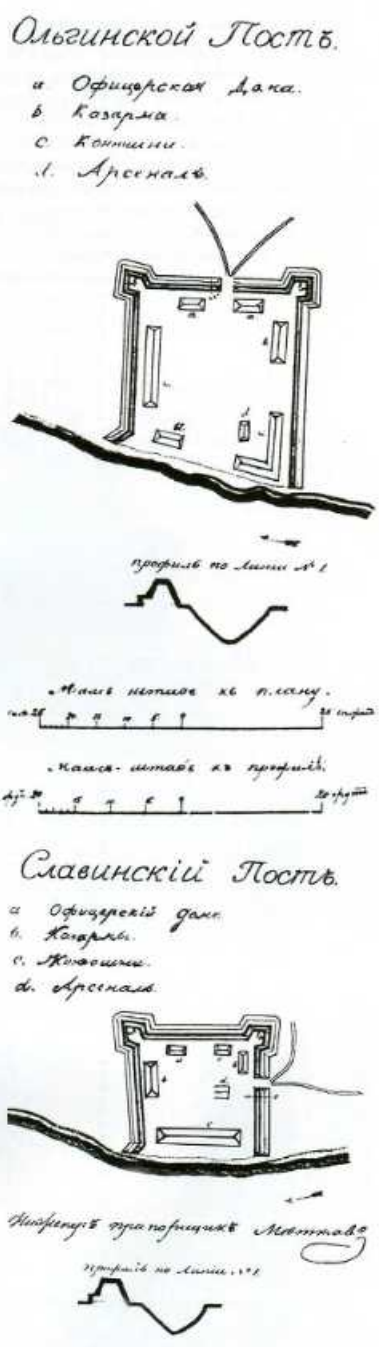
Приведем несколько примеров. В 1820 г. 1-ю часть кордонной линии осмотрел «походный атаман донских казачьих полков в Грузии и на Кавказской линии расположенных» генерал-майор М. Г. Власов и нашел у казаков все сабли незаточенными [66]. Из рапорта есаула Красновского, осматривавшего в том же году другие части пограничной линии: «Ольгинский кордон. Утренний разъезд был при одних ружьях, пиках, у некоторых по пистолету, а вообще без сабель»; «Протоцкий кордон. Принадлежащая вооруженность при них вся, только без сабель»; «Копыльский. Без сабель и не каждый имеет»; «Андреевский. Пешие – ружья и дротики, конные – ружья, пистолеты, сабли»; «Смоляной. Все без сабель»; «Новоекатериновский. Пистолеты и сабли не у каждого. Разъезды чинятся при оружии, только без сабель»; «Екатеринодарский. Ружье, пистолеты, дротики имеет не каждый... сабли отточены, но не у каждого» [67]. Как видим, только на посту в войсковой столице сабли оказались заточенными.

В феврале 1821 г. в 6-м пешем полку (439 чел.) было «способного» оружия: ружей 228, пистолетов 126, сабель 139, пик 157, подсумков 175 [68]. В заступающих на службу в том же году семи полках (4760 чел.) не хватало 1389 пистолетов и 502 сабли [69]. Кстати, на следующий год из 3452 казаков, уходящих на границу, сабли отсутствовали у 922.

Начальник 2-й и 3-й частей пограничного караула полковник Бурсак в январе 1822 г. донес, что «артиллерийские казаки ...не имеют у себя пистолетов, сабель и, словом сказать, никакого воинского оружия» [70]. В резервном полку, поступающем в 1824 г. на охрану границы (из 550 чел. списочного состава налицо был 391) недоставало 4 ружей, 198 пистолетов и 210 сабель [71].

К 1825 г. ситуация в конных полках заметно улучшилась. Если в 1823 г. сабель не имел каждый четвертый или пятый казак, то в 1825 г. в 5-м конном полку недоставало 47 сабель, в 7-м – 68, в 6-м – 20 [72]. По-прежнему огромная нехватка сабель ощущалась в пеших полках, в которых по приказу должно было быть более половины конных казаков. В целом положение дел с оружием продолжало оставаться тяжелым. В 1826 г. командующий в войске Черноморском генерал-майор Сысоев осмотрел людей, назначенных к походу в Персию: «У многих из них не имелось вооружения, как то: сабель, пистолетов и пик» [73].

Войсковой атаман Г. К. Матвеев, оправдываясь перед начальством, так оценивал ситуацию: «Оружие каждый казак... иметь вдруг не может, и никакие усилия к тому ни со стороны моей, ни со стороны полковых командиров не могут быть действительны: ибо их недостача у подрядчика ...препятствует иметь вдруг полное вооружение, а другие же по недостаточному состоянию не могут исправить себе вооружение в одно время, кроме которого нужна еще казаку хорошая лошадь и мундир. Впрочем, что относится до нужного и необходимого по роду здешней службы вооружения, как, например, ружье, то оные все казаки всегда имеют в надлежащей исправности» [74].

Чертежи постов Черноморской кордонной линии начала 20-х гг. XIX в.

«Пикет на Кубанской линии». Рисунок середины XIX в.

*Из записок современника: «Над каждым из вышеназванных укреплений (пост, батарея, пикет. – **Б. Ф.**) устроена на четырех высоких подпорах наблюдательная каланча – "вышка". Камышовая колоколообразная крыша вышки подобрана кверху пучком. Из этого пучка, так похожего на китайскую прическу, выбегал высокий и прямой, как пика, шпиль, на который насажена сверху поперечная перекладина. К каждой оконечности перекладины прилажен на бечеве огромный шар, сплетенный из ивовых прутьев... Это и есть вестник линейной тревоги, телеграф, или, как обыкновенно называют его казаки, "маяк"».*

Черноморские пластуны. Рисунок середины XIX в.

Единственное оружие казаков – ружье. Небольшой нож на правом боку на статус оружия явно не тянет. Описание полного комплекта оружия и снаряжения пластунов оставил И. Д. Попко: «Черкеска отрепанная, покрытая разноцветными, нередко даже – вследствие потерянного терпения во время починки – кожаными заплатами; папаха вытертая, порыжелая, но в удостоверение беззаботной отваги заломленная на затылок; чувяки из кожи дикого кабана щетиной наружу – вот будничное убранство пластуна. Прибавьте к этому сухарную сумку за плечами, добрый штуцер в руках, привинтной штуцерный тесак с деревянным набойником спереди, около пояса, и висящие с боков пояса, так называемые причиндалья: пороховницу, кулечницу, отвертку, жирник, шило из рога дикого козла, иногда котелок... – и вы составите себе полное понятие о походной наружности пластуна».

Самым примечательным в словах атамана является признание ненужности сабель для черноморских казаков при защите границы. С учетом условий местности и сложившейся тактической схемы охраны кордонной линии, сабля для черноморцев была практически бесполезной. Ну зачем сабля пешему казаку, вся служебная жизнь которого проходила в ужасных кубанских плавнях среди камыша, тростника, болот, ериков, займищ, кутов? «Мрачна эта дымящаяся туманом закраина зеленых степей и синих гор... Дремучий, безвыходный камыш!» В вечерних сумерках казаки осторожно, таясь, часто ползком занимали залоги кордонной линии. Всю ночь они находились в засаде, а утром, еще до рассвета, так же осторожно и тихо покидали залоги. В подобных условиях сабля просто железный лом, который к тому же цепляется за все подряд своими кольцами и дужками эфеса. В случае нападении противника казаки встречали его ружейным огнем, при необходимости поспешно отступали в пост. Попробуйте убежать с кавалерийской саблей на поясе.

В силу тех же обстоятельств негде было «разгуляться» с саблей и конным казакам. Во-первых, большинство из них несло службу пешими. Во-вторых, конные разъезды проходили также по глухим прибрежным тропинкам. Приведем выдержку из записок современника: «Разъездные стежки прокладываются по местам скрытным, нередко закрытым наглухо кустарниками и камышами». Чуть в сторону, и вы попали в «хмеречу» (чащу) или в болото.

Поэтому нас уже не удивляют приказы отдельных казачьих командиров, запрещавшие караульным казакам брать с собой сабли, «дабы хищники по звуку оных не могли приметить их движения» [75]. Одним из та-

Обер-офицер л.-гв. Казачьего полка и л.-гв. Черноморского эскадрона. 1816–1819 гг. Акварель принадлежала есаулу СЕИВ конвоя А. П. Шапринскому

Рядовой и унтер-офицер л.-гв. Черноморского эскадрона. 1825 г. Акварель принадлежала есаулу СЕИВ конвоя А. П. Шапринскому

ких командиров был герой войны 1812 г., будущий атаман Черноморского войска А. Д. Безкровный. Не удивит нас теперь и следующая история. Казачий полк собирается на пограничную службу. Сотник Гордиенко обращается к командиру полка с вопросом: «...и прикажете ли брать из домов форменные сабли» [76]. Вопрос звучал бы нелепо, не знай мы контекста. «Форменная сабля» – стандартное выражение тех лет. Этим подчеркивается и ее соответствие высочайше утвержденному образцу, и то обстоятельство, что она является атрибутом «парата» – форменного парадного мундира.

Безусловно, на открытой местности в составе более-менее крупных кавалерийских масс (и при определенной выучке) сабля могла сыграть свою роль. Но крупные конные казачьи отряды собирались редко, в основном для участия в закубанских репрессалиях. К тому же черноморцы, как искусные стрелки, и в данном случае полагались более на ружье. Сабля являлась обязательной частью экипировки для полков, уходящих на внешнюю службу за пределы Черномории. Сбор одного, а тем более двух таких полков становился для войска настоящим бедствием. Со всех полков собирали хороших лошадей, мундиры, оружие.

В 1828 г. на Дунай уходил полк Животовского. Неимущим казакам этого полка доставили 30 сабель стоимостью в 5 руб. каждая из 6-го и 7-го полков и 26 портупей стоимостью по 6 руб. Войсковой казначей «искупил» 144 сабли для нижних чинов на сумму 720 руб. [77].

Приведем несколько цитат (касающихся оружия) из приказов командира 2-го конного полка, направлявшегося в 1826 г. к западной границе. «Многие казаки имеют незнание кавалерийской езды, или от небрежения худо управляют лошадьми, еще хуже сидят на оных... Портупеи, кои должно иметь на себе только во время службы и не иначе как с саблею вместе, напротив носют во всякое время как простой пояс. У сих портупей задний ремень пришит вообще не в своем месте к стороне правому боку, должны же быть оные как раз на средине талии, а ремень сей оставляют праздным, который должно цеплять как и первый к кольцу сабли посредством пряжки...

...Видя, что мои словесные приказания не совершенно исполняют, нахожу нужным предписать: приказать нижним чинам поднимать сабли на портупее так, чтобы земли не могли доставать на вершок, ибо брязгание по земле казакам неприлично.

...Заметил я, что многие казаки носят саблю лишь на переднем ремне, а задний висит без употребления» [78]. Обращаем внимание на принятый в Черноморском войске способ ношения сабли на портупее – на вершок от земли.

...Все недостатки форменной сабли прекрасно разглядел командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Ермолов. Он отмечал: «...сабли в железных ножнах и на длинных погонах не выгодны для казаков здешнего края, ибо с ними нельзя ни заложить секрета, ни выслать потайные разъезды, без того чтобы не быть открытым бесполезным стуком оружия, тогда как неприятель все сие делает беспрепятственно. Если мы будем иметь сабли, подобные неприятельским, они худшими не будут» [79].

В конце 1821 г. Ермолов добился разрешения императора на отмену в Черноморском казачьем войске бесполезных кавалерийских карабинов и таких же бесполезных сабель. Но, дав такое разрешение, император отказался выделить от казны деньги на перевооружение казаков, что в конечном итоге помешало ввести действительно нужный тип холодного оружия [80]. 7 февраля 1822 г. Ермолов дал указание командующему в войске Черноморском генерал-майору Власову: «Равномерно извольте приказать,

Казаки 7-го Черноморского эскадрона л.-гв. Казачьего полка. 1830-е гг.

чтобы впредь не были заказываемы для войска сабли в железных ножнах наподобие драгунских» [81]. На запрос Власова о том, какое же оружие следует употреблять, Ермолов 10 июня 1824 г. ответил: «Я полагаю, Черноморского войска казакам гораздо лучше иметь шашки вместо употребляемых ими ныне сабель в железных ножнах. Впрочем, полагаю Вашему превосходительству сообщить мне по сему предмету ваше мнение» [82].

В свою очередь Власов предписал дать заключение по этому вопросу Черноморской войсковой канцелярии. 25 октября 1824 г. оно и было представлено Власову. Канцелярия признавала, что шашки «способнее для казаков», но находила саблю «более приличествующей мундиру» (опять налицо малая практическая значимость клинкового оружия для казака). Впрочем, канцелярия соглашалась, чтобы казаки, «имеющие и не имеющие состояние», располагали бы и шашками (помимо сабель) во время нахождения на кордонной службе.

М. Г. Власов вслед за канцелярией тоже посчитал, что «шашки вместо сабель покажут большое неприличие, будучи несоответствующими форме мундира» и, в свою очередь, предложил следующее решение: «...нахожу полезнее казакам иметь сабли в железных ножнах, но гораздо меньшей величины, подобно офицерским с простой и прочной отделкой и с французским эфесом, которые могут быть и дешевле и способнее в верховой езде. Не воспретить также иметь и шашки для употребления службе на кордоне, как оружие легкое и в действии со здешним неприятелем весьма способное. Нынешние же сабли в тяжелых железных ножнах позволить казакам продавать или донашивать» [83]. В свою очередь Ермолов сабли продавать и выписывать новые не разрешил, а приказал «для собственной безопасности дозволить казакам сверх сабель иметь и шашки, если кто пожелает».

Таким образом, шашка могла поступить на вооружение черноморских казаков еще в начале 20-х гг. XIX в. Принятое военным руководством паллиативное решение не могло принести кардинальных изменений. Мало кто из казаков мог «исправить» себе шашку на установленных условиях. Пока документально подтверждается проникновение шашки в среду офицеров. Для рядовых казаков главным клинковым оружием еще более 20 лет продолжала оставаться сабля.

В 1827 г. утверждается новый образец кавалерийской сабли. Эта сабля представляла из себя точную копию французской легкокавалерийской сабли образца XI года [84]. На вооружение Черноморского войска сабля образца 1827 г. должна была поступить согласно высочайше утвержденному в 1828 г. «Описанию обмундирования казачьих войск и конно-артиллерийских рот Отдельного Кавказского корпуса» [85]. Само «Описание» поступило в корпусной штаб в октябре 1829 г., а в Черноморское войско – лишь в сентябре 1830 г. Приказ по корпусу последовал в феврале 1831 г. [86].

Приведем описание одной из сабель этого образца (КМ-976). Клинок искривленный, однолезвийный (боевой конец обоюдоострый), с одним широким долом. В доле с правой стороны у эфеса выбито: две буквы «А», цифра «3», буквы «М», «Э». На мощном обухе (10 мм) надпись иглой: «Златоустъ июля 1827 года».

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Рукоять деревянная, покрыта черной кожей, имеет поперечные желобки (они образованы за счет подкладки под кожу шнурка диаметром 1 мм). По бокам рукояти – две овальные выпуклые заклепки.

Спинку рукояти покрывает планка, переходящая в овальную выпуклую головку. На нижнем конце планки выполнен небольшой прилив, в который вставлен штырек, входящий в углубление крестовины и удерживающий планку.

Сабля кавалерийская солдатская образца 1827 г.
(КМ-976)

Казак и урядник Черноморского войска. 1816–1820 гг. (по А. В. Висковатову)

Из нескольких, достаточно противоречивых в деталях, описаний форменной казачьей одежды мы выбрали одно – из «Инструкции полкам на кордоне состоящим» за 1823 г. «Мундир для войска Черноморского 11 февраля 1816 г. Высочайше утвержденный. Для урядников: полукафтан темно-синего сукна с 4 рукавами, из коих 2 стягиваются позади, с окладкою по воротнику и обшлагах серебряных галунов. Шапки черных смушков с красным верхом, с нитяными белыми этишкетами, у коих кисти из черного и оранжевого цветов и с белым волосяным султаном с черной верхушкой. Кушак белой...»

Гарда образована крестовиной с перекрестием и тремя дужками – передней и двумя боковыми. Перекрестие в виде продолговатых овальных накладок с обеих сторон крестовины. На передней дужке выбиты в кружках три буквы: «З», «Н», «G».

Размеры: общая длина 1020 мм, длина клинка – 880, ширина клинка – 34, изгиб – 67/390, центр тяжести – в 148 мм от эфеса.

Портупея к сабле полагалась черной кожи, с двумя медными пряжками. С левой стороны к портупее прикреплялась черная кожаная ольстрядь для пистолета.

Подчеркнем одно обстоятельство. Введение новых образцов сабель вовсе не означало тотального перевооружения Черноморского войска. Казаки, имевшие сабли, продолжали выходить на службу с образцами 1809 и 1817 гг., и о замене их никогда никаких требований не предъявлялось. Новые сабли приобретались казаками, впервые выходящими на службу. Поэтому в каждом полку одновременно могли состоять на вооружении казаков все три образца русских легкокавалерийских сабель.

В целом же положение с обмундированием и вооружением казаков продолжало оставаться стабильно тяжелым. Всего несколько примеров. В 1830 г. урядник Гавриленко сообщает командиру полка, что он приложил все старания, «чтобы понудить и старых и новых казаков исправить мундиры и лошадей», но «казаки единогласно заявили ему, что кто что мог исправить, тот уже исправил и ничего более не могут». Из вызванных в том же году на службу 35 казаков куреня Васюринского сабель не было у 14, пистолетов – у 19, зато ружья имелись у всех. В 3-й сотне 10-го конного полка (1833 г.) сабли имелись у 52 человек, портупеи – у 40. Командир 2-го конного полка в 1836 г. доложил, что «треть казаков не имеет лошадей и половина не имеют мундиров, равно и амуниция вся несходна противу образца» [87].

Понимая всю остроту проблемы, войсковое правительство приняло решение: «Видя крайнюю бедность казаков, принимает в ограничение то, чтобы хотя оружие было у казаков исправное и надежное к действию; пестрота, разнообразие и вообще бедность в одеянии тогда только могут быть изглажены, когда благодетельная рука высшего начальства подаст пособие столь необходимое» [88].

По справке, составленной в правительстве, обмундирование и вооружение казака обходилось в огромную сумму: «форменный мундир с шероварами 35 руб. 50 коп., кивер с прибором 12 руб., кушак белый 1 руб., сапоги со шпорами 5 руб., галстук 80 коп., рубашка 2 руб., подштанник 1 руб. 40 коп., перчатки 2 руб. 50 коп., шинель 15 руб., шапка фуражная 2 руб. 15 коп., чемодан 2 руб., портупея 2 руб., подсумок 2 руб. 50 коп., ружье длинноствольное 18 руб., сабля 6 руб., пистолет со шнурком и аметром 8 руб., пика 2 руб. 50 коп.; всего для пешего 118 руб. 95 коп., для конного прибавляется лошадь 125 руб. и седло с прибором 43 руб. 50 коп.; всего 287 руб. 50 коп.».

Обрисуем комплект вооружения и обмундирования черноморских казаков с 1816 по 1840 г. Напомним, образцовые мундир, оружие и амуничные вещи были высочайше утверждены 11 февраля 1816 г. В архивных документах сохранилось несколько описаний мундира гвардейских, полковых и «артиллерийских» казаков [89]. Мы опишем офицерский мундир, хранящийся в фондах Краснодарского музея-заповедника (КМ-1637).

Выполнен он из темно-синего фабричного сукна в виде короткой куртки приталенного силуэта, с центральной застежкой на 22 железных крючках, расположенных через 1,5–2 см. Левый борт мундира со смещенной от центра притачной планкой шириной 3,5 см заложен неглубокой складкой, где находятся петли. Прямой воротник-стойка высотой 8 см оформлен по внешнему контуру отделочным кантом красного цвета (выпушкой). По центру воротника находятся петлицы («катушки») шириной 3 см, выполненные серебряной металлической нитью на матерчатой основе. Длиной они 18,5 см и начинаются в 7 мм от центра воротника. Направление нитей в петлице – «косая стежка» (т. е. стенки петлицы косые). По центру проходят два крученых шнура.

Мундир имеет четыре рукава. Два длинных, двухшовных, втачных, прямых, со сборками по окату. Низ рукавов заканчивается отлетной манжетой (обшлагом) со скошенным книзу краем. Контур манжет отделан, как у воротника. На обшлаге две петлицы (катушки) высотой 5 см, ширина столба 2,5 см. Внутри жесткая прокладка. Вторая пара отлетных, закидных за спину рукавов является декоративным элементом мундира. Внешний срез рукавов заложен тремя односторонними складками, пришит к линии проймы ручными потайными стежками, что создает эффект отлетного крыла. На рукаве по линии плеча укреплен контр-погончик длиной 9 см, шириной 2 см (на основе красного бархата выполнено серебряное шитье с тремя звездочками, концы которых заканчиваются блестками). Обработка и отделка – как у втачных рукавов. В центре спины рукава соединяются ручными стежками и свисают вертикально вниз. Спинка – с подрезанными бочками, резко скошенными по линии талии.

Куртка выполнена на хлопчатобумажной, выстеганной на полочках подкладке, низ которой пришит и закреплен отдельной тесьмой-поясом. На его концах находится металлическая застежка: один ее край в виде крючка, второй – в виде прямоугольной петли с тремя отверстиями для крепления. По нижнему краю куртки со стороны спинки расположены два больших крючка.

Описание пистолета из списка высочайше утвержденных вещей: «Головка в медной оправе... сверху медная досточка врезана, на ней выделан кружок с вензелем А. Дужка медная, замок железный с медною полкою, целик и бляха на конце медные, ствол железной гладкой. Снурок при пистолете с белой нити и кистями того же цвета». Судя по этому описанию, на вооружение казаков поступил солдатский пистолет с ударно-кремневым замком образца 1809 г.

Несколько слов об уланских карабинах на белых лосиных перевязях, якобы поступивших на вооружение казаков в 1816 г. Подобное утверждение кочует в оружиеведческой литературе начиная с труда А. В. Висковатова [90]. Никаких документов в пользу этого мнения нам отыскать не удалось. Ни карабинов, ни каких-либо ружей вообще нет ни в одной из описей доставленных в Екатеринодар образцовых вещей. Когда в 1819 г. граф Ланжерон потребовал вооружить карабинами отправляемый в Польшу 11-й конный полк, то атаман Матвеев резонно ответил: «Карабинов... к мундирам сему войску назначенных, не положено и образца не имеется, перевязей белых во всех здешних полках еще не строены» [91].

Мундир офицерский Черноморского казачьего войска «образца 1816 г.».

Мундир приобретен Кубанским войсковым музеем в 1911 г. у Екатеринославского областного музея имени Поля за 76 рублей и, по заключению директора того музея профессора Д. Яворницкого, уже тогда «составлял бесценную редкость»

Кавалерийский кремневый солдатский пистолет образца 1809 г.

Обер-офицер лейб-гвардии Черноморского казачьего эскадрона. 1819 г.

Штаб-офицер лейб-гвардии Черноморского казачьего эскадрона. 1819 г.

Офицерская и солдатская кавалерийские сабли образца 1817 г.

Рассматривая «образцовые» рисунки, следует помнить о том, что в реальной жизни казаки-черноморцы выглядели далеко (а порой совсем) не так. Известный кубанский историк Ф. А. Щербина по этому поводу заметил: «Казак был в худом мундире или совсем без мундира, но иначе не могло быть, так как у него, всецело занятого службой, не было средств не только для подновления мундира, но и для поддержания голодающей семьи». По документам тех лет мы можем выделить такие причины указанного несоответствия. 1. Пошитые у частных портных и «худо строенные» в полковых швальнях мундиры заметно отличались не только от образцового, но и друг от друга. 2. Сукно, закупленное в разных местах, сильно разнилось по цвету, а в ряде случаев его с большой натяжкой можно было назвать синим (или красным, зеленым). Особенно опасались казаки приобретать сукно в Москве, где их постоянно старались обмануть: «В покраску кладут только половину нужного сандалу», «Опасаясь московского обману, я заказал первому по Москве фабриканту окрасить потребное количество сукна самым лучшим порядком». 3. Казаки «состояния недостаточного» вообще не могли приобрести мундиры. 4. Так называемого «полного мундира» (т. е. полного комплекта форменной одежды и амуниции) не имел почти никто из казаков. 5. Постоянно существовала практика (часто с разрешения начальства) постройки «упрощенных» мундиров за счет отказа от ряда деталей. Мундирную куртку делали без выкидных рукавов, без выпушек, на шапках отсутствовали султаны и этишкеты.

С другой стороны, состоятельные офицеры и казаки украшали свой мундир сверх положенного. По воротнику делалась вышивка (которая стоила больше, чем весь мундир), на шаровары нашивались лампасы. Казаки щеголяли в офицерских фуражках с козырьком и шинелях с красным воротником...

Казак 7-го Черноморского эскадрона л.-гв. Казачьего полка. Начало 1820-х гг. Одет в зимнюю форму. Вверху – *куртка от летнего мундира*

Казак Черноморского войска 1822–1825 гг. (по А. В. Висковатову). *Вооружение: кавалерийская сабля образца 1817 г., тульское длинноствольное ружье на черном кожаном погоне, пика и солдатский пистолет с ударно-кремневым замком образца 1809 г.*

Кавалерийский кремневый солдатский пистолет образца 1809 г. На щитке овальной формы – вензель императора Александра I. Тула. 1818 г.

Из заключения Ю. Максимова: «Прицеливание из пистолета довольно комфортное... Усилие спуска курка на пистолете около 4 кг. Спуск подпружинен, провал крючка после срыва курка с боевого взвода отсутствует. В целом спуск довольно комфортный. Удар курка по огниву очень сильный из-за значительной скорости движения курка. Но, несмотря на мощную боевую пружину и массивный курок, ожидаемого сбивания наводки не происходит. Конечно, пистолет вздрагивает, но незначительный сбой наводки вполне прогнозируем и купируется работой кисти... Благодаря значительной массе пистолета и неплохой эргономике, оружие уверенно сидит в руке, а плавная и четкая работа механики ударно-спускового механизма делает пистолет образца 1809 г. удобным в обращении и применении (*Максимов Ю.* «Анализ конструктивных и эксплуатационных особенностей русского и кавказского кремневых пистолетов начала XIX века» // История оружия. – Альманах № 1. – Запорожье, 2008.)

Пистолет подарен Кубанскому войсковому музею в 1911 г. урядником станицы Лабинской С. В. Евстафьевым

Шашка. Переделочный образец из русской сабли конца XVIII в.

Аналогичный образец хранится в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга. Это уже позволяет говорить о централизованном и массовом характере изготовления подобного оружия. Если сказать точнее, то речь, скорее всего, идет не о переделке сабель, а о пригонке шашечных рукоятей на сабельные полосы. Подобными шашками вооружались линейные казаки Кубани, на что прямо указывает К. В. Скиба. (Скиба К. В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. – Армавир, 2005. – С. 44.)

Полк отправился в Польшу без многих форменных вещей (типичная ситуация для любого внешнего похода) и приобретал их по пути следования. Карабины и перевязи были заказаны у тульского оружейника Н. Лентяева. Полк получил их в начале 1820 г., находясь уже в Польше.

Официальный контракт на поставку десяти конным полкам Черноморского войска 2500 карабинов (по 250 на полк) был заключен с Н. А. Лентяевым 24 мая 1820 г. Казаки крайне неохотно покупали карабины и не хотели их брать даже в долг. Таким образом, вовсе не карабины являлись характерным оружием черноморца той эпохи, а обычные тульские (и частично черкесские) кремневые ружья.

В последующие годы карабины выдавали только полкам, выходившим на внешнюю службу, дабы они выглядели однообразно вооруженными. И самое главное: карабины Лентяева были вовсе не уланского образца, а «сборные» и не походили ни на один образец. В 1822 г. Артиллерийский департамент нашел, что более всего они похожи на гусарское ружье.

В конце 1821 г. корпусной командир А. П. Ермолов добился соизволения императора на замену карабинов. Генерал-майору Власову было приказано отобрать в екатеринодарских лавках несколько длинноствольных ружей, лучшее из которых стало бы образцовым. Три лучших ружья купили в лавке все того же вездесущего Лентяева. Вот официальное описание «казачьего» ружья образца 1822 г.: «Ружье же должно быть в длину с прикладом на манер черкесского сделанным деревом крепким красной краски и гранастим сверху стволом не менее 2 арш. 6 верш., в середине каналом одинаковой меры круглым гладким без раковин, с медными снаружи дужками или антабками, 4-мя медными поясками, медными же гладкими затравками или полками, черными в один вершок ремнями... которое достигало бы в настоящую цель пропорциональною пулею не менее 47 трехаршинных саженей» [92].

Казакам разрешалось, не отступая от образца, приобретать ружья и «лучшие». Судя по документам последующих лет, говорить о каком-то единообразии ружей не приходится. Общими для всех ружей являются две характеристики: они длинноствольные и они тульского производства.

Итак, на вооружении черноморских казаков начиная с 1817 г. находятся (а точнее сказать – состоят) длинноствольные тульские ружья, солдатские пистолеты и легкокавалерийские сабли.

Русские уставные сабли в Черномории именовали «калеберки». Термин активно используется в 1820-е гг. «Сабля-калеберка» – синоним названия «сабля форменная». Последнее выражение употреблялось (в документах) чаще и со временем стало единственным.

В 1831 г. в Черноморское войско поступило значительное количество белого оружия из армии. Седьмого ноября командующий войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани генерал-лейтенант Вельяминов сообщил атаману войска о позволении императора передать войску «все белое оружие,

свезенное в Феодосию из-за границы Турецкой, оставленное там войсками бывшей 2-й армии». По данным Вельяминова, годным для иррегулярных войск оказалось: тесаков пехотных – 3004, сабель кавалерийских с медными эфесами – 278, с железными – 482, пик уланских – 71.

Из числа подаренного оружия сабли с медными эфесами (образец 1827 г.) поступили в конно-артиллерийскую роту № 4, а 250 сабель с «железными кружными эфесами» (вероятно, образца 1817 г.) – в Черноморскую артиллерийскую пешую роту [93]. Интересно, что в расписке о принятии сабель с железными кружными эфесами указаны и 17 сабель «казачьих старого калибера с плоскими эфесами» [94]. Возможно, речь идет о казачьих саблях, изготавливавшихся на Тульском оружейном заводе в начале XIX в. [95]. Есть и другая версия. Сабли Черноморской гвардейской сотни изготовления 1811 г., как войсковое имущество, после войны казаки должны были передать в войсковой цейхгауз. Не исключено, что именно их и получил командир артиллерийской пешей роты сотник Кухаренко.

Сабли с медными эфесами числились в конно-артиллерийской батарее (получившей номер 10-й) еще в середине 40-х гг., пока в 1845 г. командир батареи не заявил: «...состоят 233 старые с медными эфесами сабли, которые оказались при батарее совсем ненужными». Сабли передали в войсковой цейхгауз, где хранилось и остальное подаренное оружие.

Огромная закупка оружия и амуниции состоялась в 1837 г. В Черномории ожидали приезда государя. Надо было не ударить в грязь лицом. В Тулу и Москву был командирован отставной штаб-ротмистр Кордовский. Войско перечислило в Тульскую почтовую контору 12 тыс. руб. [96]. Сабли обошлись в 6 руб. 48 коп. каждая.

За выданные образцовые вещи с казаков, как обычно, стали взыскивать деньги. Но в 1838 г. для казачьих войск утвердили шашку, и командир Отдельного Кавказского корпуса приказал все полученные деньги вернуть обратно.

До сих пор речь шла об уставных образцах сабель. Однако удалось зафиксировать один переделочный образец, употреблявшийся на Кавказской линии [97]. В 1833 г. на линию прибыли два малороссийских казачьих полка. Ружей у них не было совсем, сабли – «по образцу гусарских в железных ножнах». «Сабли сии, – докладывал генерал-лейтенант Вельяминов корпусному командиру, – во-первых, тем неудобны, что в железных ножнах скоро тупеют и, во-вторых, во время движения производят чрезвычайный шум и звон».

Он просит разрешения переделать их по образцу оружия линейных казаков. После долгой переписки поступило высочайшее соизволение на переделку вначале ножен, а затем и эфесов за счет полков. Идея понравилась, и для вооружения бывших крестьян Кавказской области, обращенных в сословие Кавказского линейного казачьего войска, было заказано 8000 сабельных клинков. Ножны, эфес и портупея планировались к изготовлению на месте по линейному образцу. В связи с этим и пистолет предполагалось носить за поясом.

Наверное, правильнее будет отнести их к шашкам. В случае с малороссийскими полками мы имеем дело с саблями, переделанными в шашки, во втором случае – с шашками, имеющими сабельный клинок.

Несколько слов о так называемом «дедовском оружии». В начале XX в. казакам разрешили выходить на службу с клинками, доставшимися им от отцов и дедов. За неимением таковых часть офицеров стала заказывать себе различные фантастические образцы. К ним, очевидно, можно отнести те, которые заводили кубанские офицеры, служившие в Средней Азии. Из воспоминаний знаменитого кубанского джигита Ф. И. Елисеева:

А. И. Губин – «командир 2-го Северо-Кубанского кавалерийского полка» (надпись на обороте фотографии). 1920 г.

В отличие от офицеров Кубанского казачьего войска красные командиры в начале 1920-х гг. охотно носили разные экзотические образцы холодного оружия

Сабля дагестанская. Начало XX в. Клинок – известного владикавказского мастера Мудунова

«В Мерве туркменский клыч я взял в кавказскую ножну, с изгибом вперед, т. е. противоположно, как носят туркмены с открытой рукоятью». Судя по всему, этот экзотический гибрид был явлением весьма редким. Совершенно точно, что в строю с подобными саблями никто не появлялся. Кадровые офицеры Кубанского войска обладали хорошим вкусом и чувством меры.

И последнее упоминание о сабле в Кубанском казачьем войске. В январе 1881 г. штаб Кавказского военного округа запросил начальника штаба войска: «Какого именно образца было выслано Вам золотое оружие с надписью «За храбрость», т. е. драгунского, кавалерийского или казачьего». В ответ последовал рапорт: «Золотое оружие с надписью «За храбрость» выслано мне пехотного образца, т. е. сабля образца, присвоенного офицерам Генерального штаба» [98].

В заключение обрисуем место сабли в комплекте казачьего вооружения и ее роль в боевых столкновениях. Но вначале краткие характеристики казачьей конницы, линейной и черноморской.

Одним из компонентов эффективной системы обороны границы у линейных казаков стала весьма боеспособная кавалерия. Заимствовав у горцев оружие, седловку, посадку, линейцы усвоили «живость и удаль своего противника», его уловки и тактические приемы. «Линеец – это тот же черкес, только русской национальности», – говорили на Кавказе.

Выдающиеся боевые качества линейной кавалерии не раз отмечали как современники и участники Кавказской войны, так и последующие исследователи этого времени. А. П. Ермолов, не очень жаловавший казаков за недостатки, присущие иррегулярным войскам (и оставивший просто уничижительную характеристику Черноморского войска), писал, что линейцы «всегда отличались от прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротою лошадей». Зная о неспособности донских казаков самостоятельно противостоять горцам, он старался присоединять к ним линейных.

Участник ермоловских походов Бриммер, видавший линейных казаков в бою, заметил: «Любо было смотреть на удалых линейцев, видно было, что дело боится мастера». Автор статьи «Взгляд на Кавказскую линию» (Северный архив. – СПб, 1822) так оценивал линейных казаков: «Отважность, соединенная с ловкостью владеть оружием, и искусство управлять лошадьми... делает сие войско страшным для обитателей гор Кавказских».

Военные способности линейцев отметил и путешествовавший по Кавказу А. Дюма. «Линейный казак... – это единственный воин, который сражается как артист и находит удовольствие в опасности... Рассказывают о невероятной храбрости этих людей». По словам писателя, горцы отдавали четырех донских казаков за одного своего товарища (мы располагаем

Сабля пехотная офицерская образца 1865 г. Наградное золотое оружие с надписью «За храбрость».

Сабля подарена музею в 1911 г. учителем станицы Камышеватской Н. Иванченко

«Линейный казак». Паули. 1862 г. Бумага, хромолитография. *Изображен урядник л.-гв. Кавказского казачьего эскадрона конвоя*

К. В. Скиба в своей книге приводит один характерный боевой эпизод начала XIX в.: «В это время, в районе станицы Воровсколесской, произошел случай, показавший разницу в несении кордонной службы линейцами и донцами. Два черкеса залегли в лесу за деревянной колодой и 12 часов отстреливались от сотни донцов полка войскового старшины Аханова 1-го... Они несли потери, но нападать не спешили. На помощь подоспели линейцы, они выманили у горцев выстрелы разом и бросились в шашки». (*Скиба К. В.* Указ. соч.)

документами о подобных обменах и с черноморцами. – *Б. Ф.*), но линейного казака меняли только «один на один».

Просто превосходную характеристику дал линейным казакам представитель петербургского Славянского комитета майор Хвостов: «Линейцы – лучшие кавалеристы в мире, гораздо выше донских». Воинское мастерство и отвагу линейных казаков не раз отмечали русские военные историки. Эпизод из Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в описании В. Потто: «Линейцы перестреливались с чудесной кавказской джигитовкой. Но эти ученики суровых адыгов не любили долго жечь порох там, где можно было покончить одним решительным ударом... Линейцы выхватили шашки и, с гиком ринувшись вперед, смешивались с неприятелем. Минута – и делибаши, что значит обрекшие себя на гибель, скакали назад...»

«Выдающиеся боевые качества» линейных казачьих полков, в частности Кавказского и Кубанского, отметили авторы многотомного исследования «Утверждение русского владычества на Кавказе». О «вошедшей в славу лихости и удали» линейцев писал Абаза. По его словам, Я. П. Бакланов всеми мерами стремился довести свой 20-й полк до уровня линейных.

В Черноморском казачьем войске самым боеспособным родом войск считалась пехота, которая отличалась «неутомимостью, стойкостью и отличной стрельбой». И в конных, и в пеших частях выдающееся боевое мастерство демонстрировали пластуны – «особый разряд стрелков-разведчиков, предприимчивых, мужественных, неусыпных». А вот черноморская кавалерия оказалась далеко не на высоте и самостоятельного тактического значения не имела.

В какой-то мере это продолжение традиций Запорожской Сечи, где немногочисленная конница выполняла вспомогательные функции. Всем известно высказывание де Боплана о том, что 200 польских всадников разгонят 2000 наилучших запорожцев [99]. Боплан очень компетентный и объективный очевидец. Ведь он в самых превосходных тонах отозвался о морских и пеших казаках, сотня которых под защитой табора готова была сразиться с тысячью поляков. Не все украинские ученые согласны с мнением Боплана. Но все, пожалуй, признают, что запорожская кавалерия не являлась решающей ударной силой на поле сражения [100].

Эти характеристики относятся к эпохе непрерывных битв, ко времени расцвета запорожского казачества. В Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. запорожская конница вела преимущественно партизанские действия, ограничивавшиеся, по словам А. Скальковского, набегами на татарские аулы. Часть бывших запорожцев, имевших боевой опыт, попала, конечно, в конницу Черноморского войска. Но большую ее часть в первые годы составляли наемники, служившие за хозяев. Приток в войско различных беглых элементов, переселение в Черноморию огромного количества малороссийских казаков (фактически крестьян) определили наличие в войске большого количества малоподготовленных в военном отношении людей. Отсутствие обучения, слабое вооружение, условия кордонной службы и низкое качество конского состава обусловили невысокий боевой уровень черноморской конницы.

Это не было секретом для участников Кавказской войны (русские офицеры и генералы оставили массу критических замечаний о черноморской коннице) и кубанских дореволюционных историков. Профессиональный военный, ставший одним из первых черноморских историков, И. Д. Попко в 1858 г. писал: «Отдавая должную справедливость пехоте этого (Черноморского. – *Б. Ф.*) боевого и трудового войска, следует заметить, что конный Черноморский казак уступает пальму превосходства своему соседу и

«Хеджрет – доброконный черкесский наездник». Рисунок середины XIX в.

Из записок современника: «Преимущественно принадлежит это название буйным бездомовникам, которые... промышляют себе хлеб насущный кинжалом и винтовкой. Эти люди, по выражению одного высокопоставленного бжедугского эфенди, свинцом засевают, подковой косят, шашкой жнут... Хеджреты принадлежат к разряду людей, для которых жизнь копейка, а голова наживное дело. Они во всякое время готовы на предприятия самые дерзкие, на похождения самые отважные. По одежде они последние бедняки, по оружию первые богачи».

сподвижнику, Кавказскому линейному казаку... Отличительные ли черты местности, или первобытные распорядки и привычки внесли разницу в образ содержания одной и той же линии Кавказскими и Черноморскими казаками. У первых сжатость, подвижность и налет, и оттуда сила удара, если противник под него подвернулся, если уж увернулся – промах; у последних – растянутость, раздробленность и неподвижное выжидание неприятельского нападения на всех пунктах... У Кавказцев вход Черкесу, под час, широк, да выход тесен; у Черноморцев наоборот. Вообще же, если кавказская линия часто пропускает хищников в широкие ворота между своими сильными лезертами, то еще чаще накрывает и поражает... а черноморская линия, с густой, но тонкой цепью своих бикетов и залог, только замечает, останавливает и заставляет воротиться без успеха, но не наказывает... Из двух горцев, возвратившихся в одно время, с кавказской и черноморской линии, один говорит: «Благодарение аллаху: едва, едва убрался», а другой: «Не удалось – надо еще отправиться». А как кордонная линия служит казакам школою для большой войны, то кавказская система имеет то важное преимущество, что развивает в казаке наездничество и удальство – качества, менее доступные конному Черноморскому казаку, часто разлученному с конем и коснеющему в засаде, или на определенной точке неподвижного караула. Эти же качества придавлены в нем самим его вооружением, обмундированием и седловкой коня» [101].

В работе Е. Д. Фелицына приведено такое свидетельство: «...войско затворилось мертвецки в своих пределах и погрузилось в пассивное содержание нижне-кубанской кордонной линии, где, кроме камышей и гор, ничего не было видно, где, по свойствам местности, даже конные полки пускали коней в табун и отбывали оборонительную службу на «вышках» да в пеших «залогах». О наездническом развитии, о строевом образовании и вообще об изучении разносторонних требований службы редко кто заботился и мог заботиться» [102].

Историк Кавказской войны В. А. Потто отмечал: «Конные черноморские казаки редко в состоянии были состязаться с превосходными вражескими силами» [103]. О мнении П. П. Короленко по поводу возможности рубки казаками только огурцов мы уже писали. Со временем в Черноморском войске складывается психологический стереотип о сложности борьбы с конными горцами клинковым оружием. Чтобы дать пример успешных действий казачьей конницы против черкесов, атаман Г. А. Рашпиль испрашивает у императора разрешения брать в походы льготных гвардейских казаков, «чтобы показать на деле превосходство правильного строя над порывами дикой храбрости ...и дать образец для казачьих плохо подготовленных полков».

Сравнивая черкесскую конницу с черноморской, И. Д. Попко пришел к следующим выводам: «Черноморское войско, поселенное на правом фланге Кавказской линии, имело против себя в шапсугах и других черкесских племенах лучшую в мире легкую конницу. Казаки увидели, что это были уже не крымские конокрады, а что-то грозное и внушающее... С первого раза казачья конница должна была уступить коннице черкесской и потом никогда уже не была в состоянии взять над ней преимущество, ни даже поравняться с нею» [104].

Рассуждая о предстоящем слиянии Черноморского войска с правофланговыми полками Линейного, И. Д. Попко полагал, что «первое, по своим отличительным качествам, составит из себя исключительно стрелковую пехоту, а последнее легчайшую в мире конницу – ураган легкой кавалерии».

И наконец, точка зрения известного дореволюционного кубанского историка Ф. А. Щербины: «Линейцы любили сомкнутый строй кавалерий-

ской атаки, и кавалерию линейных казаков сами горцы считали опасною противницей в их наездническихъ предприятиях. Черноморцы всем видам оружия предпочитали хорошее ружье и считались лучшими стрелками на Кавказе. Линейцы чаще всего прибегали к остро отточенной шашке, и уменье владеть ею составляло у них отличительный признак военного искусства...» И в другом месте: «С первых же шагов борьбы казака с горцем выяснилось, что для дозора за черкесами требовались в одном месте зоркий глаз и боевая выдержка казака-наездника, а в другом хитрость и терпение пешего казака... Лучшим оружием в обоих случаях было хорошее ружье, а способом борьбы – меткий выстрел. Точно так же первые боевые стычки казаков с черкесами в массе показали, что пушка и артиллерийский бой всегда имели решающее значение на благоприятный исход сражения для казаков» [105].

После столь единодушного мнения дореволюционных исследователей у нас уже не оставалось сомнений в том, что главным оружием конного черноморского казака являлось «добре ружжо», а сабля – явно подсобным. Тем не менее мы проанализировали все эпизоды военной истории черноморцев (зафиксированные документально), выделив при этом три основные группы источников: рапорты боевых командиров о ходе сражений, наградные листы с описанием подвигов и данные о потерях с указанием характера ран (если после пятичасового «сражения» один казак убит и два ранены ружейными пулями, то ясно, что никакого рукопашного боя не было).

В сотнях рапортов о стычках с черкесами встречаются только такие выражения: «вдарили с ружей», «ружейною перестрелкою отбились», «перепалка» и т. п. В тех немногих случаях, когда бой перерастал в рукопашный, упоминаются пики. Приведем всего несколько примеров, естественно, после 1816 г., когда сабли у казаков уже должны были появиться.

1818 г.: черкесы напали на казаков и ранили несколько человек саблями – «отбиты чрез ружейные выстрелы». Из рапорта войскового полковника Кондруцкого от 12 февраля этого же года: «Приказал вступить в бой... (описывается перестрелка. – *Б. Ф.*) сразившись погнали черкес до Трусова кута, где была их переправа, то черкесы вдруг бросились толпою и пошли на сабли, а казаки на дротики. Сотника Кривцова с показанного места сбили, причем от болотистых мест начали под казаками падать лошади, а черкесы захватывать казаков и лошадей, я ободря казаков закричал "с лошадей на ружья"».

1820 г.: «Казаки защищали себя ружьями и ратищами». Генеральное сражение 24 января: «Вступили с черкесами в сражение более трех часов продолжавшееся, отличной храбростью и мужеством казаки ружейными выстрелами, действием на саблях и пиках и удачным содействием нашей конной артиллерии нанесли неприятелю величайший урон...» Одно из редких свидетельств о действии саблей (судя по документам того же года и той же части кордона, речь идет о казаках-черкесах). Потери казаков 7 человек: 3 ранены пулями, 4 – саблями.

Из рапорта войскового полковника Стороженко о сражении 1 февраля 1820 г. у Ольгинского кордона: «У черкес отборной конницы тысячи 2. ...Вступили с ними в сражение, невзирая на их величайшее превосходство... производя сражение с ружей и артиллерийских орудий... принудили ретироваться». Выпущено 25 пушечных снарядов и 2370 ружейных патронов. Потери: ранен один казак. Очень информативен список отличившихся. Все казаки-черноморцы «отличились ружейными выстрелами», а «казаки-черкесы» отличились саблями. Всего четыре цитаты: «полковой есаул Краса и сотник Отрешко подавали пример казакам действуя не-

прерывными ружейными и пушечными выстрелами»; "сотник Хан-гирей Гусаров – был первым наездником храбро бросаясь в середину неприятельских толп изрубил несколько человек черкес и тем подавая и другим российско подданным черкесам, бывшим в сем сражении, пример действовать на саблях неустрашимо»; «хорунжий Крим-гирей Чележа (?) – бросаясь в толпы неприятельские с саблею...»; «зауряд-хорунжий Василий Шевченко – храбростью своей ободрял казаков сражаться с неприятелем неустрашимо, поражая неприятеля на пиках».

Из рапорта 1827 г.: «Черкесы бросились на кавалерию в шашки, но та их сбила ...осталось 7 тел ...заколотых пиками». Два рапорта войскового старшины Могукорова за 1830 г. В сражении у Елизаветинского селения черкесы под предводительством знаменитого Казбича четыре раза атаковали казаков, пока, как писал Могукоров, «кавалерия моя приняв его в пики опрокинула назад к Могильному пикету»; «Неприятель обратился на меня с шашками... но видя храброе действие пиками и ружьями моих казаков начал постепенно отступать».

Из рапортов атамана Черноморского войска А. Д. Безкровного: «Горцы каждый раз были встречаемы мужественно на пиках, штыках и картечными пушечными выстрелами»; «Горцы с пренебрежением к жизни бросились с шашками в ряды наши и хотя мужественно были встречены на пиках и штыках, но смешавшись с нашими командами и лишившись в пылу сей битвы шашек действовали кинжалами с отчаянием. Одно мужество и неустрашимость с какой выдержала колонна сие жестокое нападение могли устоять противу неприятеля, поражаемого пиками и штыками» [106].

Нет смысла продолжать цитирование, все документы содержат примерно одинаковые формулировки. Выводы дореволюционных исследователей о приоритете огнестрельного оружия у черноморских казаков вполне справедливы. Упоминания о действии саблей вообще не встречаются в отчетах казачьих военачальников.

Подведем общие итоги. Еще в Запорожской Сечи холодное клинковое оружие «было вспомогательным» (Стороженко И. С., 2007). В Черноморском казачьем войске сабля не входила в разряд обязательного для казака оружия. «По штату» им полагались ружье, пистолет, пика. Впрочем, иметь саблю рядовому казаку не воспрещалось. Упоминания о саблях простых казаков в документах единичны. Они выглядят как исключение, подтверждающее правило. Руководство войска озабочено элементарными проблемами «одежи и обува» казаков, снабжения их хотя бы одним предметом вооружения. В годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. основную часть оружия казаки получают из русской армии. Собственного оружия мало, среди него преобладают ружья.

Источники фиксируют саблю почти исключительно у казачьих старшин. В этой среде сабля играет, прежде всего, репрезентативную роль, символизирует статус владельца и является скорее знаковой вещью, нежели инструментом войны. Войсковые чиновники явно предпочитали сабли турецкие или изготовленные в турецком стиле. Русские, польские, «малорусские» сабли составляли меньшинство. Персидские, ногайские, татарские сабли в письменных источниках не зафиксированы. Архивные источники вполне согласуются с путевыми записками и воспоминаниями путешественников, посетивших Кавказ в первой половине XIX в. Интереснейшие сведения на эту тему собрал и опубликовал М. В. Нечитайлов [107]. Приведем две цитаты из его работы. «Они ...сами одеваются за свой счет и в любые цвета по своему выбору, не обращая внимание на единообразие. Офицеры, по большей части, носят красные сапоги – их единственное (внешнее) отличие, – пишет цитируемый Кларком Реджинальд

Хебер (1783–1826), запечатлевший в 1806 г. Черноморское войско... – Их оружие – карабин, висящий на правом плече, пика 10 футов (3 м) длиной, с которой они управляются с помощью петли, обмотанной кругом правой кисти и руки, а иногда турецкие или черкесские сабли, пистолеты и кинжалы...»

«Сам доктор Кларк писал, что атаман и офицеры Черноморского войска носят «театральные и роскошные облачения, известные всему миру. Грудь у них закрыта золотыми цепочками и золотым галуном. Их сабля – турецкая; сапоги из красного или желтого цвета кожи; шапка из черного бархата, украшенная галуном и серебряными цепочками, или из черной тонкой татарской шерсти, снятой с не родившихся ягнят. Они подпоясываются шелковыми шарфами, содержащими пистолеты весьма ценной работы. Небольшая плеть, с коротким кожаным ремнем, крепится к их мизинцу. Нижний конец их пики поддерживается правой ступней, а к пороховнице, висящей спереди, крепятся серебряные монеты и прочие безделушки».

Первым подразделением Черноморского казачьего войска, в которое поступили на вооружение сабли, стала лейб-гвардии Черноморская конная сотня. В 1811 г. для нее в Туле были заказаны сабли, которые, вероятнее всего, представляли собой легкокавалерийские сабли образца 1798 г. На вооружение полковых казаков и казачьих артиллеристов в 1816 г. ввели легкокавалерийскую саблю образца 1809 г. Практика частных подрядов и мелкооптовых закупок обусловила некоторые детальные различия в саблях одного образца. Затем в Черноморское войско начинают поступать легкокавалерийские сабли образца 1817 и 1827 гг.

Значительное число казаков под разными предлогами уклонялось от приобретения сабель. Одни не могли их купить по бедности, другие понимали их малополезность на кордонной службе. Тяжелый асимметричный эфес и железные «шумные» ножны делали эти сабли обузой для казака-пограничника. К тому же сабля в употреблении технически сложное оружие, требующее если не постоянной тренировки, то хотя бы солидной базовой школы. Организовать же массовое профессиональное обучение владению саблей было в то время, пожалуй, невозможно.

Казаки, выходившие на кордонную службу, часто сабли оставляли дома. Порой это делалось с разрешения командиров. Казаки, имевшие сабли, все равно оставляли их в постах и выходили в пикеты и залоги с ружьями и пиками. С момента поступления в Черноморское войско сабель они проходят по документам как приборная вещь мундира. Таковыми они и остались. Мундир же требовался в следующих случаях: парады, торжественные церемониалы, почетные караулы, конвои важных персон и выход на внешнюю службу за пределы войска.

В документах 20–30-х гг. XIX в. не зафиксированы боевые эпизоды с применением сабель, хотя, возможно, они имели место. В бою черноморский казак полагался прежде всего на ружье. Это его главное и основное оружие, в обращении с которым он достиг заметных успехов (не говоря уже о таких выдающихся стрелках, как пластуны). Любой бой казаки начинали с огневого контакта (разумеется, кроме внезапных нападений). При атаке черкесской кавалерии, а тем более пехоты, почти всегда спешивались. Исход боя старались решить за счет наращивания интенсивности огня. Расход патронов в сражениях просто поражает, порой он в несколько раз больше, чем в егерских и пехотных полках, участвовавших в том же деле.

Если ружейный огонь не принуждал противника ретироваться (или заставляли обстоятельства боя), то применялся удар в пики. Причем пикой

действовали как в конном, так и в пешем строю. Во всех случаях главным фактором на поле сражения являлась артиллерия, которая поражала противника на гораздо более дальнем расстоянии, чем ружье, и зачастую решала исход дела.

Отсутствие традиции употребления холодного клинкового оружия, уровень владения им, слабая кавалерийская подготовка, особенности местности, неудачные образцы сабель только способствовали закреплению приоритета оружия огнестрельного. Холодное клинковое оружие в арсенале черноморских казаков находилось на последнем плане, так никогда и не достигнув того значения, которое ему придавали адыги и линейные казаки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Попко И. Д.* Боевое снаряжение и типы черноморских казаков в исходе XVIII и начале XIX века // Кубанские областные ведомости. – 1873. – № 48.

2. *Фролов Б. Е.* Оружие кубанских казаков. – Краснодар, 2002. – С. 7.

3. *Короленко П. П.* Предки кубанских казаков на Днестре // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т. 8. – С. 22.

4. *Бентковский И. В.* Заселение Черномории с 1792 по 1825 гг. // Памятная книжка Кубанской области. – Екатеринодар, 1881. – С. 20.

5. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 249. Оп. 1. Д. 276а.

6. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – СПб, 1896. – Т. 3. – С. 111.

7. Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1904. – Т. 11. – С. 120.

8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 45. Л. 72.

9. *Дмитренко И. И.* Указ. соч. – С. 260.

10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

11. Там же. Д. 25. Л. 12.

12. Там же. Д. 97. Л. 3.

13. *Дмитренко И. И.* Указ. соч. – С. 318.

14. Хрестоматия по русской военной истории / Сост. Л. Г. Бескровный. – М., 1947. – С. 266.

15. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 303. Л. 17.

16. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

17. Там же. Д. 13. Л. 21; Д. 9а. Л. 122.

18. Там же. Д. 43. Л. 83.

19. Там же. Д. 45. Л. 8–12.

20. Там же. Д. 190. Л. 50; Д. 223. Л. 11.

21. *Дмитренко И. И.* Указ. соч. – С. 125.

22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 20. Л. 56.

23. Там же. Д. 223. Л. 11.

24. Там же. Д. 216. Л. 8.

25. *Голобуцкий В. А.* Черноморское казачество. – Киев, 1956. – С. 325.

26. *Дмитренко И. И.* Указ. соч. – С. 699.

27. *Туренко А. М.* Исторические записки о войске Черноморском // Киевская старина. – 1887 (март). – С. 527.

28. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 33. Л. 18.

29. Там же. Д. 57. Л. 61.

30. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Л. 107.

31. Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 336. Т. 1–4.

32. *Боровой С. Я.* Национально-освободительная война украинского народа и еврейское население // Исторические записки. – М., 1940. – Т. 9. – С. 90; *Квасневич В.* Польские сабли. – СПб, 2005. – С. 6.

33. *Скальковский А. А.* Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии. – Одесса, 1845. – С. 230.

34. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 24. Л. 504.

35. *Demmin A.* Die Kriegswaffen in ihren ceschichtlichen entwickeluncen... – Leipzic. – S. 1020.

36. *Кулинский А. Н.* Немецкие клинки и клейма. – СПб, 2000. – С. 65.

37. *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. – М., 1995. – С. 29.

38. См.: *Фролов Б. Е.* Значение термина «черкеска» в лексике черноморских казаков конца XVIII – первой трети XIX веков (к постановке вопроса) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. – Краснодар, 2001.

39. *Квасневич В.* Польские сабли. – СПб, 2005. – С. 67.

40. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 38. Л. 415.

41. Там же. Д. 58. Л. 378.

42. *Сидоренко В. А.* Производство оружия на Украине XVI–XVII вв. // Третья Всесоюзная конференция историков оружия: тезисы докладов и сообщений. – Л., 1971. – С. 59.

43. Цит. по: *Д. В. Тоічкін.* Українська козацька шабля XVII–XVIII ст.: Морфологічні типи й осередки виробництва // Військово-історичний альманах. – Київ, 2006. – С. 105.

44. Українське козацтво: Мала енциклопедія. – Київ – Запоріжжя, 2002. – С. 559.

45. *Тоічкін Д. В.* Козацька шабля XVII–XVIII ст.: історико-зброєзнавче дослідження. – Київ, 2007.

46. *Фролов Б. Е.* Оружие знаменитых кубанцев // Кубанский сборник. – Краснодар, 2006. – Т. 1.

47. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 9. Л. 63.

48. *Маковская Л. К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XVI–XVIII веков. Определитель. – М., 1992. – С. 44.

49. *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. – Киев, 1957. – С. 264.

50. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 453. Л. 20.

51. Там же. Оп. 2. Д. 241. Л. 16.

52. Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 38. Л. 85.

53. Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 453. Л. 25.

54. *Нерсисян М. Г.* Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. – Ереван, 1965. – С. 335.

55. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 210. Л. 14.

56. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 634. Л. 59–72.

57. Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 453. Л. 20.

58. *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие XVIII–XX вв. – СПб, 2001. – С. 102.

59. Цит. по: *Нерсисян М. Г.* Указ. соч. – С. 340.

60. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 663. Л. 2.

61. Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 303. Л. 17.

62. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 788. Л. 2.

63. *Кулинский А. Н.* Указ. соч.; *Федоров В. Г.* Холодное оружие. – СПб, 1905; *Молло Е.* Русское холодное оружие XIX века. – Лондон, 1961.

64. ГАКК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 52.

65. *Короленко П. П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. – Екатеринодар, 1910. – С. 287.

66. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

67. Там же. Д. 3. Л. 4.

68. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 808. Л. 121.

69. Там же. Д. 807. Л. 2.

70. Там же. Д. 812. Л. 29.

71. Там же. Д. 894. Л. 19.

72. Там же. Д. 913. Л. 57–72.

73. Там же. Ф. 286. Оп. 1. Д. 36. Л. 60.

74. Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 24. Л. 21.

75. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 812. Л. 69.

76. Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 149. Л. 5.

77. Там же. Д. 30. Л. 5.

78. Там же. Ф. 294. Оп. 1. Д. 18.

79. Утверждение русского владычества на Кавказе. – Тифлис, 1904. – Т. 2. – С. 350.

80. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

81. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 814. Л. 1.

82. Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 161. Л. 2.

83. Там же. Л. 5.

84. *Кулинский А. Н.* Европейское холодное оружие. – СПб, 2003. – С. 96.

85. ГАКК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 45. Л. 38.

86. Там же. Ф. 285. Оп. 1. Д. 40; Ф. 288. Оп. 1. Д. 74; Ф. 250. Оп. 2. Д. 652.

87. Там же. Ф. 294. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

88. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 607. Л. 17.

89. См.: *Матвеев О. В., Фролов Б. Е.* Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. – 1917 г.). – Краснодар, 2000.

90. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. – СПб, 1901. – Т. 18.

91. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 746. Т. 3. Л. 608.

92. Там же. Ф. 286. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

93. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 695.

94. Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

95. *Пинк И. Б.* Палаши и ножи точить водою... // Прореа. – № 5.

96. ГАКК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

97. Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 77.

98. Там же. Ф. 396. Д. 3399.

99. *Боплан Г. Л.* Опис України, ... – Київ, 1990. – С. 31.

100. *Свешников И. К.* Битва під Берестечком. – Львів, 1993; *Шпитальов Г. Г.* Запорозьке військо період Нової Січі // Південна Україна XVIII–XIX століття. – Запоріжжя, 2003; Історія українського козацтва. – Київ, 2006; *Стороженко И. В.* Военная доктрина Запорожской Сечи конца XVI – первой половины XVII в. // Запорожская старина. – Киев – Запорожье, 2007. – Вып. № 4.

101. *Попко И. Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – СПб, 1858. – С. 192, 193.

102. Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг. / Под ред. Е. Д. Фелицына. – Воронеж, 1888. – С. 297.

103. *Потто В. А.* Генерал Власов // Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1916. – Т. 2. – С. 1007.

104. *Есаул* (И. Д. Попко). Пешие казаки // Военный сборник. – СПб, 1860. – № 11. – С. 110.

105. *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1913. – Т. 2. – С. 116, 825.

106. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 730, 762, 909, 957, 959, 1009, 1042, 1057.

107. *Нечитайлов М. В.* Униформология – кавказский контекст: казачий мундир в известиях иностранцев // Вопросы южнороссийской истории. – М. – Армавир, 2008. – Вып. 4. – С. 81.

Глава 2

ШАШКИ

В первой главе мы описали попытку командира Отдельного Кавказского корпуса А. П. Ермолова внедрить шашки в вооружение черноморских казаков еще в 1822 г. Шашка «проиграла» сабле, показав «большое неприличие мундиру чрез подтяжку у кушака». Но все – и войсковые чиновники, и русские генералы – находили шашку гораздо «способнее» для казаков. Дадим краткую характеристику этому оружию.

Название «шашка» происходит от кабардино-черкесского са'шхо, что означает «длинный нож» или «большой нож» (у адыгских авторов встречаются и другие орфографические варианты: сэ-шхо, сэ шхуэ).

Большинство историков, занимавшихся вопросом происхождения шашки, считают, что она возникла на основе эволюции сабли [1]. Заметим, что исходя из названия более логичной представляется эволюция большого ножа или тесака в шашку, нежели эволюция длинной узкой адыгской сабли со штыковым концом и сабельным эфесом. Интересную версию предложила Э. Х. Панеш. «Что явилось прототипом адыгской шашки? – задает вопрос ученая. – Вне всякого сомнения, колчанная сабля, т. е. турецкий кама (палаш. – *Б. Ф.*) можно рассматривать как прототип шашки (опосредованно через колчанную саблю)».

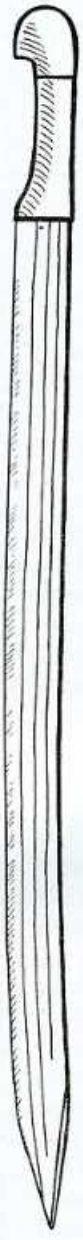
Известный оружиевед Э. Г. Аствацатурян отмечала: «Очевидно, у черкесов и следует искать родину этого оружия. В письменных источниках слово "шашка" впервые было употреблено Джиованни де Луккой в 1625 г. при описании оружия черкесов – "они ловко действуют шашкой"» [2]. К ранним вариантам шашки она относит короткие малоизогнутые клинки без гарды, встречающиеся в адыгских погребениях XII–XIII вв.

Краснодарский исследователь Р. Б. Схатум, специалист в области средневекового вооружения адыгов, на основе изучения богатейших археологических коллекций КГИАМЗ (многие из которых еще не введены в научный оборот) пришел к другим выводам, которые представил нам в виде коротких тезисов. «О шашке в вооружении адыгов на основе письменных источников достоверно можно говорить лишь со второй половины 1730-х гг. (сообщение Д. де Лукки за 1625 г. Р. Б. Схатум считает ошибкой переводчика. – *Б. Ф.*). О более раннем времени ее применения адыгами пока нет никаких данных (археологических, этнографических, письменных). Доводы некоторых исследователей (Е. П. Алексеевой, Э. Г. Аствацатурян, Ю. Ю. Чахкиева и др.) о более раннем ее появлении в средние века были сделаны без соответствующего анализа тех данных, на которые они ссылаются.

Адыгская сабля со штыковидным боевым концом. Северо-Западный Кавказ. XIV в.

Клинки подобного типа находились на вооружении адыгов и в XVI–XVII вв. У Эвлия Челеби: «Острия их мечей похожи на острия четырехгранных и трехгранных копий. Вначале они останавливают врага мечами, потом мечами же рубят».

Колчанная сабля. Рисунок из статьи Э. Х. Панеш

Небольшая цитата из работы А. С. Марзея: «Сабля колчанная (джатэ). Этот вид холодного оружия, по-видимому, не входил в число обязательных в экипировке черкесского воина. О ней упоминает Хан-Гирей: «Она носится при колчане, имеет ручку чешуйчатую и обыкновенно бывает оправлена в желтую медь, с искусством чеканенную. Эта сабля имеет то преимущество над шашкою, что ею можно рубить и колоть, между тем как шашкою можно только рубить».

Так называемая «колчанная сабля» могла носиться не только при колчане, но и крепиться к седлу. Об этом сообщает Д. Кук, свидетельство которого относится к 40-м гг. XVIII в. «Когда они сидят на лошади, – писал он о кабардинцах, – у них к седлу прикреплена сабля под левым бедром, а другая висит у левого бока».

В документах Черноморского войска первой трети XIX в. встречаются сообщения о «шашках, увязанных на передней луке».

Не подтверждается также версия Х. Х. Яхтанигова, А. Х. Нагоева и ряда других исследователей о происхождении шашки от длинной адыгской сабли со штыковидным острием. Противоречат известному мне материалу и выдвинутые тем же А. Х. Нагоевым причины ее появления, распространения и вытеснения сабли.

Прототипы шашек действительно, как считает Э. Г. Аствацатурян, существовали параллельно саблям. Однако длина их была не около метра, а значительно меньше. Есть два близких варианта их генезиса до XVIII в.: 1. В Абхазии известны короткие (судя по рисункам, не более 50 см) однолезвийные «мечи» с прямыми и вроде однолезвийными клинками и с рукоятью, отдаленно напоминающей шашечную, и без перекрестия. Они заострены на конце и датируются XIV–XVI вв.

2. В позднесредневековых погребениях адыгов встречаются ножи, скорее всего боевые. Они примерно в два раза короче «классической» шашки нового времени (длина 72–76 см) и достигают в длину 40 см». В настоящее время Р. Б. Схатум готовит монографию по оружию адыгов позднего Средневековья. Будем ждать более развернутой аргументации.

Характерная черта шашек – незначительной кривизны клинок. Нередко изгибается лишь нижняя треть клинка, а верхние две трети почти совершенно прямые. Шашечные клинки более короткие, чем сабельные (700–750 мм) и более легкие. Как правило, расковаными они на несколько долов. На черкесских шашках часто встречаются два дола, образующих центральное ребро; затем верхний дол разделяется на два узких.

Особенно примечателен эфес шашки. Он не имеет гарды, т. е. каких-либо приспособлений для защиты руки. На плоский хвостовик приклепывались две роговые, костяные или деревянные «щечки», образующие рукоять. Ее головка была округлой формы, с выемкой и «клювом» снизу и клиновидным вырезом сверху, образующим «уши». Порой рукоять делалась цельной, и тогда в ней выполнялся паз под хвостовик.

Раздвоенные рукояти холодного оружия известны с древнейших времен в разных местах. Мы придерживаемся версии сакрального характера их изначального происхождения. Плодотворную работу по этой теме провел Г. Э. Введенский [3]. Впрочем, изначальная сакральность раздвоенных головок к форме шашечной рукояти никакого отношения, по нашему мнению, уже не имеет. В ряде публикаций утверждается, что раздвоенная головка рукояти имела практическое значение – на нее опирался ствол ружья для верности выстрела. Так ли это? Давайте сформулируем ряд вопросов в следующей последовательности.

Вопрос первый: действительно ли «создатели» шашки придумали такое конструктивное решение головки для удобства использования огнестрельного оружия? Ответ будет однозначный – нет. Ответить «да» нельзя хотя бы потому, что никто точно не знает, когда появилась шашка, какая у нее в то время была головка, использовалось ли уже на Кавказе огнестрельное оружие и т. д.

Вопрос второй: можно ли выстрелить из кавказского ружья с упором ствола в раструб головки шашки? Ответ: если очень постараться, то да. Но это сопряжено с такими неудобствами, что теряется весь смысл опоры. Давайте смоделируем алгоритм выстрела (что не раз проделал автор во дворе музея). Вы берете в левую руку шашку, упираете ее в землю и кладе-

Слева: *самая ранняя шашка из собрания ГИМ, датированная 1713 г. В фондах КГИАМЗ хранится шашка с процарапанной надписью: «1713 года» (*в центре*)*

На наш взгляд, аутентичными изображениями на клинке являются только зубчатая дужка и полусферические лунки, граффити появилось позже. В пользу этого свидетельствует наличие еще одной идентичной шашки, но без каких-либо надписей (справа). *Палеографический анализ заставляет усомниться в синхронности заявленной даты и времени ее нанесения. Мы бы отнесли клинок к XIX в., назвав шашку, согласно одной из дореволюционных типологий, «дагестанской гурдой».*

Рукояти шашек цельные, роговые, под хвостовик в них сделан пропил. Уши головки обозначились за счет естественной полости в роге. Конец хвостовика проходит через перемычку между череном и головкой и выглядывает наружу между ушей.

Общая длина («подписной» шашки) – 950 мм, клинка – 790, ширина – 36, изгиб – 35/420 мм

Черкесские шашки XVIII – начала XIX в.

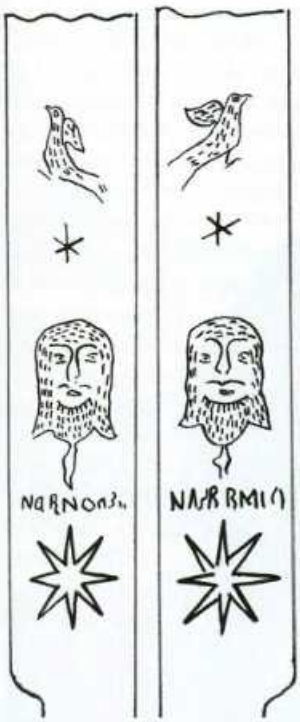
Маленькие компактные («зализанные») головки рукоятей с плотно сжатыми ушами исключают саму мысль об использовании оружия в качестве подсошек. Легкие изящные клинки невольно напоминают старую кабардинскую поговорку: «Шашка должна быть легкой как перо, упругой как лоза, острой как бритва. Кто носит тяжелую шашку, тот не надеется на умение».

Безымянный исследователь («А. Б.») конца XIX в. писал: «Сказать, что абхазская и кабардинская шашка местного изделия однотипны – будет слишком мало. Они совершенно тождественны, точнее, это одна и та же шашка, различающаяся начертанными на них изображениями». Слева – рисунок из рукописи с характерными для абхазской шашки изображениями. На фотографии шашки – несколько похожее изображение. Впрочем, еще больше оно напоминает «процветшие» головы демонов на иранских шлемах эпохи Каджар. На левой стороне клинка вытравлены полумесяц и десять солярных кружков (в два ряда по пять штук в каждом). Размеры: 870, 735, 30 (здесь и далее первая цифра означает общую длину в мм, вторая — длину клинка, третья — ширину клинка у эфеса)

те на головку ствол ружья. Стрельба, естественно, ведется в положении «с колена». О точности выстрела не приходится и мечтать. Кавказское ружье длинноствольное, а упор находится слишком близко от стрелка (на расстоянии вытянутой руки). При средней длине шашки в 85 см стрелок вынужден находиться на распрямленном правом бедре, что создает неустойчивое положение. Взять линию прицеливания очень тяжело, тем более что прицел в кавказских ружьях отнесен ближе к прикладу.

Значит, нужно углубить шашку в землю и уложить на нее ствол ближе к дульному срезу. Чтобы придать шашке устойчивость, ее надо воткнуть в землю на 15–20 см минимум. Это сделать не так просто, как кажется. Допустим, нам это удалось. Теперь высота шашки над землей 65 см, а средняя высота от земли до ствола оружия при стрельбе с колена составляет 80 см (рост автора 175 см). Какую же позу должен принять стрелок, чтобы взять ровную линию прицеливания?

В этих рассуждениях мы вообще не касаемся ширины раструба головки, а ведь для черкесских шашек XVIII–XIX вв. характерны компактные головки с плотно сжатыми ушами, между которыми не положишь ствол ружья.

Вопрос третий: а нужны ли были кавказским горцам шашки в качестве опоры при стрельбе? Ответ будет отрицательный. Как следует из письменных и изобразительных источников XVIII–XIX вв., горцы для этой цели использовали короткие сучковатые копья («подсох» по казачьей терминологии) и на отростки этих сучков укладывали ствол. Еще шире использовались самые настоящие подсошки простой и оригинальной конструкции. Два тонких деревянных прутика заострялись внизу (или отделывались костью), а вверху связывались кожаным ремешком. На эту перемычку и клали ствол ружья. Носились подсошки при ружейном чехле. Известны подсошки и в форме рогульки.

Если в неизвестном нам источнике говорится о стрельбе с упором в шашку, то этот случай надо рассматривать как единичный, а вовсе не как типичный. Прямую аналогию подобному мы видим в пресловутой стрельбе иголками русских солдат в черкесских панцирников.

Конструкция эфеса кавказской шашки позволяла утапливать клинок в ножны по самую головку, что делало оружие более удобным в носке и не мешало при конном, а тем более пешем движении по лесу, горам, кустарнику и т. п. Ножны были деревянные, обтянутые кожей. Они не гремели, не бряцали, не тупили клинок. Портупейные кольца крепились на выпуклой стороне ножен и носили шашку лезвием вверх, клинок из ножен

«Чеченец и лезгин». Паули, 1862 г.

Показан способ стрельбы с использованием подсошек.

«Разборчивый вкус черкеса, не терпевший ничего тяжелого и неуклюжего, – писал Н. Дубровин, – положил свою печать и на присошки. Два тонкие деревянные прута, обделанные по концам костью и связанные на верху ремешком – вот черкесские присошки. Они имеют вид циркуля, иглы которого втыкаются в землю, а наверх кладется ружье. Присошка легка и удобна в потреблении; если черкесу не было места пристегнуть ее к седлу, он пристегивал к ружейному чехлу, и она не мешала ни на волос ни пехотинцу, ни всаднику». (*Дубровин Н.* Черкесы (адыги). – Краснодар, 1927. – С. 3.)

вынимался прямо перед собой, без выноса руки вправо. Впрочем, Х. Х. Яхштанигов считает подобную конструкцию ножен модой XIX в., а в более ранний период шашки, по его мнению, носились лезвием вниз.

Удобство вынимания шашки вперед исследователи обычно связывают с возможностью нанесения более быстрого удара. Возможно, при неожиданном нападении это и могло сыграть какую-то роль, но краткий миг преимущества все равно пропадал вследствие вытаскивания шашки в два темпа: вначале частичное обнажение оружия хватом за головку, а затем уже боевой хват за рукоять. Сами же черкесы в XVIII–XIX вв. обнажали шашки задолго до непосредственного контакта с противником: в конном строю – за 50–20 м до неприятеля, а при нападении на пешие колонны – еще в самом начале атаки. Вероятно, так они поступали и раньше, когда сложилась подобная система подвески.

Преимущества подвески к выпуклой стороне мы видим в следующем. Шашка подвешивалась в чуть наклонном положении, чтобы не выступать за габариты тела и меньше цепляться за посторонние предметы. В этом положении с учетом формы клинка ее просто не очень удобно вытаскивать обычным хватом (сильно сгибается кисть руки и локоть тянет вправо); рука с обратным хватом гораздо легче идет вверх.

Про удобство вынимания шашки вверх обратным хватом автору рассказали в конце 1960-х гг. старые казаки-кавалеристы – участники Первой мировой и Гражданской войн. С их же слов записано и следующее объяснение. В рядах вооруженного саблями противника встречались следующие инциденты: при быстром и нервозном вынимании сабли вправо случались порезы шеи лошади, а бывало, у нее обрубались уши. Возможно, это лишь устойчивая фронтовая байка, но при вытаскивании шашки подобного произойти не могло.

И последнее: вынимая клинок направо, воин всегда (с учетом природных условий и характера военных действий на Кавказе) рисковал зацепиться за какой-нибудь предмет или, что еще хуже, поранить стоящего (бегущего) рядом товарища. Разумеется, вынимая шашку вверх/вперед, он видел, что или кто находится перед ним.

Главное конструктивное достоинство шашки заключалось в удачных весовых пропорциях. Облегчение эфеса вызвало передвижение центра тяжести, а следовательно, и центра удара, ближе к боевому концу шашки. Тем самым оружие как бы удлинялось. Дело в том, что в клинковом ударном оружии «рабочая» часть составляет примерно 20 см [4]. Здесь и находится центр удара. Если удар наносится этим местом, то вибрация клинка отсутствует; если удар приходится на другую часть оружия, то нападающий получает сильный толчок рукояти и рискует «отсушить» руку или выронить оружие. Молодых черкесских воинов специально учили после сильного удара на мгновение расслабить кисть руки [5]. Поэтому чем ближе центр удара к концу оружия, тем оно вроде бы длиннее. А центр тяжести является наилучшей точкой для отражения вражеского удара.

Кроме того, шашечные клинки обладали удачным отвесом. Это – ощущение, чувство, которое легче всего выразить словами «сама идет». Клинки с такими свойствами называют «ведущими». При ударе клинок резко идет вниз и сам уже увлекает, ведет руку. «Если поставить клинок стоймя на головку рукояти, – писал о подобном оружии Р. Ф. Бёртон, – эффект становится очевиден – меч падает лезвием вперед не хуже топора» [6]. Правда, при ударе «ведущими» клинками часть сил, при сильном резком замахе, приходилось тратить на преодоление инерции замаха.

Сила холодного оружия рассчитывается по формуле, где масса умножается на скорость в квадрате [7]. Легкая шашка позволяла наносить более быстрые, меткие и в то же время мощные удары. Надо заметить, что вследствие малой изогнутости клинка шашкой можно было рубить с успехом в обе стороны, «преимущество в пешей схватке, безусловно, неоценимое» [8]. Просто и удачно сказал о шашке один исследователь начала XX в.: «Кавказская шашка ловка и удобна в руке. У всякого, кто ее возьмет, возникнет непременное желание что-либо ею рубануть». В условиях Кавказской войны удобство шашки в пешем бою имело неоценимое значение. Большая часть стычек русских войск с черкесами сопровождалась пешими атаками горцев с шашками и кинжала-

Черкес или кабардинец в своей повседневной одежде с винтовкой, саблей и кинжалом... // Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб, 2002.

Обращаем внимание на плечевую тесьму с висящей на ней пороховницей. В форму обмундирования кубанских казаков плечевая тесьма была введена приказом от 14 декабря 1871 г. для ношения роговой капсюльницы. В войсковых документах речь всегда идет о тесьме для натруски, так как на вооружении казаков находились (и будут находиться вплоть до 1880 г.) кремневые «азиатские» пистолеты.

«Казаки, лезгины и черкесы на Линии». Французская гравюра середины XIX в. *Судя по всему, художник изобразил чинов императорского конвоя*

А. А. Бестужев-Марлинский в письме к К. А. Полевому от 2 октября 1834 г. дал такую оценку действиям неприятеля в лице черкесов: «А закубанцы. черт меня возьми, такие удальцы, что я готов бы расцеловать иного! Вообразите, что они стоят под картечью и кидаются в шашки на пешую цепь, – прелесть что за народ... Быстрота их движений и коней невообразима».

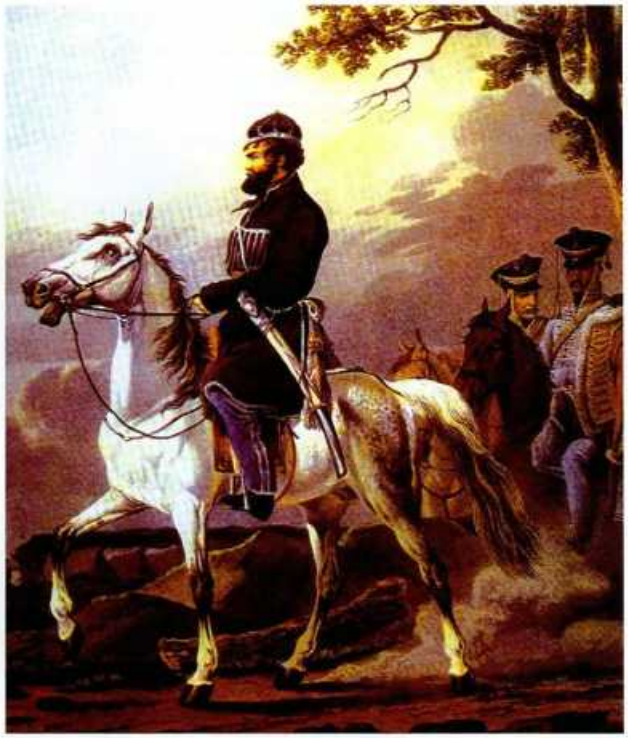
Из воспоминаний поручика Н. В. Симановского: «При занятии аула несколько конных черкес были от нас не более как на 1/2 ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, нимало не конфузясь, удалялись от нас шагом и маленькою рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собою, но это, верно, не здешние сапсуги, а верно кубанские или абазехи, которые на сражения надевают самое лучшее платье, какое у них есть». (Дневник поручика Н. В. Симановского 2 апреля – 3 октября 1837 г. Кавказ // *Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь. СПб, 2000. – С. 415.)

ми в руках. Потери в таких боях были гораздо выше, чем в конных, число убитых – неизмеримо больше, изрубали, что называется, в куски.

Безусловно, шашка – не идеальное и не универсальное оружие, такого и быть не может. Вследствие малой изогнутости клинка шашкой труднее было нанести скользяще-режущий удар, более действенный против неприятеля без оборонительного доспеха. Этот недостаток компенсировали приемом, называемым «оттяжка». Однако на последнюю уходила часть силы удара, да и в неумелых руках прием не всегда удавался. Адыги, обучаемые владению шашкой с детства, использовали его успешно. Один из современников вспоминал: о том, что на почтовых работников напали именно адыги, узнали по характерным страшным ранам.

Удаление центра тяжести к боевому концу затрудняло фехтование шашкой. Однако в настоящем кавалерийском столкновении (кавалерийский шок сам по себе большая редкость) этого практически и не требовалось. То было далеко не салонное фехтование и тем более не «киношный» бой.

Ниже мы приведем ряд примеров на этот счет, пока же ограничимся следующими очень удачными высказываниями. «Саблями рубятся, шашками – рубят» [9].

«Д. В. Давыдов (1784–1839)». Раскрашенная гравюра М. Дюбурга по оригиналу А. Орловского. 1814 г. *Герой войны 1812 г. показан в полной черкесской экипировке, мало того, на бедре его скакуна стоит клеймо знаменитого конского завода Шолох* (Черкесская лошадь. Сборник источников / Сост. С. Х. Хотко. – Нальчик, 2008.)

Из воспоминаний Дениса Давыдова: «До рассвета я велел партии готовиться к парадному вступлению в город [Дрезден], то есть чиститься и холиться; надо было блеснуть, чем бог послал... Я тогда носил курчавую, черную, как крыло ворона, и окладистую бороду; одежда моя состояла в черном чекмене, красных шароварах и в красной шапке с черным околышем; я имел на бедре черкесскую шашку и ордена на шее». (*Денис Давыдов.* Сочинения. – М., 1962. – С. 439.)

Генерал Торнау в 1864 г. писал, что шашка позволяла наносить ужасающие удары, делавшие излишним изощренное искусство фехтования. «Черкесская шашка, – писал Н. Дубровин, – остра как бритва, страшна в руках наездника и употреблялась им не для защиты, а для нанесения удара, который почти всегда был смертелен».

К недостаткам шашки относятся и непрочные, часто ломающиеся ножны. В 1822 г. Войсковая канцелярия, подсчитывая расходы казаков на их содержание, прикидывала ежегодную смену ножен. Часто случались повреждения кожи, к тому же она буквально прела от соприкосновения с боками лошади. И дерево, и кожа легко впитывали влагу и разбухали, а потом ссыхались. Всем работающим с оружием хорошо известны эти «севшие» ножны, из которых вытащить клинок – целая проблема. Ножны долго держали влагу, и, казалось бы, после их полного высыхания за клинком требовался очень тщательный уход.

В целом же шашка представляла собой удачный вид клинкового оружия, как нельзя лучше отвечавший условиям местности и характеру военных действий на Кавказе. Не зря ее переняли линейные казаки, не зря ее приняли в Нижегородском драгунском полку и потом отчаянно за нее боролись.

Шашка солдатская азиатского образца 1834 г. Россия, Златоуст. 1893 г.

Донской казак, донской станичный атаман (вверху), есаул войска Донского и старшина войска XVIII в. (по Ригельману). *1847 г.*

Сам А. Ригельман в книге «История и повествование о донских казаках» писал: «Они почти все смуглого и румяного лица, волосом черные и черно-русые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы. Оружие их: ружья, пистолеты, копья, шашки и сабли. Болезней мало знают, небольшая часть умирает против неприятеля и от старости. Платье носят почти совсем татарское, парчовое, штофное и суконное, кафтан и полукафтаны или бешмет, и штаны широкие, сапоги и шапки черкесские, опоясываются кушаками. Волосы на голове вокруг подстригают, ходят с бородами, а некоторые, оставляя усы, бреют».

...Рассказывая о попытке вооружения черноморских казаков шашками в 1822 г., мы упомянули, что воспользоваться разрешением иметь их сверх сабель могли в основном офицеры войска (да и то не все). С другой стороны, некоторые офицеры начали носить шашки на кордонной службе еще до разрешения корпусного командира. Из замечаний по результатам осмотра кордонной линии 1821 г.: «10 пешего полка нашел полкового есаула Ниякова самовольно отлучившегося с поста Воронежского и весьма в пьяном виде без мундира пристойного офицеру, а в нанковом сюртуке и при шашке» [10].

Из дела «об утоплении войскового полковника Бурсака» за 1825 г. (Афанасий Федорович Бурсак – старший сын атамана Ф. Я. Бурсака, первый командир Черноморской гвардейской сотни): «Бурсак ...взял рукою имевшийся у шашки на Галушке бывшей темляк, ворочая оной и как тесьма была при нем старая кожаная и избитая, оторвал нечаянно, бросил на землю»; «Бурсак ...слез с лошади ...его крепостной взял лошадь и сброшенную им черкесскую шашку и плеть» [11].

Заметное распространение шашек в среде офицеров подтверждает свидетельство де Бесс: «Подобное черкесское вооружение перенято даже офицерами черноморских казаков» [12].

Официально шашки для казачьих войск России вводятся в 1838 г. [13]. В высочайше утвержденном 29 апреля «Описании изменениям в обмундировании и вооружении...» по поводу шашки для 7-го Черноморского эскадрона и войска мы находим следующее: «Вместо сабель шашки. У офицеров рукоять, гайки с кольцами и наконечник вызолоченные. Ножны деревянные, обтянутые черным сафьяном, с таким же чехлом; а у нижних чинов рукоять с гайками и наконечником медные, ножны деревянные, обтянутые черною кожею, без чехла» [14].

Портупея в лейб-гвардии 7-м Черноморском эскадроне: «У офицеров из серебряной тесьмы без процвета, подложенная алым сафьяном; а у нижних чинов из красной юфты». В Черноморском войске: «У офицеров из серебряной тесьмы без процвета, подложенная черным сафьяном; у нижних чинов из черной глянцевой кожи».

Принятие на вооружение шашки образца 1838 г. было подтверждено новыми описаниями формы обмундирования и вооружения Черноморского казачьего войска от 1 ноября 1840 г. и 1 февраля 1841 г. [15]. Наконец, 1 июля 1842 г. было утверждено новое Положение о Черноморском казачьем войске. В приложении к этому документу давалось новое описание формы обмундирования и вооружения с некоторыми изменениями и уточнениями [16].

В лейб-гвардии Черноморском дивизионе офицерам полагалась следующая портупея к шашке: «Обыкновенной серебряной портупейной тесьмы, шириною 4½/8 вершка, подшитая красным сафьяном с серебряным прибором, носится чрез плечо». Нижним чинам: «Два портупейные из красной юфты ремня шириною 7/8 вершка пришиты к поясу (пояс полагался из красной юфты той же ширины, был обшит по краям гвардейским оранжевым басоном. – *Б. Ф.*), две пряжки портупейные прежние медные с запряжниками и гайками из этой же юфты».

Портупея офицеров конных полков отличалась подшивкой черным сафьяном. Темляк – кавалерийский. У нижних чинов конных полков два портупейных ремня из черной глянцевой кожи шириной 6/8 вершка пришивались к поясу той же кожи и ширины; пряжки портупейные медные.

Шашка казачья нижних чинов образца 1838 г. Россия, Тула

Шашки казачьи нижних чинов образца 1838 г. Россия, Тула. 1845, 1842, 1845 гг.

В пеших батальонах шашка полагалась только офицерам. Портупея: «две портупейного галуна тесьмы, подшитые черным сафьяном, пришиваются к поясу». Темляк – пехотный. Офицеры конно-артиллерийских батарей имели портупею по образцу конных полков, только золотую; нижние чины – по образцу конных полков, но из красной юфты. Офицеры пешей гарнизонной артиллерийской роты – по образцу пеших батальонов, только золотую.

В «Военном журнале» за 1843 г. утверждается, что нижние чины лейб-гвардии Черноморского дивизиона не имели темляка [17]. Но в высочайше утвержденной в 1845 г. «Табели мундирным, амуничным и прочим вещам...» продолжают значиться темляки к шашкам «кожаные по образцу».

Общеказачья шашка образца 1838 г. соединяла, как нам кажется, черты европейского и кавказского оружия, представляя своего рода переходный тип. Опишем шашку для нижних чинов (КМ-6102).

Клинок искривленный, однолезвийный (обух плавно сужается к острию), с одним широким долом. На обухе надпись иглой: «Тула 1843 года». Эфес без гарды и состоит только из рукояти (все металлические части эфеса латунные). Рукоять деревянная, плотно обмотана проволокой серо-белого цвета (диаметр около 1 мм). Спинку рукояти покрывает планка, переходящая в раздвоенную головку. В основании головки, между ушами, прямоугольное отверстие, через которое виден конец хвостовика (он даже не выходит наружу). Крепление головки с хвостовиком осуществлено с помощью поперечной латунной заклепки. Низ рукояти обрамляет фигурная втулка, под которую заходит нижний конец планки, покрывающей спинку.

Ножны деревянные, покрыты черной лакированной кожей. С обратной стороны кожа прошита «зигзагом»; шов уходит в желобок полукруглой формы, выбранный в деревянной планке ножен. Латунный прибор ножен состоит из устья, двух обоймиц и наконечника. Нижняя часть устья и верхняя наконечника оформлены в форме килевидной арки. Устье прикреплено к ножнам заклепкой с полусферической шляпкой. Обоймицы – в виде плоских обручей 26 мм шириной. На верхней обоймице с обратной стороны припаяна петля, в которую пропущено кольцо диаметром 28 мм. На нижней обоймице петля припаяна на ребре, кольцо того же диаметра.

Размеры: общая длина 960 мм, длина клинка – 820, ширина – 33, изгиб 45/400 мм.

В коллекции КГИАМЗ хранится десять шашек образца 1838 г. Все, кроме одной, изготовлены в Туле. Самая ранняя датирована 1839 г., самая поздняя – 1845-м. На обухе одной шашки надпись: «Златоустъ апреля 18...3 года». Все остальные шашки, в отличие от описанной, имеют желобковатую рукоять (за счет обмотки шнурком толщиной примерно 1,5 мм, витки через 5 мм), покрытую черной кожей. В двух экземплярах, помимо поперечной заклепки, крепеж головки с планкой осуществлен путем расклепки хвостовика между ушами. У одной шашки поперечная заклепка не из латуни, а железная (1842 г. выпуска). Во всех остальных экземплярах конец хвостовика или не доходит до места расклепки, или выходит наружу между ушами головки на 5–10 мм. Наибольшая общая длина составляет 1025 мм, наименьшая – 960; длина клинка – соответственно 865 и 820 мм. Ширина клинка – от 33 до 36 мм. Наибольший изгиб достигает 55 мм. Центр тяжести – в районе 170–180 мм.

Шашка казачья нижних чинов образца 1838 г. Россия, Тула. 1843 г. (КМ-6102)

Шашка казачья офицерская образца 1838 г.
(КМ-1029)

Шашка казачья офицерская образца 1838 г. (КМ-1030)

Офицерская шашка образца 1838 г. отличалась прежде всего отдельной головкой рукояти и более коротким изящным и легким клинком. Все три шашки этого образца в музейном собрании имеют настолько легкий и узкий клинок (в центре удара он равен всего 20 мм), что возникают вполне резонные сомнения в его боевых достоинствах. Опишем шашку КМ-1029. Клинок стальной, искривленный, однолезвийный, двудольный. От эфеса идет вначале один широкий дол и доходит практически до острия, в 310 мм от эфеса около обуха начинается узкий долик. Обух плавно утончается от 7 до 2 мм у острия.

Эфес состоит только из рукояти. Нижняя часть рукояти оправлена фигурной латунной втулкой, спаянной из двух половинок. Черен деревянный, овального сечения, покрыт черной кожей и обмотан по поперечным желобкам витой проволокой. Концы проволоки вверху и внизу загнуты и вбиты в черен и для надежности зафиксированы деревянным клинышком (реже практиковалось пропускание проволоки в полость, выбранную для хвостовика; при надевании черена проволока загибалась и зажималась хвостовиком). Верхней части черена (равно как и нижней) придана цилиндрическая форма для посадки головки.

Головка латунная, кавказского типа, с ушами, выполнена из двух литых половинок, спаянных между собой латунью. Сверху впаян V-образный клин, закрывающий головку и образующий уши. Внутри головки на расстоянии 9 мм от края впаяна 5-мм перемычка (естественно, круглой формы), в которой нарезана резьба. Головка накручивается на хвостовик, конец которого на 10 мм покрыт дюймовой резьбой.

Размеры: общая длина – 930 мм, длина клинка – 780, ширина клинка – 30, центр тяжести – в 160 мм от эфеса.

Вторая шашка (КМ-1030) имеет клинок, аналогичный описанному, только еще более узкий – 28 мм у эфеса, толщина обуха 6 мм. Латунные детали рукояти резко отличаются от КМ-1029 технологией изготовления и способом крепления. Хвостовик расклепан на шайбе, наложенной на верхнюю часть круглого в сечении черена. Головка была надета внатяг на посадочное место черена и закреплена гвоздиком, проходящим сквозь отверстие, проделанное с внутренней стороны головки чуть выше ободка (более ненадежное крепление трудно придумать).

Головка (и нижняя втулка) выполнена на пресс-форме и спаяна латунью с внутренней стороны. Напаянная сверху «крышка» не клиновидного, а скорее овального характера.

«Казаки». Паули, 1862 г. Изображены донская казачка, казаки л.-гв. Казачьего полка, Атаманского полка и казак л.-гв. Черноморского дивизиона. Его вооружение: шашка казачья образца 1838 г. и кинжал образца 1840 г.

История лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона начинается с Черноморской гвардейской сотни. Днем рождения сотни принято считать 18 мая 1811 г. Этим числом датировано предписание военного министра о выборе в число гвардии сотни конных казаков от войска Черноморского. 20 мая 1815 г. Черноморская гвардейская сотня получила название – 4-й эскадрон лейб-гвардии Казачьего полка. 4 марта 1816 г. последовал именной указ: «Полку состоять из шести эскадронов войска Донского и одного эскадрона Черноморского, который считать седьмым». Согласно «Положению о Черноморском казачьем войске» 1842 г. эскадрон преобразовался в лейб-гвардии Черноморский дивизион. 2 февраля 1861 г. император, «имея ввиду образование Кубанского и Терского казачьих войск, признал удобным» Черноморский гвардейский дивизион упразднить и за его счет усилить Кавказский казачий эскадрон Собственного Его Величества конвоя.

Рядовые л.-гв. Казачьего полка и л.-гв. Черноморского казачьего дивизиона. 1855 г. Акварель принадлежала есаулу СЕИВ конвоя А. П. Шапринскому

Ножны деревянные, обтянуты черной кожей. Кожа была соединена машинным швом, который после натягивания на дерево (и, вероятно, высыхания) приобрел волнообразный стык (как материя, обрезанная ножницами «зигзаг»). Сверху кожа ножен покрыта лаком. Устье, две обоймицы и наконечник латунные. Стоит отметить, что верхняя обоймица имеет петлю с кольцом, напаянную с внутренней стороны, но не по центру, а ближе к выпуклой стороне ножен.

С 1842 г. характерным стало резкое различие в оружии конных и пеших казаков. Первым полагались ружье, шашка, кинжал, пистолет, пика; вторым – только ружье со штыком. «Всего этого слишком много», – писал о вооружении конных казаков И. Д. Попко. – Если бы Черноморскому конному казаку предоставлено было выбрать между ружьем и пикой, то он не расстался бы с ружьем».

Образцы нового оружия очень долго не поступали в Черноморию, и наказной атаман попытался даже изготовить их по описанию, приложенному к приказу 1838 г. В этот период производством холодного оружия в России (конечно, в разных масштабах) занимались четыре крупных государственных предприятия: Златоустовская оружейная фабрика, Тульский, Сестрорецкий и Ижевский оружейные заводы [18]. Атаман обратился вначале в Артиллерийский департамент, откуда получил следующий ответ: «Что касается образцовых офицерских и казачьих шашек, как это оружие изготовляется на оружейной Златоустовской фабрике, следует обращаться в Департамент горных и соляных дел». В указанный департамент в августе 1843 г. полетела срочная просьба: «...Имею честь покорнейше просить распоряжения оного департамента о высылке ко мне в Екатеринодар из Златоустовской оружейной фабрики для образцов Черноморскому казачьему войску шашек офицерских четырех и казачьих четырех» [19].

После переписки с генерал-майором Аносовым из департамента в столицу Черномории пришел ответ. Фабрика уведомляла, что может изготовить офицерские шашки по цене 12 руб. 16 ¼ коп. каждая, а казачьи – по 4 руб. (всего на сумму 65 руб. 5 коп.). 15 февраля 1844 г. П. П. Аносов сообщил атаману Н. С. Заводовскому об отправке восьми шашек в Черноморию (очень вероятно, что хранящаяся в КГИАМЗ златоустовская шашка 1843 г. изготовления принадлежит к числу образцовых шашек).

На фоне «сабельной драмы» 20–30-х гг. перевооружение Черноморского войска шашками проходило гораздо успешнее. Согласно § 246 «Положения о Черноморском казачьем войске» 1842 г. в г. Екатеринодаре надлежало иметь войсковой магазин, «из которого бы чиновники и казаки могли получать за умеренные цены все вещи, составляющие вооружение и снаряд их по образцам» [20]. На вызов войска явились донской казак Андрей Леонов и нахичеванский 3-й гильдии купеческий сын Павел Султан-Шах. С ними Войсковое дежурство заключило контракт, по которому они обязывались учредить в Екатеринодаре магазин сроком на три года, с 1 июня 1843 по 1 июня 1846 г. [21]. Приказ об этом прошел по войску 30 апреля 1843 г. Казакам не запрещалось покупать образцовые вещи и в других лавках. В войсковом магазине цены были установлены контрактом.

В отношении шашек в контракте говорилось: «Клинки шашек должны быть отделаны чисто и из того железа, какое употребляется на оружие в легкой регулярной кавалерии. Клинок из Тульского завода с рукояткой в медной и кожаной оправе, а ножны обтянуты черной кожей с медным прибором». Стоимость шашки в войсковом магазине составляла 9 руб. Не думаем, чтобы стоимость шашек в Туле превосходила стоимость златоустовских более чем в два раза. Очевидно, комиссионеры выторговали себе очень приличные проценты (или цена указана в ассигнациях).

Шашки второй половины XIX в. (вторая и третья, по свидетельству информантов, принадлежали кубанским казакам). Клинок левой из них по многим параметрам (длина и толщина клинка, изгиб) соответствует «таннеровкам» производства завода «Люнешлосс». Клеймо «TENHAR» осталось для нас неизвестным. Пока не удалось выяснить, где Таннер размещал первые частные и войсковые заказы казачьих шашек. Поэтому мы считаем перспективной версию о «ранних таннеровках», к которым, возможно, принадлежит данный клинок. Размеры: 935, 800, 34, 6,5

В центре – *шашка урядника Майгуры (служил в конце XIX в.), переточенная из сабельного клинка. С левой стороны клинок гладкий, без дол и весь покрыт надписями (последние буквы у острия утрачены). Нечитаемые надписи выполнены арабской графикой (язык не арабский и не персидский). Переводятся лишь отдельные слова: меч, Аллах, Али. Вероятно, кавказский мастер (мы считаем, что дагестанский) начертал: «Нет героя, кроме Али, нет меча, кроме Зульфикара». Размеры: 790, 665, 36, 210/340*

Клинок правой шашки с разложистым, почти «шомпольным» обухом, с плоским долом и заоваленной кромкой лезвия морфологически близок некоторым типам западноевропейских клинков XIX в. Кстати, в первой главе показан очень похожий клинок начала XIX в. золингеновского мастера С. Кулля. На обеих сторонах клинка исполнены знаки, напоминающие букву «Ш» или трезубец, окаймленные кружками с точкой в центре. Л. И. Лавров в работе «Историко-этнографические очерки Кавказа» приводит рисунки совершенно идентичных балкарских тамг. Тамгу в виде перевернутой буквы «Ш» использовали кабардинцы и бжедуги. Впрочем, эта идентичность ничего не доказывает и может оказаться просто «похожестью».

У шашки примечательна роговая рукоять с мощной разложистой головкой, чуть наклоненной к лезвию. На фотографиях кубанских казаков подобные рукояти появляются где-то в начале 80-х гг. XIX в. За счет наклона головки верхняя грань хвостовика, как правило, на 1–1,5 мм выходит за пределы щечек на спинке рукояти. Изредка подобные рукояти встречаются на казачьих фотографиях еще перед Первой мировой войной. Размеры: 870, 748, 26,8, 7,5

Шашка кавказская XIX в. с клеймом «гурда» (одна из многочисленных его разновидностей). Клеймо выполнено травлением. Треугольники из трех точек по бокам зубчатой дужки ориентированы в одну сторону. Размеры: 855, 725, 28,5

Пояса в магазине продавались такого вида. «Пояса из черной глянцевой кожи с железным прибором для конницы, с портупейными ремнями той же кожи, при коих: 2 медные пряжки с запряжниками и ремешком для кинжала. 1 р. 40 к. Пояса той же кожи с железным прибором пехотные по образцу. 0,90. Пояса из красной юфты с медным прибором для артиллерии, с портупейными ремнями той же кожи, при коих 2 медные пряжки с запряжниками и ремешком для кинжала. 1,35».

В перевооружении начала 1840-х гг. проблемы нехватки оружия, за редким исключением, не было. Комиссионеры установили хорошие деловые контакты с Тулой, и оружие в Черноморию шло бесперебойно. Как всегда остро ощущалась нехватка денег у казаков. Командир Гарнизонной артиллерийской роты есаул Барыш-Тищенко обратился к атаману с просьбой о выдаче в помощь казакам по 20 руб. из войсковых сумм. «К обмундированию нижних чинов заведуемой Вами роты изыскивать средства из их собственности», – последовал быстрый ответ [22].

Но сделать это было не просто. На 127 человек одной из сотен конного полка (куда направляли более обеспеченных) приходилось «11 казаков состояния достаточного, 43 посредственного, 61 бедного и 9 самобеднейшего». Атаман Заводовский запрещает выдавать казакам жалованье за кордонную службу и приказывает командирам направлять эти деньги на постройку мундиров, приобретение амуничных вещей и оружия [23]. Очевидно, принимались и какие-то другие меры. Уже к ноябрю 1843 г. в 1-м конном полку шашки имели 117 человек из 741, во 2-м конном – 450 из 711, в 3-м – 253 из 717, в 5-м – 611 из 717, в 6-м – 82 из 728 [24]. К январю 1844 г. в 6-м полку шашки имелись уже у 696 казаков. В Гарнизонной артиллерийской роте перевооружение шашками закончилось в конце февраля.

8 ноября 1849 г. Войсковое дежурство заключило контракт с отставным войсковым старшиной Посполитаки на содержание войскового амуничного магазина [25]. Договор с комиссионером допускал продажу в магазине шашек не только Тульского, но и других казенных заводов. Судя по всему, Посполитаки не стал ломать устоявшиеся торговые связи, тем более что никаких претензий к качеству тульских клинков никогда не предъявлялось. В Туле умели делать не только хорошие ружья, но и хорошее холодное оружие. По свидетельству И. Гаммеля, туляки для клинков выделывали сварочную сталь, что придавало им особую упругость и «препятствовало ломкости» [26]. Несколько сортов сварочной стали были выработаны в Туле еще в XVIII в., и тульское холодное оружие ни в чем не уступало западноевропейскому [27].

Шашки образца 1838 г. в Черноморском казачьем войске называли «донскими», тем самым отличая их от шашек кавказских, со временем получивших все большее распространение. Постепенно шашки донские начали переделывать «на азиатский манер», а после официального введения в 1871 г. шашек «азиатского образца» этим активно занялась войсковая оружейная мастерская. Из отчета за 1871 г.: «Переделано 300 из Донских шашек по азиатскому образцу» [28].

Автор в 1970-е гг. видел две-три подобные шашки, но, еще не зная о существовании такого переделочного образца, не придал им значения и не сделал никаких зарисовок. По памяти уверенно можно говорить о полной смене эфеса. Рукоять – из двух роговых щечек, но они не накладывались на плоскость хвостовика. В щечках были сделаны пазы под хвостовик (вероятно, обточенный), и они плотно его охватывали, создавая иллюзию цельной рукояти. Головка – с плотно прижатыми ушами. О ножнах ничего не известно.

Итак, в 1843–1844 гг. черноморцы (в большинстве своем) приобретают шашки – весьма «способное для казака» оружие. Изменились ли после этого их тактические действия на поле сражения? Нисколько. Казаки по-прежнему полагались на ружье или пику. И. Бларамберг свидетельствовал: «Черноморские казаки приспособились приподнимать кончиком копья край кольчуги и протыкают черкесов пикой на полном скаку» [29].

Правда, мы не можем представить себе, как можно проделать такой прием в сутолоке боя, да еще на полном скаку. В источниках же говорится, что никакая кольчуга не устоит против трех-четырехгранного дротика, «лишь бы хватило духа» поразить панцирника. В документах 1840 – начала 1850-х гг. опять же везде употребляются выражения: «быстро ударили в пики», «смело ударили в пики».

По положению о Черноморском казачьем войске 1842 г. пики разрешалось употреблять только в удобных и нужных случаях. Ни это решение, ни введение шашек не изменили отношение черноморцев к клинковому оружию. В 1852 г. атаман Я. Г. Кухаренко, проверяя конные полки, охраняющие границу, обратил внимание на тупые клинки казачьих шашек. 5 ноября 1852 г. он издал приказ: «Отвострить клинки у шашек по примеру тому, как они тщательно отвострены у неприятелей наших черкес» [30].

Одновременно атаман обратился к командующему войсками с ходатайством об отмене пик на кордонной службе, ибо они «при образе войны с неприятелем служат одним только обременением... Пики не возить вовсе, употреблять оные в войнах с народами европейскими, где образ оной основан на правилах тактики».

Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал от кавалерии Заводовский полностью разделил это мнение. 19 января 1853 г. вышел приказ по Черноморскому войску, где говорилось: «Пики при образе войны неправильной служат одним только обременением, связывающим казака действовать свободно прочим его оружием в местах лесистых и камышеватых... Дозволить казакам конных полков во время состояния их на кордонной службе, равно и в походах за Кубань и в горах пик не употреблять» [31]. Пики оставались на вооружении для «службы вне войсковых пределов для войны с европейскими народами».

Атаман напомнил свое распоряжение о заточке шашек. В очередной раз казакам приказывалось: «Так как пики теперь не употребляются и шашки посему есть непременное оружие в походах с горцами при рукопашных схватках – я вновь подтверждаю, чтобы клинки шашек были обязательно отвострены, как у казаков, так равно у офицеров, урядников конных полков... Должны быть отвострены клинки шашек офицеров всех пеших батальонов».

Шестилинейная казачья винтовка. Конец 50-х гг. XIX в. Бельгия, Льеж, фирма Lemilie

Шашка казачья «таннеровка» (КМ-1024)

Однако последующие годы показали полную неподготовленность черноморцев к употреблению шашек. Буквально через пять лет, в январе 1858 г., вышел новый приказ по войску. В нем констатировалось: «...казачьи шашки, по непривычке казаков к действию оными, также не предполагают надлежащего успеха к делу, я признал нужным, чтобы впредь казаки в ходе на очередную кордонную службу и на подкрепление границы всегда имели пики» [32]. Очевидно, пики у черноморских казаков вышли из употребления только после окончания Кавказской войны. Второе их возрождение в Кубанском казачьем войске произошло в годы Первой мировой войны...

Следующий этап в истории длинноклинкового казачьего оружия связан с именем «ганноверского подданного» Германа Карлова Таннера. Этот известный фабрикант в конце 50 – начале 60-х гг. XIX в. стал основным поставщиком 6-линейных капсюльных винтовок казачьим войскам России. Значительное количество этого современного оружия он изготовил для Кавказского линейного и Черноморского казачьих войск. Но линейные и черноморские казаки испытывали острую нужду и в качественных шашках кавказского типа. Таннер предложил свои услуги для решения этой проблемы.

29 июля 1858 г. наказной атаман Кавказского линейного войска генерал-майор Н. А. Рудзевич в письме к начальнику штаба Кавказской армии Милютину сообщил: «Желая поощрить г. Таннера, как человека, рекомендованного Вами, я сделал ему частный заказ – доставить в войско 500 винтовок для вооружения пластунов и 3000 шашечных клинков солингеновских, предполагая раздать их казакам бесплатно» [33]. В 1859 г. Таннер передал войску 2934 шашки стоимостью 4 руб. 25 коп. каждая.

В 1860 г. Кавказское линейное войско делает новый заказ еще на 3000 шашек. Сотрудничество линейцев с бельгийским оружейником заинтересовало Военное министерство, и 17 мая 1860 г. штаб войск правого крыла Кавказской линии затребовал от наказного атамана образец шашки и кинжала. Образец шашки был выслан. В сопроводительном письме атаман сообщил, что Таннер будет делать шашки чуть длиннее образцовой, отточеннее и без ножен, так как ножны выгоднее делать на месте.

В том же 1860 г. 3000 шашек заказал Таннеру атаман Черноморского казачьего войска Г. И. Филипсон.

В конце 1860 г. на Северном Кавказе проводятся серьезные военно-административные преобразования. 19 ноября образуется Кубанское казачье войско. В начале 1861 г. в войске создается комиссия для приема оружия, поставленного Таннером по контракту 1860 г. Председатель комиссии войсковой старшина Ходкевич 21 января докладывает начальнику штаба войска, что 6000 шашек принять не может из-за отсутствия образцов, «а Таннер только отправляет эти образцы на утверждение к командующему войсками Кубанской области» [34]. Тем не менее глава комиссии отметил, что шашки по форме и доброкачественности стали «удовлетворяют всем требованиям».

Нам неизвестны конкретные разработчики этого образца, но утвердил его командующий войсками Кубанской области генерал-адъютант граф Евдокимов [35]. Шашка была спроектирована по образцу черкесских и отличалась хорошо рассчитанным отвесом. Никакого официального наименования этот образец не имел. Автор решил ввести в научный оборот термин «таннеровка» (после

опубликования несколько лет назад одной из статей термин этот, кажется, прижился), встреченный им в одном из приватных документов.

Качество шашек было выше всяких похвал (все-таки Золинген!), и 31 мая 1861 г. Кубанское войско заключает с Таннером очередной контракт на поставку 2100 шашек без ножен «из лучшей солингеновской стали на заводе Люнешлосс и снабженных клеймом Прусского правительства, свидетельствующим доброкачественность каждого клинка, с хорошею роговою ручкою черкесского образца, самой тщательной отделки и того же самого образца, какого поставлены шашки в это войско в 1861 г.» [36]. На этот раз шашки без ножен обошлись войску по 3 руб. каждая, то есть на 1 руб. 25 коп. дешевле прошлых заказов. Поставка шашек планировалась в Тамань до 30 июня 1862 г.

Уже 24 февраля 1862 г. оружие было отправлено пароходом из Антверпена в Константинополь, оттуда в Керчь и далее в Тамань. 30 апреля в войске создали комиссию по приемке оружия во главе с войсковым старшиной Барыш-Тищенко. Шашки принимались по образцу. Взвешивание показало, что «шашка с ручками буйволиного рога с деревянными ножнами, оклеенными черным козлом (черным хозом. – *Б. Ф.*) и с железными гайками» тянет всего на 2 фунта и 10 золотников.

Приведем описание «таннеровки» (КМ-1024). Клинок слегка изогнутый, однолезвийный, на конце обоюдоострый (примерно 150 мм), в сечении треугольный. Вдоль обуха проходят три узких дола (нижний край третьего дола в 16 мм от обуха). Длина верхнего дола 520 мм, среднего – 640, нижнего – 650 мм. Обух плоский. Его толщина у эфеса 6,5 мм, в 300 мм от эфеса – 5,7 мм, в 500 мм – 3,8 мм. Короткий хвостовик (95 мм) довольно резко сужается на клин.

На правой стороне клинка выбито дугообразное клеймо фирмы-изготовителя – LUNESCHLOSS. На нашем экземпляре надпись сохранилась частично: ...UNESCHLOS.

Рукоять – из буйволового рога темно-коричневого (почти черного) цвета; с хвостовиком скреплена двумя железными заклепками. Рукоять цельная: под хвостовик прорезан паз, а в головке сделана узкая, в 1,5 мм шириной, прорезь, благодаря которой и обозначены уши головки. При взгляде на головку сверху видна радиусность ее внутренних стенок, возникшая за счет естественной структуры рога. Толщина основания рукояти 19 мм, толщина головки – 24,3, ширина головки 48,2 мм.

Размеры: общая длина 920 мм, длина клинка – 770, ширина клинка – 35,7, изгиб – 35/400, центр тяжести – в 230 мм от эфеса.

Всего для Кавказских казачьих войск Таннер поставил 2934 шашки с ножнами и 8111 шашек без ножен. Некоторое количество шашек закупили командиры частей и распределяли их как свою собственность, по личному усмотрению. Вначале шашки Таннера покупались казаками не очень охотно. И это понятно – они стоили довольно дорого. На Кавказе казак мог приобрести шашку кустарного изготовления гораздо дешевле (но чаще всего весьма «дурного качества»). Но вскоре таннеровки завоевали большую популярность благодаря превосходной клинковой стали, легкости, идеальному отвесу.

Оценивая бурную деятельность Германа Таннера в России, мы должны признать, что он был не просто хороший оружейник, но и талантливый организатор производства и ловкий коммерсант. Используя всемирную славу золингеновских мастеров, он сумел организовать для них подряды на изготовление холодного оружия для Кавказских казачьих войск, привлечь к работе не только относительно крупную фирму «П. Д. Люнешлосс и К°», но и ряд оружейников узкого профиля – специалистов

Высочайше утверждено
8 Августа 1870 года.

№ № 486320

РИСУНКИ

знаков на призовое оружие за фехтовальный бой.

1-го достоинства.

Щиты серебряные, вызолоченные по вершине, надписи и венки золотые.

2-го достоинства.

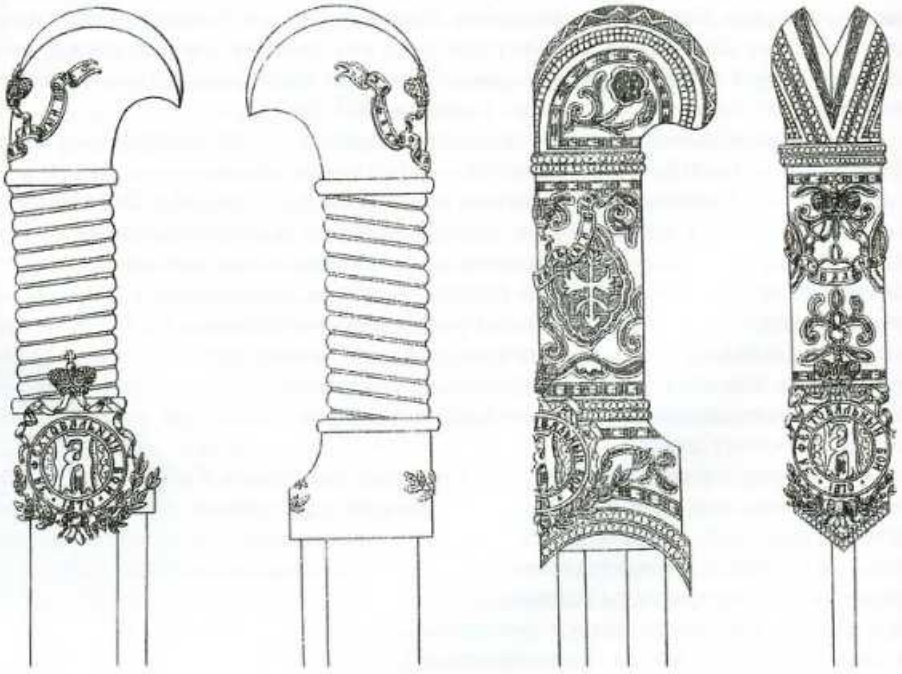
Щит серебряный.

по изготовлению ножен, эфеса, прибора, монтировщиков. В архивных документах сохранилось немало расписок этих мастеров на немецком и французском языках (часть из них с переводом на русский) за полученные от Таннера деньги.

Шашки Таннера оставили заметный след в истории казачьего оружия не только в силу своей многочисленности, но и, прежде всего, вследствие отменного качества клинковой стали и высоких боевых характеристик. Они долго передавались по наследству, и только клинки Златоуста смогли составить им конкуренцию.

Идея создания отечественного центра по производству холодного оружия возникла еще в конце XVIII в., в 1811 г. был разработан проект создания фабрики белого оружия на Урале при Златоустовском чугунолитейном и железоделательном заводе [37]. К строительству приступили в 1814 г. и завершили его в течение двух лет. Очень быстро златоустовские мастера достигли замечательных успехов в производстве холодного оружия. По словам А. В. Дмитриева, «гибкость и прочность златоустовских клинков обуславливалась тем, что на их изготовление шла великолепная, насыщенная легирующими элементами байкальская руда, плавившаяся на древесном угле, а не на коксе, из которого тогда еще не умели удалять губительную для металла серу» [38]. При изготовлении оружия в Златоусте широко использовали литой булат П. П. Аносова и литую сталь П. М. Обухова.

«Теперь Россия представляет единственный в целом мире источник булата лучших качеств, – писали обозреватели московской мануфактурной выставки 1843 г. – Булаты наши ценятся между азиатцами, по крайней мере, в десять раз дороже против здешней цены их. Сталь златоустовских заводов известна по отличному качеству вырабатываемого из него бело-

Рисунки знаков «За фехтовальный бой» на призовое оружие, утвержденные 8 августа 1870 г.

го оружия...» [39]. По свидетельству участника Кавказской войны, горцы предпочитали златоустовские шашки многим другим [40]. Офицер Кубанского казачьего войска Ф. И. Елисеев вспоминал, что после вступления русской армии в армянский город Ван он и его сослуживцы стали приобретать дамасские клинки, но они оказались «куда хуже по крепости обыкновенных казачьих клинков Златоустовского оружейного завода» [41].

Высокое качество златоустовских клинков гарантировалось и жесткой проверкой качества. В «Уставе монетном, горном и о соли» 1857 г. издания так описаны правила приемки белого оружия: «Приемщик испытывает, впору ли ножны; для сего берет оружие за эфес и держит его на свободе. Если ножны от собственной тяжести не спадут с клинка и если при том клинок вынимается из ножен и входит в оные без напряжения, то ножны впору, в противном случае оружие не принимается. Испытание – крепко ли клинок присажен к эфесу. Опускают клинок в железные ножны. Затем смотрят, не повредилась ли заклепка у шляпки.

Самый клинок палашный, сабельный и тесачный надлежит испытывать следующим образом: ударить его с довольною силою о бок деревянного конуса, стоящего, а не лежащего, плашмя два раза, с обеих сторон по однажды. Конус должен быть: высота 4,5 фута, диаметр внизу 2,5, вверху 1,5 фута. Если клинок не расхлябится в эфесе, тогда: а) гнуть его дугою в обе стороны по одному разу; б) рубить сухое твердое дерево тремя ударами довольно сильно. Если после этих трех проб клинок расхлябится, в эфесе изломится, лезвие заворотится – брак. Продольные волосатины на клинках безвредны».

Постоянное сотрудничество Кубанского войска с оружейной фабрикой в Златоусте открывает новую главу в истории казачьего холодного оружия. В 1869 г. войсковое начальство «испросило разрешения» на заказ 1000 шашек на Златоустовском заводе. В 1870 г. их доставили на Кубань и продали казакам по 2 руб. 45 коп. за штуку [42].

Эти шашки, судя по всему, являются самыми редкими кубанскими шашками в группе войсковых заказов. Описание и фотографии клинка шашки 1869 г. нам любезно предоставил есаул А. Ю. Кузнецов. Полученная от него информация сводится к следующему. Клинок слегка искривленный, однолезвийный. От эфеса идут два широких и коротких

Шашка с булатным клинком Златоустовской оружейной фабрики

Чины екатеринодарской полиции. Конец XIX в.

Мы видим еще один тип шашки, употреблявшейся в Кубанской области. Роговая рукоять аналогична рукоятям казачьих шашек, но в ножны не утапливается. 25 января 1903 г. «разрешено полицейским урядникам Кубанского казачьего войска... носить взамен общеустановленной полицейской формы форму одежды и шашку казачьего образца с сохранением плечевых знаков, установленных 4 февраля 1888 г. для полицейских урядников».

дола, образующих ярко выраженное ребро. В 100 мм от хвостовика долы обрываются и начинаются вновь через 4 см. При этом верхний дол разделяется на два узких (ширина долов в верхней части 13 мм; там, где клинок трехдольный, – 5,5 и 16 мм соответственно.)

В перерыве долов на 40-мм площадке травлением выполнен картуш, ориентированный вдоль клинка. Идущие вдоль обуха и лезвия ровные стенки рамки загибаются к центру, образуя завитки и листочки. В центре одной из разновидностей готического шрифта выполнена аббревиатура «ККВ».

На обухе надпись, заключенная в угловые скобки: «ЗЛАТ. ОР. ФАБР. 1869 г.».

Размеры: длина клинка 800 мм, длина хвостовика – 120, ширина клинка у пяты – 34, в середине клинка – 32 мм. Толщина обуха 5 мм, в середине клинка – 4 мм.

Распродажа завершилась только в 1872 г., так как шашки предварительно «обделывали» в войсковой оружейной мастерской. С этого времени шашечные клинки Кубанское войско приобретает только в Златоусте.

При каждом заказе разрабатывался образец шашки, составлялись чертежи и описание для руководства при изготовлении. Все эти образцы имели непринципиальные различия, заключавшиеся в длине и весе клинка, размерах и материале рукояти, форме головки, угле наклона рукояти и т. п.

К этому времени относится один эпизод с офицерским оружием. 25 октября 1865 г. циркуляром по Главному штабу было объявлено, что при Горном департаменте (он находился в здании штаба) открыт склад для продажи разных сортов офицерского оружия Златоустовской оружейной фабрики. Войсковой штаб 5 февраля 1870 г. обратился к горному начальнику Златоустовского округа с просьбой выслать 20 шашек казачьего образца с вытравленными украшениями стоимостью 5 руб. каждая. В июне шашки поступили в войско и были проданы офицерам штаба.

Очередной, после 1869 г., заказ инициировал Баталпашинский уездный начальник. В своем рапорте начальнику Кубанской области от 16 января 1875 г. он сообщил: «При последнем осмотре обмундирования и снаряжения малолеток призыва 1873 г. командующим Хоперским льготным полком все почти холодное оружие (кинжалы и шашки) было забраковано как негодное вследствие того, что оно от удара плашмя сгибалось и не принимало прежнего положения...

В прежнее время всякое оружие, как холодное, так и огнестрельное, выделывалось мастерами из горцев в большом количестве... С умиротворением Кавказа выделка оружия прекратилась, потому что некуда его сбывать... Теперь казакам решительно неоткуда брать оружие; а если такой порядок продолжится еще значительное время, то и последние дрянные шашки и кинжалы, находящиеся теперь в продаже, переведутся и все молодые казаки останутся вовсе без оружия...

Не только в Баталпашинске, но и в целой Кубанской области казаки лишены возможности заказать или купить себе оружие, так как нет ни оружейных мастерских, ни торговцев оружием» [43].

Продолжая мысль уездного начальника, сразу ответим на возможный вопрос о станичных кузнецах: нигде в Кубанской области никаких мастеров по изготовлению клинкового холодного оружия никогда не было. В ряде станиц имелись лишь «слюсари», занимавшиеся «мелкой починкой» оружия. Шашечные клинки не изготавливала войсковая мастерская и тем более военно-ремесленные школы.

С целью предупредить «полнейшее обезоруживание» казаков предлагалось сделать войсковой заказ шашек без ручек и ножен на одном из оружейных заводов. Начальник войскового штаба высказал полную солидарность этому мнению, но потребовал от станичных обществ «письменных ручательств» на приобретение шашек и возмещение войсковых расходов. Одновременно по войску Кубанскому пошел приказ № 313, обязывающий начальников военных отделов «принять меры к тому, чтобы казаки имели возможность приобретать шашечные и кинжальные полосы удовлетворительного качества». Однако станицы дали отрицательный ответ на закупку клинков с заводов. Круг замкнулся.

Понимая всю остроту проблемы, начальник штаба подготовил особый доклад наказному атаману войска, в котором предлагал добиться разрешения у Главнокомандующего Кавказской армией на заказ 3000 шашечных клинков за счет войсковых сумм, с последующим восполнением последних путем продажи казакам. С одним из оружейных заводов: Тульским, Ижевским, Сестрорецким и Златоустовским – предлагалось выяснить условия заказа. Для выработки самих образцов оружия начальник штаба полагал нужным создать особую комиссию под председательством «осматривающего оружие в Кубанском войске» (так называлась должность).

Почему же вопрос о выработке образца шашки возник только при втором заказе? 14 декабря 1871 г. появилось высочайше утвержденное «Описание формы обмундирования и снаряжения генералов, штаб и обер-офицеров и нижних чинов Кубанского и Терского казачьих войск» [44]. Описание шашки предельно лаконичное и неопределенное: «Шашка. Азиатского образца, с произвольною оправою. Примечание. Шашка эта носится и при общегенеральской форме». Понятно, что завод не мог руководствоваться таким описанием, требовалось более подробное, детальное, с чертежами.

Сделаем небольшое отступление. Обратите внимание на формулировку «шашка азиатского образца». В последние годы ряд исследователей разделяет казачьи шашки независимо от времени изготовления на «шашки кавказского образца» – с утопающим в ножнах по головку эфесом и на «шашки азиатского образца», в которых основание рукояти стыкуется с устьем ножен. Без сомнения, это удобно при систематизации и описании материала (особенно в кратких каталож-

Кубанский казак. Фото Д. Е. Ермакова. 80-е гг. XIX в. *Шашка казака имеет характерную для этого периода массивную и выпуклую деревянную головку рукояти*

Шашка Кубанского казачьего войска образца 1876 г. Клинок златоустовский 1877 г. изготовления. Роговая рукоять более позднего времени. Установлена на укороченный хвостовик с помощью двух (а не трех, как в оригинале) заклепок

ных формулировках). Но следует помнить одно обстоятельство: в конце XIX – начале XX в. в Кубанском казачьем войске не было шашек «кавказского образца». Шашку могли называть «черкесской», «казачьей», «кавказской», но чаще всего «азиатской»; в сочетании же со словом «образец» – только «азиатского образца». В конце XIX в. в переписке очень редко встречается «смешанная» формулировка – «шашка кавказская азиатского образца». На необходимость придерживаться официальных названий оружия обратил внимание А. Н. Кулинский [45].

...Для выработки образца шашки и кинжала в Кубанском войске 17 апреля 1876 г. создается комитет под председательством атамана Екатеринодарского отдела генерал-майора Перепеловского. Члены комитета: осматривающий оружие в войске полковник Асеев, командир учебного дивизиона подполковник Есаулов, младший офицер Екатеринодарского полка Мазан, командир 5-й конно-артиллерийской батареи подполковник Эльяшевич и заведующий войсковой оружейной мастерской есаул Зацепин. Последнему поручалось изготовить в мастерской лучший, по усмотрению комитета, клинок, «не отступая, однако, от издавна усвоенных кавказскими казаками и Высочайше утвержденных образцов азиатских».

Члены комитета составили и 20 июня 1876 г. подписали особый протокол [46]. Комитет нашел оружие казаков плохим и по форме, и по качеству. В отношении шашек констатировалось: «Чувствуется большой недостаток в хороших шашках у казаков строевых частей, так как шашки, которые в настоящее время имеются у нижних чинов, оказываются до 2/3 своей численности короткими, узкими, легкими и по качеству или ломкими, или без всякой упругости и гнутся как простое железо».

В войсковой мастерской был изготовлен образцовый клинок длиной 20 $^{5}/_{8}$ вершка, шириной 7/8 вершка, весом 1 фунт 71 золотник, с рукоятью из орехового дерева (судя по косвенным данным, клинок делал азиатский мастер Казаметов). Клинок оказался тяжеловатым, и в процессе заводского изготовления вес его предполагалось уменьшить на 11 золотников за счет тщательной отделки, не изменяя параметров по длине и ширине. Комиссия посчитала «необходимым обусловить, чтобы на клинках был положен штемпель из букв К. К. В., означающих Кубанского казачьего войска».

Одно важное требование касалось отделки шашек в частях: «Наблюсти, чтобы ручки к ним непременно были сделаны из рога буйволиного, оленьего и др. и чтобы было воспрещено отделывать сами рукоятки на них в металлические украшения, для того собственно, чтобы в известной

Хвостовик шашки образца 1876 г., изображенной на предыдущей странице. Верхняя часть хвостовика утрачена. Граница перехода клинка в хвостовик обозначена двумя уступами

Шашка Кубанского казачьего войска образца 1876 г. (фото из книги «Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея». – СПб, 2006). *Данная шашка с аутентичной деревянной рукояткой на трех железных заклепках. Боковые стороны рамки на обухе прямые (в предыдущем образце – дугообразные). Картуш и буквы в нем также чуть-чуть отличаются от описанного выше экземпляра*

части клинков сохранить отвес, имеющий весьма важное значение в боевом отношении – силе удара. Желающим же иметь рукоятки на клинках, отделанными в серебро или другой металл, не воспрещать на вторых экземплярах, кто сможет иметь их».

17 июля 1876 г. начальник войскового штаба направил в Златоуст письмо с просьбой сообщить условия заказа на 3000 шашек по прилагаемому образцу и рисунку. Уже в сентябре из Златоуста были доставлены четыре образцовых шашечных клинка, приготовленные на оружейной фабрике. В сопроводительном письме горный начальник Златоустовских заводов и директор оружейной фабрики сообщал о возможности принять заказ и исполнить его к маю следующего года. Но самое интересное в письме касалось конструктивных изменений, предложенных директором.

Он считал, что два желобка с каждой стороны клинка не приносят никакой существенной пользы в боевом отношении, а выделку клинка значительно усложняют, что влечет повышение цены. Поэтому фабрика изготовила два двудольных клинка по войсковому образцу и два однодольных. Шашечные клинки с одним желобком, приделанной рукояткой и доставкой до Астрахани обходились в 2 руб. 82 коп., с двумя желобками – 3 руб. 13 коп. (образцовый клинок войсковой мастерской обошелся в 5 руб. 15 коп.).

Фабрика, не располагая ореховым деревом, предполагала выполнить рукояти из букового, но в целях еще большей прочности, просила разрешения изготовить их из рябины или черемухи. Если полир на присланных клинках будет признан недостаточным, то фабрика «не затруднялась сделать клинки и с более высоким», правда, и стоимость при этом увеличивалась. Выбранный кубанцами клинок надлежало отправить на фабрику, где он служил бы образцом при валовом изготовлении.

Присланные с оружейной фабрики клинки осмотрела комиссия Перепеловского и составила протокол. Приведем несколько выдержек из него [47]. «Шашечные клинки по качеству весьма хороши... Форма двух шашеч-

Шашка Кубанского казачьего войска образца 1876 г. Основные отличия от описанных экземпляров следующие. Обух клинка на боевом конце резко заточен двумя четкими фасками. Долы выполнены чуть уже, глубже и четче. Заметно отличаются буквы в картуше, еще сильней — надпись на обухе. Хвостовик не сужается на клин, как в первом образце, а сохраняет прямоугольную форму и даже немного утолщается к концу.

Форма и размеры рукояти явно подогнаны к размерам серебряного «полумесяца», на ней установленного и входившего в комплект вместе с прибором ножен. У последнего есть одна особенность: все детали изготовлены из железа, а серебряные, украшенные черневым черкесским орнаментом пластины напаяны только с лицевой стороны. Латинская буква S в кружке на левой стороне клинка проходит в литературе как клеймо А. Шлиппера — браковщика эфесного отделения. Размеры: 880, 725, 33,8 (клинок чуть сточен у эфеса — очевидно, в связи с подгонкой к ножнам). Толщина обуха 6,4 мм, толщина хвостовика на конце 7 мм; центр тяжести – в 230 мм от эфеса

Подведем итоги. В этом клинке нас озадачивает все: форма, размер и характер картуша, обушковой надписи, хвостовика и даже отсутствие следов коррозии в ее самом любимом месте – у щечек рукояти; а профиль долов просто настораживает. Однако: «Точно знает тот, кто знает мало; вместе со знанием рождается сомнение». Выборка из двух клинков не может быть признана репрезентативной для сравнительного анализа. Надо еще хотя бы два-три заведомо подлинных клинка.

Сотник 1-го Кубанского полка Д. Якимов. Начало XX в.

1-й Кубанский генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича полк ККВ ведет свою историю от донских казаков, переселенных в 1794 г. на Кавказскую линию и основавших станицы Воровсколесскую, Григориполисскую, Прочноокопскую, Кавказскую и Усть-Лабинскую.

1 марта 1796 г. полк выкомандирован на службу. В 1833 г. к полку причислено пять сел Кавказской губернии. В 1845 г. полк развернут в Кубанскую бригаду № 3-го: 1-й Кубанский полк составили станицы, причисленные к полку в 1833 г., 2-й Кубанский – из старых станиц. В ККВ полк имел вначале номер 17-й, а затем 12-й. В 1870 г. в ККВ приступили к формированию десяти шестисотенных полков трехкомплектного состава. К июню 1871 г. 1-й Сборный полк, занимавший Александровскую кордонную линию, был окончательно укомплектован воинскими чинами из Кубанского полкового округа и назван Кубанским. В 1882 г. к названию полка стал добавляться номер очереди: 1-й Кубанский конный полк, 2-й Кубанский... С 1894 г. принято следующее наименование: 1-й (2-й, 3-й) Кубанский полк ККВ.

ных клинков, а также и вес их сделаны без отступления от образцов, данных войском. Два шашечных клинка с одним желобком, предложенные заводом по весу более 6 зол. против образца, хотя в цене дешевле на 31 коп.; и в боевом отношении не уступают первым двум клинкам – нами не приняты, в том внимании, что некоторого рода красота и изящество в отделке оружия присущи вкусу казака». Комиссия давала согласие на изготовление рукоятей из рябины или черемухи, смотря по тому, что окажется прочнее.

20 октября из Тифлиса пришла долгожданная телеграмма, сообщавшая о высочайшем разрешении заказа «сабельных» клинков. Через два дня наказной атаман информирует об этом Златоуст и ставит следующие условия: клинок должен быть с двумя желобками, рукояти – из рябины или черемухи. Цена и шлифовка кубанцев вполне устраивали. В конце августа 1877 г. шашки доставили в Астрахань. Для перевозки их в Екатеринодар туда командировали сотника фон-Дистерло. Стоимость одной шашки, по оценке Златоустовской оружейной фабрики, составила 3 руб. 5 коп., а за 3000 – 9150 руб. К этой сумме прибавлялись расходы на доставку до Астрахани и пересылку денег заводу. Цена шашки возросла до 3 руб. 20 коп., а с учетом перевозки в Екатеринодар – до 3 руб. 22 коп.

4 ноября 1877 г. комиссия под председательством смотрителя артиллерийского арсенала составила акт приемки шашек: «Все шашечные клинки хорошего качества и согласны с образцом». Рукоять шашки комиссия нашла «не вполне тщательной отделки». В ножны шашки «одевались» в мастерских военных отделов Кубанской области. Распределены шашки были следующим образом: Темрюкский отдел – 300, Ейский – 749, Баталпашинский – 600, Майкопский – 150, Екатеринодарский – 674, Таманский полк – 175, Урупский – 75, 2-й Полтавский – 100 и 2-й Кавказский – 177.

Шашка, разработанная комитетом генерал-майора Перепеловского, стала базовым образцом для всех последующих заказов. Мы считаем вполне резонным говорить о ней как о «шашке Кубанского казачьего войска образца 1876 года». Как же она выглядела?

Клинок слегка искривленный, однолезвийный, с двумя узкими долами, идущими от эфеса. На правой стороне клинка вытравлен рокайльный картуш с буквенной аббревиатурой «К. К. В.», выполненной прописными буквами курсивом. На левой стороне – буква «Ф» в круге. Встречаются клинки, на которых с правой стороны над картушем имеется еще одно клеймо в виде латинской буквы «L» в кружке. На обухе, возле рукояти, в прямоугольной рамке вытравлена рельефная надпись: «Златоустъ 1877 г.». Рукоять – из двух деревянных щечек, скрепленных с хвостовиком тремя железными заклепками. Головка примечательной формы: она узкая и вытянутая вверх, что было характерно для черкесских шашек XIX в.

Размеры: общая длина 942 мм, длина клинка – 795, ширина клинка – 38, толщина обуха – 5,5, центр тяжести – в 270 мм от эфеса.

Буква «Ф» на левой стороне клинка, – возможно, раннее клеймо старшего браковщика фабрики С. Фетисова [48]. Буква «L» в кружке – клеймо браковщика клинкового отделения Ф. Лорха.

Новые шашки еще лежали в арсенале, а Кубанское войско 30 ноября 1877 г. вновь обратилось в Златоуст с просьбой принять заказ на 6000 шашек «непременно с черными роговыми рукоятками». В начале января 1878 г. фабрика дала свое согласие. Стоимость одной шашки с роговой рукояткой без доставки до Астрахани устанавливалась в 3 руб. 50 коп. Правда, фабрика сообщала об отсутствии запаса рогов и о принятии мер к их розыску. В мае месяце пришло новое уведомление о том, что рогов большого размера не могут найти за 500–600 верст. Поставщики же взвинтили цены в четыре раза, и стоимость шашечного клинка с рукояткой возрастала на 58 коп.

Кубанское войско согласилось на деревянную рукоять, но заказ сократило вдвое, до 3000 шашек. Шашки были изготовлены в 1879 г. и пошли в продажу по цене 3 руб. 17 коп. Выполнялись они по образцу 1876 г.

Но почему кубанцы так спешили со вторым заказом? Так ведь шла Русско-турецкая война (1877–1878 гг.). В отчете о мобилизации Кубанского войска наказной атаман Н. Н. Кармалин дал следующую оценку положению дел с вооружением казаков: «Шашки и кинжалы, установленные для вооружения казаков, образца азиатского ...уже с давнего времени ввиду недостатка в местной частной продаже шашечных и кинжальных клинков хорошего качества Войсковое начальство обратилось к заказам их на заводах по мере надобности.

Окончательная же отделка шашек и кинжалов производится в войске, преимущественно в войсковых оружейных мастерских, по возможности однообразно.

Группа казаков станицы Северской Екатеринодарского отдела Кубанской области – участников Кавказской, Русско-турецкой и Русско-японской войн. В центре с насекой станичный атаман. *Имел право носить на шашке серебряный офицерский темляк*

Обер-офицер 1-го Кубанского полка.

В 1912 г. шефом полка стал генерал-фельдмаршал великий князь Михаил Николаевич и, как следствие, на погонах появилась шифровка в виде вензелевого изображения его имени

Сотник 1-го Екатеринодарского полка В. Келебердинский. Погиб в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Фото предвоенных лет. Офицер носит темляк при партикулярной форме одежды

Кубанские казаки на параде в честь 50-летия окончания Кавказской войны. Красная Поляна. 1914 г. Все офицеры с темляками

Линейные казаки, как большие любители холодного оружия, конечно, не могли пройти мимо клинков с надписью «Vivat Hussar». Из рукописи «А. Б. "Кавказские шашки"»: «Венгерские клинки с фигурой конного гусара также хорошо известны на Кавказе. Гусарские клинки часто являются изделиями Золингена, кроме того, мне попадались два клинка, изготовленные в Англии... Встречаются гусарские клинки совершенно особого типа. Полоса их имеет строение двояковогнутое, изгиб ее довольно большой и начинается от самой рукояти... Означенные клинки сходят на Кавказе за венгерские, но это плод недоразумения. Родина их Пруссия, относятся они к эпохе Семилетней войны и служили оружием гусарам знаменитого фон Цитена. Клинки эти дали повод многочисленным фальсификациям. Для этого стоило лишь прибегнуть к демаскировке и вырезать фигуры на весьма схожих клинках Златоуста».

...Приобретение вооружения встречало препятствия по недостатку хороших оружейников... Холодное оружие можно получить с трудом и далеко не доброкачественное. Шашечных и кинжальных клинков, которые заказываются довольно большими партиями, не могло быть достаточным для снабжения казаков при одновременном вызове на службу» [49]. Иными словами, проблему создали льготные казаки, у которых при мобилизации почему-то не оказалось положенного холодного оружия.

Изучением опыта войны в Кубанском войске занималась специальная комиссия. Участники войны направляли туда свои замечания и предложения. О шашках командир 1-го Кубанского полка отозвался так: «Шашки у казаков, как показал опыт войны, оказались никуда не годными вследствие того, что не имеют достаточного качества и чрезвычайно дурную закалку» [50]. Для нас в этой оценке ничего нового нет, такую же оценку еще до войны дала комиссия Перепеловского, а после войны и сам наказной атаман. Интересно следующее заключение: «Необходимо ввести в мирное время стрельбу с коня на шагу и на всех аллюрах, ибо опыт войны показал, что в большинстве случаев казакам пришлось иметь большие дела с неприятельской кавалерией единственно огнем, находясь на лошадях». При атаке пехоты кавалерия всегда спешивалась. На долю шашки оставались случайные мелкомасштабные «свалки».

Неудивительно, что особая казачья комиссия, занимавшаяся разработкой казачьих вопросов при Главном комитете по устройству и образованию войск, в 1880 г. признала возможным отменить шашечные приемы и заточку клинков. В Кубанском войске голоса разделились, но большинство офицеров высказались против. Атаман Уманского военного отдела в рапорте от 19 января 1881 г. писал: «Не следует отменять шашечных приемов, которые весьма необходимы для упражнения казаков в подготовительных приемах к рубке» [51].

Разделились голоса и по поводу изменения образца шашки. В заключении командира Екатеринодарского конного полка говорилось: «Нахожу вполне основательным видоизменения клинка в казачьей шашке, проектируемого свиты Его Величества генерал-майором Горловым». Ножны и носка шашки на плечевой портупее из сыромятного ремня в пешем строю и на поясной – в конном вполне удовлетворяли офицера.

«Шашка должна остаться без изменения, – категорически заявил командир Хоперского полка. – Единственным желательным нововведением для этого оружия была бы однообразная отделка его. Казаку, по мнению моему, недорого бы стоило иметь на роговой черной ручке шашки тонкую обложку накладного серебра, с таковой же посередине пуговицей, и узенькую гайку на ножнах» [52].
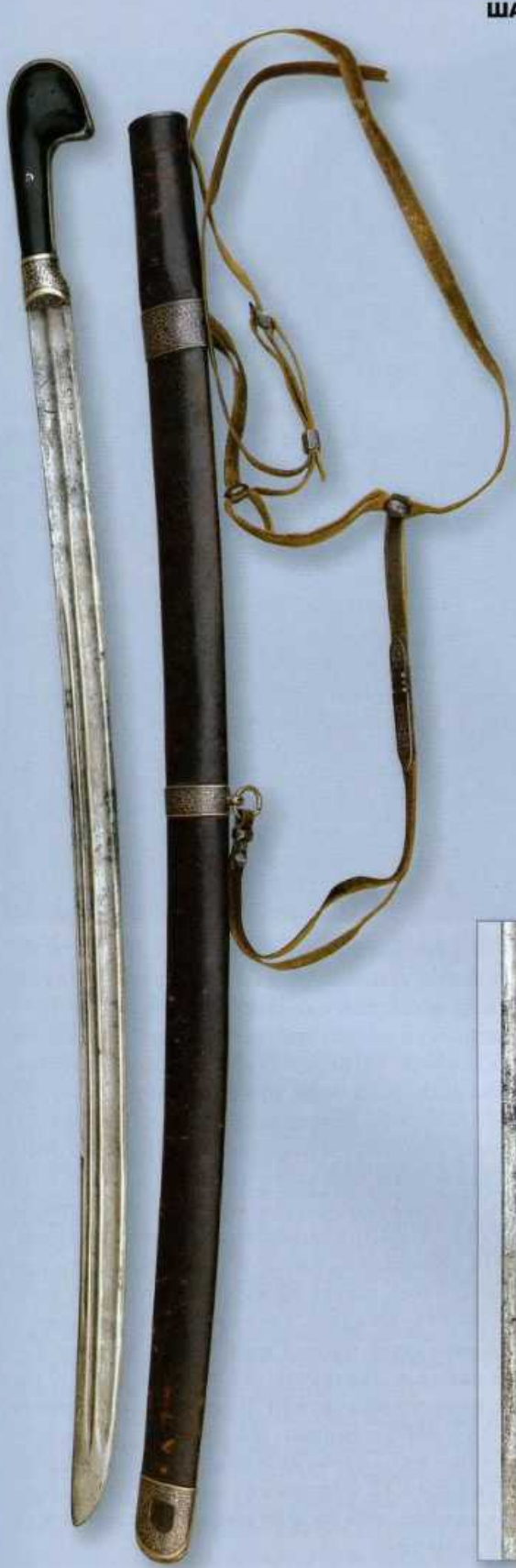

Оружие линейных казаков – «коллекция всевозможных редких клинков». Слева – шашка (без головки) с клинком, помеченным клеймом «кавказский волчок»; справа – шашка «Fringia»

Э. Г. Аствацатурян: «Клинки западноевропейского типа называли на Кавказе «френги», т. е. европейские... Очень ценились клинки с надписью «Fringia». Эти клинки делались в Италии (Генуе и Брешии), а предназначались для мусульманского Востока, где европейцев называли «френги». Эта надпись, вероятно, должна была указывать на европейское происхождение клинка». Есть еще по меньшей мере четыре толкования этого слова.

На следующей странице шашка, клинок которой несет изображение трансильванского узла.

«А. Б.»: «Из венгерских клинков, на коих изображены формулы белой магии, наибольшею славой пользовались на Кавказе те, которые помечены узлом и тремя кистями и подписью посередине узла. В последнее время их хорошо знают и хорошо ценят по всему Кавказскому краю. В Абхазии их предпочитают всем другим клинкам. Есть указания, что родиной их была юго-восточная Венгрия, т. е. Семиградия (или Трансильвания)».

Шашка драгунская солдатская образца 1881 г. Артиллерийский вариант. Златоуст. 1905 г. От драгунской отличается отсутствием на ножнах гнезд для штыка и уменьшенными размерами. В данном экземпляре: 890, 760, 30

Шашка драгунская офицерская образца 1881 г. На клинке: на правой стороне вензель императора Александра III в фигурной рамке; на левой – надпись: «SOLINGEN»; на обухе — «СПЕЦ. ВОЕНН. МАГАЗ.»

Резко отрицательно этот офицер отнесся к попытке введения темляка для нижних чинов. Он считал, что наружная щеголеватость оружия много от него проиграет, а казаку придется долго учиться обращению с этим новым прибавлением. «Многие старые офицеры Кубанских и Терских полков, как мною было замечено, вне службы и в бою, темляков, исключая орденских, не носят, что ясно доказать может непригодность темляка вообще к азиатской шашке». В порядке информации отметим, что станичные атаманы Кубанского казачьего войска носили (а если судить по фотографиям – очень охотно) серебряный офицерского образца темляк (приказ по войску от 1872 г. № 343). Приказом по военному ведомству от 14 августа 1890 г. № 211 генералам, штаб- и обер-офицерам при шашках азиатского образца полагалось иметь офицерский темляк, установленный приказом от 1881 г. № 211, но вдвое длиннее – 8–9 вершков.

Не обращая внимания на упомянутый проект казачьей комиссии, Кубанское войско готовит новый заказ в Златоусте. 28 января 1882 г. начальник штаба войска просит начальника штаба Кавказского военного округа дать разрешение на заказ в 3500 клинков. Получив согласие, войско просит начальника златоустовских заводов выполнить заказ на прежних условиях. Неожиданно из Тифлиса 12 февраля приходит телеграмма: «Остановите заказ шашечных клинков, ибо поднят вопрос о возможности введения новой общей казачьей шашки».

В это время под руководством генерала Горлова в России проводилась коренная реформа в области холодного оружия, направленная на установление для разных родов войск единого образца. За образец для клинка были взяты кавказские клинки, «известные под названием волчков, имеющих на Востоке, в Малой Азии, между кавказскими народами и нашими тамошними казаками высокую известность как оружие, оказывающее необыкновенные достоинства при рубке» [53].

Действительно, среди оружия линейных казаков, представляющего, по словам В. А. Потто, «коллекцию всевозможных редких клинков» [54], встречались и «волчки». Имеются сведения о нескольких их видах: «крестовый» («волчок-калдын»), «терсмаймун», «великокняжеский», «обратный»... Родиной «вольф-клинге» является Германия. Клеймо «волчок» первоначально в XVI в. принадлежало мастерам Пассау, а затем с XVI в. его стали использовать мастера Золингена. Попавшие на Кавказ клинки с этим клеймом завоевали широкую известность. Появились кавказские подделки «волчков». В XIX в. фабрики Золингена специально для Востока и, в частности, для Кавказа делали много клинков с этим клеймом [55].

Уже В. Г. Федоров указывал, что «волчок» представляет собой не оружие той или иной кривизны, а лишь знак, марку изготовления, имеющую сходство с бегущим зверем. Определенно высказался на этот счет Э. Ленц: «При введении в 1881 году нового образца шашки в основание избранного военным ведомством типа положены кавказские «волчки», т. е. понятие совершенно неопределенное и произвольное. Оригиналы «кавказских» волчков выделывались не на востоке, а на западе и при том знак выбивался не на саблях, а на прямых мечах и шпагах. «Кавказские» же волчки, будь это ввозные клинки солингеновского, штирийского и итальянского происхождения, или же действительно местного Кавказского производства, выбивались на клинках всевозможных образцов, от сильно согнутого до прямого палашного включительно, так что нет возможности указать клинок определенной формы...» [56].

И вот теперь кубанцам предлагали обсудить вопрос «о возможности и пользе замены в Кавказских казачьих войсках шашек азиатского образца общею казачьею шашкой по утвержденному в 1881 году образцу, вполне или с изменениями, как, например, принятие только клинка этой шашки с тем, чтобы выделывать его в прежнюю оправу по азиатскому образцу». Для решения этого вопроса в войске 19 марта 1881 г. создали комиссию

Шашка драгунская солдатская образца 1881 г. Ножны с колодой для штыка изготавливались в 1881–1888 гг.

Слева – *шашка казачья нижних чинов образца 1881 г.* Справа – *шашка кавалерийская для красноармейцев и младших командиров образца 1927 г. выпуска военных лет (на Кубани в 1942 г. шашки изготавливали заводы им. Седина, Калинина, трест «Майкопнефтекомбинат»; фурнитуру к шашкам производил завод «Октябрь»)*

Мнение современника: «Чем ближе стараешься доходить до сути в искусстве владеть шашкою, тем более убеждаешься в недостатке рукоятки казачьей шашки (кроме кавказской). Наша рукоятка для обхвата четырьмя пальцами по брюшку имеет длину четыре дюйма. Длина эта при работе оказалась мала: она стесняет действие кулака при переходе от удара к уколу и обратно, производя один прием после другого... Этот недостаток само собой уничтожится, если рукоятку удлинить до 4,5 дм. А также большое неудобство представляет дугообразная форма спинки рукоятки. Такая форма способствует при нанесении удара по инерции вывертыванию шашки из руки, вследствие этого инстинктивно уменьшается сила удара. Для устранения этого недостатка следовало бы спинку рукоятки делать вместо дугообразной – прямую». (*П. Затинщиков.* Казачья шашка // Разведчик. – 1896. – № 280.)

в составе атамана Екатеринодарского отдела, командующих Екатеринодарским и Таманским льготными полками и офицера, осматривающего оружие в Кубанском войске. 15 июня она дала свое заключение [57].

По мнению членов комиссии, преимущества новой шашки как оружия, способного не только рубить, но и колоть, сводятся на нет тем обстоятельством, что «при употреблении в дело шашки кавказский казак завсегда рубит ею, а колет только в редких исключительных случаях; что способ рубки у казаков укоренен продолжительною боевою практикою, поддерживаемою преданиями; что шашка ныне существующего азиатского образца хотя преимущественно приспособлена для рубки, но она употребляется казаками в случае нужды и как колющее оружие; что тип этой шашки заимствован от кавказских горцев, которые боевою практикою выработали возможно совершенный образец этого оружия». По мнению членов комиссии, введение нового образца будет принято казаками не сочувственно, как «к оружию еще не испытанному боевою практикою, между тем как оружие, уже заслужившее боевую известность, будет выведено из употребления в войске». Учитывала комиссия и новые расходы казаков.

Признав полезным оставить в Кубанском войске шашку азиатского образца, члены комиссии нашли, что клинки 1877 и 1879 гг. вышли слишком тяжеловесными. «Размер шашечных клинков, – по мнению комиссии, – следует принять такой точно, какой соблюден в клинках, заказывавшихся... на Танеровском заводе; клинки эти пользуются среди казаков особою известностью, как вполне соответствующие своими размерами для употребления в дело, вследствие чего Танеровские шашечные клинки разбирались казаками весьма охотно, а Златоустовские клинки, несмотря на их доброкачественность, неохотно приобретаются казаками и преимущественно за тяжеловесностью этих клинков».

Комиссия предложила свои размеры шашечного клинка. Длина клинка равнялась 31 дюйму, длина деревянной рукояти – 6 $^{1}/_{8}$ дюйма. По всей длине клинка было установлено пять «мерных точек», по которым контролировался «спуск» обуха и ширина клинка: начиная от рукояти 3 $^{6}/_{8}$ дм, 12 $^{1}/_{8}$, 23, 26, 30. Толщина обуха в этих точках: 0,2, 0,155, 0,075, 0,065, 0,055. Ширина клинка: 1,425, 1,375, 1,360, 1,315, 0,7. В отличие от «таннеровки», вдоль обуха предполагалось два узких дола. По сравнению с шашкой образца 1876 г. длина клинка уменьшилась на 10 мм, а ширина – на 2 мм.

Упомянув в описании размеров деревянную рукоять, комиссия, чуть ниже, заявила: «Рукоятки к клинкам должны быть роговые или самых твердых пород дерева». Отделка рукояти и ножен разрешалась произвольная. Допускались украшения из серебра и

других металлов. Вместе с тем комиссия требовала «соблюсти» вес рукояти, дабы «не повредить боевому достоинству клинка, так как с увеличением веса рукоятки центр тяжести (удара) приблизится к рукоятке».

На клинке полагались три литеры «К. К. В.» (Кубанского казачьего войска) величиной в три линии. «Это полезно в том отношении, – заявляли члены комиссии, что при перепродаже клинков между казаками каждый казак мог знать, что клинок с этими буквами действительно доброкачественный и установленных размеров для боевого его значения».

Учитывая наличие в строю значительного числа малорослых казаков (в Кубанском войске малый рост не служил препятствием к отбытию воинской повинности), комиссия предложила 12 процентов шашек делать укороченными на три дюйма. Сам образец клинка комиссия представить не смогла, так как азиатские мастера в Екатеринодаре клинков не делали (выписывали их из Дагестана и Закавказья), а войсковая мастерская отказалась, сославшись на занятость и необходимость приобретения нужных для выделки клинков дорогих инструментов. Выход комиссия видела в заказе образцов на Златоустовской фабрике.

Штаб Кавказского военного округа согласился с доводами Кубанского войска и 30 июля 1882 г. разрешил заказать 3500 шашечных клинков в Златоусте. 19 августа начальник штаба войска повторил заказ клинков «Кавказского азиатского образца». При этом он просил изготовить образец по данным от войска новым размерам. В октябре в Екатеринодар уже доставили четыре образцовых клинка. Фабрика изготовила клинки двух разновидностей: один имел на боевом конце гривку (утолщение) по образцу 1876 г., другой – нет, так как в описании образца 1882 г. о ней ничего не говорилось. Фабрика считала, что клинки без утолщения в середине «вышли жидки в концах».

Шашки направили на испытание в Екатеринодарский военный отдел. 16 ноября испытательная комиссия (собственно говоря, это комиссия, проектировавшая образец 1882 г.) пришла к следующему заключению: «...клинок тех же размеров, но с гривками по обеим сторонам конца клинка, начиная от долов ...удовлетворяет более боевым условиям, так как в клинке этого образца центр удара и отвес клинка находятся ближе к боевому концу» [58]. Для руководства при изготовлении в Зла-

Шашка. Польша. 1882 г. Размеры: 761, 745, 34 (КМ-990). Дар Кубанскому войсковому музею казака станицы Должанской М. Бублика. 1910 г. Не исключено, что эфес более позднего времени, чем клинок

Шашка кавказская. Восьмиконечное клеймо наталкивает на мысль о закавказском происхождении клинка. Детали прибора и монтировка, по нашему мнению, могли быть произведены в Польше. Версия строится на следующих фактах. Во-первых, владелец шашки Н. Мищук проходил службу в Кубанском казачьем дивизионе, дислоцировавшемся в г. Варшаве. Во-вторых, «легкомысленные» женские головки на ножнах ассоциируются у нас с европейским стилем оформления. И наконец, обтяжка ножен бархатом. Оригинальный бархат был болотного цвета – несколько его фрагментов сохранилось под «кричащей» обклейкой из красного бархата. Все сказанное не исключает возможности исполнения гравированного орнамента кавказским мастером.

Размеры: 900, 765, 34

тоуст отправили образец с гривкой. При этом вновь напомнили о литерах «К.К.В.», которых на присланных клинках не было.

Основная масса шашек образца 1882 г. изготавливалась в 1883 г. (к 1 ноября была приготовлена тысяча). В войско доставлены в конце лета 1884 г. Цена без доставки 3 руб. 10 коп. за штуку. Укажем на одну, сразу видимую особенность шашек 1882 г.: хвостовик и, следовательно, рукоять, имели наклон в сторону лезвия.

Клинки Златоуста были настолько высокого качества, что командиры строевых частей настоятельно просили наказных атаманов добиться поголовного вооружения казаков шашками «казенного изготовления» и не допускать оружия кустарного и варшавского производства как безусловно негодного. В связи с этим несколько слов о так называемых «варшавских клинках». Этими клинками Кубанскую область наводнили казаки Кубанского дивизиона, расквартированного в Варшаве. Там они скупали довольно красивые и дешевые клинки и дома перепродавали казакам, идущим на службу. Но клинки эти отличались «сухой калкой» и при сильном или неловком ударе разлетались на части. Кроме того, окованные в металл рукояти оказались очень тяжелыми. Возможно, именно из Варшавы пришла на Кубань мода на отдельные металлические головки, крепящиеся к рукояти с помощью цементного состава, пережженного гипса, квасцов и одной заклепки. С подобными эфесами иногда боролись, но, как правило, без видимого результата.

Приведем несколько высказываний казачьих офицеров о «варшавских клинках». Командир Хоперского полка (1881 г.): «Шашка, освободившись от тяжеловесной и бряцающей обойки польским серебром, стала бы легче и не производила бы ни на ходу, ни в езде никакого шума» [59]. Сотник М. Арнольди (1890 г.): «В установленной форме для Терского и Кубанского войск, касающейся холодного оружия и конской сбруи, указано иметь таковые по азиятскому образцу, т. е. какое было у черкесов. Но сами черкесы давно не носят оружия и не щеголяют, как в старые годы, сбруею, а потому отделка кавказским серебром с чернью холодного оружия и сбруи, за немногими исключениями, осталась лишь в пре-

дании, а так как в этом снаряжении точного однообразия не требовалось, то у кубанцев проявилась затея украшать сбрую металлическою отделкой варшавской работы. Затею эту кубанцы заимствовали у своего дивизиона, находящегося в Варшаве. Подобную отделку следовало бы совсем отменить ввиду того, что она слишком мишурна и обременительна ...помня, что казаки составляют самый легкий и подвижной род кавалерии, употребляемый преимущественно ночью, для рекогносцировок, аванпостов и проч... Холодное оружие азиятского образца у терцев и кубанцев давно потеряло свое достоинство... Так как казаки вообще предоставлены самим себе в деле боевого снаряжения, то они стали приобретать холодное оружие из Варшавы. Клинки этих шашек и кинжалов так плохи и ломки, что за последнее время войсковым начальством приняты меры к прекращению покупки этого негодного оружия, которое и заменяется теперь большею частью клинками Златоустовского завода» [60]. Атаман Кавказского отдела отметил: «...за немногим исключением, у казаков имеются шашки и кинжалы Варшавской работы, отличающиеся плохим качеством железа».

Типичным примером польской работы может служить шашка КМ-990 из собрания музея-заповедника. Клинок слегка изогнутый, однолезвийный, с тремя узкими долами, которые начинаются в 180 мм от эфеса. Пята удлиненная – заточка лезвия начинается в 80 мм от эфеса. На правой стороне клинка вытравлены (в очень низком рельефе) двухстрочная надпись: «Г. Варшава/1882 года» – и растительный орнамент; на левой – также двухстрочная надпись, в которой можно разобрать лишь нижнее слово «хранiй», а также вензель Александра III под короной.

Наиболее характерным признаком польской работы являются легкие элегантные эфесы, выполненные из «польского серебра». На описываемом экземпляре основу монтировки полностью металлического эфеса составляют две деревянные щечки, приклепанные к хвостовику двумя железными заклепками. Основание рукояти – в виде удлиненной (40 мм) фигурной втулки, спаянной с внутренней стороны и украшенной полосками ложной зерни. Головка – из двух паяных половинок.

Подобные польские эфесы – с изящной, узкой, длинной, отполированной головкой – иногда встречаются на фотографиях кубанских офицеров еще в начале XX в.

Несмотря на заказы в Златоусте, качество холодного оружия в Кубанском войске все еще оставляло желать лучшего. Выше мы привели мнение комиссии генерал-майора Перепеловского и атамана Н. Н. Кармалина. Еще несколько свидетельств командиров различных уровней. В приказе по войску Кубанскому от 21 февраля 1872 г. № 43 по поводу лагерных сборов льготных казаков сообщалось: «...одежда, вооружение и конное снаряжение почти наполовину не были в надлежащей исправности... Исправнее других вооружены казаки Баталпашинского отдела; в прочих же встречались люди вооруженные не вполне и даже вовсе без оружия» [61]. Со льготными казаками все ясно – они просто продавали шашки уходящим на службу молодым казакам.

«Казак на часах». Фото Д. Е. Ермакова. Начало 80-х гг. XIX в. В этот период среди казаков еще были распространены длинные и мощные дагестанские кинжалы, весь прибор которых сводился к двум заклепкам, скобе и шарику

Группа офицеров Полтавского полка. Конец 1870-х гг.

Казаки Полтавского полка с сотенными значками. Конец 1870-х гг.

1-й Полтавский полк был сформирован в 1871 г. из 4-го сборного конного полка, несшего службу на Ахалцхиской линии в Закавказье. В составе Ахалцхиского и Ардаганского отрядов полк участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и еще до ее окончания был командирован «для окончательного успокоения Аджарии». Четыре сотни полка участвовали в Ахал-Текинской экспедиции. В 1882 г. полтавцы сменили 1-й Кавказский полк на Ванской кордонной линии. С 1892 г. полк квартировал в г. Эривань. В Первую мировую войну полтавцы вступили в составе 4-й Кавказской казачьей дивизии, составлявшей основу Азербайджанского отряда. В Кубанскую область полк вернулся 20 ноября 1917 г. Расформирован в феврале 1918 г.

Результаты осмотра казаков в 1879 г. командиром 3-й Кавказской кавалерийской дивизии: «Шашки, как и во всех казачьих полках, вообще плохи, хотя и содержатся довольно чисто» [62]. Командир Кубанской казачьей бригады 7 ноября 1883 г. докладывает войсковому штабу: «Вследствие высоких цен на предметы обмундирования и снаряжения... казаки являются на службу с долгами (командиры частей выплачивали эти долги из казачьего содержания. – *Б. Ф.*) и все же плохо обмундированными, а многие на лошадях, не соответствующих своему назначению... Прибор к шашке, клинки которых желательно бы не относить на счет казаков, а выписывать и содержать в частях как огнестрельное оружие, т. е. на войсковой счет – тогда только и возможно будет иметь шашки однообразные и хорошего качества» [63].

Офицер, «осматривающий оружие в Кубанском войске» подполковник Андриевский 22 мая 1882 г. рапортовал в штаб: «...доношу, что из числа осмотренного мною холодного оружия, только златоустовские и таннеровские клинки действительно годны как боевое оружие, все же остальные клинки, за очень малым исключением (около 10% на полк), весьма малопригодны для своего назначения» [64]. Из его же рапорта 1883 г.: «Холодное оружие в кадровых сотнях, как в Майкопском, так и в Екатеринодарском военном отделах, за исключением златоустовских и таннеровских клинков, весьма малогодное как боевое оружие» [65].

Неоднократно и штаб Кавказского военного округа делал замечания по поводу качества холодного оружия сменных команд, прибывающих на службу. В 1885 г. войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск выразил недовольство тем, что у молодых казаков, высылаемых на укомплектование конных полков в Закавказье, «оказываются старые шашечные клинки почти вовсе непригодные для службы» [66]. В 1888 г. Окружной штаб потребовал принять меры в связи с прибытием в строевые части «многих из молодых казаков... с дурным холодным оружием» [67].

Впрочем, и клинки хорошего качества нередко портились кустарной заточкой, которую в войске называли «домашней». В это время на каждую сотню строевой части полагалось по два точильных камня и по два бруска. В полках были, среди нестроевых чинов, неплохие специалисты, способные профессионально заточить клинок. Но многие пытались сделать это сами или отдавали доморощенным «мастерам». Это об их «работе» докладывал штабу командир 2-го Кубанского полка: «...замечено много казачьих шашек, испорченных домашней неумелой отточкой». 27 февраля 1884 г. штаб войска на основании циркуляра Главного штаба потребовал все содержащееся в войсках и складах оружие хранить в отточенном виде.

По циркуляру Главного штаба 1886 г. в каждой части должен был находиться один клинок образцовой заточки. Атаман Кубанского войска

Казаки 2-й Кубанской казачьей батареи. Начало XX в.

Батарея ведет свою родословную от сформированной в 1842 г. конно-артиллерийской батареи № 11-го Черноморского казачьего войска. С 1861 г. именовалась № 11-й конно-артиллерийской батареей ККВ, с 1865 г. – 2-й Кубанской конной батареей, с 1870 г. – 2-й конно-артиллерийской батареей ККВ, с 1894 г. – 2-я Кубанская казачья батарея. Перед Первой мировой войной батарея дислоцировалась в селении Сарыкамыш Карской области. Организационно входила в 1-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион.

заказал всего 15 клинков (по 6,30 руб. за штуку), которые были получены в 1888 г. Вскоре в русской армии появились приборы для заточки шашечных клинков мастера Коленкевича и мастера Шпикина, и войсковая мастерская, ссылаясь на отсутствие такого прибора, стала отказывать частям Кубанского войска в отточке шашек. Как разрешилась эта ситуация, нам выяснить не удалось. Скорее всего, мастерская какой-то из приборов получила, ведь лучший из них (Шпикина) стоил всего 25 руб. Образцовая заточка: на конце клинка 30 градусов, посередине – 40, окончательно заточка прекращается в 4 дм от эфеса; на обухе две фаски около 2 точек.

Офицеры Кубанского войска видели три главные причины «дурного» качества холодного оружия в 70–80-е гг. XIX в. Первая связана с окончанием Кавказской войны и падением объемов производства. Вторая заключалась в большой стоимости комплекта вооружения и обмундирования казака. По данным журнала присутствия Кубанского областного правления за 1898 г., снаряжение конного казака обходилось по самой умеренной цене в 274 руб., снаряжение пластуна – 109 руб. Вот средние расценки этого года: мундир – 25 руб., вседневное обмундирование – 40 руб., две пары сапог – 12 руб., бурка – 9 руб., башлык – 2 руб., кинжал с поясом – 6 руб. 50 коп., шашка с портупеей – 9 руб. 50 коп., патронташ – 2 руб., ружейный чехол – 2 руб., лошадь – 120 руб., седло с прибором – 32 руб., сумы – 8 руб., подкова – 1 руб., белье – 4 руб. 50 коп., мелочи – 50 коп. [68].

Третья причина была обусловлена хронической нехваткой златоустовских клинков. По данным осмотра холодного оружия 1882 г., в льготных строевых частях 1-й очереди в Полтавском конном полку имелось 380 златоустовских шашек из 823, в Екатеринодарском – 295 из 837 [69].

Группа офицеров «Персидской казачьей Его Величества шаха бригады». Персия. 1890 г. В центре второго и третьего рядов – *русские офицеры-инструкторы.* Во втором ряду третий слева – *есаул Ассиер,* четвертый – *есаул Маковкин;* в третьем ряду второй слева – *поручик Блюмер. Персидские казаки имели форму обмундирования и оружие по образцу кубанских казаков*

Полоса шашечная. Конец XIX в.

Шашка принадлежала подъесаулу Лабинского полка А. П. Певцову. По свидетельству его потомков, у шашки была цельная серебряная рукоять и серебряный набор на ножны, украшенные резьбой и чернью. Изображения на клинке выполнены в высоком рельефе и позолочены. На правой стороне клинка в фигурном картуше надпись арабской графикой: «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха». С другой стороны у хвостовика стилизованное изображение мечети с сурой из Корана: «Слава Аллаху, все, что мы сделаем, только благодаря одному Аллаху». В центре: «Победа благодаря Аллаху. Мы стоим перед открытой дверью Аллаха». Под треугольником слова: «Победа от Аллаха».

Перекрещенные флаги и две винтовки под ними – часть арматуры, изображаемой на афганских монетах с 1830-х гг. (полная включает еще сабли и пушки). Среди образцов афганского оружия мы не отыскали подобной формы клинков (надо признать, что сведений об афганском оружии у нас крайне мало). Предполагаем, что клинок изготовлен дагестанцами, которые, по свидетельству Э. Г. Аствацатурян, любили изображать на них перекрещенные флаги.

Хвостовик является продолжением обуха и плавно вписывается в изгиб клинка

И это не самые низкие показатели. В Урупском конном полку было всего лишь 25 златоустовских и 183 таннеровские шашки.

Понятно, что, говоря о низком качестве холодного оружия в Кубанском войске, мы рисуем общую картину. В отдельных частях положение было не столь плачевным. Многое зависело от традиций части, атаманов отделов, полкового командира, офицерского состава и станичных правлений. К примеру, в мае 1889 г. атаман Ейского отдела рапортовал, что холодное оружие в сменных командах «найдено в удовлетворительном состоянии, за исключением нескольких шашечных клинков Варшавского и Закавказского изделия, признанных мною малогодными» [70]. Или 1-й Урупский конный полк, осмотрев который подполковник Андриевский в 1884 г. доложил: «Холодное оружие, в особенности шашки, в отменном состоянии» [71].

Главная же мораль всей этой истории с «малогодными шашками» казаков 70–80-х гг. XIX в. заключается в следующем: кубанские офицеры, заметив эту проблему, не стали молчать, а, наоборот, ярко высветили всю ее остроту и приняли меры к устранению. К середине 90-х гг. Кубанское войско сумело решить поставленную задачу.

Приказом 28 февраля 1880 г. наказной атаман Кубанского войска вменил атаманам военных отделов и офицерам, «заведующим» льготными казаками, «при осмотре вооружения и снаряжения казаков... шашки и кинжалы с негодным клинком заменять непременно клинками Златоустовской оружейной фабрики из имеющегося в войске запаса, чтобы каждый молодой казак имел такое, за исключением – когда другое, но хорошего качества и соответствующей формы» [72].

Чуть позже подобные предписания направили командирам строевых частей, расположенных в Кубанской области. Приказ выполнялся лишь отчасти.

Известный нам подполковник Андриевский, размышляя над этим, пришел к выводу, что причина заключается в слишком долгой переписке между станичными правлениями и штабом «о вытребовании клинков с арсенала». Потеряв время, станичные правления при снаряжении казака на службу покупали все, «что можно только найти, не обращая уже внимания на доброкачественность клинков». Андриевский предложил высылать клинки прямо в станичные правления для обязательной раздачи или разрешить станицам выписывать их непосредственно с завода. Последнее предложение, по нашему мнению, просто нереально – оно породило бы настоящий бюрократический кошмар, неразбериху, путаницу, финансовые злоупотребления. Войско вполне обоснованно продолжило практику войсковых заказов.

В 1885 г. Златоусту был сделан новый заказ 3000 шашечных клинков образца 1882 г. «с тем лишь изменением, чтобы рукоятка шашечного клинка находилась на одной линии с обухом клинка без всякого изгиба» [73]. В. Г. Федоров в своем труде «Холодное оружие» привел немало доводов в пользу «прямых» рукоятей [74]. Его вывод таков: «У всех восточных сабель рукоятка прямая, клинок же сначала имеет то же направление и только на некотором расстоянии начинает изгибаться назад ...вся изогнутая часть клинка служит рулем при размахе и заставляет клинок совпадать с направлением удара. Но нельзя сказать того же про современные европейские сабли, в которых изгиб начинается от самой рукоятки и даже выдается сразу вперед, к стороне лезвия.

Но самый главный недостаток в форме европейских сабель ...это тот, что рукоятка изогнута вперед, так что общее направление идет не только не впереди лезвия, а значительно назади... Мы уже видели, что подобное устройство уничтожает возможности правильной рубки».

В своих теоретических рассуждениях В. Г. Федоров опирается на статью о конструктивных особенностях топора, помещенную в «Военном сборнике». В недавно переизданной работе Р. Ф. Бёртона «Книга мечей» автор также вспоминает о топоре, но вывод его несколько иной: «Почти все изогнутые мечи, за исключением японских, сделаны таким образом, чтобы создавалось ощущение, что «клинок хорошо ведет вперед»; и этот вопрос был тщательно исследован народами, у которых общепринятым образом нападения является рубка. Обычно линия рукояти выгибается вперед так, чтобы формировать угол с осью лезвия, который делается тупее или острее в зависимости от того, насколько сильна кривизна лезвия» [75].

А вот мнение известного оружиеведа Э. Ленца, изложенное им в статье «Сабельный этюд Эдуарда фон Ленца»: «...Особый интерес вызывает рукоятка, поставленная косо в отношении клинка. Конструктивный принцип, который положен в основу этой изломанной продольной оси, обсуждался авторитетами как Бехайм, Ена, Гампель и др... С теоретической и практической стороны это явление может быть разрешено тогда, когда теория кривых клинков будет обсуждена математически, механически и статически...

Известный нам пример искривления языка рукояти в направлении к режущей стороне мы находим в венгерских кавалерийских саблях VIII–IX веков. Гампель, обсуждая этот тип сабли, указывает, что он связан не только с Венгрией, такие сабли имелись на Кавказе и вообще эта форма распространена на Востоке. Мы найдем на Кавказе кавалерийские сабли XIV–XV вв. в Кубанском районе, которые сопровождаются согнутой ручкой... Практическое значение всего вышеупомянутого: сознательная попытка в течение тысячелетий поставить наискосок рукоятку к оси клинка, которая состояла в том, чтобы внести поправку тупому углу, который образуется осью клинка к оси вытянутой руки. Иными словами: при искривленной вперед рукояти клинок выходит на одну горизонтальную плоскость с рукой, что усиливает силу удара».

Казаки 1-го Урупского полка. Начало XX в.

Полк был сформирован в 1871 г. из 2-го Нагорного кордонного полка. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1889 г. 1-й Урупский полк вошел в состав 2-й сводной казачьей дивизии, размещенной на австрийской границе. Штаб полка находился в г. Каменец-Подольске. 9 апреля 1906 г. полк был переименован в 1-й Линейный генерала Вельяминова полк

Казаки Таманского полка

Первоначально полк нес кордонную, карантинную, таможенную и военно-полицейскую службу на южном и северном склонах Кавказского хребта, затем в Екатеринодарском отделе. В 1874–1880 гг. участвовал в Ахал-Текинских экспедициях; содержал посты в Ахал-Текинском округе и нес полицейскую службу в Асхабаде. С 31 мая 1885 г. вошел в состав Закаспийской конной бригады, участвовал «в делах против афганцев», содержал Атрекскую линию. С января 1884 г. штаб-квартира полка находилась в г. Асхабаде, в 1891 г. переместилась в селение Каши

Как видим, точки зрения авторов заметно разнятся. Но нам интересно мнение кубанцев – почему они требовали выпрямить рукоять? Ответ содержится в рапорте атамана Уманского военного отдела, и он (ответ) совершенно неожидан и прост. «Прежний заказ шашечных клинков, – докладывал атаман, – представляет существенный недостаток, именно: головка шашки не может закрыть плотно все отверстие ножен, куда свободно проникает во время дождя вода, к устранению чего необходимо верхнюю часть и самую рукоятку клинка делать прямее, согласно прилагаемого при сем чертежа» [76]. Итак, необходимость прямой рукояти обусловлена не тактическими, а эксплуатационными характеристиками (правда, это пока мнение одного человека).

Заказ шашек 1885 г. состоялся 18 ноября, а уже 19 февраля 1886 г. в войско отправили два образца (так делалось всегда: один оставался в войске, один, заверенный особым ярлыком, отправляли на фабрику). На этот раз образцовый клинок в Златоусте сделали явно небрежно, и он не устроил Кубанское войско. На нем не было двух желобков, штемпеля «К. К. В.», да и рукоять осталась наклонной. 12 ноября войсковой штаб дал согласие на выделку 3000 шашечных клинков с черными деревянными рукоятями по цене 3 руб. 50 коп. за штуку, но с обязательным устранением указанных замечаний. Рукоять штаб просил сделать «несколько прямее», мотивируя это требование все тем же проникновением воды в ножны. Одно требование касалось качества клинковой стали. Войско просило изготовить клинки, соответствующие по качеству клинкам заказа 1877 г., так как клинки «выписки 1882 г. оказались недоброкачественными в большинстве» [77]. Надо отметить, что в сноске внизу листа вместо 1882 г. указан уже 1879 г.

Таким образом, заказ, предпринятый первоначально в ноябре 1885 г., растянулся на целый год и фактически состоялся лишь в ноябре 1886 г. В мае 1887 г. готовые шашки отправили в войско, где их распределили по военным отделам. В продажу они пошли по цене 3 руб. 61 коп.

В эти же годы участились случаи прорыва нашей южной границы различными кочевыми племенами. Одна из стычек завершилась рукопашной схваткой, в которой и казаки, и их златоустовские шашки показали себя с самой лучшей стороны. 30 декабря 1885 г. командующий 2-й Кавказской казачьей дивизией в письме к наказному атаману Кубанского войска Г. А. Леонову сообщил: «В текущем декабре на Муганской степи произошло несколько столкновений казачьих команд 1-го Ейского полка с вооруженными кочевниками племени Шахсеван, прорвавшимися из пределов Персии в наши владения.

Курдские сабля и щит. Дар Кубанскому войсковому музею Г. Ф. Ульянова. Основа щита выполнена из ивовых прутьев, оплетенных шелком, конический умбон сделан из дерева. Диаметр щита 240 мм. Клинок сабли перекован из златоустовского клинка 1871 г. выпуска. Столь экзотическая форма клинка прослеживается на оружии Ближнего Востока с конца 3-го тысячелетия до н. э. В Древнем Египте двояковогнутые секачи были известны под названием хопеш. Размеры сабли: 768, 635, 30

О курдском оружии военный историк В. Потто писал: «Оружие у курдов приспособлено к рукопашному бою; в особенности хороша их длинная, гибкая камышовая пика, которою они владеют в совершенстве. Когда куртин несется на врага, он держит пику за середину и, потрясая ею, заставляет изгибаться дротик так быстро, что глаз не может следить за направлениями лезвия и удар куртинца трудно отпарировать саблей. Природные наездники курды не любят сражаться пешком, и потому почти не имеют ружей, но пара длинных пистолетов всегда за поясом, на котором висит также кривая персидская сабля, часто с булатным хоросанским или дамасским клинком, круглый щит и несколько маленьких копий за седельным троком, ловко бросаемых из рук, дополняют их обычное вооружение».

Еще более информативно сообщение А. А. Аракеляна. Он выделил четыре разновидности огнестрельного оружия курдов и восемь – холодного. Среди них прямой и вогнутый шемшир, разных видов ханджары, мурах-копье на камышовом древке, надшах – род обоюдоострого топора, джаг и сюнги – «круглые, треугольные, четырехугольные или пилообразные вертелы вроде штыка», бельшиши – «маленький джаг, воткнутый за пояс – спинной штык, самое опасное оружие курда...» (*Аракелян А. А.* Курды в Персии // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – СПб, 1904. – Т. 17. – № 1. – С. 19.)

В числе происшедших стычек была одна рукопашная схватка, в которой казаки действовали одним холодным оружием. Казаки 1-го Ейского полка в схватке этой действовали молодцами, но часть казаков в самом скором времени должна была обратиться снова к огнестрельному оружию, так как у 1/3 всего числа казаков клинки шашек разбились и изломались в такой мере, что у многих казаков остались в руках одни только рукоятки. Что же касается до клинков шашек казенного изготовления (Златоустовского завода), то таковые по испытанию в делах оказались превосходными. На трупах встречались отрубленные совершенно руки, ноги, головы и даже разрубленные пополам туловища, но при этом ни один клинок Златоустовского завода не получил никаких повреждений.

Ввиду учащающихся случаев столкновений казачьих команд с кочевниками и разбойниками, оказывается таким образом совершенно необходимым, чтобы сменные команды, отправляемые из войска в полки, снабжались исключительно клинками Златоустовского завода...» [78]. Далее командир дивизии просил издать об этом соответствующий приказ и ни в коем случае «не допускать Варшавских изделий, безусловно негодных для вооружения казаков».

Приказ о вооружении выходящих на службу казаков исключительно златоустовскими шашками был издан, как мы помним, еще в 1880 г. Оставалось только реализовать его на практике. Войско идет на беспрецедентный шаг: в 1891 г. в Златоусте заказывается сразу 10 тыс. шашек [79]. К сожалению, никаких подробностей об этом заказе мы не нашли. Удалось установить, что это был не разовый заказ, а растянутый на несколько лет. По мере изготовления в войско отправляли готовые партии. В 1892 г. поступило 2600 шашек. Вполне очевидно, что клинки делались по прежнему образцу и отличались лишь проставленной датой изготовления. Небольшие различия вполне реальны вследствие допусков валового изготовления и смены технологической оснастки.

К середине 90-х гг. XIX в. проблему качества шашек в первых полках Кубанского войска в основном удалось решить. Проверка 1894 г. казаков приготовительного разряда присяги 1892 г., назначенных для службы в конных частях, показала наличие почти у всех холодного оружия Златоустовского завода [80]. Несколько примеров: «Станица Пашковская: шашки и кинжалы, за малым исключением, златоустовские и в хорошем виде; ст. Старокорсунская: шашки и кинжалы Златоуста; ст. Васюринская: шашки и кинжалы Златоуста, в хорошем виде; ст. Усть-Лабинская: шашки и кинжалы хотя не у всех златоустовские, но к лагерному сбору таковые будут выданы из складов отдела; ст. Ладожская:

Шашка кавказская. Последняя четверть XIX в. Работа дагестанского мастера в черкесском орнаментальном стиле. Золоченый крест, выгравированный на устье ножен и обеих сторонах головки, скорее элемент орнамента, нежели намек на аннинское оружие. На обратной стороне устья владельческая маркировка «Н. Н.». Размеры: 900, 750, 32

нок Златоустовс

Ввиду учаща
никами и разбой
димым, чтобы с
жались исключи
командир дивиз
в коем случае «
для вооружения

Приказ о во
но златоустовск
Оставалось толь
дентный шаг: в 1
К сожалению, н
лось установить
ко лет. П
В 1892
делал
ной д
вслед
гиче

оружие, за малым исключением, златоустовское». Из акта осмотра эшелона молодых казаков 1-го Черноморского полка 1904 г.: «...все шашечные клинки войскового образца (речь не о высочайше утвержденном образце. – *Б. Ф.*) отличного качества»; сменная команда 1-го Кубанского полка: «все шашки кроме 4-х – златоустовские».

Основную массу негодного в боевом отношении оружия давали теперь казаки льготных полков, особенно 3-й очереди. Проверка 1893 г. 3-й очереди Ейского конного полка: шашек годных 580, бракованных 330, нет 50; 3-й очереди Уманского конного полка: годных 586, бракованных 246, нет 75 [81].

В 1893 г. Военный совет рассматривал вопрос об изготовлении ножен и ручек к шашкам и кинжалам неприкосновенного запаса. При этом было обращено внимание на то, что приказ по военному ведомству от 1871 г. № 380 давал «неясное определение образца холодного оружия Кавказских казачьих войск... – шашка азиатского образца с произвольною оправою». Военный совет и Главное управление казачьих войск считали, что при таком неопределенном описании любое оружие, принесенное казаком на службу, может быть забраковано, введя его в новые напрасные расходы. К тому же существование различных произвольных образцов не давало возможности заготовить требуемый неприкосновенный запас.

Учитывалось Военным советом и мнение генерал-майора Короченцова, проводившего в 1892 г. поверочную мобилизацию в Кубанском казачьем войске. В рапорте военному министру он доложил: «Считаю долгом довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о том печальном состоянии клинков, особенно шашечных, которое оказалось в мобилизованных частях. За весьма ничтожным исключением, все клинки покрыты следами ржавчины.

Осмотревши массу клинков, именно более 4,5 тысячи и зная клинки своей Кавказской бригады, следовательно, всего свыше 6 тысяч, невозможно допустить, чтобы из такого числа казаков не оказалось хотя бы 1/10 части любителей оружия, которые могли бы сохранить клинки свои как

Группа казаков Екатеринодарского полка. Начало XX в. Вооружение: трехлинейная винтовка драгунского и казачьего образца, уставные шашки и кинжалы

Имя Екатеринодарского полка с января 1871 г. стал носить 1-й Нагорный кордонный полк ККВ. 1-й Екатеринодарский полк постоянно дислоцировался в Кубанской области. С 1883 г. штаб-квартира полка располагалась в г. Екатеринодаре. В составе сводной Кавказской казачьей дивизии полк участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Первую мировую войну полк встретил в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии. В декабре 1917 г. полк вернулся на Кубань. Расформирован 27 февраля 1918 г.

Казаки Кавказского полка ККВ. Начало XX в. Слева направо: *П. Т. Шрамко, З. Н. Михайленко, А. Т. Шрамко. У братьев Шрамко кинжалы-бебуты, довольно редко встречавшиеся в снаряжении кубанских казаков*

1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ ведет свою родословную от Екатеринославского казачьего войска, образованного в 1787 г. из русских однодворцев, поселенных на Украинской линии и обращенных в казачью службу. В 1802 г. часть бывших екатеринославских казаков (войско упразднено в 1796 г.) переселяется на Кубань и в дистанции между Усть-Лабинской и Кавказской крепостями основывает ряд станиц. Из этих поселенцев в 1803 г. был сформирован Кавказский казачий полк

следует, но вместе с тем эти 6 тысяч клинков как бы свидетельствуют, что любителей почти нет». Генерал видел две причины столь бедственного положения: неаккуратное содержание шашек самими казаками и неудачная конструкция верхней части ножен. «Верхняя часть ножен, – считал Короченцов, – представляет из себя очень хороший резервуар для стока дождевой воды, как по эфесу шашки, так и прямо дождевыми каплями, а иногда и ручьями, с левого рукава черкески, под которым находится шашка. Вода, по мере скопления в этой части ножен, стекает по клинку шашки в нижнюю часть ножен и делает с клинком свое дело. При этом оказывается, что чем исправнее и аккуратнее сделаны ножны, а особенно в нижней их части, – тем хуже ржавеет клинок...

Мне говорили офицеры, любители оружия, что после сильных дождей им приходится выливать воду из ножен и принимать различные меры к скорейшей высушке их. Но казак не всегда найдет время для своевременной осушки своих ножен» [82]. Возразим генералу – время можно найти всегда. Ведь находили его казаки первоочередных частей, находящиеся на службе; замечания в небрежном содержании оружия в их адрес довольно редки. Короченцов же ведет речь о льготных казаках, которые сидели дома, и времени позаботиться о своем оружии у них было предостаточно. Безусловно, раструб ножен играл приписанную ему роль. Но шашечный клинок, если за ним не ухаживать регулярно, будет ржаветь в любых ножнах и вовсе без ножен, ни разу не побывав под дождем. Даже дома он будет впитывать влагу из воздуха. Это подтвердит вам любой коллекционер, реставратор или хранитель фондов.

В конце 1970-х гг. автор писал научные паспорта на холодное оружие музея. Теперь только в этих паспортах можно прочитать описание ряда клейм – на клинках их съела ржавчина. Это оружие не имело экспозиционного вида и потому все эти годы мирно хранилось в сухом помещении. Мало того, оно было покрыто реставраторами какой-то смазкой. Вполне очевидно, что при их очистке процесс коррозии не был оборван и продолжал развиваться и под консервирующим слоем.

На отчете Короченцова военный министр начертал: «Обратить внимание». Исходя из перечисленных причин Военный совет потребовал разработать и утвердить единый образец шашки и кинжала для Кавказских казачьих войск и объявить по военному ведомству чертежи и описание. При этом совет напомнил о высочайше утвержденном 6 июня 1881 г. образце шашки, но «не в виде обязательства принять именно его... а в виде ссылки на существующий уже для всех казачьих войск образец, построенный на основании научных данных, которым можно руководствоваться при выработке для Кавказских войск собственного образца». Какой «тонкий» намек!

Далее все идет обычным путем. Войсковой наказной атаман издает приказ о доставлении образцов шашки и кинжала, а 18 июня 1893 г. наказной атаман предписывает учредить для этого особую комиссию в следующем составе: председатель – старший помощник начальника Кубанской области и наказного атамана генерал-майор Яцкевич; члены комиссии – ата-

ман Екатеринодарского отдела полковник Мазан, командующий 2-м Екатеринодарским льготным полком войсковой старшина Барыш-Тыщенко, начальник войсковой мастерской есаул Чекалов и полковник Кухаренко (должность на тот период неизвестна). В свою очередь комиссия привлекла к работе командира 1-го Екатеринодарского конного полка полковника князя Дондукова-Корсакова.

Члены комиссии внимательно изучили различные типы холодного оружия, находившиеся в войсковой мастерской и у частных лиц, и единодушно решили, что лучшими и наиболее отвечающими своему назначению являются клинки Златоустовского завода. Опасения Короченцова относительно ножен комиссия не разделила и признала их вполне удовлетворительными. Свое мнение она обосновала тем, что данный тип ножен выдержал испытание Кавказской войной, казаки с ними свыклись, они легки и просты по конструкции, а потому их нетрудно сделать или исправить в любой станице из материалов, находящихся под рукой. Раструб же ножен сберегал шашечную рукоять и позволял удобнее и быстрее вкладывать шашку. Факта затекания в ножны дождевой воды никто из членов комиссии не наблюдал, но в том случае если подобное произойдет, «то влияние оного на состояние клинка вполне устраняется своевременным его вытиранием и смазкой».

23 сентября 1893 г. комиссия представила описание новых образцов с указанием их размеров, веса, прибора, стоимости [83]. Опуская малозначительные детали, приведем описание этой шашки, так как на ее основе и был создан хорошо известный образец 1904 г.

Шашечный клинок состоял из боевого конца длиной около 1/4 аршина, начинавшегося от острия и продолжавшегося до начала дол. Назначался он для рубки и укола. Средняя часть имела на каждой стороне по два дола «по образцу так называемых волчков» (? – *Б. Ф.*) и предназначалась для парирования ударов и рубки. Третью часть клинка составлял хвост, служащий для крепления эфеса. Клинок был сделан из литой стали, имел закаленный боевой конец и среднюю часть; кривизна – «подобна кривизне волчков» (столь частое упоминание волчков явно имело своей целью хоть как-то вписаться в приказ 1881 г.). Длина клинка без хвоста – 1 арш. 1 верш., ширина – «соответственно длине», но не менее 3/4 верш. в центре удара. Вес клинка – около 1 фунта 47 зол.

На хвостовике имелись два отверстия для прикрепления заклепками рукояти. Обращаем внимание на эфес представленного образца. Он состоял из рукояти, головки и трех заклепок. Рукоять буйволового или бычьего рога, из двух щечек, соответствующих верхней части клинка и хвосту. На нее насаживалась головка азиатского образца из латуни, она крепилась с помощью цементного состава и «прибивалась» двумя заклепками (цементом в то время называли различные фиксирующие, крепежные и склеивающие составы. Основными компонентами цемента для крепления рукоятей холодного оружия являлись пережженный гипс, квасцы, стеклянный клей. После затвердевания полученная кристаллическая масса по внешнему виду и твердости напоминает головку сахара. При реставрации так же легко, как сахар, растворяется в горячей воде).

Ножны изготавливались из двух половинок легкой породы дерева (для образцовых взяли липу) с «гнездом» (раструбом) для помещения рукояти вплоть до головки, обтягивались кожей, преимущественно хозом, и покрывались лаком. (О. В. Маргграф, описывая кустарные промыслы Северного Кавказа, хозом называет кожу «из лошадиной шкуры», своей красивой шероховатой поверхностью напоминающую шагрень. По нашим данным, на Кубани хозом называли и козлиную кожу. Об одних и тех же нож-

нах в документах можно прочитать: «покрыты хозом» и «покрыты козлом». В начале XX в. слово «хоз» приобрело еще более расширенное толкование.)

Кроме того, нижняя часть ножен (начиная от нижней обоймицы), «для предупреждения затекания воды», обтягивалась восчанкой (парусина, пропитанная воском и медянкой). На кожу насаживался латунный прибор из верхнего и нижнего наконечников и верхней и нижней гаек. Верхняя гайка с припаянной к ней скобой для пасового ремня портупеи одевалась под раструб. Нижняя гайка с припаянной скобой для продевания нижнего пасового ремня устанавливалась посередине ножен с помощью одной заклепки. Нижний наконечник крепился двумя заклепками.

Портупея к шашке изготавливалась из вычерненного сыромятного ремня кавказской выделки и состояла из плечевого ремня и двух пасовых – верхнего и нижнего. Ширина ремней – 5/16 верш., длина плечевого ремня – около 2 арш. 3 верш., длина верхнего пасика – около 4 верш., нижнего – около 11 верш. «Каждый из пасиков состоит из пропущенного в ушко пуговки и перегнутого вдвое ремня». Набор к портупее состоял из латунных пряжки со шпеньком, гайки, наконечника, двух больших пуговок, шести – меньшей величины, одной большой гайки и одной пуговки на нижний пасик. Пуговки своими ушками продевались сквозь ремень и закреплялись пропущенными в ушко ремешками. «Портупея пригоняется к шашке таким образом, чтобы оба пасика, вытянутые вдоль шашки, приходились бы у середины головки рукоятки клинка». В пешем строю портупея носилась через правое плечо, а в конном надевалась вокруг пояса.

Шашечный клинок весил 1 фунт 47 зол., вес прибора на шашку – 34 зол., вес шашки с ножнами – около 2,5 фунта, вес набора к портупее – 16 зол., вес шашки с портупеей – 3 фунта 84 зол. Весь прибор на шашку и портупею изготавливался из латуни «с резьбой и под чернью по кавказскому образцу».

Стоимость шашки комиссия рассчитала в 8 руб. 78 коп. Сумма эта сложилась из следующих расходов. Шашечный клинок по цене Златоустовского завода обошелся в 2 руб. 85 коп. Ножны без оклейки – 20 коп. (из липовой доски длиной 6 арш., толщиной 1,5 дм, стоившей 3 руб., выходило 15 штук шашечных ножен). Оклейка ножен хозом – 1 руб. 60 коп. (из одной кожи средней величины: длиной 1,5 арш., шириной 10 верш., стоимостью 3 руб. 20 коп. – выходило материала на двое ножен). Восчанка на шашку стоила 8 ¼ коп. (это общая стоимость парусины, одного аршина которой хватало на 8 ножен, воска и медянки). Латунный прибор и рукоять из буйволового рога обошлись в 3 руб. Клей, чернение и две заклепки – 5 коп., и 1 руб. – работа. Портупея обошлась в 1 руб. 38 коп.

В октябре 1893 г. образцовое оружие с описаниями и рисунками было отправлено в штаб Кавказского военного округа. Исправляющий должность наказного атамана Кубанского войска счел нужным добавить к этому и свое заключение по поводу устройства казачьих ножен: «Шашечные клинки не могут подвергаться порче от затекания дождевой воды в ножны, если они своевременно будут вытираться и смазываться, т. е., другими словами, если оружие будет содержаться в исправности, как это требуется законом».

13 ноября кубанские образцы поступили в Главное управление казачьих войск, а 7 декабря оттуда затребовали образцы шашки и кинжала для офицеров Кавказских казачьих войск. 9 января 1894 г. и. д. атамана Кубанского войска уведомил, что шашка офицерам полагается того же образца, как у нижних чинов. «Что же касается отделки, – писал атаман, – как клинков, так портупеи и пояса, то таковая по желанию каждого может быть серебряная или золоченая, что предоставляется означенным описанием и для нижних чинов» [84].

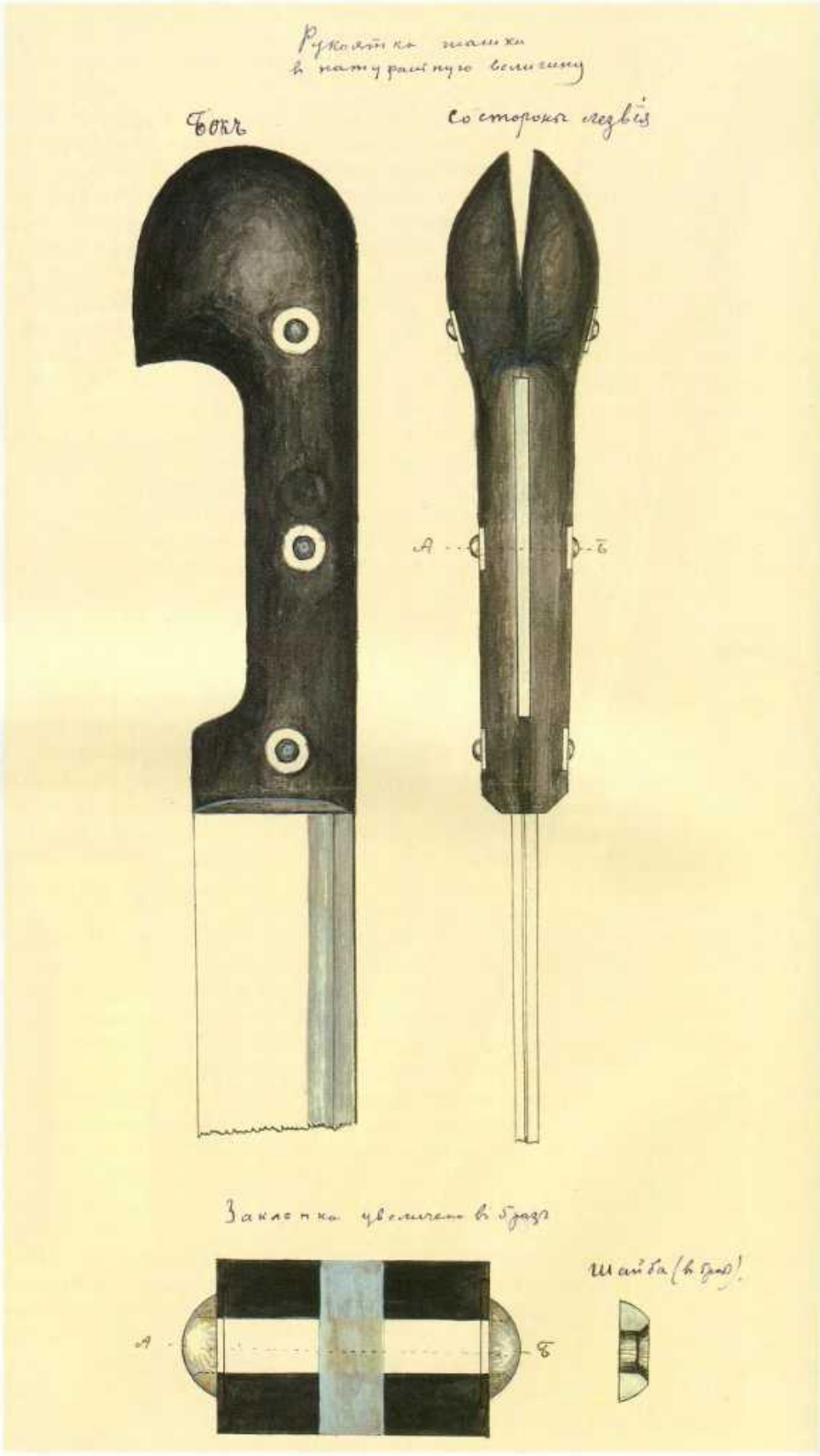
Шашки Кубанского и Терского казачьих войск с клинками Златоустовской оружейной фабрики. Клинок Кубанского войска изготовлен в 1899 г., но еще не согласно подготовленному в войске описанию (крепеж щечек двумя, а не тремя заклепками)

Акварельный чертеж образцовой шашки для Кавказских казачьих войск, выполненный к эталонному описанию 1899 г. Показанные на чертеже полусферические головки заклепок и круглые шайбы под ними так и остались только на бумаге. В производственной практике войсковой мастерской, военно-ремесленных школ, отдельских и полковых оружейных мастерских эти конструктивные решения не использовались. То же самое можно сказать и о пазах, выбранных в щечках рукояти

В сентябре 1894 г. образцовые шашки Кубанского и Терского казачьих войск поступили в Главное артиллерийское управление. Их осмотрел инспектор артиллерийских приемок генерал-лейтенант Энгельгардт. Он отметил, что клинки резко отличаются от клинков казачьих шашек, утвержденных в 1881 г., однако их можно оставить, так как с «подобными образцами свыклись целые поколения казаков на Кавказе». Конструкция ножен, по мнению инспектора, представляла хорошую возможность для скопления воды у эфеса. Непрочным считал он и соединение частей у ножен. Но самые большие претензии вызвал способ скрепления эфеса с хвостом клинка. Поперечные заклепки инспектор полагал ненадежными. Для вынесения окончательного заключения шашки отправили на испытания на Инструментальный завод.

24 ноября 1894 г. начальник инструментального отделения полковник Корольков доложил результаты проверки боевых качеств оружия [85]. Клинки обоих войск были изготовления Златоустовской оружейной фабрики. Клинок Терского войска был тоньше драгунского и короче на 3 дм, имел два узких и один широкий дол; клинок Кубанского войска был еще несколько тоньше и короче на 4 дм, имел два узких дола. Клинки оказались закалены «пружинной калкой» и отточены приблизительно по правилам. От груза весом в 50 фунтов клинок Терского войска дал стрелку прогиба в 6,5 дм, а клинок Кубанского – 6 $^{7}/_{8}$ дм. У первого точка наибольшего изгиба оказалась ближе к боевому концу, у второго – чуть выше, но все-таки гораздо ближе к боевому концу, нежели у драгунских клинков. После указанного испытания гибом оба клинка полностью выпрямились без малейших следов «остающегося изгиба».

Прекрасной оказалась и твердость острия: при опускании на железный лист клинки пробивали его без малейшего для себя вреда. При рубке меди и мягкого железа отлично зарекомендовали себя и твердые лезвия, не получившие ни помятостей, ни зазубрин. Правда, лезвия в местах удара получили небольшой изгиб, но это было приписано неправильному положению клинков в момент удара.

Полностью подтвердились опасения артиллерийского инспектора относительно крепления эфеса. От первого же удара по меди прямо в руке рубившего «разлетелась в куски» рукоятка терского клинка. Эфес кубанского клинка предварительно туго обмотали тряпкой, но, тем не менее, от первого же удара обе щечки сдвинулись со своих мест. Испытания клинков были признаны очень хорошими, а способ скрепления их с эфесом – неудовлетворительным.

В Кубанском войске внимательно изучили результаты испытаний и 11 марта 1896 г. представили свои доводы начальнику штаба Кавказского военного округа. В отношении ножен кубанцы твердо стояли на своей позиции. К прежним доводам они добавили еще один: раструб ножен скрывает выступающие части рукояти и она не так цепляется за одежду, ремни, ветки... Свой способ скрепления клинка с эфесом в войске считали более удачным, чем в регулярной кавалерии и у донцов: «Рукоятка из рога или металла, состоящая из двух равных половин, соединенная с хвостом клинка вплотную двумя заклепками, составляя одно целое, ни при каком сильном ударе не может отделиться от хвоста клинка. Подобное скрепление ...нельзя не признать значительно более прочным скрепления клинка с рукояткою в шашках и саблях образца регулярной кавалерии и донских, где клинок узким хвостом своим вставлен в рукоятку и заклепан в верхнем конце или скреплен гайкою ...и легко расхлябывается».

И лишь в одной, но, пожалуй, главной детали, кубанцы уступили. Рукоять для придания ей прочности решили делать цельной с головкой,

«не допуская прикрепления отдельной головки цементным составом или мастикой». Таким образом, казаки возвращались к старым, испытанным в боях эфесам.

Ознакомившись с заключениями атаманов Кубанского и Терского казачьих войск, Главное управление казачьих войск в августе 1896 г. возвратило оружие 1893 г. и потребовало изготовить новые образцы согласно последнему проекту. Седьмого октября штаб Кубанского войска дал указания начальнику войсковой мастерской изготовить новый образец. На старый клинок в мастерской приделали цельную рукоять из буйволового рога и 22 октября отправили в окружной штаб. При этом атаман ходатайствовал, чтобы в описании утвержденного образца «было разрешение о обделке головки поверх рога металлом в виде колпачка для желающих». В июле 1897 г. оружейный отдел артиллерийского комитета признал новый эфес, «состоящий из двух цельных половинок буйволового рога, достаточно прочным и отвечающим своему назначению».

Но при этом оружейный отдел обратил внимание на расклепку заклепок прямо на роге, что могло повлечь раскол рукояти при сильном ударе. Для предотвращения этого рекомендовалось под концы заклепок подкладывать металлические шайбы, «и вообще производить заклепку более тщательно и аккуратно, чем в представленных образцах». Главное управление казачьих войск не сочло возможным представить на высочайшее утверждение образец, сделанный очень небрежно и неаккуратно. 15 сентября 1897 г. от войска потребовали новый образец, сделанный «возможно тщательнее и согласно приведенных указаний». Раздраженный начальник штаба Кубанского войска потребовал от войсковой мастерской изготовить образец «немедленно и возможно изящнее».

В конце 1898 г. были забракованы и новые образцы, изготовленные без учета рекомендаций оружейного отдела. Кубанцы почему-то не поставили под заклепки шайбы, да и рисунки с описанием прислали старые (т. е. фактически ничего не исправили). Образец Терского войска Главное управление окончательно отвергло и на высочайшее утверждение решило представить только кубанский. В марте 1899 г. в Кубанском войске изготовили новые образцы, описание к ним и чертежи. Данное описание легло в основу приказа по военному ведомству от 13 марта 1904 г. № 133.

Серьезные изменения в описании образца 1899 г. в сравнении с образцом 1893 г. касались лишь эфеса. Он состоял из следующих частей: «Двух щечек рукоятки, трех заклепок и шести металловых шайб. Щечки рукоятки сделаны из буйволиного рога, нижняя часть, согласно широкой части клинка, слегка срезана к хвосту, средняя часть плотно обжимает хвост и задняя образует сердцеобразную головку. Три заклепки изготавливаются из железной проволоки, для скрепления рукоятки с клинком пропускаются сквозь обе щечки роговой рукоятки и хвост клинка. Шесть шайб отливные из мельхиора (белый металл три орла) и вставляются в вышарошенные гнезда роговой щечки.

Щечки рукоятки делаются цельные, потому что были случаи, при рубке глины, металловая головка, прикрепленная квасцами и одной заклепкой, отрывалась и шашка выпадала из рук».

В ножнах было усилено крепление обоймиц – добавлено еще по одной заклепке. Описание прибора ножен звучало так: «...латунный набор из белого металла, три орла № 30». За счет отказа от металлической головки вес готовой шашки с портупеей удалось снизить до 2 фунтов 80 зол. Роговая ручка весила всего 20 зол. До 7 руб. 70 коп. (более чем на рубль) удалось понизить стоимость шашки, несмотря на удорожание клинка.

Проектный образец вновь доставили в столицу (как всегда, через окружной штаб) и в августе 1899 г. осмотрели в оружейном отделе артиллерийского комитета. И вновь в который раз все дело испортил низкий профессиональный уровень сотрудников войсковой мастерской. Заклепки сидели в отверстиях неплотно, и щечки шатались. Пригонка рукояти к хвосту опять оказалась небрежной. Под заклепки снова не поставили шайбы, хотя и в описании, и в чертежах они имелись.

17 августа оружейный отдел постановил, что образцовую шашку в таком виде нельзя представить на высочайшее утверждение. Главное управление казачьих войск указало, что, несмотря на неоднократные исправления, небрежность в изготовлении образцов при попустительстве войскового начальства не позволяет утвердить образцы азиатского холодного оружия, работа над которыми началась еще в 1893 г.

Пока в Кубанском войске готовили новый образец, военный министр доложил императору, что кубанские казаки до сих пор не имеют установленного образца шашки и кинжала. В результате этого представления 24 апреля 1901 г. император «повелеть соизволил ...казаков Кубанского и Терского казачьих войск не неволить иметь оружие казенного образца и, не стесняясь однообразностью его, разрешить казакам выходить на службу с доставшимися им от дедов и отцов шашками и кинжалами, лишь бы оружие это было годно в боевом отношении» [86]. В других казачьих войсках такое разрешение последовало 13 августа 1909 г. Один казачий офицер, в течение трех лет наблюдавший за донскими казаками шести сроков службы, по этому поводу заметил: «Я не видел ни одного, который имел бы на службе дедовскую шашку...» [87]. По Кубанскому войску никаких данных по «дедовскому» оружию у нас нет. Сам факт отсутствия этого вопроса в делопроизводственной переписке заставляет предположить, что на Кубани была примерно та же ситуация, что и на Дону.

Новый (и, к счастью, последний) образец в войске изготовили на удивление быстро. 30 декабря 1899 г. атаман сообщил начальнику штаба Кавказского военного округа: «Препровождая ...вновь изготовленные образцы шашки с портупеей и кинжала с поясом с описанием и чертежами, уведомляю Ваше превосходительство, что на тщательную и соответствующую описанию и чертежам поделку этих вещей было обращено самое строгое внимание. Шашка и кинжал, изготовленные во вверенном мне войске, подвергались, судя по имевшимся на них следам, особому испытанию в оружейном отделе Артиллерийского комитета, но в чем именно заключается это испытание – неизвестно, я не уверен, что и посылаемые ныне образцы выдержат неизвестное мне испытание, хотя, как кажется, с практической стороны все предусмотрено, почему и хочу ходатайства Вашего о том, что если и препровождаемые образцы холодного оружия не будут признаны годными для представления на Высочайшее утверждение, то были бы изготовлены образцы на месте, в С-Петербурге, под ближайшим руководством специалистов Артиллерийского комитета, за счет войска» [88].

Полоса казачьей шашки. Начало XX в. Хвостовик выполнен с уступами, но является фактически продолжением обуха

Полоса казачьей шашки. Начало XX в. Хвостовик имеет легкий наклон к лезвию. После крепления щечек он станет более заметным

На этом следы шестилетней «шашечной одиссеи» обрываются. Автору, к сожалению, не удалось установить, какая же шашка удостоилась высочайшего утверждения – кубанского изготовления или столичного. Надо полагать, кубанского. В противном случае велась бы дополнительная переписка. Заверения атамана в самой «тщательной поделке» также свидетельствуют в пользу этого мнения. В любом случае шашка являлась творческим продуктом Кубанского войска. Все ее главные части: клинок, эфес, ножны – были разработаны и рассчитаны членами комиссии генерал-майора Яцкевича.

Тем не менее остается непонятной и трехлетняя пауза между отправкой оружия в Главное управление казачьих войск и высочайшим утверждением. Войско же в эти годы продолжало получать новые партии оружия из Златоуста. В 1901 г. поступили 5000 шашечных и 4000 кинжальных клинков. При этом, согласно отзывам наказного атамана, и войско, и фабрика руководствовались описанием 1899 г., представленным вместе с образцовой шашкой в Главное управление казачьих войск. Фабрика изготавливала теперь только шашечные полосы без рукоятей.

Примечательна, по целому ряду аспектов, следующая история конца 1903 – начала 1904 г. 25 ноября 1903 г. Горный департамент возбуждает вопрос о «замене у клинков казачьих шашек азиатского образца рукояток из бакаутового дерева – березовыми, со скреплением обеих щек сих рукояток винтом с контргайкою...». Рукояти из бакаутового дерева Златоустовская оружейная фабрика делала для Терского казачьего войска. Во время пробы ударом они часто трескались. В связи с этим и возникла мысль о замене их березовыми с окрашиванием под цвет бакаутового дерева.

Главное управление предложило Кубанскому войску обсудить вопрос о подобной замене. 4 марта 1904 г. последовал рапорт атамана: «Шашечные и кинжальные клинки для вверенного мне войска изготавливаются на Златоустовском заводе без рукояток. Такие рукоятки делаются в пределах войска из буйволиного рога и прикрепляются согласно описания, представленного в Главное управление казачьих войск... 1899 г.» [89]. Но не все так просто и однозначно. Мы встречали клинок с бакаутовой рукояткой, несущий на себе аббревиатуру «К. К. В.», что, как уверяют, означает войсковой заказ (год не просматривается).

Неясной остается позиция Златоустовской оружейной фабрики, продолжавшей упорно (и после 1887 г.) выпускать партии клинков с изогнутыми в сторону лезвия хвостовиками. Нам приходилось видеть клинки с подобными рукоятями 1893, 1901 и 1899 гг. выпуска. Причем клинки 1901 г. встречались и с прямым хвостовиком. Корректно распределить рукояти на прямые и наклонные по годам изготовления, на наш взгляд, не представляется возможным. Возьмем, к примеру, 5000 клинков 1901 г. Их делали разные мастера и, самое главное, на разном технологическом оборудовании, в том числе и на старом. Возможно, этим и объясняется наличие двух разновидностей рукоятей за один год. Представьте, что вы увидели 10, 20, пусть даже 100 шашечных полос какого-то года выпуска с пря-

мыми рукоятями. Все равно это не дает нам права уверенно заявить, что вся партия была такой; для этого надо видеть всю партию. Мало того, в Кубанском войске имела место перековка наклонных хвостовиков в прямые. Может быть, невнятная фраза «переделка клинков» из отчетов войсковой мастерской означает именно это? Но есть и прямые документальные подтверждения.

6 марта 1904 г. командующий 2-м Полтавским полком в рапорте начальнику штаба войска доложил: «При изготовлении ножен для шашек в мастерской командуемого мною полка обнаружено, что благодаря неправильному изгибу (которого не должно быть совершенно) рукояти клинка, нельзя сделать ножну так, чтобы последняя вплотную охватывала роговую ручку шашки, последствием чего получается большой зазор между ручкой и ножнами, – настолько большой, что ножна, в дождь, затекает, а это, конечно, нежелательно.

Исправление рукояти клинка возможно и в полку, что у меня и делается, но такого рода работа требует особенного наблюдения ввиду того, что при чрезмерном нагреве может пострадать клинок.

Если бы Златоустовский завод, при изготовлении клинков для Войска, сам исправил рукояти, то и в лавках и в Войсковых мастерских можно бы получить шашки, сделанные как следует, а пока наши казачьи ножны служат чуть ли не резервуаром для дождевой воды; при том, если переделать клинки так, как показано на представляемом чертеже, то режущая способность шашки увеличится в значительной степени» [90].

Обратите внимание, какие диаметрально противоположные точки зрения высказывают казачьи офицеры относительно затекания дождевой воды в ножны. Бесспорно, вода в жесткий раструб ножен проникала довольно легко. Но позиция офицеров Кубанского войска, опровергавших доводы генерал-майора Короченцова о ножнах казачьей шашки, вполне понятна: пренебрегая деталями, они отстаивали сам тип кавказской шашки, к которому привыкли, который любили и который отличал их (как и форма) от остальных казаков России.

Наконец-то из уст офицера среднего звена прозвучали слова о функциональном, боевом преимуществе прямой рукояти. Жалко, что нам неизвестно, откуда он вынес это мнение: из литературы или из практического опыта.

Следствием рапорта командира 2-го Полтавского полка стало письмо начальника войскового штаба от 15 марта 1904 г. директору оружейной фабрики. Он сетовал на то, что фабрика изготавливает шашечные рукояти с изгибом, описывал проблему подгонки ножен под такие эфесы. Работа по перековке рукоя-

Шашка Кубанского казачьего войска образца 1904 г. Клинок Златоустовской оружейной фабрики 1906 г. выпуска. Размеры: 904, 745, 35. Изгиб клинка 31/410

тей в войске, по мнению начальника штаба, являлась совершенно лишней: «прямые рукоятки могут делать на заводе при выделке клинков, отчего ни работа, ни материал не увеличатся». К письму прилагался чертеж шашечного эфеса. Надо полагать, что после этого обращения фабрика стала делать прямые рукояти, тем более что уже появился и высочайше утвержденный образец.

Государь император в 1-й день марта 1904 г. дал высочайшее соизволение на утверждение «образцов азиатских шашки и кинжала согласно прилагаемым описанию и чертежам» [91]. Сразу обращаем внимание на два момента: в официальном документе вновь идет речь об «азиатском» образце шашки; нет никаких указаний на то, что образец установлен только для нижних чинов. Как мы помним, Кубанское войско разрабатывало общий образец для нижних чинов и офицеров.

В основу высочайше утвержденного описания (помещено в приказе по военному ведомству № 133 и Полном собрании законов Российской империи) было положено описание, подготовленное Кубанским войском. Из него только изъяли отдельные излишние подробности вроде «волчков», «белого металла три орла» и т. п.

«Описание шашки ...для Кавказских казачьих войск. Шашка состоит из следующих частей: А. клинка, Б. рукоятки и В. ножен.

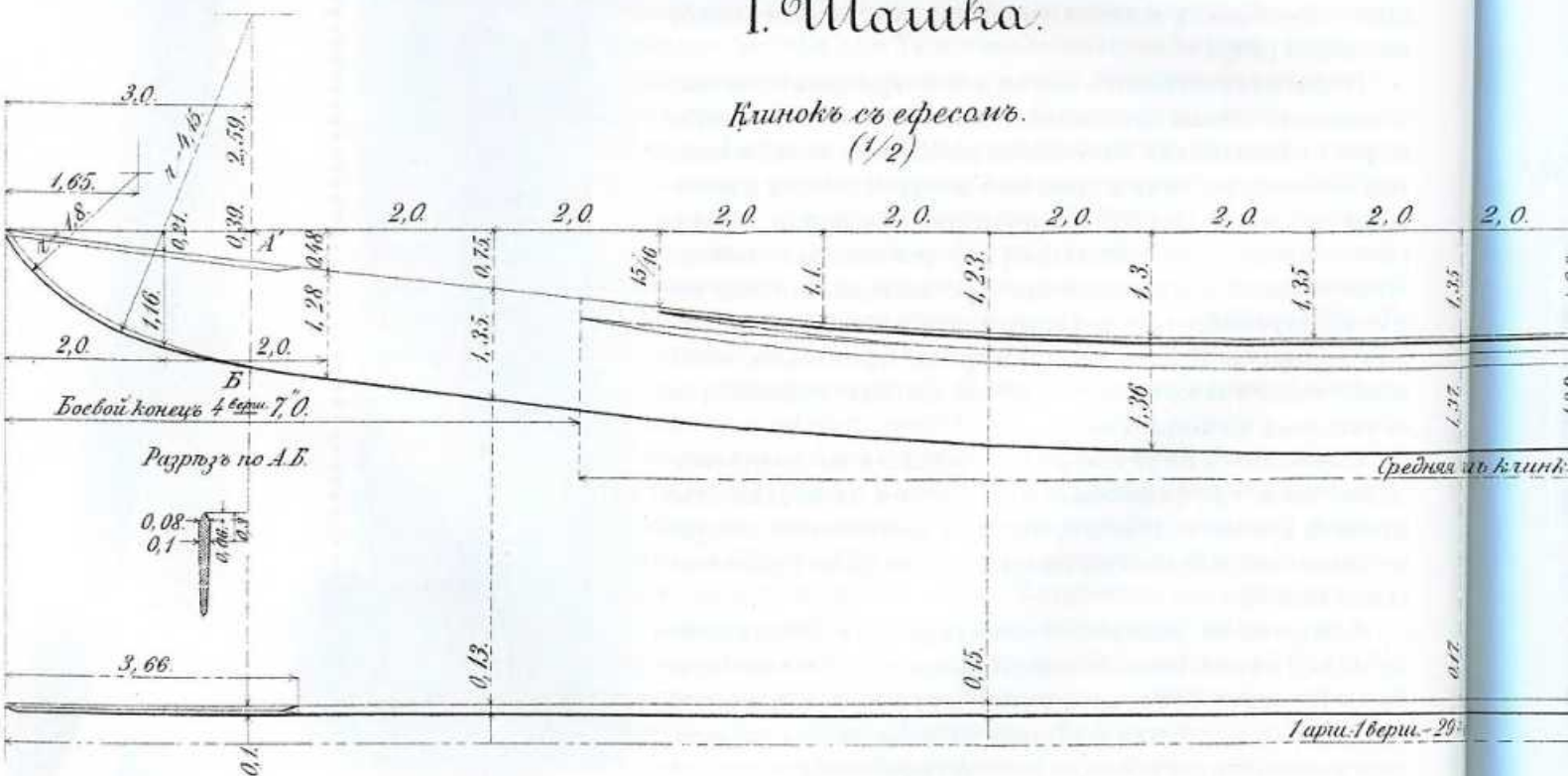
ЧЕРТЕЖЪ

холоднаго оружія для кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Высочайше утверждено:
1-го Марта 1904 года.

I. Шашка.

Клинокъ съ ефесомъ.
(1/2)

тей в войске, по мнению начальника штаба, являлась совершенно лишней: «прямые рукоятки могут делать на заводе при выделке клинков, отчего ни работа, ни материал не увеличатся». К письму прилагался чертеж шашечного эфеса. Надо полагать, что после этого обращения фабрика стала делать прямые рукояти, тем более что уже появился и высочайше утвержденный образец.

Государь император в 1-й день марта 1904 г. дал высочайшее соизволение на утверждение «образцов азиатских шашки и кинжала согласно прилагаемым описанию и чертежам» [91]. Сразу обращаем внимание на два момента: в официальном документе вновь идет речь об «азиатском» образце шашки; нет никаких указаний на то, что образец установлен только для нижних чинов. Как мы помним, Кубанское войско разрабатывало общий образец для нижних чинов и офицеров.

В основу высочайше утвержденного описания (помещено в приказе по военному ведомству № 133 и Полном собрании законов Российской империи) было положено описание, подготовленное Кубанским войском. Из него только изъяли отдельные излишние подробности вроде «волчков», «белого металла три орла» и т. п.

«Описание шашки ...для Кавказских казачьих войск. Шашка состоит из следующих частей: А. клинка, Б. рукоятки и В. ножен.

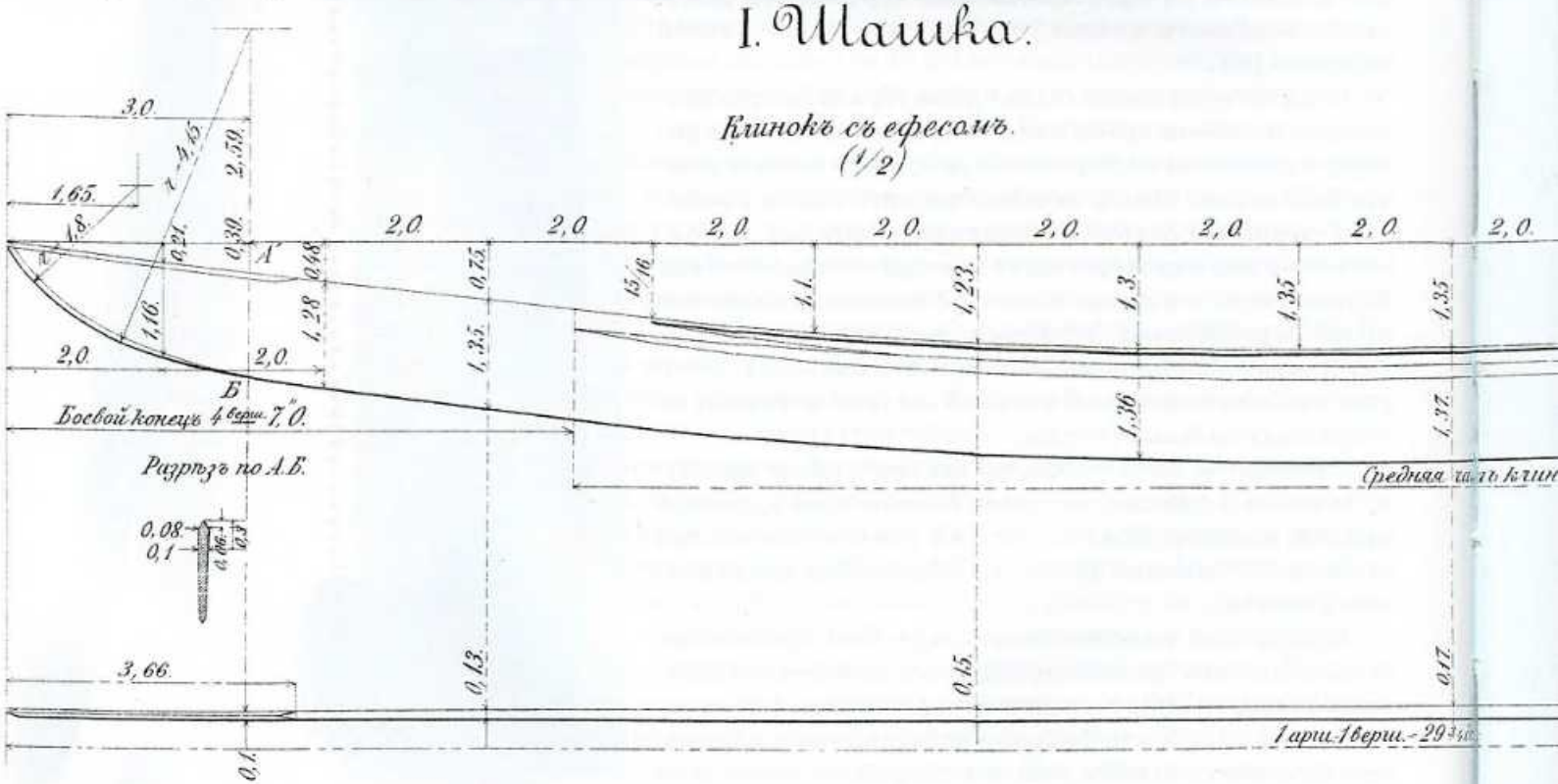
ЧЕРТЕЖЪ

холоднаго оружія для кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Высочайше утверждено:
1-го Марта 1904 года

I. Шашка.

Клинокъ съ ефесомъ.
(1/2)

А. Клинок.

Клинок состоит из: боевого, длиною около 1/4 аршина, конца, начинающегося от острия и продолжающегося до начала дол; средней части, имеющей по сторонам две пары дол, – и хвоста, для присадки к нему рукоятки.

Клинок, из литой стали, имеет закаленный боевой конец и среднюю часть; кривизна и направление хвоста – согласно с указанными на чертеже; длина клинка (без хвоста) не менее 1 арш. 1 верш.; ширина соответственно длине и в центре удара не менее 3/4 вершка; на хвосте три отверстия для заклепок, при помощи коих клинок скрепляется с рукояткой.

Б. Рукоятка.

Рукоятка состоит из двух щечек, трех заклепок и шести металлических шайб. Щечки рукоятки из буйволого рога, цельные; передняя часть равна широкой части клинка, слегка срезана к хвосту; средняя часть плотно обжимает хвост, – и задняя образует сердцеобразную головку. Три заклепки из железной проволоки, для скрепления рукоятки с клинком, пропускаются сквозь обе щечки роговой рукоятки и хвост клинка. Шесть шайб, отливные, мельхиоровые, вставляются в вышарошенные гнезда роговой щечки.

В. Ножны.

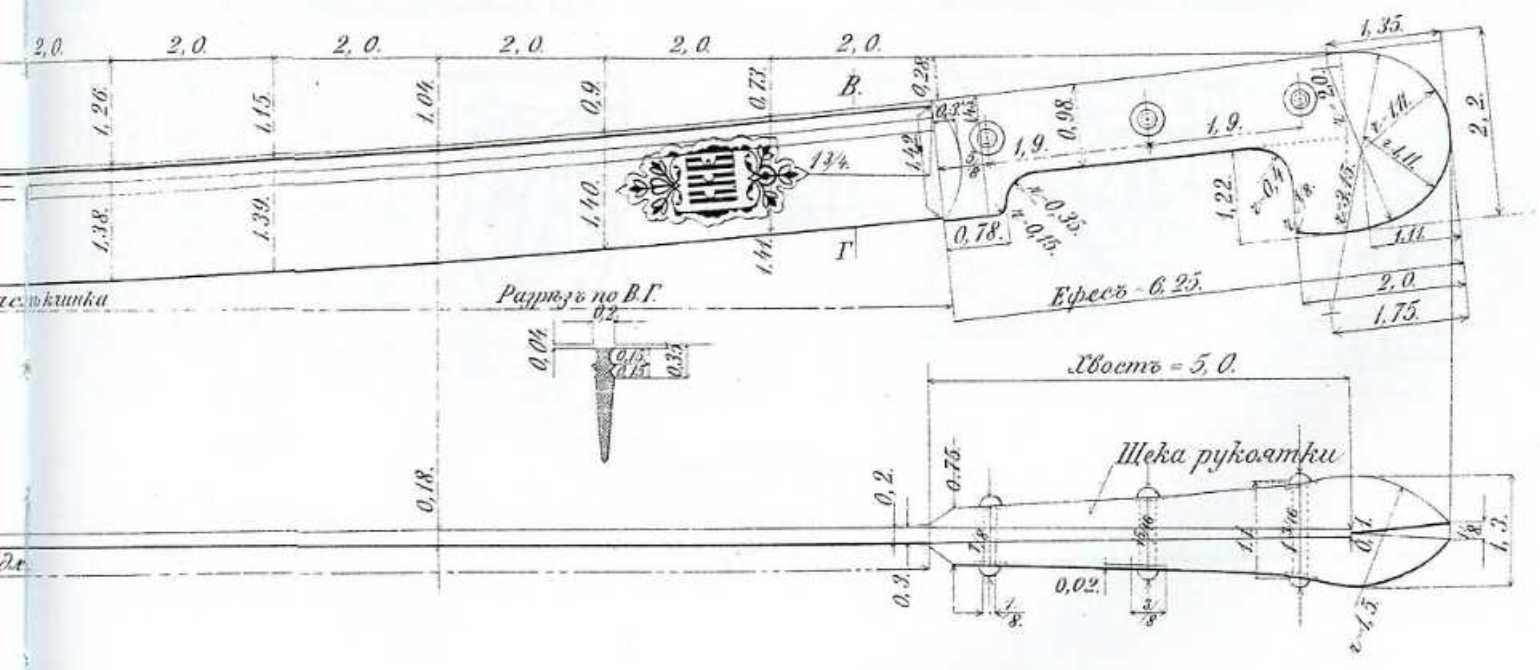
Ножны из двух половинок легкой породы дерева: внутри имеют гнездо для помещения клинка и рукоятки вплоть до головки; снаружи обтягиваются в верхней части кожею (хозом), покрытою лаком; в нижней части, начиная от нижней гайки, – восчанкою (парусина, пропитанная воском и ярью).

Латунный набор из белого металла состоит из верхнего и нижнего наконечников и верхней и нижней гаек. Верхний и нижний наконечники, по форме соответствующих частей ножен, прикрепляются двумя заклепками каждый; верхняя гайка, с припаянной к ней скобой для верхнего пасового ремня портупеи, прикрепляется непосредственно под верхней уширенной частью ножен двумя заклепками. Нижняя гайка, с припаянной к ней скобой для продевания нижнего пасового ремня портупеи, прикрепляется по средине ножен двумя заклепками».

Листъ 15

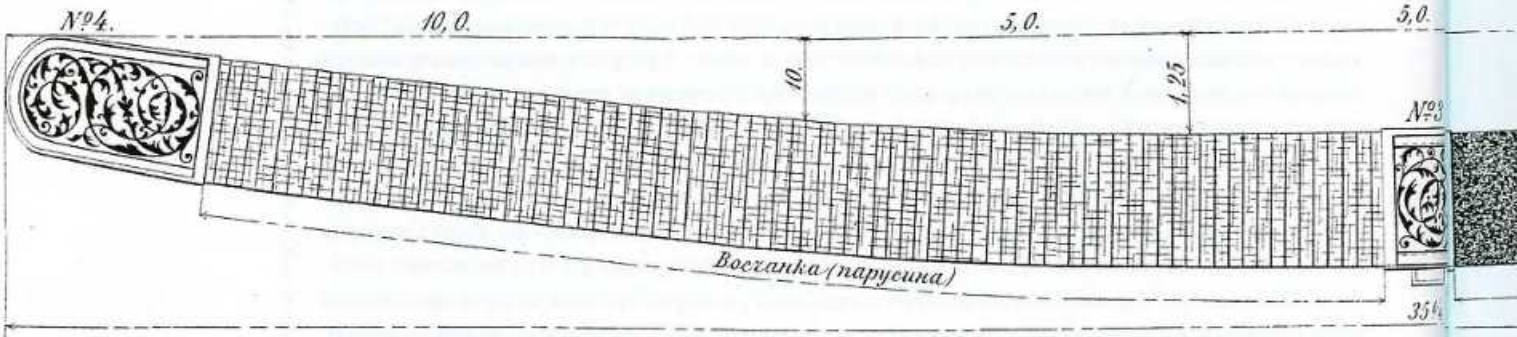
I.

Къ № 24147.

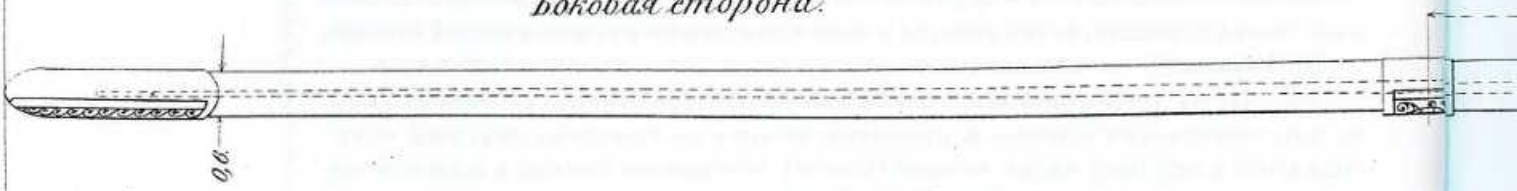

Ножны.

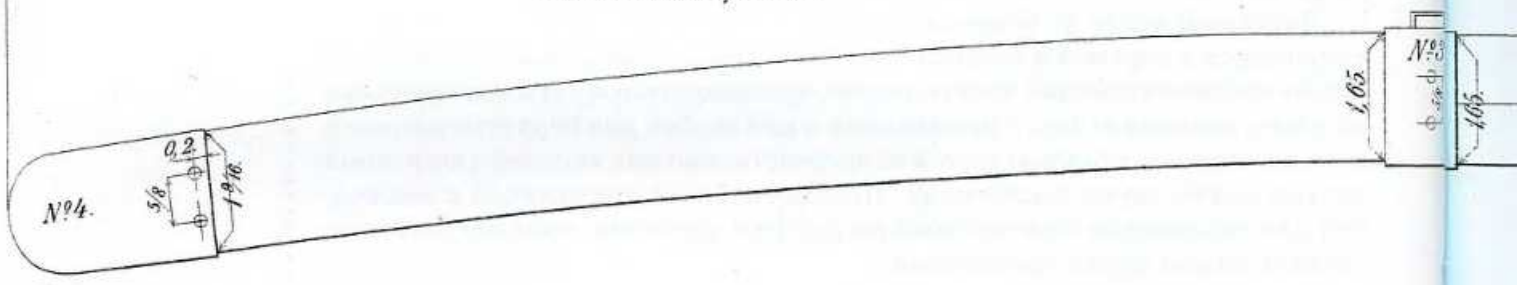
Лицевая сторона.
(1/2)

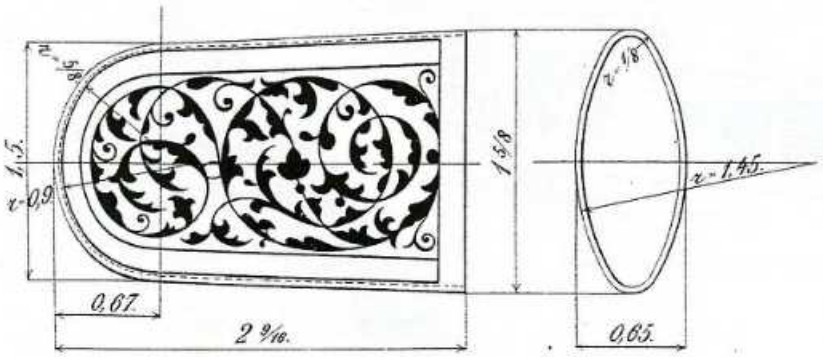
Боковая сторона.

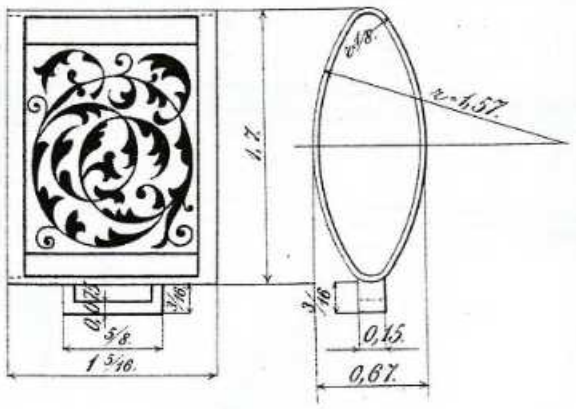
Задняя сторона.

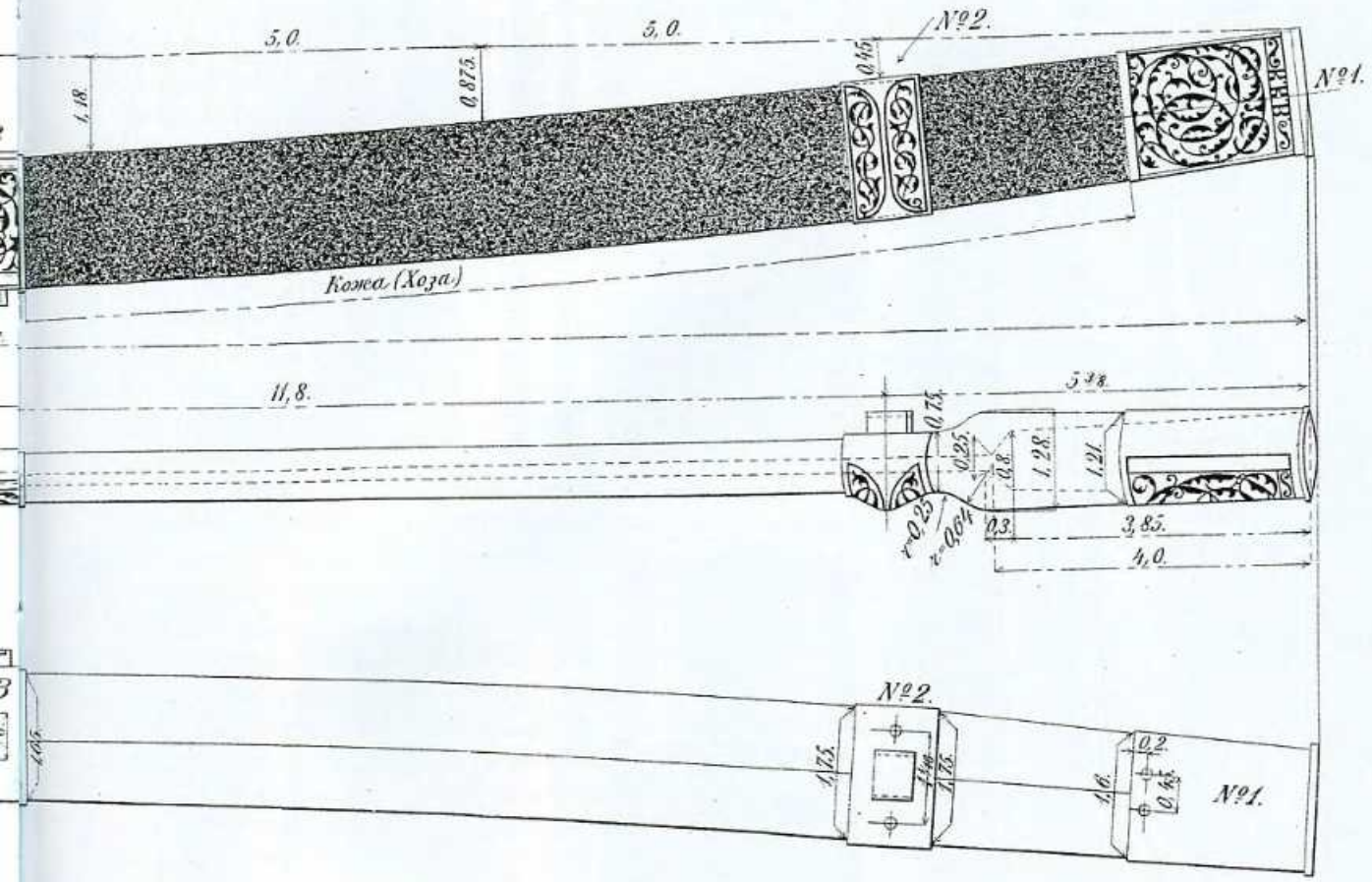
№4. Нижній наконечникъ.

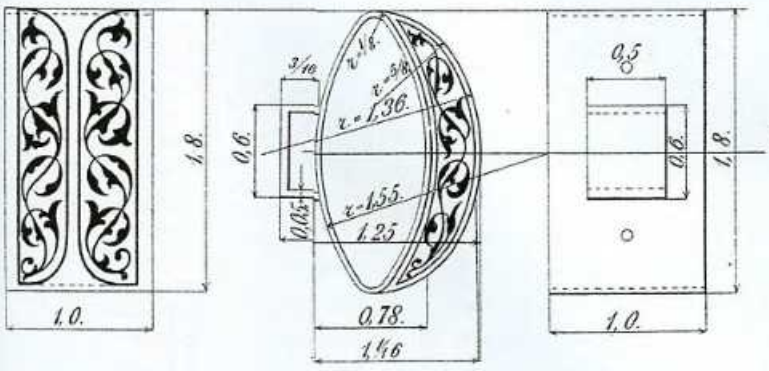
№3. Нижняя гайка. *(1/1)*

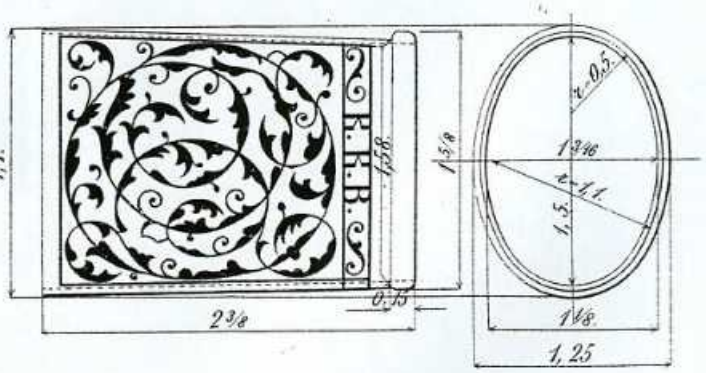
Примѣчаніе. Латунный приборъ къ ножнамъ бѣлаго металла (три орла №30).

№2. Верхняя гайка.

№1. Верхній наконечникъ.

(Размѣры въ дюймахъ)

Шашка Кубанского казачьего войска образца 1904 г. Клинок производства Златоустовской оружейной фабрики 1911 г., прибор рукояти и ножен произвольный, также 1911 г. изготовления. Размеры: 906, 732, 35. Изгиб клинка 23/352

Выделим некоторые конструктивные и технические особенности в сравнении с войсковым описанием 1899 г.: указано направление хвостовика; длина клинка в 1 арш. 1 верш. определена как минимальная; не фиксируется вес клинка (что очень удобно для оружейной фабрики); установлены две заклепки для крепления нижнего наконечника (способ его фиксации в описании 1899 г. вообще отсутствовал); добавлена вторая заклепка для нижней гайки. О способе крепления верхней гайки в войсковом описании ничего не говорилось. На кавказском оружии он был вполне очевиден – гайка надевалась на ножны с натягом и упиралась в раструб. Описанием 1904 г. вводились две заклепки (для того чтобы гайка не елозила и не съезжала вниз).

Высочайшее утверждение в 1904 г. образцовой шашки явилось, по сути дела, формальным актом (если не говорить о правовой составляющей). С одной стороны, утвержден тип оружия, который давно уже используется кубанскими казаками, с другой – никто в войске (да и в Златоусте) не бросился исполнять все требования высочайше утвержденного чертежа в отношении отдельных деталей. Конечно, стандартнее всего выглядят клинки. Но если разложить перед собой несколько шашечных полос, то сразу бросится в глаза целый ряд несущественных различий.

Много клинков выпускалось короче установленной эталонным образцом длины. Разнится изгиб клинков (как хочется прочитать работу историков златоустовского оружия не о его декорировке, а о технологии изготовления!). Особенно значительный, бросающийся в глаза изгиб у клинков 1906 г. выпуска. Как ни удивительно, но продолжают попадаться клинки с легким, едва заметным наклоном хвостовика к лезвию. Есть хвостовики, толщина которых к концу сходит практически на нет. Разную степень изогнутости имеет место сопряжения хвостовика с плечом клинка.

Конец хвостовика может иметь ровный край, образуя с боковыми сторонами прямоугольную форму, а может быть срезан под углом. На разном расстоянии от эфеса располагались фигурные картуши с традиционными сиглями «З.О.Ф.» и «К.К.В.».

Самой узнаваемой частью шашки 1904 г. мог стать эфес: цельная роговая рукоять на трех заклепках с подкладочными шайбами. На самом деле и до и после утверждения образца заклепки расклепывались (в подавляющем большинстве случаев) прямо на роге. Причем расклепывались довольно грубо и плоско, без головки. Указанная на чертеже полусферическая головка заклепки являлась скорее исключением, чем нормой. Наиболее примечательный элемент эфеса – головка. Головка шашек 70-х гг. изготовления была узкой, «изящной», вытянутой вверх. У шашек 80-х гг. – мощной, большой, выпуклой. Шашка образца 1904 г. имеет «квадратную» головку, т. е. почти равной ширины и высоты. Нижняя сторона головки ровная, без радиусной выборки, образующей ярко выраженный «клюв».

На ножнах часто не соблюдалось требование о креплении прибора двумя «заклепками» (фактически это маленькие гвоздики). Нижняя часть ножен оклеивалась не только восчанкой, но и другими материалами («клеенка», полусафьян, «дерматин»). Но, если судить по фотографиям, большинство казаков носили цельнокожаные ножны. Скобка для пасового ремня на верхней обоймице, упиравшейся в раструб, на многих экземплярах располагается диагонально. О многообразии вариантов декоративного оформления прибора ножен и говорить не приходится. Ведь этим занимались многочисленные дагестанские мастера-отходники, заключавшие договора на «обделку» оружия с целыми полками и даже военными отделами, военно-ремесленные школы Кубанского войска и войсковая мастерская.

Картуши с аббревиатурами «ЗОФ» и «ККВ» на клинке 1907 г. изготовления

В 1897 г. шашка с клинком Златоустовского завода и золоченым набором под чернью продавалась в войсковой мастерской за 8 руб. 20 коп. [92]. Портупея с позолотой – 1 руб. 80 коп., с «гладким набором» – 1 руб. 30 коп. В 1899 г. цены в мастерской были следующие: ручка буйволового рога для шашки – от 75 коп. до 1 руб.; ножны шашечные с оклейкой хозом – 2 руб.; шашка с клинком златоустовским и золоченым под чернью набором – от 8 руб. 45 коп. до 10 руб. 45 коп.; с таким же клинком и мельхиоровым под чернью набором – от 7 руб. 45 коп. до 9 руб. 45 коп.; шашка с азиатским клинком – от 15 руб. 70 коп. до 25 руб.; «металловый набор для шашки белый» – от 2 до 3 руб., золоченый – от 2 руб. 50 коп. до 5 руб.; златоустовский шашечный клинок – 3 руб. 26 коп.; отточка шашки – 35 коп. [93]. По прейскуранту Златоустовской фабрики 1913 г. кубанская шашка высшего достоинства с золотой насечкой стоила до 115 руб. [94].

В 1901 г. по приказу наказного атамана Уманской и Лабинской военно-ремесленным школам отпустили по 500 шашечных клинков «с целью дать им практику в обделке холодного оружия, необходимого для продажи казакам» [95].

Шашка, утвержденная в 1904 г., стала последним образцом холодного клинкового оружия нижних чинов Кубанского казачьего войска. Дальнейшие изменения касались только оружия офицеров. К сожалению, автор не располагает первоисточниками, так как в материалах войскового штаба никаких сообщений на этот счет не имеется. Поэтому обратимся к литературе. С 1909 г. на русском офицерском оружии появился вензель императора, в царствование которого владелец оружия получил первый офицерский чин [96]. По данным В. А. Дурова, «распоряжение всем военнослужащим, коим присвоено оружие офицерского образца, иметь на эфесе и клинке вензелевое изображение имени императора» последовало в 1911 г. [97]. Е. Молло указывает, что приказом по военному ведомству 1910 г. № 323, утвердившим офицерскую казачью шашку, «повелевалось иметь

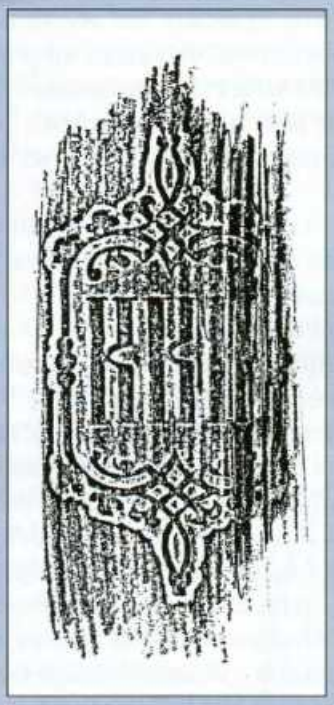
Фрагмент клинка шашки Терского казачьего войска, изготовленной в Златоусте по индивидуальному заказу

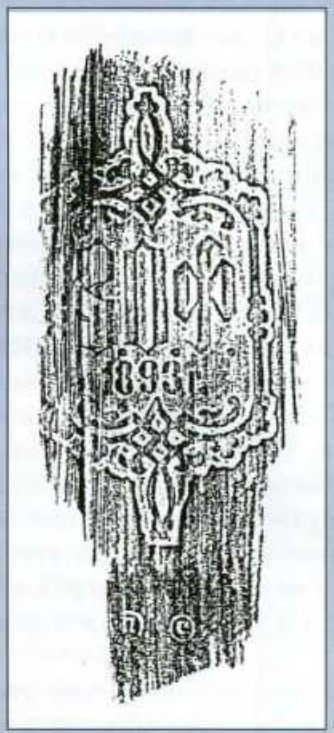

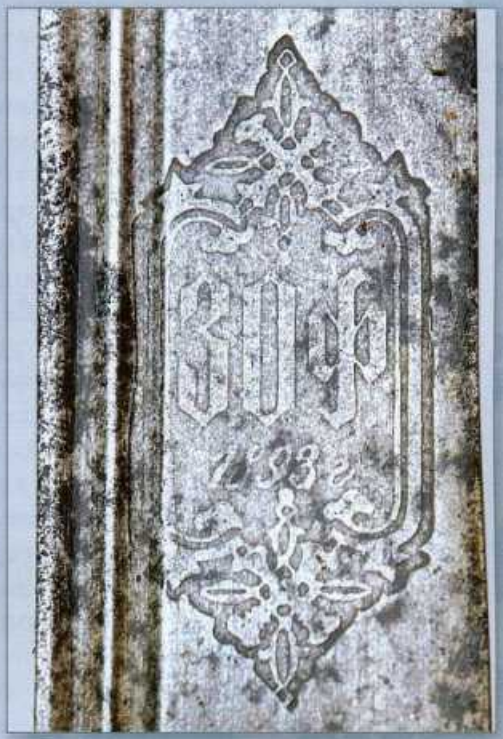
Шашка казачья (образца кавказских казачьих войск), выполненная в Златоусте по частному заказу. Рядом протирки картушей с клинка войскового заказа за тот же год. Размеры заказной шашки: 940, 780, 36,7

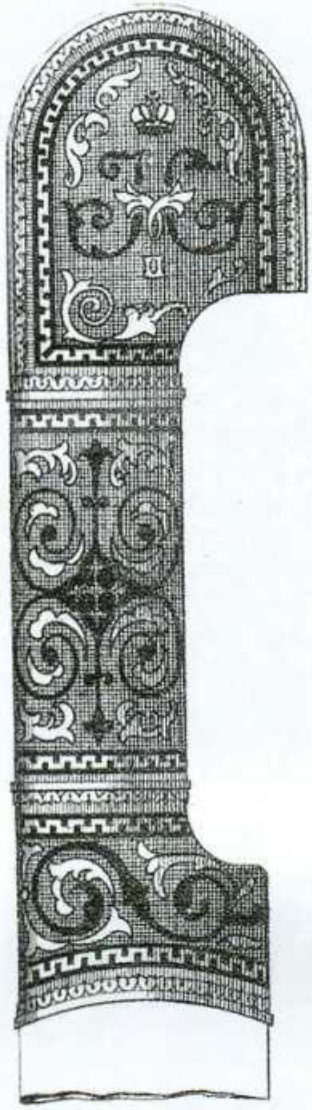

Чертежи эфеса офицерской казачьей шашки азиатского образца. Приложение к приказу по военному ведомству № 323 от 7 июля 1910 г.

на головках эфесов офицерских шашек кавказского и азиатского образцов, исполненное чернью, вензелевое изображение имени Государя...» [98].

Интересно сравнить эти сведения с хронологической подборкой приказов, составленной начальником штаба Кубанского войска. «1) Приказом по военному ведомству 1909 г. за № 518, генералам, штаб- и обер-офицерам и нижним чинам разрешено иметь на вооружении шашки с произвольными металлическими украшениями.

2) Приказом по военному ведомству 1911 года за № 579, в дополнение к приказу по военному ведомству 1911 года за № 121, установлено, что знак ордена Св. Анны 4-й степени на кавказских шашках был помещаем на устье ножен с лицевой стороны, так как нижняя оковка рукояти, на которой помещается означенный знак в других казачьих шашках, скрыта в ножне.

3) В приказе по военному ведомству 1911 года за № 121 в дополнение приказов 1909 года за № 102 и 1910 года за № 323 объявлено:

а) Вензелевое изображение Высочайшего имени государя Императора на казачьих шашках должно помещаться не только на эфесе, но и на клинках;

б) Вензелевое изображение на шашках, у которых имеются головки из серебра с чернью, могут быть и накладные;

в) старинные шашки, разрешенные к носке в строю согласно приказов по военному ведомству 1909 года № 409 и 518, могут быть и без вензелевых изображений на клинках» [99].

В 1913 г. приказом по военному ведомству № 359 было утверждено описание офицерских шашек кавказского и азиатского образцов (главное отличие первой в «утопающем» в ножнах эфесе) [100]. Генералы и офицеры Кавказских казачьих войск носили шашку кавказского образца. Приведем ее описание по О. Агафонову: «Новая шашка кавказского образца была похожа по своим размерам и внешнему виду на шашку образца 1904 года. Отличие заключалось в рукояти, которая состояла из нижнего металлического наконечника, стебля рукояти из буйволова рога и верхней металлической головки. Нижний наконечник и стебель рукояти надевались на хвост клинка, имевшего на конце отверстие; сверху вплотную насаживалась головка, и все детали соединялись винтом. Головка украшалась вензелем императора Николая II, обрамленным растительным орнаментом. На клинках ставились клейма: на левой стороне вензель императора, на правой – государственный герб» [101].

Д. А. Клочков приводит несколько иное описание офицерской шашки образца 1913 г. для Кавказских казачьих войск. «Клинок должен был иметь длину 29 ¾ дюйма. Рукоять состояла из трех частей: нижнего наконечника, стебля из буйволова рога, надетого на хвостовик клинка, и верхнего наконечника, привинченного к хвостовику. При сборке частей рукоятки они предварительно заливались «гарпиусом». Ножны офицерской шашки допускалось обтягивать шагреневой кожей или хозой. Узор прибора ножен совпадал с принятым для шашек нижних чинов образца 1904 года» [102].

Разумеется, бессмысленно пытаться описать все варианты декоративного оформления шашек кубанских офицеров в предвоенные годы. Остановимся лишь на эфесах. Их можно выделить четыре типа. По-прежнему,

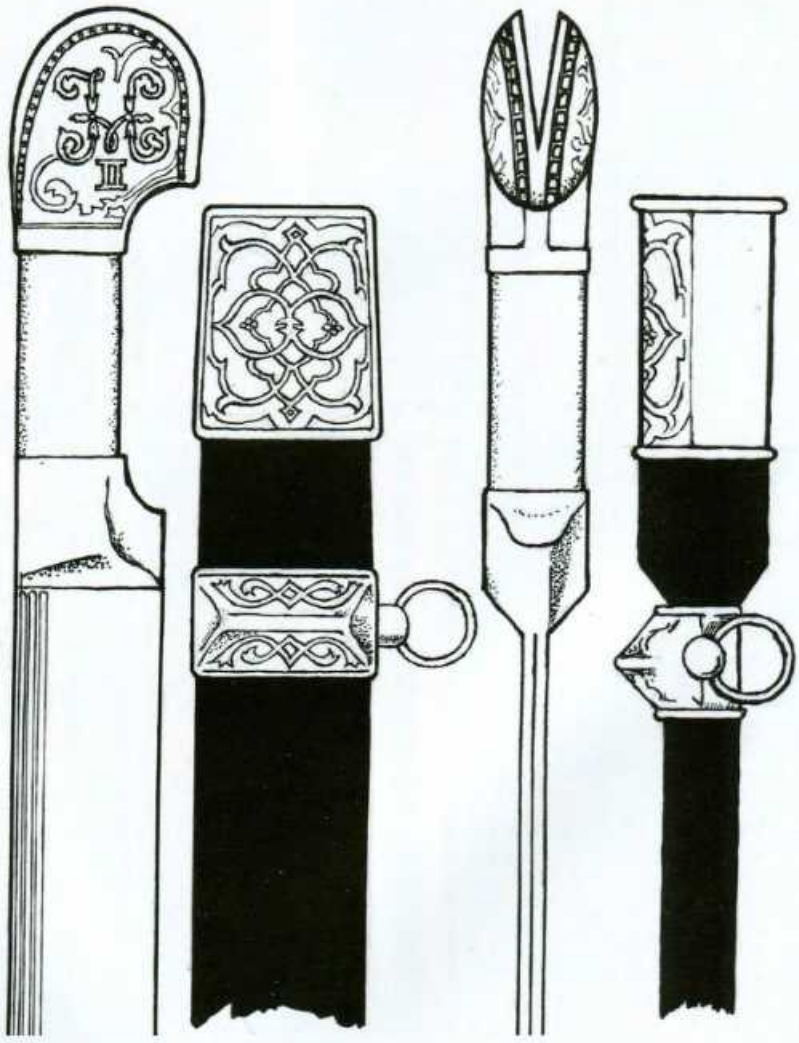
хотя и редко, встречаются рукояти с отдельной металлической головкой, надетой на роговые щечки. Часть офицеров носила шашки с рукоятями буйволового рога, то есть точно такие же, как у нижних чинов. Большое распространение имели рукояти из слоновой кости. И на роговых, и на костяных встречались металлические (чаще серебряные) украшения на головках. Обычно они выполнялись в виде рельефной выпуклой шестиконечной звезды, полумесяца с пятиконечной звезды (вроде нагрудной подвески для крепления газырных цепочек), лунницы, подковы... Шашка образца 1913 г. представляет четвертый тип эфесов.

Мы завершили описание всех образцов шашек (разумеется, кроме произвольных кавказских), состоявших на вооружении кубанских казаков. Предлагаем короткую летопись основных изменений в форме и, самое главное, способе ношения шашечной портупеи. Линейным казакам-артиллеристам 7 мая 1817 г. присвоили плечевую портупею черкесского образца синего цвета с медной пряжкой, конным линейцам в 1831 г. «черного ремня с металлическим набором произвольного цвета». Положением о Кавказском Линейном казачьем войске 1845 г. введена черкесская портупея из ремня черной кожи с высеребренным набором для офицеров и железным для казаков конных полков; у артиллеристов: офицерская – с вызолоченным набором, казачья – с медным. Для команды гвардейских линейных казаков в 1832 г. установлена шашечная портупея из черной шелковой тесьмы. В 1859 г. для лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона – из серебряного галуна к парадному мундиру и из черной шелковой тесьмы с серебряным прибором к вицмундиру; носилась через плечо.

Офицерам Черноморского казачьего войска по Положению 1842 г. полагалась плечевая портупея из серебряной кавалерийской тесьмы с таковым же прибором в 1/2 вершка шириной; казакам – два портупейных ремня шириной 6/8 вершка из черной глянцевой кожи, пришитых к поясу, пряжки медные. При чекменях генералы и офицеры носили поясной ремень с пришитыми к нему пасиками.

В 1847 г. последовало высочайшее повеление: «Офицерам пеших казачьих батальонов Черноморского казачьего войска носить шашки по образцу конных полков... на портупее через плечо, в том уважении, что они находят ее для себя удобнее портупеи поясной».

Далее нас будет интересовать не тип портупеи – в Кубанском войске фактически использовалась черкесская (кроме общегенеральской формы), – а способ ее ношения. По этому вопросу в войске не было единого мнения. Еще в 1856 г. наказной атаман черноморцев предложил плечевую портупею отменить, ссылаясь на то, что «дома» все носят шашки на двух сыромятных пасиках, прикрепленных к поясу.

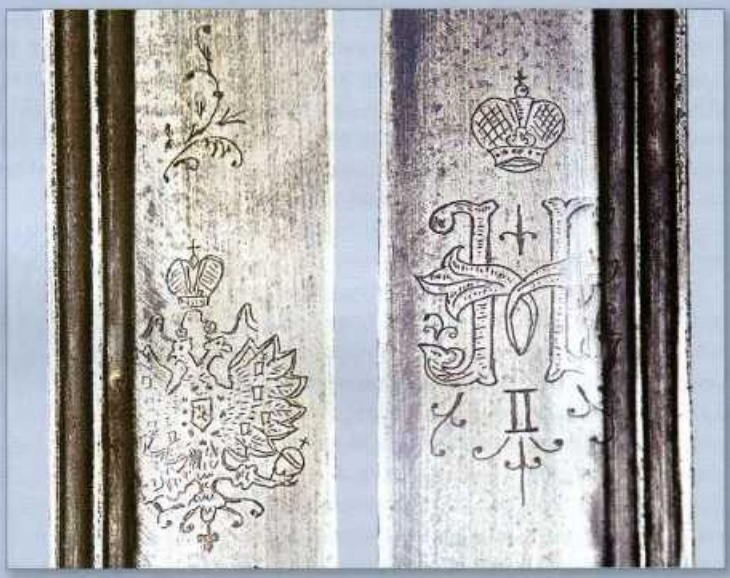

Чертеж казачьей офицерской шашки образца 1913 г. (по О. Агафонову)

Варианты исполнения вензелей императора Николая II и Государственного герба на клинках холодного оружия во втором десятилетии XX в.

«Орел с рушником» – орел Временного правительства

Шашка казачья офицерская образца 1913 г. (?).
Прибор латунный. Размеры: 910, 760, 35

Поясная портупея с карабинами на концах пасовых ремней. Конец XIX – начало XX в.

Приказом по военному ведомству от 14 декабря 1871 г. для генералов и офицеров Кубанского войска установлена плечевая портупея; для казаков – в пешем строю плечевая, в конном – поясная. Циркуляром войскового штаба от 26 ноября 1874 г. офицерам «в виде частного разрешения» дозволили носить шашки, как и нижним чинам. Плечевая портупея в конном строю была признана неудобной, так как при наклоне всадника шашка попадала в ноги лошади, билась о кинжал, а ремень протирал мундир.

Однако уже в 1881 г. войско рекомендовало казачьей комиссии при Главном комитете по устройству и образованию войск оставить плечевую портупею в пешем строю и поясную – в конном. В 1885 г. в ответ на запрос комиссии при Главном управлении казачьих войск вновь было высказано мнение оставить плечевую портупею.

Кроме шашки азиатского образца в Кубанском войске существовал и «азиатский способ» подгонки портупеи. Из приказа по 1-му Урупскому конному полку 5 марта 1889 г.: «Замечено мною, что у нижних чинов пригонка шашек произведена по-драгунски, т. е. лежит на ляжке, отчего в пешем строю она болтается, попадает между ног и мешает бегу, а верхом на лошади бьет по стремени и производит большой шум... Прошу сотенных командиров обратить внимание на правильную казачью пригонку по азиятскому способу, принятому казаками, для чего следует длинный пас шашечной портупеи укоротить несколько, чтобы шашка была немного наклонно...» [103].

Казалось бы, Русско-японская война покончит с плечевой портупеей – все боевые офицеры резко и определенно высказались за ее отмену. Мнение 1-го Екатеринодарского полка: «Шашечную портупею через плечо уничтожить, а шашку прикрепить к кинжальному поясу двумя пасиками с пряжками». Из заключения по рапорту командующего 1-й Кавказской казачьей дивизией от 24 октября 1906 г.: «Неудобство носки шашки на плечевой портупее обсуждалось в комиссии Кубанского казачьего войска на основании опыта русско-японской войны, и все члены комиссии за ношение на поясной портупее как в конном, так и в пешем строю» [104].

Шашки кавказские начала XX в. с отдельной головкой рукояти.

На клинке правой шашки с одной стороны вензель Николая II под короной, с другой – надпись «Шабановъ» (есть мнение, что левая шашка является современной грузинской репликой)

Шашка кавказская с отдельной головкой рукояти и «гусарским» клинком. Конец XIX – начало XX в.

Два варианта оформления шашечных головок рукоятей. Заметим, что монограммы не являются характерным элементом оформления рукоятей казачьих шашек и к ним всегда следует относиться настороженно. В огромной фототеке КГИАМЗ нет вообще ни одной фотографии шашки с монограммой на эфесе. В частных коллекциях подобные фото встретились всего раз или два. Корона на головку правой шашки, судя по всему, «перекочевала» с офицерского эполета

Но никаких изменений не последовало. В справочнике, составленном начальником войскового штаба К. П. Гаденко, за 1913 г. по-прежнему фигурирует плечевая портупея в пешем строю и поясная – в конном. Как строго соблюдалось это требование, ответить трудно. Фотографии кубанских казаков начала XX в. (до 1914 г.) демонстрируют два основных способа ношения шашек: на поясе с помощью пасовых ремней и на поясной портупее, надетой выше поясного ремня.

В завершение главы – обещанный сюжет о возвращении пики в Кубанское казачье войско в годы Первой мировой войны. Мы связываем это с резко сузившимися возможностями боевого применения шашек. Оговоримся сразу: Кубанское войско в плане отношения казаков к холодному клинковому оружию и уровню владения им – совсем не Черноморское войско, где сабли и шашки играли роль оружия третьего плана.

У кубанцев сложилась стройная система обучения казаков военному делу. Уже в 1862 г. в войске создается учебный дивизион для «обучения в системном виде казаков наездничеству, джигитовке, меткой стрельбе и ловкому действию холодным оружием». При одиночном обучении людей в войске руководствовались Уставом о строевой казачьей службе издания 1875 г., при обучении сотен и полков – Уставом кавалерийской службы и дополнением к нему для казаков издания 1884 г.; затем Уставом строевой казачьей службы издания 1899 г.

Что правда, то правда – система обучения казаков постоянно давала сбои. Связано это с массой проблем, которые были характерны для казачьего войска и в большинстве своем неведомы армейским кавалерийским частям. Материалы лагерных сборов, доклады и отчеты «помощников Его Императорского Высочества генерального инспектора Кавалерии», да и рапорты командиров дивизий и полков, ярко высвечивают эти больные места. Мы не будем их озвучивать (это не входит в задачи работы), укажем лишь на одну из проблем. Казаки не просто отбывали службу, они ее несли. Причем большая часть полков несла службу «на постах внутренней охраны». Попробуйте организовать обучение людей в полку, личный состав которого разбросан на сотни верст по кордонной линии маленькими группами. И лишь упорство офицеров и кавалерийский апломб казаков помогали решать поставленные задачи боевой подготовки.

Шашечные приемы, уколы и удары шашкой из Устава строевой казачьей службы 1899 г. издания

Замечательное описание урока рубки оставил А. Куприн: «Вот смотрите, главная суть удара не в плече и не в локте, а вот здесь в сгибе кисти. Он сделал несколько быстрых кругообразных движений кистью правой руки, и клинок шашки превратился над его головой в один сплошной сияющий круг. Теперь глядите: левую руку я убираю назад, за спину. Когда вы наносите удар, то не бейте и не рубите предмет, а режьте его, как бы пилите, отдергивайте шашку назад... И притом помните твердо: плоскость шашки должна быть непременно наклонена к плоскости удара... Бек-Агмалов отошел на два шага от глиняного болвана, впился в него острым, прицеливающимся взглядом и вдруг, блеснув шашкой высоко в воздухе, страшным неуловимым для глаз движением, весь упав вперед, нанес быстрый удар. Ромашов слышал только, как пронзительно свистнул разрезанный воздух, и тотчас же верхняя половина чучела мягко и тяжело шлепнулась на землю. Плоскость отреза была гладкая, точно отполированная...» (А. Куприн. «Поединок»)

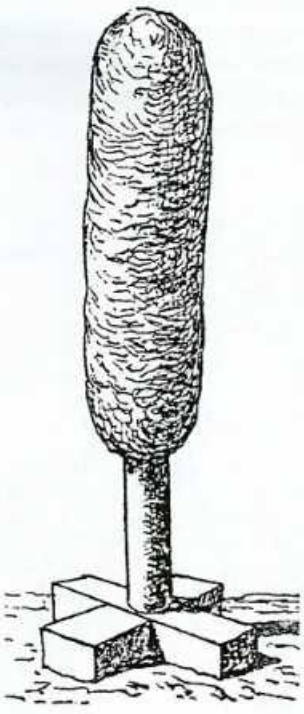
Уже в 1880-е гг. в рапортах полковых командиров появилась четкая уверенность в силе своих людей. В штабе Кубанского войска была озвучена следующая мысль: любой полк войска по уровню своей подготовки готов встретиться в бою с полком любой европейской армии, имея при этом все шансы на победу. О боевых возможностях казаков (в данном случае 1-го Линейного полка) хорошо сказал генерал В. М. Драгомиров, бывший перед Первой мировой войной начальником штаба Киевского военного округа: «Линейцы способны не только рубить, но и изрубить» [105].

Без сомнения, шашка являлась главным холодным оружием кубанских казаков. Пики на вооружении в Кубанском войске не состояли, а кинжал никто не рассматривал как серьезное оружие для боя «в открытом поле среди белого дня». Перед кубанцами не стояла проблема выбора между пикой и шашкой, что было характерно для русской регулярной кавалерии. Вся вторая половина XIX и начало XX в. прошли в жарких дискуссиях между сторонниками пики и сторонниками сабли/шашки. Естественно, эти дискуссии нашли отражение в обширной историографии. Мы приведем лишь по одному свидетельству с каждой стороны (чуть ниже станет ясно, почему мы вообще касаемся темы пики).

Несколько выдержек из статьи М. Терентьева о вооружении кавалерии, подготовленной им в 1859 г. [106]. «Пика в настоящем виде полезна только при первом ударе и при преследовании врага – словом, когда солдату не надо заботиться о собственной защите; но как только ряды смешались в свалке, пика делается беспомощным оружием, так как ею в тесноте ничего не сделаешь, тем более что отбить ее удар или вовсе выбить из рук не представляет особого труда: удар пики силен и страшен только тогда, когда она под мышкой солдата или в руках очень сильного человека, фехтовать ею с успехом мудрено.

Солдат не верит пике в одиночном бою и не очень на нее полагается: «одна сабля на две пики», говорит он... Что правда, то правда: атакующий эскадрон

Из Устава строевой казачьей службы 1899 г. издания. «При нанесении укола шашку должно держать следующим образом: четыре пальца крепко охватывают рукоять, а большой палец вытягивается вдоль спинки рукояти. Уколы шашкою наносятся: 1) налево, 2) в пол-оборота налево и 3) в пол-оборота направо...

При нанесении удара рукоять шашки охватывается всеми пятью пальцами. Удары шашкою наносятся: 1) в пол-оборота направо, 2) направо и 3) вниз направо.

Для упражнения в нанесении ударов в предметы употребляются:

1. Чучела.

2. Лозы.

3. Глина.

Все обучение это должно вести сначала пешком на месте, потом проходя мимо мешков, чучел и других целей, а затем уже верхом на различных аллюрах, до карьера включительно».

страшен на вид; зловеще развеваются флюгера, случается, что неприятель покажет тыл. Зато эскадрон не способен к продолжительной схватке: если он не сокрушил врага первым ударом, он потерпел поражение.

Всадник, вооруженный саблей, должен держаться как можно ближе к противнику, тогда пика наименее опасна, и наоборот, пика должна держать саблю на расстоянии, и как тот, так и другой должны заботиться о левой стороне; тот, кому удалось взять левую сторону противника, непременно одолеет. Большей частью побеждала сабля».

В 1900 г. вышло из печати замечательное исследование Ф. Зубарева, посвященное истории развития «специально-колющего оружия», то есть пики [107]. Из его работы мы приведем мнение генерала Кульгачева – «выдающегося авторитета кавалерийского дела... лихого наездника-кавалериста... участвовавшего во всех войнах второй половины нынешнего столетия». Генерал Кульгачев оставил интереснейшие замечания не только об оружии кавалерии, но и о реальной картине кавалерийского боя.

«Удар пики силен и неотразим, а искусство фехтования шашкою, предлагаемое как средство отвода пики... составляет, по моему мнению, лишь плод досужей фантазии. Во всяком случае, ловкость и уменье владеть шашкою дается несравненно труднее, чем уменье владеть пикой. Если меткие и сильные удары пикой встречаются, как говорят ея противники, лишь как редкое исключение, то смертельные удары шашкой, можно сказать, отошли в область преданий...

Именные призовые часы и жетон. Первый полковой приз за наездничество и джигитовку вольноопределяющемуся 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка Ф. И. Елисееву. 1910 г.

Временные удостоверения личности периода Первой мировой войны

Вверху: *казак 1-й Кубанской пешей запасной сотни Н. Н. Ярошевич. Родился 17 ноября 1896 г. в станице Старощербиновской. Фото 1915 г. Он вольноопределяющийся 2-го разряда. В 1916 г. командирован в Екатеринодарскую школу прапорщиков.* Внизу слева: *подхорунжий 6-го Кубанского пластунского Его Императорского Величества батальона А. Я. Ткачев. Родился 17 сентября 1890 г. в станице Баталпашинской. Фото 1916 г. Полный Георгиевский кавалер (4-ю степень получил в феврале 1915 г., в апреле – 3-ю, в мае – 2-ю, а уже в июне –1-ю степень). Правее крестов бронзовая медаль в память 300-летия дома Романовых.* Внизу справа: *подхорунжий 3-й Кубанской казачьей батареи С. С. Бурняшев. Родился 22 октября 1888 г. в станице Михайловской. Фото 1915 г. Награды: Георгиевская медаль 4-й степени и Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени*
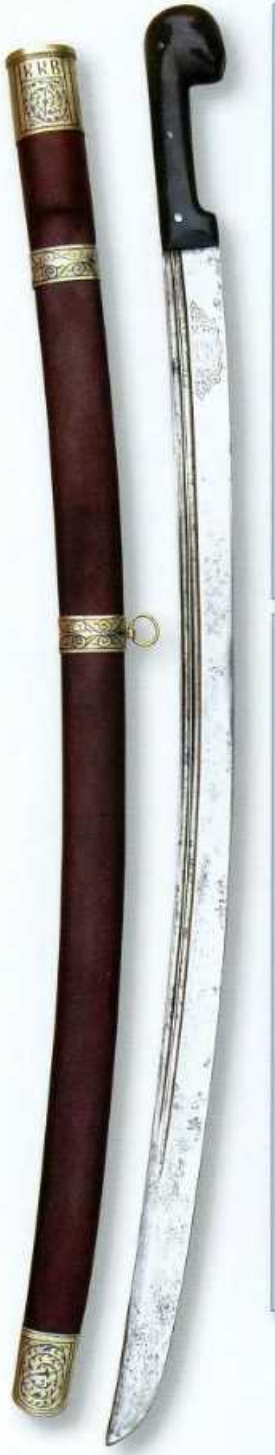

Две шашки работы дагестанского мастера Алескандарова. Начало XX в.

Подобные скромные ножны с железным прибором заказывались офицерами в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Шашка Кубанского казачьего войска образца 1904 г. Клинок златоустовский 1916 г. Ножны – современная репродукция. Размеры: 900, 750, 35,8; изгиб 27/415

Те, которые говорят о рукопашной схватке, происходящей якобы после столкновения, не вполне представляют себе наиболее вероятный характер атаки кавалерии против кавалерии. Кавалерийская атака могла бы оканчиваться всякий раз рукопашной схваткой только в том случае, если бы обе стороны обладали совершенно одинаковыми как нравственными, так и материальными качествами. В действительности, разумеется, этого быть не может...

При столкновении двух кавалерийских масс какая-нибудь одна сторона, уступая превосходству силы другой, непременно должна сдать и повернуть, если только она (более слабая сторона) в состоянии была выдержать грозный вид превосходного в силах противника до момента столкновения. Но как в том, так и в другом случаях об единоборстве не может быть и речи.

...А потому казалось бы, что обойтись нам с одной шашкой, в предвидении иметь перед собою пику, невозможно. Да и что нам за нужда браться за второстепенное оружие, которое наша естественная конница (казаки) употребляет только в исключительных случаях».

Борьба шашки и пики разрешилась в годы Первой мировой войны в пользу пики. Впервые это продемонстрировал блестящий конный бой 10-й русской и 4-й австрийской кавалерийских дивизий, столкнувшихся у д. Ярославице 8 августа 1914 г. Участник боя А. Сливинский проделал прекрасный анализ тактических действий противников. Несколько цитат о действиях холодным оружием: «Австрийцы пошли в атаку!.. Волны «Ура» прокатились по всему фронту и вслед за тем смешались в глухом, протяжном, тяжелом ударе двух столкнувшихся живых масс.... Произошел «Choc». Первая шеренга австрийского строя на мгновенье замерла и как бы поднялась на воздух, нанизанная на русские пики. Раскатами барабанной дроби посыпались шашечные и сабельные удары... вот, недалеко от нас, улан, нанизавши на пику одного австрийца и не успев освободить пики от нависшего на ней груза, защищается от удара другого, выхватив из зубов шашку, бьет подскочившего врага по голове...

...Раны были ужасны; особенно поражали величиной и жестокостью раны многих убитых и раненых австрийцев – то были следы уколов пики.

Пика была введена в вооружение регулярной русской конницы незадолго перед войной, имея много сторонников и столько же противников ее. Солдаты ее не любили из-за неудобства обращения с нею в походе. Но с первых же дней объявления войны и начавшихся стычек с разъездами противника авторитет пики и симпатии к ней резко возросли. Теперь в разведку и в поход брали пику не только те, кому полагалось, но даже унтер-офицеры и офицеры.

Казак 1-го Хоперского полка ККВ. Цветная открытка периода Первой мировой войны

1-й Хоперский Ея Императорского Высочества великой княгини Анастасии Михайловны полк ведет свое старшинство с 1696 г., со времени участия хоперских казаков в штурме Азова. По старейшему полку старшинство ККВ установлено с 1696 г. В 1777–1786 гг. полк входил в состав Астраханского войска, затем Кавказского линейного казачьего войска. В 1860 г. включен в состав ККВ. Участвовал во многих войнах, которые вела Россия. Перед Первой мировой войной дислоцировался в г. Кутаиси, организационно входил во 2-ю бригаду 1-й Кавказской казачьей дивизии 1-го Кавказского армейского корпуса.

«Мало кто ясно представлял себе, какие формы и размеры примет война, начавшаяся в 1914 г. ...Конница перед Великой войной была прекрасно обучена верховой езде, управлению конем, стрельбе, рубке, уколам, линейным учениям, атакам и пр. В этом отношении кавалерия была прекрасна. Дух ее стоял высоко, желание работать было огромное. Воспитание в духе жертвенности, героизма, служения родине не оставляли желать лучшего. Но на маневр, на действия рассыпными строями, на изучение свойств огневого боя, на выполнение задач стратегического характера не было обращено внимание. В этом отношении конница к войне была не подготовлена. Действовать в конном строю по старым шаблонам не позволяла сила огня, сражаться, как пехота, по многим причинам было нельзя. Некоторые дивизии совершенно не вели боев, ограничиваясь только разведкой...

Но, несмотря на такую неподготовленность к войне, мы видим на Галицийском фронте ряд блестящих действий конницы...

Гораздо хуже обстояло дело на севере... В самом начале здесь действовала только немецкая кавалерия. Борьба была легкой. Она не выдерживала натиска русской конницы. Мелкие стычки кончались поражением немцев. Атаки крупными частями не производились. Всюду немецкая кавалерия подпиралась самокатчиками. Часто эскадроны высылались с этой пехотой, а пулеметы были при них почти всегда. Перевес в огне сразу же был на стороне немцев. Русские эскадроны и казачьи сотни были бессильны бороться с ними...

На западных фронтах с самого возникновения войны стала господствовать техника... Она изменила тактику пехоты и радикально уничтожила прежнее значение конницы, сведя деятельность ее к нулю». (*Стариков Т.* Конница в Великой войне // Вольное козацтво. – Прага, 1933. – № 139. – С. 9–10.)

Казаки конных полков ККВ периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. Большинство вооружено кинжалами образца 1904 г. На верхней слева фотографии *у сидящего слева казака императорского конвоя около устья ножен привязан индивидуальный перевязочный пакет.* Вверху справа – *казаки Екатеринодарского полка.* Внизу слева – *казаки Лабинского полка,* справа – *казак Линейного полка*

Вверху: *казаки 1-го Екатеринодарского полка. Первая мировая война. Шашки на поясной портупее и на поясном ремне. У первых двух – шашки и кинжалы образца 1904 г. У второй пары казаков кинжалы произвольного образца.* Внизу слева – *офицер 1-го Екатеринодарского полка. Клинок значительной кривизны (сравните с казачьими) предполагает кустарное изготовление, вероятно кавказского мастера*

Вверху слева: *вахмистр А. Юрченко, казак 2-го Волгского полка ТКВ.* Вверху справа: *вахмистр 1-го Запорожского полка А. Н. Мороз. Кавалер Георгиевских крестов 4, 3, 2-й степени и Георгиевских медалей 4-й и 3-й степени. Родился 18 августа 1887 г. в станице Староминской. Фото 1917 г. В 1916 г. приказом по ККВ утвержден в правах по образованию 2-го разряда. В конце года произведен в подхорунжии.* Внизу справа: *подхорунжий 1-го Кубанского пластунского генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича батальона ККВ Г. В. Федорченко. Родился 22 ноября 1882 г. в станице Черноморской. Фото 1916 г. Награды: серебряная медаль «За усердие» на Станиславской ленте, Георгиевский крест 4-й степени. Имел следующие награды за отличную стрельбу: призовые серебряные часы с цепочкой, четыре (!) знака за отличную стрельбу, серебряную рюмку за призовую стрельбу, серебряный бокал. На фото хорошо видна поясная портупея, надетая выше поясного ремня*

В конном бою 8/21 августа пика сыграла свою славную роль, вполне оправдав установившееся к ней доверие. Многие офицеры, наиболее сильные и ловкие, шли в атаку 8/21 августа с пиками в руках. Все это является наиболее верным показателем полезности ее для кавалерийских действий. В бою 8/21 августа пикой работали не только всадники в конном строю, но и спешившиеся люди; с пиками в руках бросились на штурм д. Волчковце оренбургские казаки, с пиками же шли в атаку на неприятельские батареи спешившиеся гусары... Наиболее неблагоприятным случаем для действия пикой являлось поражение ею в спину убегавшего неприятеля; укол пики часто был при этом слаб, а иногда острие ее запутывалось в развевающемся ментике, и счастливый австриец успевал уйти или в худшем случае вывалиться из седла от полученного удара».

В заключение А. Сливинский высказал следующее суждение: «Бой 10-й кавалерийской дивизии 8/21 августа 1914 года представляет редчайшее явление в событиях Великой Европейской войны... как по количеству участвовавших в схватке всадников, так и по наличию в нем чисто кавалерийского «Choca». Можно с известной определенностью сказать, что Великая война 1914–1918 годов ни на востоке, ни на западе, ни на южных фронтах не знает примера подобному конному бою...» [108].

Очевидно, утверждения А. Сливинского о преимуществе пики над шашкой вполне справедливы (по крайней мере, в условиях западного театра военных действий), так как на исходе войны началось вооружение пиками конных полков Кубанского войска, действовавших на Западном фронте. В марте 1917 г. в 1-й Екатеринодарский полк поступила 431 «железная пика». Из 11-го Донского казачьего полка прислали 14 человек для обучения кубанцев владеть этим оружием [109]. Успели ли «екатеринодарцы» употребить пики в дело, нам установить не удалось. Да это для нас сейчас и не суть важно. Гораздо интереснее было бы найти приказ, в котором излагались причины введения пики. Заменяла ли пика шашку на заключительной фазе кавалерийской атаки в качестве оружия последнего удара?

Кубанские казаки совместно с солдатами отбивают атаку неприятеля

Переход к позиционной войне поставил кавалерию в очень трудные условия – ей все больше приходилось действовать в пешем строю, что требовало соответствующих боевых средств. В феврале 1915 г. командир 10-го Донского казачьего полка генерал-майор Краснов докладывал: «Опыт боевых действий показал, что в последний момент атаки в пешем строю у казаков недостает оружия для поражения противника. Один забрасывает винтовку за плечи и работает отлично шашкой, другой действует не менее успешно прикладом, были и такие, которые работали кулаком. Некоторые казаки добывали штыки у убитых... но казаки не знают штыкового боя». Краснов предлагал обучать казаков штыковому бою, снабдить казачьи полки штыками по 108 штук на сотню. Эти предложения частично были учтены.

К концу 1916 г. боевая работа русской кавалерии выглядела так: 50% сидели в окопах, 7% выполняли задачи охранения и разведки и 43% состояли в резерве. (Воскобойников Г. Л. Казачество в Первой мировой войне. – М., 1997.)

Слева – наградная шашка, аннинское оружие. Помещенная справа шашка представляет собой прекрасный образец высокохудожественного дагестанского оружия, украшенного кубачинским орнаментом, выполненным в технике глубокой гравировки. Клинок старинный европейский, с едва заметными, вследствие коррозии, клеймами (можно различить стоящий на круге крест). А вот ножны у шашки новодельные, и монтировщик не пытался этого скрыть. Но больше нас заинтересовала попытка выдать шашку за наградное Георгиевское оружие. Возможно, оно таковым и было, и на головке сохранились следы креплений. Да и медальон из черневых листьев, кажется, предполагает размещение в нем какой-то фигуры. Но легкий укол в укромном месте ленточки и креста (довольно необычного) проник сквозь золотое покрытие и вывел нас на металл основы красную медь. Обе детали выполнены в технике гальванопластики и позолочены

Шашка наградная, Георгиевское оружие. Клинок работы владикавказского мастера Исмаила. Рукоять слоновой кости

Вновь мы видим «военные ножны» с железным прибором. Шашкой был награжден В. Г. Науменко. Он родился 25 февраля 1883 г. в станице Петровской, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1901), сотню Николаевского кавалерийского училища (1903), Академию Генштаба (1914). В Первой мировой войне: и. д. начальника штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, Генерального штаба подполковник (1917), старший адъютант оперативного отделения штаба Особой армии... В Гражданской войне: командир Корниловского конного полка, начальник 1-й конной дивизии, походный атаман ККВ... Кубанский войсковой атаман в эмиграции (1920–1958), член Главного управления казачьих войск (1944–1945). Умер в Нью-Йорке 30 октября 1979 г. «Высочайшим приказом 22 апреля 1915 г. объявлено об удостоении Георгиевской кавалерской Думой Георгиевским оружием «старшего адъютанта штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии капитана Вячеслава Науменко за то, что в бою 25 октября 1914 года под дер. Делятын, временно исполняя должность начальника штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, самоотверженно, подвергая свою жизнь опасности, лично устроил войска на позиции, ориентировал их и начальника отряда и тем содействовал достижению цели боя». Шашка хранилась у дочери В. Г. Науменко – Н. В. Назаренко. В 2007 г. она подарила шашку Краснодарскому музею-заповеднику. Переговоры о возвращении шашки вела научный сотрудник КГИАМЗ Н. А. Корсакова. На родину шашка доставлена в 2008 г.

На головке шашки нет отверстий для крепления ленточки с надписью «За храбрость». Золотой крест с белой эмалью не имеет центрального медальона. Сомневаться в подлинности шашки у нас нет причин. Вероятно, мы имеем дело с одним из эмигрантских вариантов оформления Георгиевского оружия

Знак «Общество помощи солдатам, их семьям и жертвам войны».

Фирма «К. Фаберже». Россия. Нач. XX в. Серебро, эмаль, гравировка, чеканка, резьба

Поясним нашу мысль. Мы уже отмечали, что в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. казаки «имели большие дела с неприятельской кавалерией единственно огнем, находясь на лошадях и не спешиваясь». Анализ документов свидетельствует, что в тех редких случаях, когда кавалерия предпринимала атаки на укрепленные позиции турок, казаки разворачивались в лаву на расстоянии 2,5–2 версты (на лагерных сборах в Кубанской области подобные атаки, за недостатком свободных земель, отрабатывались, как правило, с 1200 шагов). Даже если допустить, что всю первую половину дистанции сотни прошли широким наметом, то это занимало как минимум три минуты. За это время винтовочный огонь противника достигал такой плотности, что сотни за версту до цели получали приказ спешиться и вступить в огневой контакт. Это помогало избежать неоправданных потерь.

После войны командиры Кавказских казачьих дивизий акцентируют внимание на обучении казаков садиться на лошадь без помощи стремян. Из заключения офицерской комиссии 1-го Урупского полка: «Умение быстро вскакивать на лошадь без стремян чрезвычайно важно при действии лавой, так как позволяет всаднику соскакивать для стрельбы и вновь вскакивать на коня» [110]. В 1892 г. разрабатывалась «Инструкция для действия лавою». Офицеры Кубанского войска, готовившие замечания на проект, высказались за ее введение, «но только с обязательством при этом обучению казаков стрельбе с коня и заряжанием ружья на коне» [111]. В сущности, речь идет о так называемом комбинированном бое, в котором атака холодным оружием является заключительным аккордом. Эту тактику подтвердил и Устав строевой казачьей службы начала XX в. [112].

Впоследствии идею комбинированного боя обосновал Н. Н. Головин [113]. Его стратегическая идея – маневренные действия конницы для захвата максимального пространства – была развита во взглядах на тактику: передвижение отдельных конных групп от рубежа к рубежу с применением огневых средств, скопление конных масс на направлении главного удара и конная атака. Теоретик красной кавалерии М. Баторский так сформулировал понятие комбинированного боя: «Это нормальная форма боя конницы. Под этим боем подразумевается сочетание действий конницы, как в пешем строю, так и огневыми группами, и венцом боя должен быть удар в конном строю. Комбинированный бой, родившийся в процессе последних войн, – одна из наиболее гибких форм кавалерийского боя, во многом воспринявшая в себе идеи, которые были заложены в казачьей лаве... Идея же лавы как раз заложена в комбинированном бою: подавить всеми огневыми средствами противника в пешем строю, после чего нанести молниеносный сабельный удар в конном строю по истрепанному противнику...» [114].

Тактику комбинированного боя кубанцы применили на практике уже в первом кавалерийском столкновении с противником в годы Великой войны. Речь идет о знаменитом бое под Городком 4 августа 1914 г. Массированная конная атака венгерских гусар была сметена пулеметным и ружейным огнем русских стрелков, засевших в окопах. Против двух эскадронов противника, выдвинутых на правый фланг русских позиций, командир 1-го Линейного полка полковник Черный бросил в контратаку 5-ю сотню есаула Шах-Рух-Дараб-Мирзы и 3-ю сотню есаула А. М. Труфанова [115]. Андрей Михайлович Труфанов вспоминал: «В ходе битвы под Городком одна атака с шашками ничего не дала, и тогда казаки, по собственной инициативе, благодаря усиленному мирному обучению, применили стрельбу с коня, в упор; в результате чего эскадроны врага были уничтожены» [116]. Специально изучавший этот вопрос Ю. Г. Бузун полагает, что казаки при помощи огнестрельного оружия опрокинули противника, а шашечным ударом завершили дело.

Разумеется, в годы войны кубанцы продемонстрировали ряд блестящих кавалерийских шашечных атак. Мало того, с шашками в руках они атаковали противника и в пешем строю. Но главная тенденция – уменьшение роли шашки в условиях позиционной войны – нам представляется очевидной. «Возрождение» кавалерии в годы Гражданской войны, вероятно, автоматически повысило значение шашки в боевых действиях.

«Джигитовка конвоя». Рисунок Н. Самокиша. Начало XX в.

«Аэроплан летит». Рисунок из газеты военного времени

Художник подметил индивидуальный перевязочный пакет, привязанный к шашечным ножнам казака

Две шашки азиатского образца. Обе шашки владикавказской работы. Клинок левой произведен в Золингене, клинок правой изготовлен известным владикавказским мастером Гузуновым

Шашка. Северный Кавказ. Конец XIX – начало XX в. Сталь, серебро, кожа, дерево. Размеры: 930, 770, 32

Шашка. Северный Кавказ. Конец XIX – начало XX в. Сталь, серебро, кожа, дерево.

Подобные шашки с набором из семи деталей (6 на ножнах и рукоять) дагестанцы называли «патала шушка», то есть «шашка со штанами». На Кубани накладки треугольной формы называли «косячки»

Шашка. Северо-Западный Кавказ (?). Конец XIX – начало XX в. Сталь, серебро.

Эклектичный орнамент представляет собой соединение нескольких художественных стилей. Рисунок выдавлен в низком рельефе, а затем доработан штихелем

Шашка. Россия, Дагестан. Конец XIX в. Сталь, серебро, чернь.

С правой стороны клинка остатки надписи латинскими буквами, с левой стороны, в разрыве среднего дола – трудноразличимое изображение креста, стоящего на круге. На одной из сторон просматриваются остатки травленой надписи: отдельные буквы складываются в девиз: «Без нужды не вынимай»

Шашка. Россия, Дагестан. Конец XIX в. Сталь, серебро, чернь.

На обеих сторонах клинка выполнено клеймо «гурда» в виде двух зубчатых дужек в обрамлении полусферических лунок, выбитых пунсоном

Шашка и кинжал. Северо-Западный Кавказ. Начало XX в.

Холодное оружие, украшенное крупной зернью, было особенно популярно в это время у адыгов

Супружеская пара. Екатеринодар. 1910-е гг. У офицера – прекрасная дагестанская шашка в серебре. На головке рукояти – накладной вензель императора Николая II

Шашка. Россия, Дагестан. Конец XIX в. Сталь, серебро, дерево, кожа. Клинок однолезвийный трехдольный. Прибор ножен и рукоять серебряные, украшены растительным орнаментом, выполненным в технике глубокой гравировки, черневой каймой, полосками зерни

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Яхтанигов Х. Х.* Экспонаты повествуют. – Нальчик, 1984. – С. 28; *Панеш Э. Х.* Холодное оружие адыгов (к вопросу об эволюции) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. – Л., 1989. – С. 70; *Чахкиев Д. Ю.* Из истории клинкового оружия северо-кавказских воинов // Археология на новостройках Северного Кавказа. – Грозный, 1991. – С. 67.

2. *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. – М., 1995. – С. 29.

3. *Введенский Г. Э.* Ятаган: факты и гипотезы // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – М., 2003. – Май.

4. *Марей.* Записка о белом оружии // Военный сборник. – СПб, 1843. – № 1.

5. *Мафедзев С. Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX века. – Нальчик, 1991. – С. 162.

6. *Бёртон Р. Ф.* Книга мечей. Холодное оружие сквозь тысячелетия. – М., 2005. – С. 196.

7. *Федоров В. Г.* Холодное оружие. – СПб, 1905. – С. 25.

8. *А. Б.* Кавказские шашки (рукопись неизвестного автора, хранящаяся в отделе оружия ГИМ; дар английского исследователя Е. С. Молло).

9. История боевых искусств. Россия и ее соседи / Под ред. Г. К. Панченко. – М., 1997. – С. 273.

10. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

11. Там же. Д. 186. Л. 32, 34.

12. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 335.

13. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 22. – СПб, 1848. – Ст. 21626.

14. Там же. Т. 13. – СПб, 1839. – Ст. 11182.

15. Там же. Т. 16. 1841. – СПб, 1842. – Ст. 14241.

16. Там же. Т. 17. 1842. – СПб, 1843. – Ст. 15809.

17. О Черноморском казачьем войске // Военный журнал. – СПб, 1843. – С. 190.

18. *Кулинский А. Н.* О некоторых клеймах на русском холодном оружии XIX – начала XX в. // Сборник исследований и материалов Военно-исторического ордена Красной Звезды музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – Л., 1990. – Вып. 5. – С. 129.

19. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 188. Л. 121.

20. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 17. – СПб, 1843. – Ст. 1580.9.

21. ГАКК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

22. Там же. Ф. 313. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.

23. Там же. Ф. 287. Оп. 1. Д. 239. Л. 29.

24. Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 265. Л. 8.

25. Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

26. *Арендт В. В.* О технике древнего клинкового производства // Архив истории науки и техники. – М. – Л., 1938. – Вып. 8. – С. 187.

27. *Чуднов Г. М., Савенко О. Н.* Сокровища Тульского музея оружия. – Тула, 1979. – С. 119.

28. Приказы по войску Кубанскому. № 79. 22 марта 1879 г. // КМ-8481.

29. *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. – Ставрополь, 1992. – С. 65.

30. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 817. Л. 1.

31. Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 27. Л. 374.

32. Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 817. Л. 16.

33. Там же. Д. 1174. Л. 22.

34. Там же. Д. 314. Л. 143.

35. Там же. Оп. 2. Д. 114. Л. 18.

36. Там же. Оп. 1. Д. 1174. Л. 412.

37. *Абольская Т. И.* Златоустовское художественное оружие XIX века. – Л., 1986. – С. 6.

38. *Дмитриев А. В.* Клинки Златоуста // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 12. – С. 77.

39. *Шведов С.* «Златоуст в горах без боя дарит защиту для героя» // Русский стиль. – 1994. – № 1. – С. 42.

40. *Драгунский офицер.* Воспоминания о Закавказском походе 1853 и 1854 г. // Военный сборник. – СПб, 1860. – № 11. – С. 144 (Драгунский офицер – псевдоним В. А. Потто).

41. *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте 1914–1917 гг. – М., 2001. – С. 100.

42. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1955. Л. 3.

43. Там же. Д. 1639. Л. 1.

44. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 49. – СПб, 1874. – Ст. 50303а.

45. *Кулинский А. Н.* Европейское холодное оружие. – СПб, 2003. – С. 120.

46. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3878. Л. 22.

47. Там же. Д. 1955. Л. 9.

48. *Глинкин М.* Златоустовская гравюра на стали. – Южно-Уральское книжное издательство, 1967. – Табл. 29.

49. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2812. Л. 27, 36.

50. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 9.

51. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3137. Л. 44.

52. Там же. Л. 91.

53. *Федоров В. Г.* Холодное оружие. – СПб, 1905. – С. 119.

54. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – Тифлис, 1887. – Т. 4. – С. 500.

55. *Аствацатурян Э. Г.* Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. – М., 1982. – С. 6.

56. *Ленц Э.* О клеймах мастеров на оружии // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. – СПб, 1911. – Т. 1. – С. 12.

57. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3878. Л. 18.

58. Там же. Л. 41.

59. Там же. Д. 3137. Л. 91.

60. *Арнольди М.* Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска // Военный сборник. – СПб, 1890. – № 9. – С. 82.

61. Кубанские областные ведомости. – 1872. – 21 февр.

62. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2739. Л. 9.

63. Там же. Д. 4019. Л. 12.

64. Там же. Д. 3878. Л. 32.

65. Там же. Д. 4157. Л. 162.

66. Там же. Д. 4019. Л. 57.

67. Там же. Д. 5007. Л. 3.

68. КГИАМЗ. КМ-5215/1263.

69. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3878. Л. 33.

70. Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

71. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4371. Л. 15.

72. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 9. Л. 168.

73. Там же. Д. 4570. Л. 29.

74. *Федоров В. Г.* Указ. соч. – С. 27–30.

75. *Бёртон Р. Ф.* Книга мечей. Холодное оружие сквозь тысячелетия. – М., 2005. – С. 196.

76. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4570. Л. 44.

77. Там же. Д. 4766. Л. 26.

78. Там же. Л. 1.

79. Там же. Д. 6158. Л. 26.

80. Кубанские областные ведомости. – 1894. – № 31.

81. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6246. Л. 32.

82. Там же. Д. 6228. Л. 5.

83. Там же. Л. 16–21.

84. Там же. Л. 33.

85. Там же. Л. 4.

86. ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 21. – СПб, 1903. – Ст. 19927.

87. *П. В. П.* Шашки // Вестник казачества. – 1913. – № 1.

88. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6228. Л. 38.

89. Там же. Л. 43.

90. Там же. Л. 44.

91. ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 24. – СПб, 1907. – Ст. 24147.

92. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7153. Л. 1–8.

93. Там же. Д. 7450. Л. 114.

94. *Денисова М. М.* Художественное оружие XIX века Златоустовской фабрики // Сборник статей по материальной культуре XVIII–XIX вв. – М., 1947. – С. 237.

95. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11556. Л. 93.

96. *Кулинский А. Н.* Холодное оружие русской армии и флота. – Л., 1988. – С. 56.

97. *Дуров В. А.* Русское наградное оружие XVIII – начала XX в. – М. – Смоленск, 1994. – С. 155.

98. *Молло Е.* Русское холодное оружие царствования императора Николая II. – Париж, 1962. – С. 3.

99. *Гаденко К. П.* Описание формы обмундирования и снаряжения казаков Кубанского и Терского казачьих войск. – Станица Уманская, 1913. – С. 29.

100. *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие XVIII–XX вв. – СПб, 2001. – Т. 1. – С. 167.

101. *Агафонов О.* Отделкой золотой блистает мой кинжал // Оружейный двор. – 1996. – № 2. – С. 57.

102. *Клочков Д. А.* «Отличные храбростью...» – СПб, 2007. – С. 308.

103. ГАКК. Ф. 397. Оп. 1. Д. 49. Л. 32.

104. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9226. Л. 49; Ф. 318. Оп. 2. Д. 3750.

105. *Стрелянов П. Н., Киреев Ф. С., Картагузов С. В.* Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года. – М., 2007. – С. 11.

106. *Терентьев М.* Заметки в вооружении кавалерии // Военный сборник. – СПб, 1860. – № 11.

107. *Зубарев Ф.* Опыт исторического исследования законов развития специальноколющего оружия. – Варшава, 1900.

108. *Сливинский А.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославице. – Сербия, 1921.

109. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 27. Л. 117.

110. Там же. Оп. 1. Д. 8637. Л. 5.

111. Там же. Д. 6189. Л. 1–7.

112. Устав строевой казачьей службы // Кавалерия: учебник для урядников. – СПб, 1908. – С. 297.

113. *Головин Н. Н.* Современная конница // Военный сборник. – Белград, 1924. – № 4; он же. Конный бой у д. Волчковце 8/21 августа 1914 г. // Военный сборник. – Белград, 1929. – Кн. 10. – С. 130–140.

114. *Баторский М.* Служба конницы. – М., 1925. – С. 226.

115. *Матвеев О. В., Фролов Б. Е.* Страницы военной истории кубанского казачества. – Краснодар, 2007. – С. 347.

116. Цит. по: *Бузун Ю. Г.* Участие кубанских казачьих подразделений в Первой мировой войне: дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1999. – С. 61.

Глава 3

НОЖИ И КИНЖАЛЫ

В довольно обширной дореволюционной кубанской историографии сведения о ножах казаков Черноморского войска мы встречаем в работах только двух авторов. Известный черноморский историк И. Д. Попко свою статью об одежде и вооружении казаков конца XVIII в. завершил следующей фразой: «Но, возвращаясь к описанию боевого снаряжения черноморцев «времен очаковских и покоренья Крыма», прибавим, что в числе прочих доспехов носили они у пояса небольшой нож в сафьяновых ножнах...»[1]. П. Орлов, описав (явно идеализированный им) костюм казаков, по поводу оружия заметил: «Вооружение состояло из длинной рушницы, кривой турецкой сабли, пистолета, списа (короткого копья) и длинного ножа, носимого в кожаных ножнах на боку» [2]. Судя по всему, П. Орлов перефразировал слова того же И. Д. Попко об оружии казаков, приведенные нами в начале первой главы. При этом он заодно решил нож «удлинить», чтобы придать ему статус оружия.

Дифференцировать боевые и бытовые ножи по более чем лаконичным формулировкам письменных источников весьма проблематично. В описях имущества казаков конца XVIII – начала XIX в. мы чаще всего встречаем только короткое – «нож». Конечно, речь идет об обычных (и, наверное, разнообразных) бытовых ножах, которые являлись частью снаряжения казака. Без них трудно было обойтись и дома, и тем более в походе. К бытовым следует отнести и часто встречающиеся в описях имущества «ножики складные» [3]. Очевидно, «нож черкесский маленький» также не относится к разряду оружия. О черкесских «маленьких ножах», носимых на поясе в дополнение к кинжалу, писал Д. Лонгворт [4]. Кинжал никогда не применялся для приема пищи, этой цели служили небольшие ножи. Они также использовались и для бритья головы.

«Тип запорожца». Художник С. И. Васильковский (Из Украинской старины. – СПб, 1900)

К боевым ножам, наверное, следовало бы отнести «нож большой черкесский» [5], но мы отчетливо не представляем, о чем идет речь в документе. Сошлемся на мнение А. С. Марзея: «Раньше черкесы носили сзади на правом боку так называемый «черкесский нож» (адыгэсэ). Его особенностью, кроме формы рукояти и лезвия, было то, что он, как и шашка, утапливался в ножнах вместе с рукоятью. В настоящее время ножи такого типа продолжают носить абхазские старики» [6].

В источниках конца XVIII в. упоминаются и «ножи крымские» [7]. О славе бахчисарайских ножевщиков писал в своей монографии А. Л. Якобсон [8]. Довольно подробную характеристику крымских ножей оставил Пейсонель: «Слава о татарских ножах распространена по всему миру; они действительно прекрасного закала и довольно красивой формы; Бахчисарай является тем городом Крыма, где ножи

«Небольшой черкесский нож, с костяной рукоятью» (Из кн. Э. Г. Аствацатурян «Оружие народов Кавказа». – СПб, 1995. – С. 36.)

изготавливаются в наибольшем количестве... Есть ножи с рукояткой из рогов быка, дикого козла, из слоновой кости, из рыбьих зубов, есть рукоятки, украшенные кожей, серебром и золотом, с простым и дамасским лезвием» [9]. Столь подробное описание не помогает нам ответить на главный вопрос: как же все-таки выглядел крымский нож и была ли вообще у его клинка какая-то традиционная форма? В научной литературе описаний или фотографий крымских ножей XVIII в. нам видеть не приходилось.

Двадцать лет назад в ходе этнографической экспедиции к татарам Кубани был приобретен «очень старинный татарский нож». Правда, видевшие его понтийские армяне считали нож своим, да и греки тоже. Мало того, подобные ножи бытовали в Аджарии и Азербайджане. Может быть, прототип нашего ножа следует искать среди турецких ятаганных ножей (очень похожие и сегодня приобретаются коллекционерами в Турции).

Татарские ножи охотно использовали и черкесы. У Дюбуа де Монпере за 1833 г.: «На поясе черкес имеет кинжал; там же у него прикреплены кроме того тесак-отвертка, кожаный кошель, где хранятся трут и ружейный кремень, нож в ножнах, или бахчисарайский «печак», кисет с табаком и, наконец, прекрасно выполненная из черненого серебра маленькая коробочка с салом, которым натираются пули...» [10]. Стоимость крымского ножа в Черномории в 1796 г. зафиксирована в 80 коп. (разумеется, речь идет о конкретном экземпляре).

К боевым ножам мы отнесем упомянутый в описи 1801 г. нож, на ножнах которого имелись «два гаманчика». В одном хранилось десять пуль, в другом – «черкесская с пружинкою подсыпка» [11]. Из документа 1828 г. известно о наличии у казака 6-го пешего полка «ножа запоясного» [12]. Перед нами встает вопрос: идет ли речь о вполне определенном типе ножа или же так казаки называли любой нож, носимый за поясом? Разумеется, речь не может идти о средневековых русских запоясных ножах с коротким (90–150 мм) обоюдоострым клинком. М. М. Денисова с соавторами писала: «Различного рода ножи: подсаадашные, засапожные, запоясные и т. д. сошли с вооружения еще в XVII столетии; они являются редчайшими образцами даже в центральных музеях...» [13]. Той же точки зрения придерживаются и авторы работы о короткоклинковом оружии: «...из 16–17 столетий до нас дошли образцы четырех разновидностей боевых ножей русских воинов: запоясные, засапожные, подсаадашные и полевые» [14].

Говорить о существовании у черноморских казаков какой-то разновидности боевого ножа под названием «запоясный» не приходится за полным отсутствием каких-либо свидетельств. Предполагаем, что речь идет о любом ноже, предназначенном для носки за матерчатым поясом – кушаком. У ножен подобных ножей зачастую не было никаких приспособлений для крепления к поясному ремню, их просто засовывали в наклонном положении за кушак, и они там прекрасно держались. Практиковалась также обмотка ножен или рукояти шелковым шнурком, конец которого привязывался к ремню, а нож все равно крепился за надетый сверху кушак. На ножнах ряда

Турецкий нож с костяной рукояткой и серебряными ножнами. Размеры: 234, 147, 16 (здесь и далее дается общая длина, длина и ширина клинка в мм)

«Старинный татарский нож» (слева) – *так, согласно семейной традиции, атрибутировали нож его владельцы. Довольно мощный обух и хищный обоюдоострый боевой конец свидетельствуют о его боевом характере. Размеры: 387, 265, 18. Безусловно, нож мог использоваться кубанскими татарами. Но относится ли он к какому-то типу знаменитых крымских ножей?* Справа – *его брат-близнец (правда, в полтора раза больше), только «родом из Аджарии». Размеры: 490, 367, 22, 29 – в расширении у боевого конца. Характерные черты ножей: роговая рукоять с раздвоенной головкой, подпальцевая выборка в форме раковины на рукояти, конический наконечник рукояти из белого металла или латуни, декор (?) в виде кружков с точкой в центре и штихельные зигзагообразные «дорожки». Учитывая повсеместную распространенность ножей подобного типа по черноморскому побережью, так и хочется назвать его «циркумпонтийский нож». Хотя, возможно, кому-то из оружиеведов этот тип ножей хорошо известен и все сомнения – лишь результат пробела в наших знаниях. Представленные образцы мы относим ко второй половине XIX в. К вооружению кубанских казаков они, конечно, никакого отношения не имеют. Речь идет о возможном использовании подобных ножей в Черноморском войске до введения регламентированных образцов формы и оружия*

Ножи, несомненно, описанного выше типа, но перешедшие в статус бытовых вследствие своих скромных размеров. Нож слева – из греческого поселка (Кабардинка), в центре – *из Абхазии,* справа – *из Азербайджана*

Нож ятаганного типа. Турция; Закавказье (?). Вторая половина XIX в. Размеры: 330, 208, 26.

Нож «захвачен казаками-пластунами в пограничной стычке конца XIX в. с турецкими контрабандистами». Но были ли эти контрабандисты турками и является ли нож турецким? У него накладная рукоять из двух щечек трубчатой кости. Щечки украшены точечной инкрустацией и небольшими кружками с шестью чередующимися медными и роговыми треугольниками внутри. Но этот декоративный элемент, характерный для турецкого оружия, известен и на Кавказе (Аствацатурян Э. Г. Оружие...). *С ножами, представленными на предыдущей странице, его объединяет орнаментальный мотив из кружков с точкой внутри. Латунные накладки, приваренные к основанию хвостовика, украшены «штихельным зигзагом». Деревянные ножны обтянуты тонкой латунной фольгой*

«запоясных» ножей имелись небольшие петли для крепления. Подобные ножи хорошо видны на портретах донских старшин XVIII в. Для 1828 г. этот способ выглядит несколько архаично, но черноморцы в некоторые походы выступали в свитах и серяках, подпоясанных кушаками.

В заключение этой части – информация о русских «военных ножах» («ножи на древках», «ножи на ратовищах»), поступивших на вооружение черноморских казаков в 1788 г. Историю появления этого оружия в русской армии подробно описал О. Леонов: «Но тяга Потемкина к постоянным экспериментам подтолкнула его к решению оснастить сводные гренадерские батальоны Екатеринославской армии новым оружием, названным в документах «ножами». В письме от 30 марта 1788 г. он сообщал А. В. Суворову: "Отправил одного егеря для образца, как быть вооружену баталиону гренадерскому... 500 для сего ножей уже к вам отправлено чрез Херсон, а другие пятьсот отдайте запорожцам... ножами, вместо штыков, колоть и рубить вместо сабли"» [15]. Кроме того, это оружие могло служить упором при стрельбе стоя и с колена.

Портрет атамана Ивана Мокеевича Иловайского. Назначался наказным атаманом войска Донского на время отъезда войскового атамана Степана Ефремова в 1760, 1761, 1765 и 1766 гг. Одет в зеленую черкеску с разрезными рукавами и золотыми обшлагами. Красный кафтан расшит пышным золотым узором. За восточный пояс заложен длинный нож с золотыми шнурами

В конце апреля 1788 г. вместе с военными лодками, назначенными для казачьей флотилии, были получены и «ножи военные». 24 ноября 1788 г. командир казачьей флотилии А. А. Головатый рапортовал в Главное дежурство 2-й дивизии Екатеринославской армии: «Принятые в Кош войска верных казаков из гренадерского батальона насаженные на древки ножи в то же самое время и розданы по рукам состоящим в войске казакам» [16]. Судя по «Ведомости состоящим на казаках казенным вещам», в июне 1789 г. в войске числилось 582 ножа [17]. В сентябре часть из них была роздана по приказу Головатого казачьим канонирам. 12 сентября он предписал войсковому пушкарю Бакиру: «Как канониры не имеют у себя сабель и пистолетов, то и приказываю вам всех снабдить ножами, ибо они на случай могут быть полезными, а по раздаче велите вычистить и отострить» [18]. При выступлении лодок в поход канонирам выдали 131 нож.

Нож имел широкий и длинный однолезвийный клинок с небольшим изгибом. Вдоль обуха проходило ребро, переходящее в рукоять в форме конической трубки. В эту трубку (тулью) вставлялось короткое деревянное древко. Общая длина оружия примерно в рост человека.

Нож военный являлся скорее древковым оружием, так как конструктивно был рассчитан на применение с древком, и факты ношения его в какой-то лопасти на поясе и использования как обычного ножа пока неизвестны. Но в Черноморском войске зафиксирован случай выдачи на казачью флотилию клинкового оружия. В 1802 г. последовало высочайшее повеление на передачу Черноморскому войску десяти канонерских лодок, выстроенных при Николаевском адмиралтействе. На лодках находился комплект личного оружия для экипажей. Для Черноморского войска это было особенно важно, так как флотилия комплектовалась беднейшими казаками, не имевшими даже самого необходимого для службы. На каж-

Черноморские пластуны И. Демянко, А. Гильденко, Л. Грейцов, М. Жульга, отличившиеся при обороне Севастополя в 1854–1855 гг. Рисунок Ф. А. Шпака. *Деревянный прибойник из клена с грибовидным навершием торчит из тесачных ножен до середины груди. Обращаем внимание на способ ношения башлыка через плечо*

Изображение «ножа военного» выполнено по рисунку И. Дзыся «Солдаты сводных гренадерских батальонов Екатеринославской армии, вооруженные кавалерийскими карабинами и ...«ножами на ратовищах» к статье О. Леонова «Вооружение «потемкинских» гренадер. 1786–1796»// Цейхгауз. – № 21. – С. 11.

дую лодку полагалось по шесть пистолетов с пистолетными лядунками, по шесть мушкетонов с мушкетонными лядунками и по пять тесаков с медными эфесами и солдатскими портупеями [19].

Проблему идентификации тесаков помогут решить два обстоятельства: они имели медные эфесы и солдатские портупеи. Можно предположить, что казаки получили пехотные солдатские тесаки образца 1798 г. А. Н. Кулинский в своем определителе русского холодного оружия приводит два варианта тесаков образца 1798 г. [20]. Для нас подходит второй вариант, состоявший на вооружении нижних чинов пехотных частей (кроме Павловского гренадерского и мушкетерского Архарова 1-го полков) до 1807 г.

Клинок слегка искривленный, однолезвийный, с одним узким долом. Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Деревянная рукоять обмотана витой стальной проволокой. Головка рукояти латунная, яйцевидная, с пуговкой сверху. Гарда образована передней дужкой, расширяющейся внизу в сердцевидную чашку. Верхний конец дужки прикреплен к головке винтом. Ножны деревянные, обтянуты кожей. Латунный прибор состоял из устья с крючком и наконечника. Размеры: общая длина 805 мм, длина клинка 650 мм, ширина клинка 34 мм. (С учетом практики передачи казакам устаревших образцов, снятых с вооружения регулярной армии, мы не исключаем возможности поступления на вооружение «водяных» черноморцев пехотных солдатских тесаков образца 1763 г.)

Чтобы окончательно закрыть тему тесаков, упомянем и штык-тесак к литтихскому штуцеру образца 1843 г. Этими штуцерами осенью 1844 г. были вооружены черноморские пластуны и застрельщики. Факты использования тесаков в штыковом бою нам неизвестны, да пластуны этому бою и не обучались. Остается предполагать, что это оружие употреблялось именно как тесак в боевых и подсобных целях. На одной из фотографий на поясе у пластунов тесаки висят в самодельных ножнах, сделанных по образцу кинжальных.

Дадим короткое описание штыка-тесака образца 1843 г. (КМ-1098). Клинок прямой, обоюдоострый, в сечении ромбический. В верхней части клинка по средней линии проходит короткий и узкий дол. Латунный эфес состоит из рукояти и крестовины. Рукоять прямая, с поперечными желобками и слегка расширяющейся головкой. В верхней половине руко-

яти продольный Т-образный паз со стальной пластинчатой пружинкой и кнопкой. Крестовина с уплощенными концами в виде запятых, опущенными вниз к лезвию. Ножны из толстой черной кожи с футляром для прибойника. Устье со шпеньком и наконечник латунные. Общая длина 670 мм, длина клинка 550 мм, ширина клинка 33 мм.

Перейдем к основной части данной главы – к кинжалам. Кинжал – вид холодного оружия с коротким клинком колющего и режуще-рубящего действия. С появлением длинноклинкового оружия кинжал перешел в разряд оружия вспомогательного, особенно свое значение он утратил в регулярных армиях. Однако в ряде регионов мира кинжал приобрел статус национального вида оружия и стал одним из системообразующих элементов комплекса традиционной одежды. Типично таким регионом являлся Кавказ, где оружие не только выполняло прикладные функции, но и выступало «по отношению к одежде почти как чистый знак» [21].

Кинжалы носились мужчинами на Кавказе постоянно начиная с подросткового возраста. Известный востоковед И. Березин, посетивший в первой половине XIX в. резиденцию кумыкских шамхалов, писал, что в Тарху даже мальчишки «прицепляют» к поясу кинжал больше себя. По наблюдениям И. Бларамберга, «жители Кавказа никогда не снимают кинжал и носят его даже у себя дома. Кинжал – излюбленное оружие этих народов» [22]. По выражению С. Хан-Гирея, кинжал можно «причислить к верхней одежде черкеса... ибо они снимают с себя кинжал только тогда, когда скидывают и верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем...» [23]. Н. Дубровин называл кинжал «неразлучным спутником черкеса» [24]. По словам Г. Алкаради, одним из условий, при которых каждый дагестанец мог рассчитывать на почет и уважение, являлся хороший кинжал [25]. Кинжалы производились в Дагестане еще в 30-е гг. XX в. Замечательно описал технологию выработки кинжального клинка Е. М. Шилинг [26]. В 1936 г. заказывал амузгинцам кинжальные клинки из дамаска Сазонов [27].

О происхождении кавказского кинжала высказывались (и будут еще долго, если не всегда, высказываться) различные точки зрения как у нас в стране, так и за рубежом. Некоторые версии родословной этого оружия рассмотрел В. М. Батчаев [28]. По его мнению, фонд археологических источников не позволяет уверенно говорить о конкретном прототипе «кавказского» кинжала, уместнее вести речь

Штуцер для стрелковых батальонов (литтихский) образца 1843 г. Бельгия, Льеж, фабрика П.-Ж. Малгебра. Калибр 17,88 мм, длина с тесаком 1714 мм

Засада черноморских казаков в прикубанских плавнях. «Рисунок с натуры П. С. Косолапо».

У казака, изображенного в центре, на груди висит газырь, только что использованный для заряжания штуцера

Черноморские пластуны – участники обороны Севастополя в годы Крымской войны. Фото 1896 г. Слева – *казак Куковский из станицы Динской,* справа – *М. И. Сопильняк из станицы Пашковской. У обоих штыки-тесаки в самодельных ножнах наподобие кинжальных*

Штык-тесак к литтихскому штуцеру.

Странно, но ни на одном из восемнадцати хранящихся в КГИАМЗ штыков-тесаков нет абсолютно никакой маркировки

о нескольких. Свои выводы он сформулировал следующим образом: «Кавказский кинжал» являет собой результат синтеза и длительной эволюции различных типов рубящего холодного оружия (преимущественно степного происхождения), а последующая их унификация связана с расширением и стабилизацией культурных связей между народами Северного Кавказа» [29].

Совершенно иной позиции придерживается Д. Ю. Чахкиев [30]. Отмечая противоречивость мнений по этому вопросу, автор подчеркивает, что двулезвийные кинжалы с прямым клинком фиксируются только в погребениях конца XVIII в. Об этом же свидетельствуют и другие источники: письменные, этнографические, фольклорные, изобразительные, лингвистические. Д. Ю. Чахкиев полагает: «Кавказские кинжалы появляются в самом конце позднего средневековья, скорее всего, на основе эволюции конкретного типа (с разновидностями) местных боевых ножей».

В любезно предоставленных автору тезисах Р. Б. Схатум приводит следующие выдержки из подготавливаемой им новой работы об оружии адыгов.

«Наиболее развернутый генезис и эволюция «кавказских» кинжалов по представлению Д. Ю. Чахкиева выглядит следующим образом:

1. Однолезвийные боевые ножи с плавно сходящимися к острию спинкой и лезвием (XIII–XV вв.).

2. Боевые ножи с утонченной спинкой и обоюдоострым концом (XVI–XVIII вв.).

3. Двулезвийные кинжалы с граненными клинками (нач. XVIII в.).

4. Кинжалы с плоскими клинками и долами (вторая пол. XVIII в.).

В то же время автор не исключил вероятность происхождения кинжалов нового времени от прямых мечей, бытовавших в позднесредневековый период у горцев (вероятно у вайнахов и дагестанских народов. У адыгов не прослеживаются. – *Р. С.*).

Если сопоставлять этот генезис Д. Ю. Чахкиева с адыгским материалом, то выходит следующее (по пунктам):

1. В XIII–XV вв. у адыгов действительно есть описываемые Д. Ю. Чахкиевым такие однолезвийные «ножи», только их все же называют кинжалами; в частности так их обозначал В. А. Тарабанов (речь идет о раскопках 1993 г. в Ленинахабле. – *Б. Ф.*).

2. Что касается этого пласта, то у адыгов в погребениях действительно встречаются боевые ножи, по крайней мере, в XVI–XVII вв., но они, насколько я знаю, не имеют выделенного обоюдоострого конца.

3. Граненые клинки начала XVIII в. мне лично неизвестны. Возможно, они встречаются в вайнахских погребениях, у которых оружие в обряде идет до XVIII в. включительно (у адыгов оружие в комплексах XVIII в., и даже немного ранее, большая редкость, поэтому с вещественным материалом на это время возникают сложности).

4. Кинжалы этого типа достоверно фиксируются лишь с последней четверти XVIII в. (скорее всего, не позднее чем с последней трети этого столетия, что в целом близко к обозначенным Д. Ю. Чахкиевым хронологическим рамкам второй половины XVIII в.). В письменных источниках кинжалы у адыгов упоминаются редко, в основном у авторов XVIII в. и позднее (де ла Мотрэ, К. Пейсонель и др.) и лишь общие сообщения без описаний их характеристик.

«Натухаец из Анапы». Художник Г. Гагарин.

Обращаем внимание на пистолет, висящий спереди на поясе. Далее в тексте мы коснемся этой темы

Вверху – *три простых, неукрашенных, сугубо утилитарных кинжала XIX в. Размеры: первый – 498, 370, 532; второй – 680, 535, 49; третий – 650, 485, 48.* Внизу – *кинжал, украшенный врезной насечкой золотом по железу, «считающейся самой трудной из всех видов кубачинских художественных производств».*

Е. М. Шиллинг: «Лучшей в смысле качества насечки по металлу считается техника ви бекон бишибзиб... – насечка, положенная внутрь... Мастер легкими ударами молоточка по верхнему концу резца прорезает на память, без какого-либо предварительного эскиза, рисунок. Последний делается тонкими линиями. Внутри листочков, вырезанных контурно, проводится по одному-два продольных штриха.

Переменив резец на другой, имеющий граненое острие, мастер проходит им по линейному рисунку, нанося точечную чеканку и превращая все линии и штрихи как бы в точечный пунктир». Далее мастер загибал внутрь прорезов образовавшиеся заусеницы и приступал к вбиванию в узор тонкой (0,2–0,3 мм) золотой проволоки

«Художественные кинжалы» с костяными рукоятками, украшенными золотой насечкой

Е. М. Шиллинг: «Насечка по кости – «бишибзиб маге»... по свойствам самого материала имеет весьма ограниченные возможности и считается не такой трудной, как насечка по металлу... Весь орнамент прорезают особым резцом, обычным движением от себя, постукивая молотком по верхнему концу резца. На всех конечных точках линий узора дрилем высверливаются маленькие неглубокие ямки». Далее мастер подрезал все линии орнамента вбок, под кость, что давало им форму трапеции с широким основанием внизу. Золотая проволока, вбитая в фигуру такого сечения, уже не выпадала из кости

Кинжал с клинком известного мастера Османа Омарова (уроженца лакского селения Кази-Кумух), работавшего во Владикавказе с 1880-х гг. до начала XX в.

Несколько наблюдений Дж.-М.С. Габиева о казикумухской орнаментике: «В обрамлении композиций у лакских мастеров нет определенной закономерности...; в лакской кайме раппорт декоративных элементов не всегда бывает однотонным до конца...; ни в черно-, ни в белофоновых изображениях крупных фигур (широкие листья, плоды) здесь нет внутренней контрастной разработки...; в лакском орнаменте допускается свободная разработка крупных черневых фигур, выполненных в нетрадиционной манере...; композиция вьющейся ветви не бывает столь точно и тщательно выверенной, как в кубачинском «мархарае»...; композиция лакского орнамента типа «дерево» и «куст» лишь в редких, исключительных случаях зеркально симметрична...; шести- и многолепестковый цветок, в отличие от кубачинского четырех- и пятилепесткового, является непременной основой композиции лакского орнамента»

Из той информации, которой я располагаю, наиболее вероятными прототипами кинжалов типа «кама» могут являться однолезвийные кинжалы позднего средневековья. Они более короткие, имеют одно лезвие, но по своей конфигурации и отдельным деталям весьма похожи на «классику» нового времени».

Каким бы ни было происхождение кинжала (оставим спор о его генезисе специалистам в этой области), к моменту переселения казаков на Кубань он стал излюбленным оружием горцев и в умелых руках представлял страшную опасность. Кинжал у черкесов, по словам Спенсера, «является самым внушительным оружием в открытом бою, во время атаки они держат его в левой руке и от его ширины, длины, достигаемой локтя, он служит щитом во всех отношениях» [31]. Анонимный автор первой четверти XIX в. писал: «Горец на лошади – вольтижер, сражаясь ружьем – тиральер, шашкой – венгерский гусар, кинжалом – единственный в своем роде» [32].

Участник Кавказской войны вспоминал: «Кинжал – неразлучное оружие каждого горца, и в опытных руках он страшнее всякой сабли, потому что рана, нанесенная этим оружием, редко бывает не смертельная. Многие лезгинские племена вовсе не имеют шашек и заменяют их очень длинными и широкими кинжалами» [33]. Страшные раны, оставленные ударами кинжалов, отмечал и путешествовавший по Кавказу А. Дюма [34]. Самые опасные раны, по мнению Г. Н. Прозрителева, оставляли короткие и широкие шапсугские кинжалы [35].

Современные исследователи указывают на существование у горцев особого «этикета» кинжала. Описывая традиции чеченцев, И. Асхабов замечает: «Следует отметить, что противокольчужными кинжалами горцы пользовались только на войне. Не позволялось их использовать в мирное время среди народа, при бытовых ссорах. Считалось постыдным наносить колющий удар даже кровнику. Допускалось нанесение только рубящего удара, от которого можно было поправиться и сохранить надежду на примирение враждующих, тогда как колющее ранение чаще приводило к смертельному исходу и продолжению вражды» [36].

Специально изучением этого вопроса занимался Д. А. Шереметьев [37]. Выводы ученого таковы. Размер кавказского кинжального клинка позволяет наносить и колющие, и рубящие удары. Горцы вполне осознавали опасность колющих ударов в торс. Однако практика применения кинжала показывает, что рубящий удар был, условно говоря, «нормативным», а колющий – «прикладным». Уважающий себя воин должен именно ру-

Дагестанские кинжалы конца 1920-х гг.

Из отчета Сазонова: «Дамаск амузгинцами в общем приготовляется так же, как он приготовлялся в Мешехеде, Дагоре, Дели, Шериф-и-Мезоре, в арабских землях и на Западе: путем сварки чередующихся стальных и железных полос.

*Амузгинцы берут обычно куски различных сортов стали и железа по 15 см длиной, 3 см шириной и 3 мм толщиной, всего 20 полосок, и, раскалив их, сваривая их, расплющивая, сначала поставив стопку на ребро, а потом и с других сторон; затем перегибают полоску пополам и расковывают уже 40 полосок; и наконец, в третий раз перегнув – 80. Так, для дамасского парижского кинжала (речь идет об изготовлении кинжала для парижской выставки. – **Б. Ф.**) нами было взято железных полосок 10 шт., антушка (твердая сталь) – 4 шт., альхана (подлилочная) – 6 шт. После изготовления клинка рисунок дамаска провоцируется при помощи песка, смоченного раствором железного купороса.*

Клинок шашки изготавливается в среднем три дня, кинжала – от одного до двух дней. На изготовление дамасского клинка времени затрачивается в 3–4 раза больше. Дамаск по-амузгински называется «гавгарь». Вид дамаска, который они обычно изготовляют, называется у нас «струйчатый» или «волнистый». Другие, более сложные виды, как, например, «звездчатый» или «букетный», они сейчас не приготовляют из-за отсутствия достаточного количества сырья». (Сазонов. Отчет о командировке в Дагестан. 1936 г. Машинопись хранится в отделе оружия ГИМ.)

Линейные казаки (здесь Ставропольского и Хоперского полков). Конец 1830-х гг.

бить кинжалом. У вайнахов колоть кинжалом считалось большим позором, неумением воевать и владеть оружием. А у адыгов «пырнуть человека кинжалом считалось предосудительным и недостойным воина-рыцаря». Мощный разрубающий удар придавал воину авторитет, высокий социальный статус и демонстрировал силу духа. Согласно требованиям культурной нормы «правильнее» было наносить рубящие удары, но в силу утилитарной целесообразности не возбранялось и колоть. Недостойного противника можно просто убить, его не надо побеждать.

Линейные казаки Кубани быстро заимствовали боевой комплекс адыгов. Уже в 1833 г. в ответ на запрос из столицы, командиры полков линейного войска отвечали, что до установления форменной одежды казаки носили «одежду и оружие азиатское» [38]. В числе других предметов вооружения линейцы переняли и кинжал. Естественно, он был знаком казакам и ранее, речь идет о массовом использовании его в военной жизни. Адыго-казачьи связи (в их разных аспектах) давно привлекали внимание ученых. Однако в обобщающей работе В. Н. Королева оружию отведено совсем немного места [39]. В. Б. Вилинбахов, изучавший влияние кабардинцев на военный быт казачества, проследил лишь общую тенденцию [40]. В. А. Колесников обосновал причины «большого превосходства горских наездников» над казачьей кавалерией, отметив незаменимость кинжала в ближнем бою [41].

Более информативна в интересующем нас плане работа дореволюционного исследователя А. Д. Ламонова. По его словам, до 1827 г. казачье вооружение в Кубанском полку состояло из пики, ружья и шашки, «в этом году пики отменены и введены кинжалы с поясами» [42]. Казаки станицы Кавказской обзавелись кинжалами и шашками во время похода русских войск под командованием И. Ф. Паскевича под Эривань (1827–1828 гг.).

16 января 1831 г. в полках и войсках, поселенных на Кавказской линии, устанавливается форма обмундирования. Кинжал, шашка и пистолет полагались офицерам, урядникам и казакам «черкесского образца произвольной отделки» [43]. Когда в 1846 г. от Кавказского линейного казачьего войска затребовали данные об одежде и оружии казаков с 1801 по 1825 г., то от командиров полков поступали такие ответы: «Как объясняют старожилы, одежда, вооружение, равно как и конский убор, имелись у всех чинов полка национальные азиатские здешнего края» [44].

Черноморским казакам кинжалы не полагались «по штату» до 1840 г. Тем не менее по архивным документам можно установить, что они у черноморцев имелись, правда, в количестве просто мизерном. Скажем, в собранных нами почти 200 описях имущества казаков – участников Персидского похода 1796 г. кинжал упоминается только один раз. Характеризуется он как «простой». У чиновной старшины встречаются богатые парадные кинжалы. Среди вещей убитого в 1827 г. командира 4-го конного полка Я. Вербицкого значился персидский кинжал в серебряной оправе стоимостью 8 руб. [45]. В 1822 г. у подполковника Герка украли турецкий кинжал стоимостью 60 руб. с «железком белого мисеру, коего черенок полторы четверти белой рыбьей кости, оправленные серебром ножны с обеих сторон» [46].

Напомним читателю, как в главе «Сабли» мы высказали предположение о значении «мусерного железка» турецкой сабли. Думаем, что после описания кинжала Герка все сомнения сняты: и «железко белого мисера»,

и «железко мусерное» означают булатную сталь происхождением из Египта (пожалуй, даже арабского Востока). Мы предполагаем, что подобные дорогие кинжалы, имевшиеся у отдельных представителей казачьей старшины, выполняли репрезентативную функцию, являясь элементом дорогого праздничного костюма.

Кинжал впервые появляется на вооружении черноморских казаков в связи с высочайшим утверждением 1 ноября 1840 г. новой формы обмундирования и вооружения для Черноморского казачьего войска [47]. Кинжал офицеров лейб-гвардии Черноморского эскадрона: «Черкесский, в серебряной оправе; носится на поясе на красном сафьяновом ремне шириной 6/8 вершка, обложен по краю узкой серебряной тесьмой». Кинжал казачий: «С белою слоновой кости рукояткой, ножны в черной кожаной и железной оправе, носится на поясе на красном юфтовом ремне шириной 7/8 вершка, обшитом по краям басоном, как в поясе».

Кинжал офицеров конных полков: «Черкесский, в серебряной оправе, носится на поясе на черном сыромятном ремешке шириной 6/8 вершка, обложенном по краям узкой серебряной тесьмой». Пояс офицеров выполнялся из серебряной тесьмы шириной 6/8 вершка, подшитой черным сафьяном с серебряным прибором: двойная и малая пряжки, наконечник и гайка. Кинжал казачий конных полков: «С белой костяной рукояткой, ножны в черной кожаной [и] железной оправе, носится на поясе на черном ремешке шириной 6/8 вершка». Пояс казаков – из черной глянцевой кожи шириной 6/8 вершка, прибор, как у офицеров, но из железа.

Офицерам пеших полков полагался кинжал по образцу конных. У пеших казаков на поясе вместо кинжала находился штык, вложенный в обыкновенные кожаные штыковые ножны, подвешенные наподобие кинжальных [48]. Высочайше утвержденное 1 февраля 1841 г. новое «Описание...» по интересующим нас вещам не привнесло ничего нового. Совсем недавно А. Кибовский обнаружил и опубликовал в «Цейхгаузе» комплект образцовых рисунков обмундирования Черноморского казачьего войска, исполненный в ноябре 1840 – феврале 1841 г. [49]. Кинжальные рукояти на этих рисунках имеют остроконечные или овальные головки.

Но где же тогда искать рисунок образцового офицерского кинжала со столь примечательной и хорошо известной рукоятью в форме римской единицы с плоской головкой? В 1842 г. утверждается еще одно «Описание формы обмундирования и вооружения» Черноморского войска [50]. К этому «Описанию...» был подготовлен новый комплект образцовых рисунков, вошедший в Полное собрание законов Российской империи. Но и среди них мы не находим кинжала интересующей нас формы. В высочайше утвержденном описании форма рукояти вообще не оговаривает-

Подобный турецкий (?) кинжал в войсковых документах конца XVIII – начала XIX в. вполне мог называться «простым». При реставрации выяснилось: рукоять – из рога крупного рогатого скота, внутри полая; очень короткий хвостовик (не выходит за пределы основания рукояти) был вставлен в рог и закреплен деревянными клиньями, заклепан железной заклепкой и залит мастикой в виде кристаллической желтоватой массы. Размеры: 300, 270, 32

Образцовый рисунок формы обмундирования лейб-гвардии Черноморского казачьего эскадрона 1840–1841 гг. Иллюстрация к статье А. Кибовского «Черноморские казаки в 1840-х гг. (Уникальный источник времен Николая I» // Цейхгауз. – № 22. – С. 30.)

ся. Откуда же тогда мы знаем, что рукояти кинжалов должны быть именно такой (известной нам), а не другой формы? Очевидно, существовали чертежи кинжалов, почему-то не вошедшие в собрание законов. Во всяком случае, это можно утверждать в отношении кинжала для нижних чинов, и мы приведем этот чертеж. Но существовал ли чертеж офицерского кинжала? Если да, то почему он до сих пор никем не опубликован? Насколько нам известно, изображение офицерского кинжала (рисунок, а не чертеж) впервые появилось в знаменитом труде А. В. Висковатого [51]. Но откуда же взялся сам образцовый кинжал, с которого сделали рисунок для этой фундаментальной работы? Выскажем свою версию истории появления этого кинжала, построенную на фондовых материалах императорского конвоя 1840 г.

В Государственном архиве Краснодарского края хранится несколько дел о постройке нового форменного обмундирования для лейб-гвардии 7-го Черноморского эскадрона [52]. Что мы можем утверждать точно? По личному повелению наследника престола (он же Атаман всех казачьих войск) постройкой образцовых вещей для гвардейских казаков и чинов Черноморского войска занимался командир эскадрона полковник Г. А. Рашпиль. Он же готовил и описания образцовых вещей; подписанные Рашпилем, они до сегодняшнего дня хранятся в архивном деле. В слегка отредактированном виде (а описание оружия – без изменений) они вошли в высочайше утвержденное «Описание...».

1 ноября 1840 г. полковник Г. А. Рашпиль в Царском Селе представил наследнику цесаревичу 13 человек в новой форме гвардейского эскадрона, казачьей конной артиллерии, казаков конных и пеших полков Черноморского войска. «Его Императорское Высочество, осмотрев, изволил представить их того же числа на смотр Государю Императору, при чем последовало Высочайшее Его Императорского Величества утверждение обмундирования и вооружения». Третьего ноября Г. А. Рашпиль готовит описание

Образцовый рисунок формы обмундирования конных полков Черноморского казачьего войска. 1840–1841 гг. Иллюстрация к статье А. Кибовского «Черноморские казаки в 1840-х гг. (Уникальный источник времен Николая I» // Цейхгауз. – № 22. – С. 31.)

теперь уже высочайше утвержденных образцов и отсылает их наследнику. Девятого ноября последний устраивает смотр в Зимнем дворце, после чего приказывает все утвержденные образцы сдать в Военное министерство.

Дальше начинается для нас самое интересное. Г. А. Рашпиль отправляет шашки и кинжалы в Департамент военных поселений, а через несколько дней (18 ноября) его приглашают «для пересмотру приготовленных рисунков для Государя Императора, дабы в рисунки не могли вкрасться ошибки». Возможно, именно эти рисунки обнаружил А. Кибовский. Но если рисунки так тщательно сравнивали с подлинным оружием, то получается, что 1 ноября 1840 г. император утвердил в качестве образцового кинжал вовсе не с плоской головкой. Ведь шашки нарисованы вполне реалистично и легко узнаваемы. Выходит, что в итоге наших рассуждений мы сделали круг и вернулись в исходную точку. Возможно, нам не хватает одного-двух фактов, чтобы этот круг прорвать (лучше всего, конечно, было бы найти датированный чертеж офицерского кинжала).

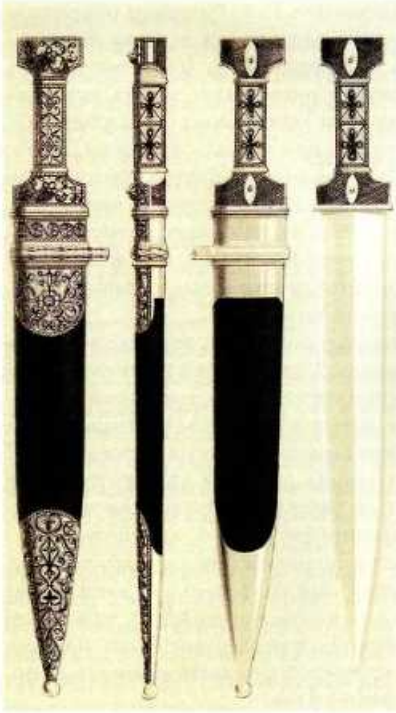
Без ответа пока остается и другой вполне резонный вопрос: а где же сам Г. А. Рашпиль взял образцовые кинжалы? Возможен следующий путь построения гипотезы, сформулированной с минимумом допущений. Приобретением материала и практическим изготовлением вещей при лейб-гвардии Казачьем полку занимался Комиссариатский департамент. В составленной департаментом «Табели расценок» расходы на изготовление кинжалов не указаны. То есть офицерский кинжал (а именно он нас сейчас интересует) появляется на утверждении без всякой «родословной». Здесь можно строить сколько угодно предположений: это личный кинжал Г. А. Рашпиля или одного из его офицеров (хотя по форме они им и не полагались), кинжал взят на утверждение в команде гвардейских линейных казаков или у горцев конвоя... «Черкесский» кинжал мог быть заказан или приобретен в какой-то столичной мастерской и т. д. Но это всего лишь предположения, требуется поиск первоисточников.

Рашпиль Григорий Антонович (26.09.1801–1871), генерал-лейтенант (1849), начальник штаба (1842–1852), «исправляющий должность» наказного атамана ЧКВ (1844–1852). Из семьи дворян ЧКВ. Службу начал рядовым казаком в 1814 г. Затем служил в лейб-гвардии Черноморском эскадроне и прошел путь от юнкера до командира. Принимал участие в Русско-персидской войне 1826–1828 гг., в подавлении восстания в Польше (1831), в экспедициях против горцев. На посту и. д. наказного атамана проявил выдающиеся административные способности. Награды: орден Св. Владимира II и III ст., IV ст. с бантом, Св. Анны I и II ст., Св. Георгия IV ст. за выслугу в офицерских чинах 25 лет, крест «За службу на Кавказе» и др.

Точно же мы знаем следующее. После высочайшего утверждения кинжалы для нижних чинов Черноморского гвардейского эскадрона в первой половине 1841 г. изготавливал Сестрорецкий оружейный завод (скорее всего, там же были сделаны образцовые казачьи кинжалы). Офицерские и казачьи шашки образца 1838 г. заказывались на Златоустовской оружейной фабрике. Все образцовые вещи были сданы на хранение в Военное министерство, откуда они, вероятно, и попали на страницы «Исторического описания...». Не очень верится, чтобы образцовый офицерский кинжал в серебре (если он вообще был) тоже отправился туда на хранение.

Полковник Рашпиль готовил образцы, но являлся ли он их разработчиком? Вряд ли, это не его уровень. Скорее на авторство может претендовать цесаревич. Он написал целый лист указаний относительно формы черноморских казаков. На обороте этого листа Рашпиль сделал пометку: «На сем основании по личному Его Императорского Высочества государя Наследника Цесаревича повелению и под руководством Его Высочества составлялись и строились образцы обмундирования и вооружения Черноморского казачьего войска».

Кинжал офицерский Черноморского казачьего войска образца 1840 г. Иллюстрация из альбома рисунков к книге «Описание форм обмундирования и вооружения 1861–1862»

Итак, на образцовых рисунках формы обмундирования черноморских казаков, подготовленных к Положению о войске от 1 июля 1842 г., интересующий нас офицерский кинжал с плоской головкой рукояти еще отсутствует. Мало того, на рисунке гвардейского чекменя образца 1844 г. мы по-прежнему видим кинжал с округлой головкой рукояти. Возникает вполне закономерный вопрос: действительно ли в 1840 г. высочайше был утвержден образец офицерского кинжала с рукоятью, имеющей одинаковые по форме головку и основание, то есть напоминающей римскую единицу? Почему рукоять этой формы отсутствует на образцовых рисунках 1840–1841 гг.? Снять эти вопросы может только находка аутентичных источников – чертежа или подробного описания, датированных 1840 г.

В последние годы среди коллекционеров оружия возрастает тенденция называть все кинжалы в серебряной оправе с плоской головкой рукояти как «черноморец 1840 г.». Думаем, что это неправомочно. Подобные рукояти были распространены на Кавказе еще до утверждения казачьего образца, собственно говоря, они и послужили для него прототипом. Даже способ крепления кинжала к поясу с помощью очень широкой кожаной петли характерен для кавказских (особенно закавказских) кинжалов второй четверти XIX в. Офицеры-черноморцы покупали кавказские кинжалы, похожие по форме на образец, и спокойно носили их. По каким приметам мы должны отличать кавказский кинжал от казачьего? Да и что такое казачий кинжал, если он «черкесский»?

Примет таких, увы, нет. Клейма русских мастеров на оружии — еще не свидетельство его изготовления для офицера Черноморского войска. В лучшем случае они (клейма) говорят об ориентации мастера на русского покупателя. Владельческие надписи, выполненные на обратной стороне гравировкой? Они ничего не доказывают. Офицер купил себе кавказский кинжал, а потом заказал гравировку. Разве от этого кинжал перестал быть кавказским? Но это хоть какое-то свидетельство употребления кинжала в Черноморском войске (и хотя бы по этой причине он может быть отнесен к «казачьему»).

Укажем еще на один аспект проблемы: количество «черноморцев 1840 г.» в серебре должно быть крайне незначительным. И дело не столько в малочисленности офицерского состава войска (по штату 17 человек на полк и батальон, а фактически еще меньше), сколько в крайне низких покупательных возможностях казаков. Переход в начале 1840-х гг. на новые образцы форменной одежды и оружия вскрыл очень удручающую ситуацию: значительное число офицеров несло службу, не имея мундиров, — «одни по бедности, другие по беспечности». Атаман Н. С. Заводовский издал приказ по войску о том, что, несмотря на более высокую стоимость нового мундира, он не потерпит явки на службу без высочайше утвержденной форменной одежды. Атаман пошел на беспрецедентный шаг: он пообещал выгнать со службы всех, кто не построит себе мундира, и потребовал от офицеров дать письменные гарантии. В ГАКК хранится несколько дел с подшитыми расписками офицеров, в которых они дают клятвенные обещания о заведении мундиров.

О покупке серебряного кинжала большинство офицеров-черноморцев могли только мечтать — им бы накопить денег на форменный мундир. Письменные источники (правда, очень немногочисленные) и немногие фотографии 1850–1860 гг. говорят об активном использовании черноморскими офицерами кинжалов с рукоятями белой кости с плоской головкой.

По нашему мнению, сугубо казачьими кинжалами образца 1840 г. следовало бы считать экземпляры, изготовленные специально для офицеров Черноморского войска путем индивидуального заказа или мелкооптовых подрядов. Но проблема идентификации остается. К тому же все эти кинжалы должны были неминуемо отличаться друг от друга (забегая вперед, скажем, что мы даже не знаем, поступил ли образцовый офицерский кинжал в Черноморию). Серьезной гарантией «черноморского» кинжала могут служить черневые надписи о принадлежности (хотя сведущие люди говорят о том, что и в середине XIX в. черневую надпись на обратной стороне можно было выполнить позднее путем местного нагрева и добавкой в чернь легкоплавких компонентов).

Кинжал (вверху). *Грузия. Середина XIX в. На серебряном устье и наконечнике ножен клеймо с инициалами «Е. Б.», принадлежавшее контролеру проб Тифлисской окружной пробирной палатки Егору Ивановичу Блюмбергу, работавшему с 1843 по 1885 г. Кинжал подвергся клеймению в 1849 г. Еще одно прямоугольное клеймо содержит грузинские буквы.* Внизу – *кавказский кинжал 1860 г. На клинке выгравировано имя мастера: «Базалай». На устье ножен арабографичная надпись: «Работал Башхори Али». Оба экземпляра имеют характерные для грузинских кинжалов этого времени фигурные щитки, закрывающие кольцо (на верхнем, кстати, вообще нет скобы устья). Что в этих кинжалах говорит об их казачьем происхождении? На наш взгляд, ничего. Могли ли офицеры Черноморского войска носить при парадной форме такие кинжалы? Наверное, да. В этом плане нас сильно смущают присущие грузинским кинжалам самоцветы, обильно покрывающие устье и наконечник нижнего кинжала*

Верхний кинжал по размерам, форме и орнаменту (последний, судя по всему, не играл какого-либо значения при выборе) мог употребляться офицерами Черноморского войска. Средний кинжал, закавказский по своему происхождению, также не вызывает сомнений на этот счет (данный экземпляр принадлежал сотнику А. Потребко). Нижний бебут (тоже характерного для Закавказья типа) по форме клинка явно не подходил для строя. Вне строя при партикулярной форме одежды их, вероятно, носили. Никаких свидетельств в пользу бытования в этот период изогнутых клинков у нас нет. Несколько поясных фотопортретов могут подтвердить факт ношения казаками кинжалов с рукоятью данного типа – плоской с «квадратной» головкой. Но все эти фотографии относятся к последней четверти XIX – началу XX в. К сожалению, ни на одной из этих (известных нам) фотографий не видна форма клинка. Здесь мы поместили фотографию генерал-майора В. С. Скакуна начала XX в.

На рисунке изображен кинжал из книги Э. Г. Аствацатурян «Оружие народов Кавказа». В первом издании книги он представлен как кинжал кавказской работы «типа» офицерского кинжала Черноморского войска. Во втором издании он уже прямо отнесен к офицерским казачьим кинжалам (на рисунке их три), сделанным «возможно... русскими мастерами с использованием черкесской орнаментики». Даже если бы на нем были русский орнамент и русские клейма, он конструктивно, по нашему мнению, относится к совершенно иному типу кинжалов. Очевидно, произошло какое-то недоразумение. Ведь сама Эмма Григорьевна на моей стажировке в ГИМе показала несколько таких кинжалов из коллекции грузинского оружия. После развала Советского Союза подобные кинжалы регулярно «проходили» через Краснодар в Москву. На фото показаны два гурийских кинжала с характерными «снарядными ножнами» (так назвал их кто-то из коллекционеров).

На многочисленных дореволюционных фотографиях и открытках грузин-гурийцев мы легко находим представленные образцы. На помещенной вверху фотографии изображен штаб-офицер милиционной Кавказской туземной части русской армии, кавалер золотого оружия «За храбрость». Вероятно, офицер служил в 3-й Кавказской стрелковой дружине (1887–1907).

К. Р. Эристов в 1857 г. так описал гурийца: «Одет в куртку с патронами и в серебряных галунах, из-под куртки виднеется часть жилета – элеги, сверху которого надета еще зубуни, тоже вроде жилета. Шаровары узенькие донельзя, обшиты серебряным галуном; ноговицы, короткие кожаные сапожки с переплетенными подошвами. Талия обвязана широким шелковым турецким платком, на голове башлык, тоже обвязанный платком.

Сверху кушака на широком ременном поясе (служащем хранилищем денег): дчурмуш-оглы, в котором кресало, трут, пули и форма для отливки пуль; матара – кожаный складной сосуд для питья; пороховница из верблюжьей кожи с красивой резьбой, ножик, медная сальница, кожаная солонка, навощенный холст – липи, чтоб в темноте осветить дорогу, веревка для связывания пленных, шомпол с вделанными в него маленькими щипцами для огня и длинный кисет с трубкою.

За кушак заткнуты: кинжал, карабин, пистолет, сверх которых подвязан патронташ: да в руках держит винтовку».
(Эристов К. Р. О гурийцах // Кавказ. – 1857. – № 76.)

Слева – *кинжал офицерский Черноморского казачьего войска образца 1840 г., принадлежавший полковнику Виташевскому.* Справа – *практически идентичный кинжал 1844 г. изготовления, принадлежавший казаку Колесникову. (Из кн.: Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. – Спб, 2005. – С. 307.) Вероятно, эти «черкесские кинжалы» изначально изготавливались для офицеров-черноморцев. В пользу этого говорит дата «1844», проставленная на кольце скобы устья второго кинжала*

Кинжал офицерский Черноморского казачьего войска образца 1840 г.

«Первоначально принадлежал сотнику Ф. И. Мартынюку, затем был им подарен Е. В. Есаулову – есаулу 1-го Хоперского полка (Часовые Отечества. Из истории российского казачества. – СПб, 2006. – С. 289). Нас заинтересовали надписи на кинжале, содержащие фактографическое противоречие. На черене рукояти «ЧКВ» (Черноморское казачье войско), на наконечнике ножен «СТЦ. Кабардинская 1874 г.» (закубанская станица Кабардинская была основана в 1864 г. и входила в состав 25-го полка ККВ). Напомним, что Черноморское казачье войско прекратило свое существование в 1860 г. в связи с образованием Кубанского. Есть три версии относительно этой 14-летней нестыковки.

1. Владелец кинжала принадлежал к числу ярых «черноморофилов» (о существовании таковых известно из источников тех лет) и упорно позиционировал себя офицером ЧКВ.

2. Кинжал первоначально принадлежал офицеру ЧКВ. Новый владелец, переселившись в Кабардинскую, заказал памятную надпись в честь этого события (или в честь получения кинжала...). О третьей версии без натурного обследования кинжала говорить не стоит.

Кухаренко Яков Герасимович (1799–26.09.1862), атаман Черноморского казачьего войска, историк, писатель, этнограф. В службу вступил сотенным есаулом (урядник) в 1814 г. С 1852 г. исправлял должность наказного атамана Азовского казачьего войска; в 1852–1856 гг. – и. д. начальника штаба и наказного атамана ЧКВ; 1861–1862 гг. – начальник Нижнекубанской кордонной линии. Умер в плену у горцев в ауле близ Майкопа. Похоронен в Екатеринодаре.

Фотография сделана в Петербурге в середине 1850-х гг. К сожалению, детали кинжала не видны даже на оригинале

Кинжал офицерский Черноморского казачьего войска образца 1840 г. Новодел, выполненный на Кубани в 1990-е гг. По словам мастера, он делал реплику с подлинника, но, судя по орнаменту, источником для него стал рисунок из труда Висковатова

Учитывая все наши сомнения, мы решили при описании офицерского кинжала образца 1840 г. сослаться на ведущего в нашей стране специалиста в области русского холодного оружия А. Н. Кулинского [53]. «Клинок стальной прямой двулезвийный, без долов, ромбического сечения. Встречались также произвольные клинки. Эфес состоит только из рукояти. Рукоять фигурная, в средней части узкая, внешняя сторона ее покрыта металлом, нередко серебром, украшенным орнаментом.

Ножны деревянные, обтянутые кожей. Металлический прибор состоит из устья и наконечника с шариком, украшенных орнаментом с внешней стороны. К устью припаяна скоба с кольцом для ремешка, на котором кинжал подвешивался к поясному ремню. Общая длина 425 мм, длина клинка 315 мм, ширина клинка 45 мм».

Описание кинжала для нижних чинов Черноморского войска образца 1840 г. дадим по конкретному экземпляру из фондов КГИАМЗ (КМ-933). Клинок прямой обоюдоострый, в сечении ромбический («уплощенный» ромб без ярко выраженного ребра), без долов. У рукояти ширина клинка 39 мм, затем он слегка расширяется (в 50 мм от эфеса – 40,5 мм) и плавно сходит к острию. Толщина у рукояти 4 мм, у острия – 2 мм. Твердость по R – 40 единиц. Ширина хвостовика у плеч клинка 14 мм. Хвостовик очень короткий, примерно 50–55 мм (судя по качанию клинка), но подоб-

«Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион». Художник А. И. Гебенс. 1858 г. *Два офицера в левой части картины вооружены кинжалами с рукоятками белой кости*

Кинжал нижних чинов Черноморского казачьего войска образца 1840 г. (КМ-933)

ной длины хвостовики автор видел и на двух разобранных экземплярах). Клинок посажен в рукоять на мастику черного цвета и приклепан только нижней заклепкой.

Рукоять цельная, из слоновой кости. Сквозь рукоять проходят две железные заклепки, верхняя – декоративного характера. Головки заклепок железные, выпуклой формы (полусферическими их не назовешь). Диаметр головок 10 мм. Заклепки расклепаны без зенковки прямо на роге. Размеры рукояти: длина 116 мм, ширина основания 45 мм, ширина черена (средней части рукояти) 23 мм, ширина головки 35 мм, высота боковой грани головки 23 мм, толщина рукояти 16 мм.

Общая длина 412 мм, длина клинка 295 мм, ширина клинка 40,5 мм. Для сравнения приведем размеры кинжала по образцовому чертежу. Общая длина 17,1 дм, длина клинка 12,25 дм, ширина клинка 1,725 дм. Нетрудно заметить, что расхождения весьма значительны.

Особо следует указать на тот факт, что рукоять казачьего кинжала слегка загнута к внутренней стороне (т. е. при носке – к телу). На это давно обратил внимание А. Н. Кулинский, но ряд любителей оружия восприняли его слова как ошибку. Они считают, что «рог от времени повело... изначально рукоять была, конечно, прямой». По меньшей мере странно, что так одинаково повело рукояти у всех виденных ими (да и нами) экземпляров. Самое же главное – на образцовом кинжале, чертеж которого мы приведем чуть ниже, показана именно изогнутая рукоять.

В одном из «военных» журналов нам встретилось описание боевого ножа Мк. II фирмы Gerber, употреблявшегося американцами в Индокитае и имевшего несколько модификаций. «В одной из них использовалось тонкое лезвие, которое было отклонено от оси ручки примерно на 5°. Об этом ноже ходило множество легенд, которые утверждали, что такой угол необходим для фехтования или что он предусмотрен для удара в сердце между ребер, однако представляется наиболее вероятным, что идея обязана своим рождением желанию несколько отодвинуть ручку от пояса или ботинка, на котором носится нож, обеспечить тем самым большее удобство его доставания из ножен» [54].

Удобство вынимания из ножен – весомое объяснение, но кинжал в Черноморском казачьем войске – оружие не второго, а заднего плана. Все виденные автором экземпляры казачьего кинжала имели крепление клинка с рукоятью только нижней заклепкой. Одно это вызывает сомнение в боевых возможностях оружия. Поэтому вряд ли создатели образца думали об удобстве вынимания или тем более фехтования.

Все гораздо проще: подобная «конструктивная» особенность обусловлена природным фактором, свойствами материала, из которого собирались изготавливать рукояти. А изготавливать их планировали из моржовой кости, которая, как известно, имеет сильный изгиб. При нарезании ручек этот естественный изгиб сохранялся, и степень его варьировала в зависимости от размеров клыка.

...Напомним, первую партию кинжалов для казаков лейб-гвардии 7-го Черноморского эскадрона изготовили на Сестрорецком оружейном заводе. «Табелью мундирным, амуничным... вещам» стоимость кинжалов с белой слоновой кости рукоятью с ножнами была установлена в 3 руб. 15 коп. серебром за штуку [55]. На 362 нижних чина набегала сумма в 1140 руб. 30 коп. Кинжальный ремень из красной юфты шириной 7/8 вершка, обшитый по краям басоном, обходился в 6 коп.

В октябре 1841 г. из штаба Отдельного Кавказского корпуса в Черноморию отправили дежурного штаб-офицера с образцом высочайше утвержденного 1 ноября 1840 г. кинжала. Вероятнее всего, он был взят из партии, изготовленной на Сестрорецком заводе. Однако войску требовалось еще

как минимум три образцовых кинжала для рассылки в окружные дежурства Екатеринодарского, Таманского и Ейского военных округов. В 1843 г. во все три округа было отправлено по 53 образца одежды, амуниции и оружия (только кинжалы), обошедшихся войску в 438 руб. серебром [56].

В этом же году в Черномории учреждается войсковой магазин для продажи казакам образцовых вещей. По контракту, заключенному с А. И. Леоновым и П. Г. Султан-Шахом, «клинки... кинжалов должны быть отделаны чисто и из того же железа, какое употребляется на оружие в легкой регулярной кавалерии». Кинжал с «рукояткой белой кости, ножны коего обтянуты черной глянцевой кожею, с железным прибором» стоил в магазине 9 руб. [57]. Удивляет столь высокая цена войскового кинжала по сравнению с гвардейским. Вероятно, цены магазина указаны в ассигнациях. Пояс из черной глянцевой кожи с железным прибором, портупейными ремнями и ремешком для кинжала стоил 1 руб. 40 коп. В контракте на содержание войскового магазина 1849 г., заключенном с войсковым старшиной Посполитаки, стоимость кинжала установлена в 2 руб. 51 коп. [58].

К величайшему сожалению, ни в одном из контрактов не указано, где комиссионеры собирались заказывать кинжалы.

По нашему мнению, речь может идти только о заказах на одном из российских оружейных заводов. Изготовление столь большого количества кинжалов в столь короткий срок иного варианта не предполагает. Клинки должны были делаться на заводе в силу контракта (как «в легкой регулярной кавалерии»), логично было там же заказать ножны, прибор к ним и рукоять.

В высочайше утвержденных описаниях речь идет о рукоятях «белой кости» для казаков войска и гвардейских казаков. В описании доставленных в Черноморию образцов уже говорится о рукоятях белой слоновой кости для гвардейских казаков и белой кости для войсковых. В контракте с войсковым магазином также указаны «белые костяные рукояти». Понятно, что рукоять из слоновой кости «потянула» бы больше, чем все остальные детали. А. С. Фоменко, со слов своего деда, описывает, что слоновую кость для ручек покупали писаря, «потому что тогда дозволялось всем писарям и чиновникам при войсковых учреждениях носить кинжалы с слоновыми белыми ручками» [59]. Итак, материалом для рукоятей казачьих кинжалов служила белая (моржовая) и слоновая кость. Нам встречалась рукоять из оленьего рога, вероятно, она позднейшей кустарной работы. Мы уже писали, что значительное число (если не большинство) офицеров Черноморского войска имели кинжалы также с костяными рукоятями, но с плоской головкой. По ценам 1851 г. офицерский кинжал в серебряной оправе начальника пожарной команды г. Екатеринодара сотника Щербины стоил 10 руб., а форменный казачий кинжал его сына урядника Ивана Щербины – 1 руб. 50 коп.

Вооружение казаков конных полков кинжалами проходило гораздо медленнее, чем шашками (это легко объяснимо, ибо производство шашек общеказачьего образца было уже поставлено на поток). На конец 1843 г. кинжалы имелись в 1-м конном полку у 117 человек из 741, во 2-м – у 64 из 711, в 3-м – у 293 из 717, в 5-м – у 610 из 712, в 6-м – у 54 из 728 [60]. Вооружение Гарнизонной артиллерийской роты завершилось в 1846 г. Интересно, что ее командир Барыш-Тищенко выдал комиссионерам войскового магазина квитанцию, удостоверяющую качество оружия и его сходство с образцом [61]. На вторую половину 40-х гг. мы данными не располагаем. По отчету за 1850 г. кинжалы имели все нижние чины конных полков 1-й очереди.

29 июня 1847 г. император утвердил представленные Артиллерийским департаментом «правила для пробы и приема кинжалов» и повелел «при-

нять к руководству, вместо двух, один только образец кинжала, Высочайше утвержденного для урядников и казаков конных и артиллерийских» [62]. Судя по заголовку, до этого года для нижних чинов Черноморского войска существовало два образца кинжала, но точных данных о них, о различиях между ними у нас нет. Э. Г. Аствацатурян приводит рисунки двух кинжалов нижних чинов Черноморского войска образца 1840 г., которые существенно отличаются рукоятями, особенно формой головки [63]. Возможно, один из них первоначально назначался для урядников, а второй – для казаков? На рисунках, опубликованных А. Кибовским в «Цейхгаузе», кинжал урядника отличается формой головки от кинжала казаков: сверху на головке сделана небольшая плоская площадка, от которой под углом (а не вертикально вниз) отходят боковые стороны головки. Рисунок одного из кинжалов совпадает с чертежами кинжала, «принятого к руководству» в 1847 г. Дадим его описание по чертежу.

Клинок прямой обоюдоострый, ромбического сечения, с уплощенной гранью в верхней части. Длина клинка 12,25 дюйма, ширина – 1,725 дюйма, толщина у рукояти 0,2 дюйма, в начале ребра – 0,25 дюйма. Рукоять (из моржовой кости) в средней части узкая, с расширенным основанием и головкой. Основание рукояти по ширине соответствовало клинку, высота – 0,45 дюйма. Средняя часть рукояти, постепенно сужаясь от 0,85 до 0,75 дюйма, переходила затем уступами в головку высотой 1,7 дюйма. Головка также несколько сужалась вверх – от 1,5 до 1,45 дюйма. Верхняя часть головки оформлена волнообразно, с плавным выступом в средней части. Головка и основание рукояти заовалены к краям. Рукоять слегка загнута к внутренней стороне, общая ее длина 4,85 дюйма.

Ножны деревянные, обтянуты кожей. Прибор состоит из устья со скобой и кольцом для ремешка и наконечника, оканчивающегося двумя ободками с шариком. Устье и наконечник на обратной стороне (которая была значительно короче лицевой) крепились к ножнам железной скобкой.

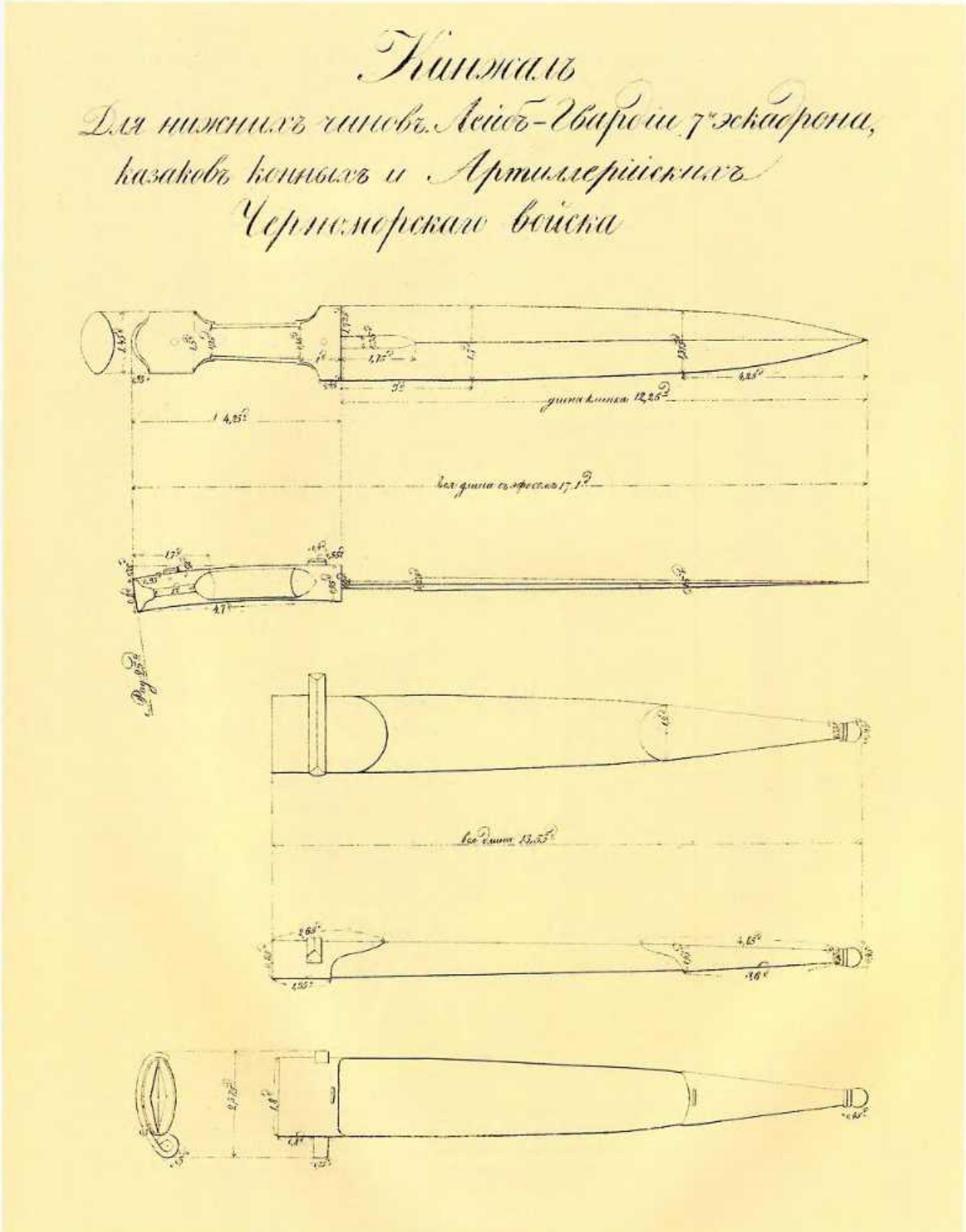
Чертеж кинжала был прислан в Черноморское войско в 1847 г., все документы архивного дела датированы тем же годом. Это дало автору основание в своей предыдущей работе «Оружие кубанских казаков» [64] датировать чертеж также 1847 г. и отнести кинжал к новой модификации, и даже к новому образцу. Как нам теперь представляется, это было ошибкой. Работая над настоящим изданием, мы вторично просмотрели документы и чертежи и обнаружили маленькую деталь, ускользнувшую от нашего внимания в прошлый раз. На чертеже имеется частично угасшая надпись: «Кинжал для нижних чинов лейб-гвардии 7-го эскадрона, казаков конных и артиллерийских Черноморского войска».

Но ведь согласно Положению о Черноморском казачьем войске 1842 г. лейб-гвардии 7-й Черноморский эскадрон был переименован в Черноморский гвардейский дивизион. Следовательно, на чертеже 1847 г. никак не могло появиться название пятилетней давности. Таким образом, перед нами чертеж кинжала, высочайше утвержденного 1 ноября 1840 г. А вот правила приема кинжалов были действительно утверждены в 1847 г., и не исключено, что впервые.

«Правила для приема кинжалов.

1-е. Ежели клинок нечисто выполирован и имеет плену, седину или трещину, то таковой не принимается, малые же на клинке черновинки, как безвредные, приему не препятствуют.

2-е. Рукоятка должна быть приготовлена из моржовой кости, чисто выполирована, без расколов и больших шрамов; за малыми же шрамами и прожилками, бывающими на кости, а равно также за кривизною, не превышающею 5 линий на всю длину рукоятки, браковать их не следует.

Чертеж кинжала нижних чинов Черноморского казачьего войска образца 1840 г. Прислан в войско в 1847 г.

ДОЗВОЛИТЕЛЬНЫЯ ОТСТУПЛЕНІЯ ВЪ РАЗМѢРАХЪ КИНЖАЛА.

	Размѣры по чертежу.		Могутъ быть. Болѣе.	Менѣе
	Дюйм.	Линіи.	Линіи.	Линіи.
Рукоятки.				
Длина	4	8½	1	1
Ширина головки: въ верху	1	4½	1	1
— — — низу	1	5	1	1
Ширина выему: — верху	—	7½	½	½
— — — низу	—	8½	½	½
Ширина въ нижней части	1	7½	1	1
Толщина: въ верху	—	8	1	1
— — — низу	—	8½	1	1
Головка заклепки: — діаметръ	—	4	¼	¼
— — — высота	—	2	½	¼
Клинка.				
Длина	12	9½	2	2
Ширина при рукояткѣ	1	7½	1	1
Толщина — — — —	—	2	¼	¼
— — — гдѣ начинается среднее лезвіе	—	9½	½	¼
Ножны.				
Длина	13	5½	2	2
Устья: Ширина	1	8	1	1
— — — толщина	—	8½	½	½
Верхней гайки: длина лицевой стороны	2	6½	1	1
— — — короткой	1	5½	¾	¾
Ободочка: ширина	—	5½	½	½
— — — толщина	—	1	¼	¼
— — — діаметръ загнутаго конца	—	5	½	¼
Наконечника.				
Длина лицевой стороны	4	6½	1	1
Короткой	3	6	¾	¾
Ширина въ верху	1	2	½	½
Толщина	—	6½	½	½
Ширина въ низу у закругленія	—	5½	¼	¼
Толщина	—	3	¼	¼
Шишечки: діаметръ	—	4½	½	½
— — — длина съ уступами	—	4½	½	½

Примѣчаніе. При повѣркѣ кинжаловъ вообще слѣдуетъ наблюдать, чтобы въ размѣрахъ ихъ не было отступленій болѣе опредѣленныхъ; въ тѣхъ же частяхъ, о которыхъ здѣсь ни чего не упомянуто, они по возможности должны быть сходны съ чертежемъ, но отступленія, которыя, не нарушаютъ прочности и удобства кинжаловъ, такъ равно и не отличаютъ ихъ по наружному виду отъ образцовыхъ, браковать не слѣдуетъ.

Кинжал нижних чинов Черноморского казачьего войска образца 1840 г. У одного из кинжалов автор видел составную рукоять из двух кусков рога, аккуратно подобранных друг к другу. Никакого люфта клинка не замечалось; возможно, хвостовик в такой конструкции был длинный, заходил в головку рукояти и фиксировался заклепкой

Черноморский казак с оружием и в форменной одежде образца 1840–1842 гг. Историческая реконструкция подъесаула Стринского 1896 г. *Кинжал (опять же с белой костяной рукояткой) принадлежал генералу Н. И. Вишневецкому*

3-е. Ножна должна быть впору, хорошо склеена, из цельной не пашистой кожи; гайка и наконечник чисто сделаны, без плен, трещин и расколов и плотно присажены к ножне; за малыми же черновинами на гайке и наконечнике, эти вещи не бракуются.

4-е. Для испытания прочности кинжального клинка должно им резать мягкое железо, и если при этой пробе лезвие не будет принимать впечатления или крошиться, то таковой принимается годным.

5-е. Для испытания упругости клинка кинжал положить плоскою стороною в станок на железную подставку высотой 1/2 дюйма; конец его пропустить в скобу и, взяв кинжал за рукоятку, гнуть его до плоскости станка; потом таким же порядком гнуть и другою стороною клинка. Ежели от этой пробы клинок не изломается, а придет в первоначальное положение и не окажется на нем ни плены, ни поперечной трещины, – то кинжал признается годным; в противном случае бракуется».

В 1858 г. свои услуги в деле вооружения казаков добротным, качественным оружием предложил бельгийский фабрикант Г. Таннер. 21 марта 1860 г. он получил заказ от Кавказского линейного казачьего войска на 3000 кинжалов, предназначенных для вооружения казаков «нововодворенных» станиц и замены негодных кинжалов в старых полках. Кинжал должен был изготавливаться по специальному рисунку, подготовленному в войске. Краткое описание кинжала сохранилось в письме наказного атамана к генерал-квартирмейстеру Главного штаба Кавказской армии Карлгофу: «...из лучшей солингеновской стали, с черною роговою ручкою, в ножнах, оклеенных кожею, с гайкою, двумя пуговицами сверху и наконечником в два вершка из металла, называемого нейзильбер, посеребренного чрез огонь и с украшением резным во вкусе азиатском. Цена одному такому кинжалу назначена 3 р. 25 коп. Но, принимая во внимание прочность клинков, гораздо лучшую и тщательную отделку, я нахожу последние кинжалы несравненно лучшими, нежели употребляемые...» [65].

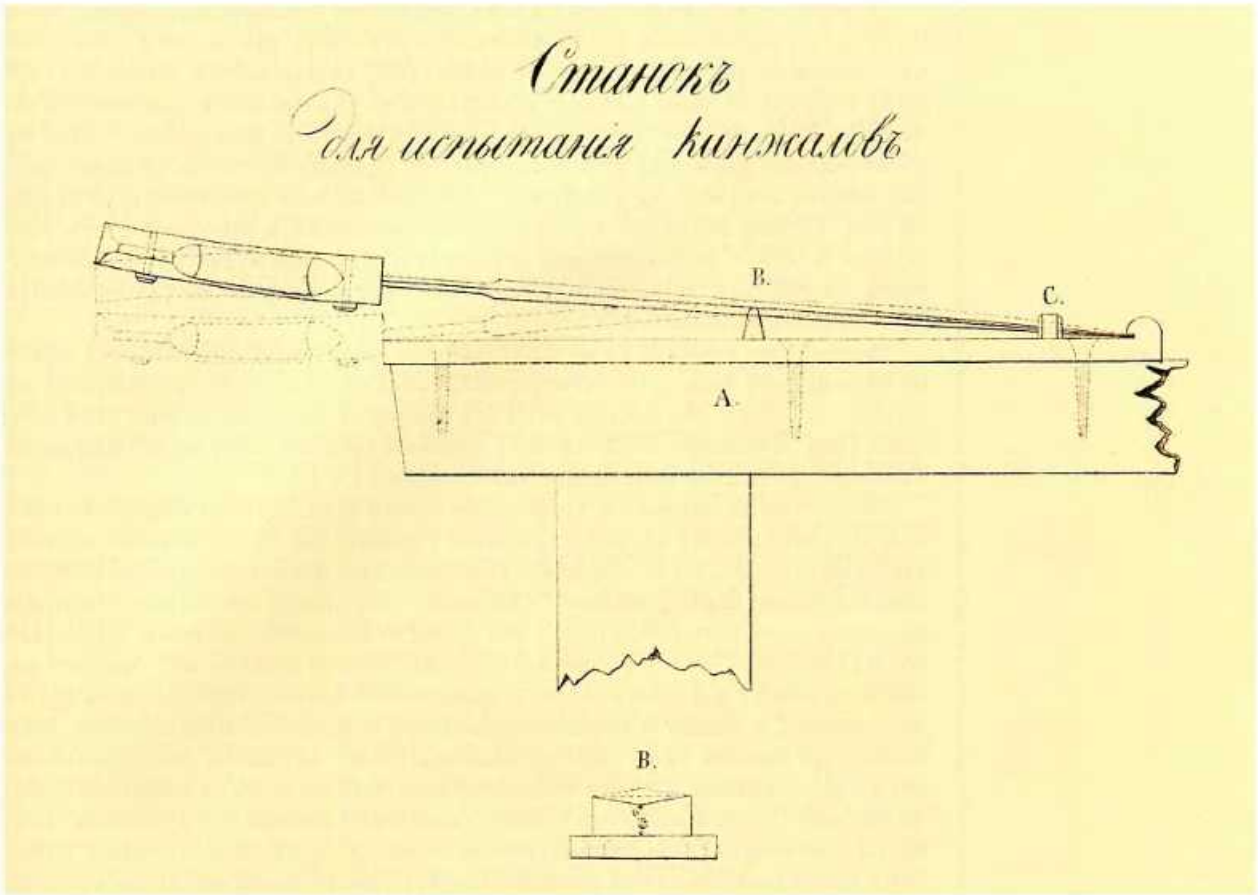
Из других документов мы узнали, что кинжал должен был выполняться в комплекте с ножиком. В общем, все понятно, кроме формы и размеров клинка. Поставка кинжалов планировалась на август 1860 г.

Сотрудничество линейцев с Таннером заинтересовало Военное министерство, и 17 мая 1860 г. штаб войск правого крыла Кавказской линии затребовал от наказного атамана образцы шашки и кинжала. Их намеревались отправить военному министру для решения вопроса о заказе холодного оружия Черноморскому казачьему войску. Образец шашки был выслан, образцовый кинжал – нет, так как его просто еще не получили от Таннера. В этом же 1860 г. 3000 кинжалов заказал Таннеру атаман Черноморского войска Г. И. Филипсон.

По данным Ейской таможни, в 1860 г. Таннер доставил 3900 кинжалов вместо 6000, заказанных двумя казачьими войсками (недостающие 2100 он впоследствии компенсировал шашками). В начале 1861 г. в теперь уже Кубанском казачьем войске создается комиссия по приемке поставленного Таннером оружия. 21 января председатель комиссии войсковой старшина Ходкевич докладывает начальнику штаба войска, что не может принять оружие из-за отсутствия образцов, а Таннер только эти образцы выслал на утверждение к командующему войсками Кубанской области.

Относительно кинжалов Ходкевич заметил: «...сталь так же хороша, но они узки, коротки и ножны как будто сделаны не по этим кинжалам – с обеих сторон на две линии шире головки».

Окончательное заключение комиссии гласило: «Кинжалы сделаны несогласно контракта. 1) Ножна шире и тоньше ручки кинжала. 2) Пугов-

Чертеж станка для испытания кинжалов. Прислан в Черноморское войско в 1847 г. вместе с чертежом кинжала и правилами приема кинжалов

ки на головке не посеребрены через огонь. 3) Украшение на наконечнике не резное в азиатском стиле, а штампованное. 4) На клинках нет штемпеля Прусского правительства (речь, очевидно, идет о клейме качества. – *Б. Ф.*). 5) Отделка вообще нетщательная» [66]. Учитывая столь многочисленные нарушения контракта, комиссия принимать кинжалы отказалась.

Таннер обратился к командующему войсками генерал-адъютанту Евдокимову за содействием в приеме забракованных кинжалов. 21 апреля 1861 г. последний предписал бывшему атаману Черноморского казачьего войска Я. Г. Кухаренко собрать стариков из всех черноморских станиц и осмотреть высланный им переделанный образец кинжала (вероятно, переделанный кинжал представил Таннер). При этом командующий рекомендовал принять кинжалы, если старики признают новый образец удобным, а Таннер согласится на уступку в цене. Переделанные кинжалы Таннера старики признали удобными для употребления, и они были приняты войском по цене 2 руб. 75 коп. вместо первоначальных 3 руб. 25 коп. Где проходила переделка, в чем она заключалась и как выглядели кинжалы после нее – установить не удалось.

В 1862 г. от Таннера в Кубанское войско вновь поступила большая партия огнестрельного и холодного оружия. 15 июня в г. Керчи комиссия по приему оружия под председательством Барыш-Тищенко с удивлением обнаружила в 14 ящиках 2100 кинжалов, по поводу которых не имелось никаких инструкций [67]. После недолгой переписки кинжалы были приняты и сданы на хранение в войсковой арсенал. Неясно, какого они были образца – изначального или переделочного.

Историю появления этой партии кинжалов удалось проследить лишь по бумагам Войскового хозяйственного правления, когда оно в 1884 г. начало ревизию доходов и расходов войска [68]. Оказывается, кинжалы Герману Таннеру не заказывались и поставка их «по прежним контрактам сочтена выполненною». Но Таннер, получив крупные войсковые суммы на изготовление запасных ружейных частей, условия поставки не выполнил. Поэтому от него в залог и приняли 2100 кинжалов в обеспечение 1944 руб. 68 коп. Таннер запасные части вновь не поставил, и контракт с ним расторгли. В 1866 г. командующий войсками Кубанской области приказал пустить кинжалы в продажу с публичного торга, с внесением вырученных денег в войсковой капитал.

Вначале их продавали по 2 руб. 90 коп., затем по 2 руб., а циркуляром по Кубанскому войску 6 сентября 1872 г. было объявлено о распродаже по 50 коп. за штуку. На начало 1873 г. в арсенале находилось еще 1664 кинжала [69]. В течение 1872–1878 гг. удалось продать 1380 штук. Кинжалы Таннера хранились в арсенале еще в конце XIX в.

Шесть тысяч кинжалов Таннера не могли исчезнуть бесследно, но пока нам не приходилось их видеть. Точнее сказать, мы их, возможно, видели, держали в руках, но не смогли с уверенностью идентифицировать. Выделим основные атрибуционные признаки. Переделка кинжалов Таннером не могла быть кардинальной – это грозило большим ущербом. Выковать новые клинки и поставить новые рукояти Таннер явно не мог. Значит, мы ищем кинжал с роговой рукоятью кавказской формы, скрепленной двумя заклепками, с узким и коротким клинком немецкого производства. Возможно, на клинке (или хвосте) имелись какие-то знаки, раскрывающие его происхождение. Совсем замечательно, если на клинке окажется клеймо фирмы «Люнешлос», где Таннер заказывал шашки для кубанцев. Кинжалы этой фирмы автор видел, но они очень далеки от кавказских. С клинками последней поставки разобраться чуть легче – они имели на клинках клеймо «P. D.», которое в документах называется клеймом качества прусского правительства.

Однако кавказская рукоять на немецком клинке вовсе не редкость – это не обязательно «Таннер». Кинжал надо рассматривать в комплекте с ножнами. Очевидно, переделка коснулась именно их, но два элемента – гайка с кольцом и короткий наконечник из нейзильбера – по логике вещей должны были остаться.

В 1861 г. часть людей из упраздненного лейб-гвардии Черноморского дивизиона переводится в лейб-гвардии Кавказский казачий эскадрон Собственного Его Величества конвоя. Гвардейцы-линейцы носили кавказские кинжалы, а гвардейцы-черноморцы – уставные образца 1840 г. Видимо, в целях унификации оружия в 1861 г. у тифлисского мастера Соломона Кагарова были заказаны кинжалы для выходящих на службу нижних чинов императорского конвоя. Выглядели они так: «Рукоятки двойные костяные: лицевая сторона из белой мамонтовой кости, нижняя – из черной буйволовой. Гайки и гвозди на рукоятках железные с серебряною несечкою. Ножны деревянные, обтянуты черным хозом. Наконечник у ножен железный, круглый, без всякой насечки. Исподняя сторона ножен подложена красным сафьяном. На сафьяне прорезано отверстие для малого ножа, и край этого отверстия обложен мишурною тесьмою» [70]. Казаки, находившиеся в это время на службе в конвое, приобрели кинжалы «черкесского вида» у петербургских мастеров.

В 1865 г. началась двухлетняя «эпопея» с принятием Кубанским войском кинжалов азовских казаков. Азовское казачье войско было обра-

зовано в 1832 г. из бывших турецких запорожцев (перешедших в 1828 г. во главе с атаманом О. М. Гладким на сторону России), мещан Петровского посада, казенных крестьян и других категорий окрестного населения (войско поселили на северо-западном побережье Азовского моря, между Бердянском и Мариуполем). Внешняя служба азовцев состояла в патрулировании прибрежных вод Черного моря. В 1853 г. в войске числилось 4905 мужчин, из них строевых нижних чинов – 1698; на службе состояло 22 офицера и 384 казака. В 1862 г. началось переселение азовских казаков на Кубань. 11 октября 1864 г. утвержден проект упразднения Азовского войска. 27 августа 1866 г. была закрыта Войсковая канцелярия, и этим актом юридически завершилось существование войска.

В контексте нашей темы интерес представляет сообщение начальника Черноморской береговой линии Серебрякова от 20 марта 1853 г. по поводу внешней службы азовских казаков: «Вооружение казаков, которое они обязаны заводить на свой счет, состоит из ружья, шашки и кинжала. По малосостоятельности казаков они до сих пор пользуются подаренным войску оружием – различного калибра, большею частью драгунскими переправленными ружьями со штыками и кинжалами, изготовленными на Златоустовском заводе для лейб-гвардии Черноморского дивизиона» [71]. Причины столь щедрого подарка нам непонятны.

С 1860 г. на Златоустовской оружейной фабрике начали заниматься изготовлением кинжалов для Азовского войска по образцу кинжала Таннера. К началу переселения азовцев на Кубань кинжалы еще не были готовы и войску не переданы. В 1864 г., в связи с фактическим упразднением Азовского казачьего войска, от кубанцев потребовали принять 1063 кинжала, изготовленных в Златоусте для азовцев. Кубанское войско «оказалось в затруднении, как по излишеству [кинжалов] в войсковом арсенале, так и потому, что все кубанские казаки, не исключая и переселенцев из азовских казаков, имеют уже кинжалы и притом за цену... от 1 до 3 р., и что означенными новыми златоустовскими кинжалами, – стоящими до 4 р. 30 к. без доставки на Кавказ, пришлось бы снабжать казаков насильно, тогда как для казака всякий излишний расход весьма тяжел» [72].

Началась долгая череда рапортов и отзывов. Кубанцам напомнили, что кинжалы Таннера войско уступает за 2/3 цены (1/3 за счет войсковых сумм), поэтому и кинжалы Златоуста обойдутся примерно в три рубля. В итоге было принято решение оставить кинжалы заводу, если он их не поставит в Кубанское войско к 1 января 1865 г. В марте в Екатеринодар поступило всего 40 кинжалов. «Означенные 40 кинжалов, – быстро отреагировали кубанцы, – сделаны весьма неаккуратно, ножны не пригнаны как бы следовало к рукояткам и вообще тяжеловесные, а потому положительно признаются негодными для казаков Кубанского казачьего войска, которые имеют возможность приобретать для себя красивые азиатские кинжалы гораздо дешевле...» Учитывая срыв Златоустом установленного срока поставки, войско вновь просило освободить себя от приема остальных кинжалов. Опять побежали бумаги по инстанциям.

Оказалось, что Златоустовская фабрика уже изложила причины задержки. Их было пять. 1. На фабрике не оказалось запасов «рога буйволого, опойков красных, резиновой тесьмы и нейсильбера». 2. Долго изготавливался штамп для «штамповки устьев к кинжалам». 3. «В ожидании разрешения приготовления кинжалов с деревянными ручками, по неимению буйволого рога». 4. «От производившегося сравнительного испытания кинжальных образцовых клинков златоустовских и иностранных Таннера». 5. «Мастера изучали обработку рога на дело ручек».

Кинжалы офицеров 1-го и 2-го Кубанских эскадронов Собственного Его Величества конвоя. Слева – кинжал полковника Василия Саввича Скакуна. Кинжал найден при пахоте земельного участка в артиллерийской гильзе и передан в КГИАМЗ жителем станицы Новолеушковской И. А. Фибреем. Нижняя треть ножен была утрачена, восстановлена реставратором музея М. И. Смаглюком.

Справа – *кинжал командира лейб-гвардии 2-го Кубанского эскадрона Николая Яковлевича Кухаренко (сын атамана Я. Г. Кухаренко). Кинжал оформлен в ярко выраженном черкесском орнаментальном стиле. Рогообразные завитки, вытравленные на клинке, встречаются на деталях черкесского оружия и на вышитых золотом изделиях. Очень похожие фигуры имеются на клинке эрмитажного кинжала, датированного 1880–1890 гг. (Dr. Yurij A. Miller. Kaukasiske Vaben fra Eremitagemuseet. – Skt. Petersborg. – С. 229). Кинжал атрибутирован как дагестанский или черкесский. На пяте нашего кинжала имеется арабографичная надпись, наполовину уходящая под щечку эфеса: «Сделал Джафар».*

Технология оклейки ножен кожей видна на фотографии, но устье и наконечник посажены не на кожу, а на ткань. Размеры: 570, 425, 40; толщина 6 мм

Давайте проанализируем изложенную информацию. Если верить словам кубанцев о тяжеловесных златоустовских клинках, то вторая партия кинжалов Таннера имела более длинные и широкие клинки, чем первая («узкие и короткие»). Если верить словам златоустовцев, то в 1865 г. они впервые столкнулись с изготовлением рукоятей из буйволового рога. Красная кожа могла использоваться для оклейки задней стороны ножен. Назначение резиновой (?) тесьмы нам неизвестно. Изготовление штампа только для устья ножен может свидетельствовать об отказе от наконечника и установке одного лишь шарика на двух пружинящих дужках. С другой стороны, наконечник могли легко выколачивать на оправке вручную (что неоднократно при реставрации делал и автор этих строк). Судя по тому, что мастера занялись изучением обработки рога, деревянные рукояти им делать не позволили.

Кубанское войско не приняло объяснений оружейников и еще дважды ходатайствовало о возврате кинжалов, которые Златоуст регулярно высылал почтой по 40 штук. Наконец кубанцы сдались. 16 февраля 1867 г. начальник штаба войска доложил окружному штабу: «Кубанское казачье войско имеет полное право отказаться от приема кинжалов, но так как фабрика оправдывается поздним получением распоряжения, прекращавшего действие контракта, то, оставаясь при прежнем своем мнении относительно достоинств этого оружия, нахожу возможным допустить прием его в войско ввиду требования... относительно однообразного снаряжения чинов, отправляемых ежегодно в учебную роту (речь идет о Кавказской учебной роте. – *Б. Ф.*), чего трудно будет достигнуть при покупке казаками оружия, существующего в вольной продаже» [73].

Принятые войском кинжалы мы можем распознать по ряду перечисленных выше признаков и по надписи на клинке: «Златоустъ 1865 г.».

Златоустовские оружейники не забыли упреков Кубанского войска в адрес своей продукции и в июне 1867 г. провели сравнительные испытания своих кинжалов с образцовым Таннера. При наружном осмотре златоустовские кинжалы ничем не отличались от образцового, а клинки чистотой отделки даже превосходили его. Пробу гибом в станке все клинки выдержали хорошо. «Три златоустовских клинка при рубке об клинок образцовый не получали зазубрин (на образцовом при каждом ударе возникали глубокие зазубрины. – *Б. Ф.*), и только на одном клинке осталось опечатление, потому что при ударе о солингеновский клинок златоустовский клинок ударил в готовую уже зазубрину клинка образцового». При рубке железной полосы шириной 1 дюйм и толщиной 6 точек на полосе оставались зазубрины глубиной 2 линии, на «клинках же опечатлений не оставалось». Заключение комиссии гласило: «На основании этих опытов комиссия признает кинжалы златоустовские одинакового достоинства с кинжалами солингеновскими, а клинки кинжалов достоинствами своими превосходят образец, и вообще кинжалы совершенно удовлетворяют своему назначению».

Прошло всего несколько лет после окончания Кавказской войны, и войсковое начальство констатировало, что казаки являются на службу с холодным оружием, негодным в боевом отношении. В вольной продаже оружия было очень мало, качество его оставляло желать много лучшего, да и казаки старались купить что подешевле. Ряд свидетельств на этот счет мы привели в разделе «Шашки». Стремясь исправить положение, Войсковой штаб в 1869 г. «предложил заказ» кинжалов Тульскому и Ижевскому оружейным заводам (в Златоуст Кубанское войско не сочло возможным обратиться, очевидно, вследствие только что закончившейся конфронтации из-за кинжалов Азовского войска). Тульский завод заказ не при-

нял по случаю большого объема работ по изготовлению винтовок Крика, а высланные Ижевским заводом пять образцов кинжалов были признаны «неудобными для кубанских казаков».

Потерпев неудачу на казенных заводах, войско сделало заказ 1000 кинжалов вольным мастерам Казикумухского округа Среднего Дагестана. В 1871 г. их изготовили и доставили в Екатеринодар, а в 1872 г. распродали казакам по 3 руб. 15 коп. за экземпляр [74]. По всей видимости, клинки эти были традиционно дагестанского типа; именно в 70–80-е гг. они широко распространились на Кубани. Подобные кинжалы вполне подпадали под описание кинжала, высочайше утвержденного для Кубанского и Терского казачьих войск 14 декабря 1871 г., «азиатский, с произвольною отделкою» [75]. Под такую расплывчатую формулировку легко подходили многие кинжалы.

В 70-е гг. в Кубанской области появляется оружие польского изготовления, так называемые «варшавские клинки». Мы уже писали о низких боевых качествах шашек варшавского изготовления. Кинжалы оказались не лучше. Вот заключение 1876 г. по поводу польских кинжалов одной из войсковых комиссий: «Кинжалы, в последнее время распространенные из варшавских изделий, имеют клинок по весу весьма легкий, узкий, тонкий и слишком остроконечный, закалки сухой, отчего при малейшем ударе о твердое тело ломается, не исключая и ручки, отделанной в металле, хотя на вид довольно красивой во фронт...» [76]. Стоили варшавские кинжалы не так уж дешево. В 1881 г. «кинжал аршавский с поясом аршавского набора» умершего казака К. Молокоедова выставили на аукционные торги за 3 руб., а продали за 7 руб.

Приказом по Кубанскому войску 1 ноября 1875 г. «начальствующим в отделах лицам» было предложено принять меры к вооружению казаков «кинжальными полосами» удовлетворительного качества. Испытывая крайнюю нужду в хорошем оружии, кубанцы в 1876 г. одновременно с шашками делают заказ и 3000 кинжалов Златоустовской оружейной фабрике. Для выработки образца в войске создали специальный комитет (комиссию) под председательством генерал-майора Перепеловского. Комиссия признала холодное оружие казаков «плохим по форме и качеству» и разработала образцы шашечного и кинжальных клинков. При этом комиссия не отступала от «издавна усвоенных» и высочайше утвержденных азиатских образцов. При разработке кинжала комиссия руководствовалась тем обстоятельством, что он служит казакам прежде всего для подсобных работ. «Поэтому комиссия проектировала один образец кинжала среднего размера весом 1 фунт 4 зол., вполне могущий служить для казаков разным целям» (на акте комиссии карандашом вместо 4 зол. написано 28 зол.).

Вот, собственно, и вся характеристика кинжального клинка по акту комиссии. Из дальнейшей делопроизводственной переписки удалось установить ширину клинка – 45 мм у рукояти. По краям рукояти планировались выступы, и щечки должны были вкладываться в хвостовик, как в гнездо. Комиссия «нашла необходимым обусловить» наложение штемпеля из букв «К. К. В.», означающих «Кубанского казачьего войска».

17 июля 1876 г. образцовый кинжал вместе с рисунком был отправлен начальником Войскового штаба к горному начальнику Златоустовских заводов. Войско просило изготовить 3000 «кинжальных хорошо отделанных клинков» (наряду с 3000 шашек). В сентябре из Златоуста прибыли четыре шашечных и один кинжальный клинок, изготовленные на оружейной фабрике. В сопроводительном письме сообщалось, что кинжальный клинок с «двумя желобками», приделанной рукояткой и доставкой до Астрахани

«Азиатские» кинжалы, состоявшие на вооружении кубанских казаков. На левом кинжале дол с обратной стороны начинается в 4 мм от рукояти. Интересна конструкция цельной роговой рукояти всадного типа. Пазы на головке резаны под «ласточкин хвост», и шпонки вставляются сбоку. Хвостовик фиксируется в верхней части головки костяным глазком конусной формы, на поверхности которого он и расклепан. Скоба с кольцом врезана в дерево ножен (латунное устье – позднейшее дополнение). Под железный наконечник ножен в планках было вырезано специальное посадочное место, а потом уже все оклеено кожей. Размеры: 585, 470, 43. Схожие по многим характеристикам кинжалы в Дагестане делали еще в 1930-е гг.

(этот город был в условиях «контрагента по доставке изделий с Уральских заводов») обойдется в 3 руб. 12 коп. В Златоусте нашли совершенно ненужными выступы у краев рукояти и предложили сделать ее плоской, что «не нарушит прочности присадки роговых нащечин, образующих рукоятку кинжала, а между тем несколько облегчит работу» [77].

Комиссия Перепеловского осмотрела златоустовские образцовые клинки и нашла, что форма кинжального сделана без отступлений от образца войскового. Комиссия сочла возможным «железную ручку у кинжального клинка... сделать плоскою, без выступов по краям, не уменьшая и не увеличивая веса клинка». Учитывая отсутствие буйволового рога в Златоусте, члены комиссии разрешили при необходимости сделать и кинжальные щечки из рябины или черемухи (как и шашечные). Цену за кинжал в войске нашли чрезмерно высокой, она лишь на копейку была меньше шашечной. Октябрь и ноябрь ушли на переписку, и лишь в декабре последовало окончательное разрешение атамана Кармалина.

4 мая 1877 г. из Златоуста неожиданно пришла телеграмма: «Необходимо роговые кинжальные ручки притянуть для прочности еще двумя маленькими гладкими заклепками». Совершенно непонятное для нас требование. Ведь в предыдущих документах речь шла о щечках рукояти, которые и на хвостовике с выступами, и на плоском должны были крепиться как минимум двумя заклепками. Еще две заклепки – это явный перебор. Согласие из войска на две дополнительные заклепки было получено.

Но буквально через месяц возникает новая проблема. 26 июня Златоустовская фабрика просит разрешения на изготовление 2000 кинжалов с рябиновыми ручками из-за невозможности достать рогов буйвола большого размера. Войско легко соглашается, тем более что подобная замена предусматривалась комиссией Перепеловского. Осенью 1877 г. клинки были отправлены на Кубань и оценены фабрикой окончательно. 1300 кинжалов с роговыми рукоятями стоили по 3 руб. каждый, 1700 с деревянными – по 2 руб. 75 коп. С доставкой в Екатеринодар цена их возросла соответственно до 3 руб. 17 коп. и 2 руб. 92 коп.

4 ноября 1877 г. клинки осмотрела войсковая комиссия. Качество стали она нашла хорошим, но «сличить» кинжал с образцом не смогла «за неимением его». Рукояти кинжалов (как и шашек) оказались не вполне тщательной отделки. Гораздо больше претензий к кинжалам высказал Темрюкский военный отдел: «В полученных кинжалах деревянные ручки оказались удовлетворительными своему назначению, роговые же весьма тонки и для пригонки ножен по ним необходимо выстругивать дерево также очень тонко, отчего значительно теряется прочность его и, кроме того, при обтяжке ножен кожею, таковые будут иметь возвышение противу ручек, вследствие чего кинжалы теряют свой вид...» [78]. В ножны кинжалы (и шашки) «одевались» в мастерских отделов.

Тогда же, в ноябре 1877 г., штаб Кубанского войска сделал новый заказ на 3000 кинжалов с черными роговыми рукоятями. Завод заказ принял, но сообщил о поднятии цен с 12 до 50 коп. за один рог. Кинжал выходил на 50 коп. дороже, и казакам вновь пришлось согласиться на рукояти из дерева. Кинжалы изготовили в 1879 г. по цене 2 руб. 45 коп. за штуку (с доставкой в Екатеринодар – 2 руб. 54 коп.). Кинжалы отпускались прямо в полки или военные отделы, где хранились в складах и постоянно продавались казакам, выходящим на службу.

Фотографию кинжала 1879 г. выпуска автору лет двадцать назад любезно прислал французский исследователь Я. Лебединский, автор ряда популярных книг по истории кавказского оружия. К сожалению, ее качество оставляет желать лучшего. Да и клинок снят в ножнах, и мы не видим

главного – его формы и характера надписей. Я. Лебединский лишь кратко написал: «На клинке «ККВ» и «ЗОФ 1879 г.». Прибор же рукояти и ножен явно изготовлен по частному заказу в Златоусте, судя по столь характерным для работ фабрики тех лет устью и наконечнику.

Поставка 6000 кинжалов в 1877 и 1879 гг. в какой-то степени смягчила проблему качества казачьего оружия, но полностью ее не сняла. По рапорту командира 2-го Полтавского полка в 1878 г. в полку были признаны негодными 120 кинжалов. По данным осмотра оружия 1882 г., в 1-м Пластунском батальоне оказалось 223 негодных кинжала из 560, во 2-м – 373 из 564 [79]. В 1-м Полтавском конном полку – 203 из 823, в 1-м Екатеринодарском – 188 из 828, в 1-м Лабинском – 147 из 888. И это в первоочередных частях, состоящих на действительной службе. Особенно удручающее положение, как мы видим, сложилось в пластунских батальонах, где процент негодного оружия составлял около половины и более. Приказом по войску Кубанскому от 28 февраля 1880 г. от казаков потребовали иметь непременно кинжалы златоустовские.

В 1882 г. Кубанское войско планировало сделать в Златоусте новый заказ оружия. Так как кинжал 1876 г. оказался несколько тяжелым, то особая комиссия разработала новый. Общая длина составляла 21 дюйм, длина клинка – 15 дюймов. Ширина у рукояти – 1,580 дюйма, на расстоянии 7,5 дюйма от рукояти – 1,480 дюйма, на расстоянии 11 $^{1}/_{4}$ дюйма от рукояти – 1,2 дюйма. «...Клинок должен быть стальной и надлежащей закалки, причем на нем должна быть одна пара дол. Рукояти должны быть роговые или самых твердых пород дерева». В кинжале 1882 г. размер литер «К. К. В.» устанавливался в три линии. В связи с призывом на службу казаков малого роста комиссия предлагала 12 процентов кинжалов выпускать короче на один дюйм.

Заказ кинжалов в 1882 г. сорвался, и его повторили в 1885 г. 18 ноября из штаба войска отправили описание кинжала, составленное в 1882 г. В размерах было лишь одно изменение: ширина клинка в 1,480 дюйма показана не в 7,5 дюйма от рукояти, а в 4,5 (возможно, это описка). Длительное время шла переписка по уточнению деталей, ибо в войске не нашлось мастеров, способных изготовить образец, и в Златоуст отослали не очень понятное описание. В ответ с оружейной фабрики в феврале 1886 г. выслали два образцовых кинжала: один – выполненный по проекту кубанцев, второй – Терского казачьего войска. 12 ноября 1886 г. Войсковой штаб сообщил в Златоуст, что Кубанское войско «признало вполне удовлетворительным клинок Терского казачьего войска, почему заказываемые клинки должны быть изготовлены по образцу Терского войска» [80]. Численность заказа – 3000 кинжалов. Стоимость без доставки – 3 руб. Рукояти в договоре оговаривались деревянные. Кинжалы изготовлены в 1887 г. и пущены в продажу по 3 руб. 5 коп. за экземпляр.

Надо полагать, что образец Терского казачьего войска, появившийся на Кубани в 1887 г., имел клинок с четырьмя долами – двумя узкими по центру и двумя широкими по бокам. На смену «дагестанским» клинкам, со смещенными долами, пришел новый тип. Мы строим предположения, потому что кинжал этого года выпуска видеть не приходилось. Но два обстоятельства придают нам уверенность. Во-первых, в бумагах Войскового штаба больше нет никаких сведений о принципиальном изменении образца. Во-вторых, уже через три года подобные кинжалы попробовала делать войсковая мастерская. В Краснодарском историко-археологическом музее хранятся два крайне интересных кинжала 1891 г. изготовления.

Кинжал (полоса) Кубанского казачьего войска (КМ-942). Клинок прямой обоюдоострый, с лезвиями, плавно сужающимися к острию. На расстоянии 75 мм от плеч клинка начинаются 4 дола: два узких средних соединяются в 85 мм от острия, крайние – приблизительно в 20 мм. С одной стороны клинка в овальном картуше с килевидным основанием и вершиной (более точно его можно назвать «луковичный») выполнены три буквы: К. К. В., причем в них не убраны соединительные планки между столбцами первой буквы и между первой и второй буквами. С другой стороны клинка в таком же картуше дата: 1891 г., в которой цифры и буква вписаны в элементы простейшего орнамента. Ниже картушей намечена буква «А», но выполнена она не пуансоном, а скорее зубильцем или штихелем.

Хвостовик – со следами ручной ковки. С одной стороны почти во всю его длину проходит желоб, через который пробито три отверстия диаметром 4,5 мм. Головка небольшого размера (32 мм × 40 мм). Ширина черена рукояти 10 мм. Общая длина 465 мм, длина хвостовика до плеч 110 мм, ширина клинка 36 мм, толщина клинка в верхней части 4,2 мм, толщина головки 3,5 мм.

Второй экземпляр. Кинжал Кубанского казачьего войска (КМ-4713/2). Клинок подобен предыдущему, но в сечении почти плоский. Долы начинаются также примерно в 75 мм от рукояти. На лицевой стороне клинка в фестончатом восьмичастном остроконечном картуше восточного типа (по М. Е. Массону, заостренный картуш типа «бадами») размером 42 × 30 мм выполнена аббревиатура «К. К. В.». Высота букв 18 мм, ширина мачт 2,5–3 мм. У букв «К» не убраны верхние перемычки. С обратной стороны в подобном картуше дата: 1891. Высота цифр 14 мм.

Рукоять, из двух щечек темно-коричневого рога, скреплена с хвостовиком тремя железными заклепками. Головки заклепок полусферические, на верхней и нижней – крестообразные черневые линии. Под верхней заклепкой шайба диаметром 26 мм с двумя черневыми концентрическими кругами, под нижней – обоймица с ободком и язычком, заходящим на стебель рукояти.

Ножны деревянные, с лицевой стороны оклеены черной кожей, с обратной, встык с ней, чем-то пропитанная ткань. Устье и наконечник украшены густым черневым орнаментом «мархарай». Все металлические части прибора выполнены из мельхиора. Общая длина 430 мм, длина клинка 315 мм, ширина клинка 37 мм, толщина у рукояти 3 мм, у острия – 2 мм.

Приемное клеймо Терского казачьего войска на четырехдольном казачьем клинке

Что объединяет клинки этих кинжалов, кроме года изготовления? Очень грубая, некачественная работа. Клинки сделаны мастером весьма низкого уровня, особенно бросаются в глаза убогие долы. «Полир» вообще отсутствует. Еще хуже мастер (тот же или другой – неважно) владел техникой травления, в которой выполнены картуши и надписи. Это «ручное» травление. Мастер убирал мастику иглой и сделал это настолько небрежно, что фон стал напоминать вспаханное поле. На буквы и цифры больно смотреть. Травящий состав был плохого качества, да и пузырьки воздуха явно не убирались вовремя перышком – отсюда изъеденные границы линий и «канфареный» картуш. Кстати, наличие перемычек между буквами можно объяснить тем, что фон выбирался по трафарету. Потом эти перемычки требовалось удалять отдельно – вот некоторые и забыли.

Клинки столь низкого уровня, как технического, так и художественного, исполнения у нас никак не ассоциируются с работами Златоустовской оружейной фабрики. Войсковой заказ 1890 г. документально не зафиксирован. Остается только предпо-

Кинжал (полоса) Кубанского казачьего войска. 1891 г. (КМ-942). На хвостовике хорошо видны следы кузнечной обработки. Отверстия выполнялись пробойником, и за счет посадки «облоя» с обратной стороны вокруг отверстий образовались кольцевые валики

ложить, что перед нами два клинка нового для кубанцев типа, из партии, изготовленной кавказским мастером-оружейником или войсковой мастерской. Фактически это одно и то же: программа и планы мастерской не предусматривали изготовление холодного клинкового оружия, и в тех случаях, когда его надо было сделать, субподрядчиком выступал азиатский мастер (или проводились закупки клинков). Скорее всего, партию кинжалов 1891 г. «курировала» мастерская, в пользу чего говорит тот факт, что в 1890 г. приказом по войску Кубанскому было объявлено «положение о войсковой мастерской», которое предусматривало установку клейм на вновь изготовленных вещах [81]. Ну а то, что аббревиатура «ККВ» стала клеймом войсковой мастерской, мы знаем из данных последующих лет.

В описанных кинжалах интересны не только клинки, но и оправа ножен второго. Устье, наконечник и орнамент на них выбиты штампом. Штамп – технически очень сложный и дорогой продукт, изготовить который под силу только высококвалифицированным инструментальщикам. Ни кустари, ни войсковые мастера на эту роль не претендуют. Для использования штампа требуется соответствующее кузнечно-прессовое оборудование. Оно могло быть в войсковой мастерской (или на каком-то заводе Кубанской области). К тому же мастерская выполняла работы по «обделке» крупных партий холодного оружия, и штамп ей был просто необходим. Итак, сам штамп изготовлен инструментальным цехом какого-то завода, предположительно использовался войсковой мастерской. Версию об изготовлении подобных штампованных оправ для Кубанского войска Златоустом мы ставим на второе место, так как сведений о таком заказе в делах войскового архива не обнаружено.

Важно отметить, что рукоять не изготавливалась специально для этого кинжала, а взята от другого. Об этом свидетельствует подгонка отверстий в щечках к отверстиям в хвостовике, в результате чего щечки выступают над головкой на 4 мм, да и по краям они шире на 1–1,5 мм. Надо сказать, что штампованный и заполненный чернью узор выглядит гораздо аккуратнее, чище и красивее, чем подавляющее большинство резных орнаментов.

Третий кинжал из этой серии автор видел только на фотографии. С первыми двумя его объединяет низкокачественная техника травления картушей, букв и цифр. Но уже хорошо, что убраны межбуквенные перемычки. А вот качество выделки клинка этого кинжала (и это видно даже на фотографии) на порядок выше, чем у первых двух. Достаточно посмотреть на два узких дола, образующих идеальное ребро. Скорее всего, это златоустовский клинок.

Кинжал Кубанского казачьего войска. 1891 г. (КМ-4713/2). Мы специально высветлили некоторые элементы орнамента, рельефно отпечатавшегося на внутренней стороне деталей ножен при штамповке. «Экономная» оклейка деревянных планок ножен кожей – характерная черта работ войсковой мастерской. Верхний и нижний края кожи подрезались для посадки прибора. Кольцо на скобе, как обычно, скручено в два оборота

...В начале 1890-х гг. качество кинжальных клинков, находившихся на вооружении казаков, по-прежнему оставалось серьезной войсковой проблемой. Процент негодных кинжалов у казаков льготного состава и казаков призыва конца 80-х гг. оставался очень высоким. 1 октября 1893 г. командир 4-го пешего пластунского батальона, осмотрев личный состав, констатировал: «Что же касается кинжалов с поясом, то хотя таковые имеются у каждого казака, но, к сожалению, за весьма малыми исключениями, далеко не удовлетворительного качества, так как кинжальные клинки не стальные, а железные, которые нельзя назвать боевыми» [82].

Командир 5-го батальона об итогах осмотра спущенных на льготу 212 казаков: «Кинжалы хотя были у всех, но мало хороши, так как большая часть принесена из дома в плохом виде и плохого достоинства, батальон же не имел возможности заменить негодные кинжалы. Купленных же златоустовских кинжалов у атамана Майкопского отдела едва хватило для замены негодных кинжалов у казаков, остающихся на службе в батальоне после 1 октября 1893 г.» [83].

Данные осмотра третьеочередных конных полков за тот же год: в Хоперском имелось 597 кинжалов, не было 245; в Ейском – 449 годных кинжалов, 457 негодных и не было у 54 человек; в Уманском – 509 годных, 315 негодных, не было – 84 [84]. У нас есть данные и по другим полкам и станицам, но надобности в дальнейшем цитировании нет – и без того видим, что положение дел с качеством кинжалов очень тяжелое. Отрадно, что это видело и войсковое руководство. Его постоянные требования о снабжении казаков только златоустовскими кинжалами уже начали давать положительные результаты. В 1894 г. у казаков приготовительного разряда, предназначенных для службы в конных частях, отмечено: «Кинжалы златоустовские, за малым исключением».

Как раз в 1893 г. Военный совет рассматривал вопрос о заготовлении ножен и ручек к шашкам и кинжалам неприкосновенного запаса. Совет инициировал разработку единого образца шашки и кинжала для Кавказских казачьих войск. Перипетии многолетнего процесса разработки и утверждения новых образцов описаны в главе «Шашки». Остановимся на отдельных моментах, касающихся кинжала. Комиссия Кубанского казачьего войска под председательством генерал-майора Яцкевича в октябре 1893 г. представила следующее описание образцового кинжала.

«Клинок состоит из следующих частей: 1) боевого конца, имеющего копьевидное очертание с обоюдоострыми краями, который назначается для колки, 2) средней части, обоюдоострой, имеющей по сторонам долы и назначенной отчасти для рубки; дол, как показано на чертеже, по две пары с каждой стороны, долы начинаются в 1 $^{1}/_{4}$ верш. от верхнего конца и идут вдоль всей средней части, 3) хвоста, предназначенного для присадки ручек.

Клинок сделан из литой стали и имеет закаленный конец и среднюю часть, форма клинка азиатского образца, по рисунку; длина клинка

Кинжал Кубанского казачьего войска. 1891 г. Размеры: 485, 388, 38

«Казак с ружьем за плечами». Фото Д. Е. Ермакова. 80-е гг. XIX в. *Ружье висит за спиной в бурочном чехле. Нагайка надета на эфес шашки. «Настоящие» газыри укорачиваются к плечу, решая тем самым проблему прикладки ружья. Рукоять кинжала – без верхней заклепки, щечки обвязаны шнурком*

Кинжалы «плохого достоинства». Вверху – *кинжал с роговой рукоятью и клинком от английского штыка образца 1888 г. к винтовке системы Ли-Энфильд.* Внизу – *кинжалы с грубыми самодельными деревянными рукоятями*

(без хвоста) 7 3/4 верш., вес клинка 71 золот., на хвосте клинка сделаны три отверстия, при помощи коих клинок скрепляется с ручкой.

Ручка состоит из следующих частей: 1) рукоятки, 2) наконечника, 3) бляшки и 4) трех заклепок. Рукоятка азиатского образца, сделана из двух половинок буйволиного рога, наконечник латунный, овальной формы с выступающим ободком, коим закрывается верхняя часть ножен; бляшка латунная круглая, заклепки, с припаянными с наружной стороны головками, служат для скрепления ручки с клинком, для чего пропускаются сквозь обе половинки рога и хвост клинка.

Ножны изготавливаются из двух половинок легкой породы дерева, внутри имеют гнездо для помещения клинка, а снаружи обтянуты кожей, преимущественно хозом, и покрываются лаком. Поверх кожи на ножны насажен следующий латунный прибор: 1) верхний наконечник, 2) нижний наконечник и 3) ременная петля.

Верхний наконечник плотно обхватывает верхнюю часть ножен и прибивается к ним заклепкой, имеет припаянную скобку, конец которой образует кольцо, служащее для помещения ременной петли. Нижний наконечник обхватывает нижнюю часть ножен и оканчивается круглой пуговкой; к ножнам прибивается заклепкой.

Ременная петля состоит из неширокого ремешка длиной около 2 верш., согнутого вдвое; свободные концы петли пропускаются сквозь кольцо скобы и завязываются азиатским узлом; петля и кинжал надеваются на пояс.

Пояс для носки кинжала.

Пояс приготовляется из вычерненного сыромятного ремня кавказской выделки, длиною в отделке около 1 арш. и 9 верш., шириной 7/16 верш. Набор на пояс состоит из пряжки со шпеньком, гайки, наконечника, шести латунных пуговок и одной запонки для отвертки; пуговки, по три с каждой стороны, своими ушками продеваются сквозь ремень и закрепляются пропущенными в ушко ремешками.

Принадлежности к поясу состоят из сальницы (жирницы) и отвертки, которые носятся на правой стороне пояса на особых ремнях» [85].

Вес готового кинжала с поясом и принадлежностями составлял 1 фунт 88 зол., вес клинка – 71 зол., вес прибора на кинжал – 23 зол., вес прибора на пояс – 13 зол.

Стоимость кинжала по расчетам комиссии равнялась 5 руб. 74 коп. Она складывалась из цены кинжального клинка Златоустовского завода – 2 руб. 60 коп.; ножен без оклейки – 4 коп. (из липовой доски длиной 6 арш. 1,5 дм, стоимостью 3 руб. выходило 80 штук); оклейки хозом – 40 коп. (из кожи хоза, стоимостью 3 руб. 20 коп., выходило материала на оклейку 8 ножен); роговой ручки – 75 коп.; латунного прибора – 1 руб. 50 коп.; работы – 50 коп.

Стоимость пояса равнялась 86 коп.: ремень – 26 коп., гладкий латунный набор – 40 коп., работа – 20 коп.

Думаем, что члены комиссии особо не мудрствовали, а взяли стандартный кинжал Златоустовской фабрики, обмерили и описали его. Недаром же на чертеже образцового кинжала, утвержденного в 1904 г., стоит дата: 1892 г. Совпадают и все указанные в описании размеры.

Испытания, проведенные на Петербургском инструментальном заводе в ноябре 1894 г., выявили «весьма хорошую» твердость острия кинжала – железный лист пробивался без малейшего вреда для клинка. При рубке меди и мягкого железа оказались «весьма твердыми» лезвия, не получившие ни помятостей, ни зазубрин. Удары лезвием по меди отразились на рукоятках кинжалов «неблагоприятно», но в гораздо меньшей степени, чем у шашек. Далее началась уже известная история с изготовлением

шайб под концы заклепок. В марте 1899 г. были выполнены новые образцы к описанию. На рукояти кинжала появились три шайбочки, служившие для расклепывания заклепок с обратной стороны.

Во второе описание вошли следующие новые характеристики: «наконечник рукояти металловый (мельхиор или белый металл), овальной формы с язычком в виде половины пятнадцати копеек; три металловые пуговицы опрокинуто-чашкообразной формы с чернью по кавказским рисункам, в средине коих припаиваются медью железные заклепки... бляшка круглая из белого металла величиной в двадцать копеек с концентрическим кружком из черни и дырой посредине для железной заклепки верхней пуговицы; три отливные шайбы из белого металла с дырой посредине для пропуска железной заклепки и для образования круглой головки под ударами оправки... поверх кожи на ножны насажен латунный прибор белого металла, три орла № 30-й...».

Совершенно непонятным образом вес кинжала с поясом, жирницей и отверткой остался прежним – 1 фунт 88 зол., хотя на 4 зол. тяжелее стал клинок, на 7 зол. – набор на кинжал... Стоимость кинжала с поясом – 6 руб. 27 коп. В описании ничего не говорилось об оклейке задней стороны ножен красным сафьяном, а в смете расходов был указан «кусок красного сафьяну» стоимостью 5 коп. Подобная отделка ножен вошла в чертеж образцового кинжала 1904 г.

Надо указать, что в отправленном в штаб Кавказского военного округа машинописном тексте размер верхней бляшки на головке исправлен с 20 коп. на 50, а размер язычка в половину 15 коп. вычеркнут вовсе.

Пока шла разработка и доводка образцового кинжала, в Кубанском войске возникла новая «оружейная проблема». Кубанскую область наводнили низкокачественные фальшивые златоустовские клинки. Интересные сведения о них мы находим у А. В. Дмитриева: «Спрос на холодное оружие вызвал наполнение казачьих областей сравнительно дешевыми шашками с фальшивыми златоустовскими клеймами. Их вручали прижимистые родители сыновьям, благословленным на службу царю и Отечеству...

Оперативное расследование показало, что, несмотря на запрет, кустари Златоуста, сговорившись с рабочими, выносившими с завода отдельные детали, занимались подпольным изготовлением клинков... На оружии гравировались подложный штемпель и Государственный герб...

После наведения порядка на Урале торговля поддельными клинками развернулась в Донской и Кубанской областях... продавцы наживались, станичники же терпели убытки и роптали. Множество жалоб и запросов поступило командованию разных рангов, которое в свою очередь предъявило претензии руководству Златоустовской фабрики. В ответном послании директор предприятия извещал атамана Кубанского войска, что излюбленные на Юге шашки азиатского образца с клеймом «К. К. В.» златоустовцы освоили еще в 1888 г. Однако при сокращении государственных нарядов увеличился выпуск клинков по частным заявкам. Беда состояла в том, что на индивидуальных мелкосерийных заказах грели руки недобросовестные коммерсанты. Покупая низкосортную рядовую сталь, они перепродавали ее кустарям-оружейникам как первоклассную. Последние, убедившись в подлоге, не ставили на клинках клейма нестроевого оружия «Ч. З.» (частный заказ), а выдавали их за штатные, с фальшивой маркировкой Златоустовской фабрики.

Не считаясь с экономическими доводами, Военное министерство настаивало на отказе от частных заказов... Выход из затруднительного положения нашли в компромиссе: продажа клинковой стали оптовым покупателям, выполнение одиночных и групповых заявок на оружие сохранялись,

но аббревиатура названий казачьих войск (ДКВ, ККВ, ОКВ, ТКВ и др.) на нем не обозначалась» [86]. О клеймах Златоуста мы поговорим чуть ниже, а пока заметим, что клеймо «Ч. З.» встречается выбитым прямо на картушах с аббревиатурой «К. К. В.».

Атаман Кубанского войска отреагировал на сложившуюся ситуацию приказом № 114 от 1899 г. В нем сообщалось, что «вольные мастера из туземцев» приобретают в Златоусте шашечные и кинжальные клинки того же образца и с теми же клеймами, как и на заказываемых Войсковым штабом. «На сделанное сношение с начальником Златоустовских заводов, – писал атаман, – последний сообщил, что впредь на кинжалах и шашках, продаваемых частным лицам, будет ставиться рядом с фабричным клеймом другое клеймо в кружке «Ч. З.», что означает «частный заказ», причем клеймо это будет изображено довольно глубоко буквами, чтобы нельзя было незаметно спилить его» [87]. Атаман рекомендовал всем начальствующим лицам разъяснять казакам опасность приобретения оружия с клеймом «Ч. З.» – клинки эти на заводе не проходили через артиллерийского приемщика и могли оказаться негодными к боевой службе.

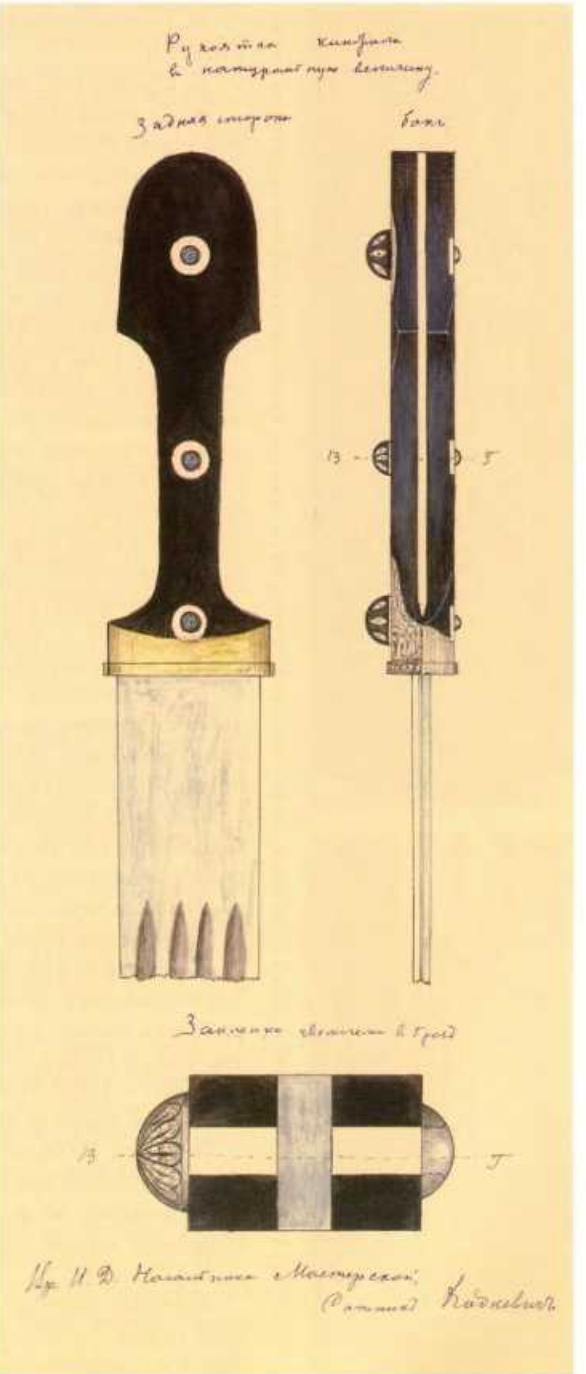
Приказом по военному ведомству № 7 от 1900 г. казакам Кавказских казачьих войск разрешалось иметь кинжалы местного производства при условии их соответствия утвержденному наказным атаманом образцу. Подоплека этого приказа нам пока неясна – ведь он явно идет вразрез с попытками войскового руководства добиться поголовного вооружения казаков кинжалами Златоуста. В этом же году атаман Кубанского войска генерал-лейтенант Малама приказом по войску № 117 утвердил описание кинжального клинка [88]. Оно очень лаконичное: длина клинка – от 13 до 14 дм, длина рукояти – от 5 до 5,2 дм, ширина 1,5 дм, «толщина клинка и долы пропорционально длине и ширине», вес в «неотделанном виде» – от 70 до 80 зол.

В этом описании два главных показателя – длина и вес. Первый должен был регламентировать хоть какое-то однообразие во фронте, ведь различие между 40- и 60-сантиметровыми кинжалами резко бросалось в глаза. Второй показатель был связан с установленными допусками по весу предметам снаряжения, обмундирования и вооружения.

Тем же приказом устанавливались правила проверки клинков на годность: «1. На поверхности клинка не должно быть трещин, ссадин, раковин и черновин. Не допускаются на поверхности выемки или ложбины, заметные на глаз. Долы должны быть ровные, без выхватов металла (всего этого на дешевых кустарных клинках было в избытке. – *Б. Ф.*).

2. На лезвиях клинков не допускается зазубрин.

3. При легком ударе о мягкое железо на лезвиях не должно получаться больших зазубрин или выломов кусков металла.

Акварельный чертеж образцового кинжала для Кавказских казачьих войск, выполненный в Кубанском войске к эталонному описанию 1899 г.

Кинжалы Кубанского казачьего войска с клинками Златоустовской оружейной фабрики, помеченными клеймом «Ч.З». На верхней полосе буква «Ч» была выполнена курсивом

4. Рукоять клинка должна в меру сидеть в руке и иметь отверстия для отделки.

5. Проверить, не отожжены ли клинки, т. е. не мягки ли они...

6. За неимением для проверки особых приборов, клинки сгибают руками, после сгибания смотрят, если погнутость не осталась – клинки годны, а если погнутость осталась – брак.

7. Сгибание делается так: взяв клинок левой рукой за рукоятку, кладут его плашмя на устойчивый предмет (стол, стул, подоконник и проч.) так, чтобы острый конец лежал на столе, а левая рука с рукояткой возвышалась над столом на высоту приблизительно 4-х дюймов (т. е. собственно будет возвышаться крайний конец рукоятки на 4 дюйма) и тогда ладонью правой руки нажимают постепенно, без особого усилия, на средину клинка, сгибая его, и затем отнимают ладонь. Отнявши клинок от стола и перевернув его на ребро, смотрят на него вдоль, и если погиб остался, то проделывают испытание еще раз или два, и если уже видно будет, что клинок гнется совершенно свободно в обе стороны и погнутости остаются значительные, то клинок бракуют, но если при испытании видна пружинность металла и получается незначительный на глаз погиб, то такие клинки признаются годными, наравне с теми, кои совсем пружинятся».

Логическим продолжением этой политики стало решение императора от 1901 г. «не неволить» казаков Кубанского и Терского казачьих войск иметь оружие казенного образца и разрешить им выходить на службу с «дедовскими» шашками и кинжалами. Полагаем, что причины подобного либерализма были не только политические, но и сугубо практические (военные). Нехватка хорошего оружия продолжала ощущаться очень остро. Выше мы приводили данные о наличии кинжалов в разных частях Кубанского войска. Но, наверное, следует дать общую картину по войску. В 1893 г. в конных полках и пластунских батальонах войска 2-й и 3-й очередей недоставало 9176 кинжалов [89]. Каждый третий казак пешего батальона не имел кинжала.

Войсковой штаб принимал самые энергичные меры: в 1891 г. в Златоуст поступил заказ на 10 тыс. кинжалов, в 1893-м – еще на 10 тыс. Подробностей об этих заказах найти не удалось. Судя по всему, Златоустовская фабрика была так перегружена, что заказы выполняла мелкими партиями. Так, в 1892 г. штаб войска разослал в военные отделы 1500 кинжалов, в 1893 г. – 1000. Проблема вооружения растянулась на годы. Повторимся: речь идет, прежде всего, о частях 2-й и 3-й очередей.

1 марта 1904 г. Николай II утвердил образцы азиатских шашки и кинжала согласно прилагаемым чертежам и описанию. В приказе по военному ведомству об этом было объявлено 13 марта. Приведем приложенное к приказу описание образцового кинжала.

«А. Клинок

Клинок состоит из следующих частей: боевого конца, копьевидного очертания с обоюдоострыми краями, средней части, обоюдоострой, имеющей с каждой стороны по две пары дол, начинающихся на расстоянии $1\,^{1}/_{4}$ вершка от верхнего конца и идущих вдоль всей средней части и хвоста для присадки рукоятки.

Клинок из литой стали, имеет закаленный конец и среднюю часть. Форма клинка – согласно указанной на чертеже; длина клинка (без хвоста) около $7\,^{3}/_{4}$ вершка; на хвосте клинка имеются три отверстия для скрепления его с рукояткой.

Б. Рукоятка

Рукоятка указанной на чертеже формы состоит из двух половинок (щечек) буйволого рога, мельхиорового наконечника овальной формы с языч-

ком и выступающим ободком, закрывающим устье ножен; трех металлических пуговиц опрокинуто-чашкообразной формы с чернью, по кавказским рисункам, с припаянными по середине железными заклепками, проходящими обе щечки рукояти, бляшки мельхиоровой круглой с концентрическим кружком, чернью и дырой для железной заклепки, – и трех мельхиоровых отливных шайб с дырой для заклепки.

В. Ножны

Ножны из двух половинок легкой породы дерева; внутри имеют гнездо для помещения клинка, а снаружи обтянуты кожею (хозом), покрытой лаком. На ножнах прикрепляется латунный набор белого металла, состоящий из верхнего и нижнего наконечников. Верхний наконечник прикрепляется к верхней части ножен заклепкою, имеет припаянную скобу, конец которой образует кольцо, для помещения ременной петли. Нижний наконечник прикрепляется к нижней части заклепкою и оканчивается круглой пуговкой»[90].

Принципиальных отличий от последнего войскового описания нет. Убран вес клинка, опущено сравнение размера верхней бляшки с монетой достоинством 50 коп., не уточняется сорт белого металла – «три орла № 30-й» (его переместили в примечание на чертеже). На самом чертеже бросается в глаза отсутствие точек между буквами (что давно уже делалось на реальных клинках и затем продолжало делаться) и отсутствие буквы «г.» после цифр года. Год же стоит «1892», и мы уже писали о нашем предположении по составлению чертежа с конкретного экземпляра.

Самое интересное в образцовом чертеже – изображение в картуше аббревиатуры «ККК» вместо «ККВ». Перебрав все мыслимые варианты расшифровки, мы не нашли ни одного убедительного. Возможно, перед нами просто ошибка войскового чертежника или столичного, исполнявшего чистовой вариант. Не исключено и другое объяснение.

Лицо, выполнявшее чертеж, могло скопировать надпись все с того же конкретного кинжала 1892 г. выпуска. Но все это пока только предположения. Один «реальный» кинжал 1892 г. изготовления, наверное, снял бы большую часть сомнений. Но изображений клейм и надписей этого года у нас как раз и нет.

Вся проблема в том, что кинжалы с тремя «К» действительно существовали. Несколько раз приходилось видеть подобную надпись на клинках кустарного изготовления. Очевидно, мастера просто копировали их с имевшегося под рукой экземпляра. Встречаются клинки «ККК» с набитым поверх клеймом Екатеринодарской военно-ремесленной школы, но они относятся к периоду Первой мировой войны.

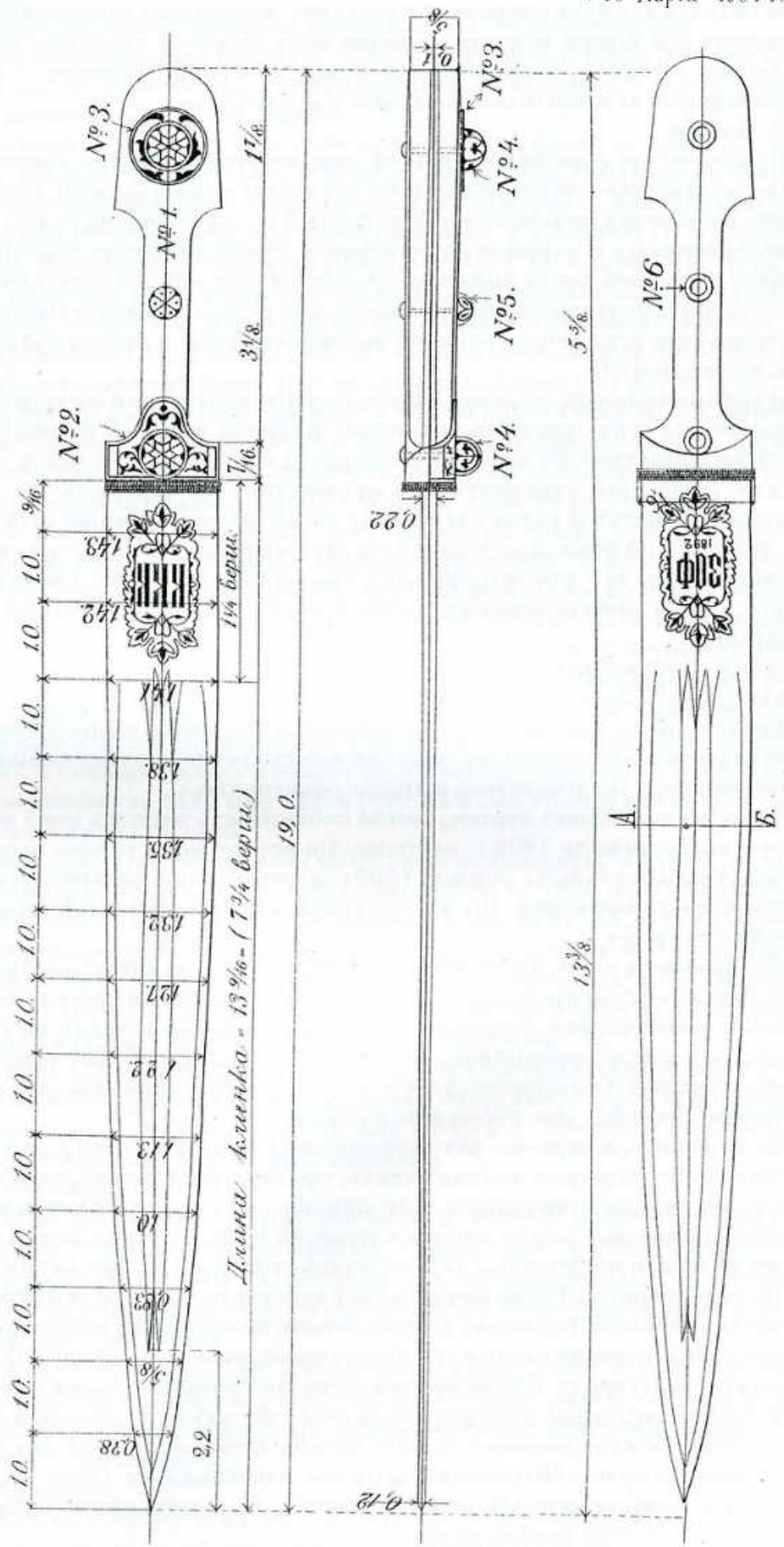
На образцовом чертеже нет изображения ременной петли для носки кинжала – это слишком мелкая деталь, чтобы ее регламентировать. Опишем ее по другим источникам. Как правило, петля изготавливалась из узкого сыромятного ремня длиной примерно 9–12 см. Края ремня разрезались надвое, и полученные четыре конца сплетались в так называемый «азиатский шарик». Чтобы придать узлу действительно шаровидную форму, вначале срезали торчащие из него концы, обстукивали молотком, смачивали водой и давали высохнуть. Петля продевалась в кольцо скобы кинжала снизу или сверху. В Кубанском войске употреблялся преимущественно (регламентирующих документов на этот счет найти не удалось) второй способ, при котором кинжал за счет изгиба петли принимал наклонное положение на поясе. Положение кинжала «вертикально вниз» или чуть наискосок, характерное для первого способа, на фотографиях кубанских казаков встречается крайне редко.

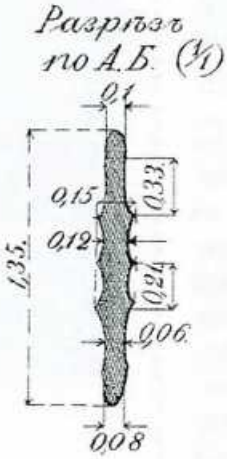
II. Кинжалъ.

Клинокъ съ рулкой.

(½)

Высочайше утверждено
1-го Марта 1904 года

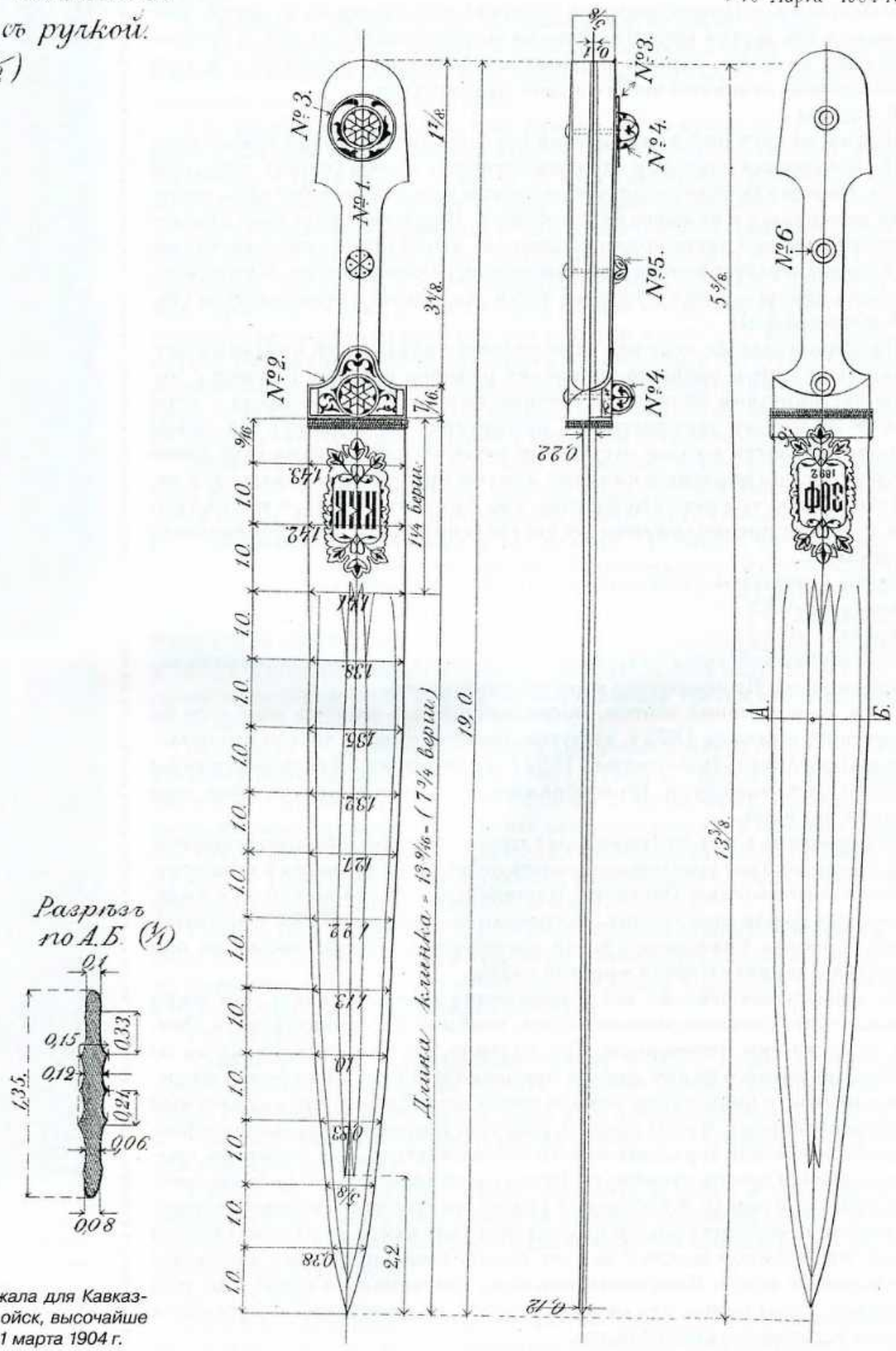
Чертеж кинжала для Кавказских казачьих войск, высочайше утвержденный 1 марта 1904 г.

II. Кинжалъ.

Клинокъ съ рулкой.

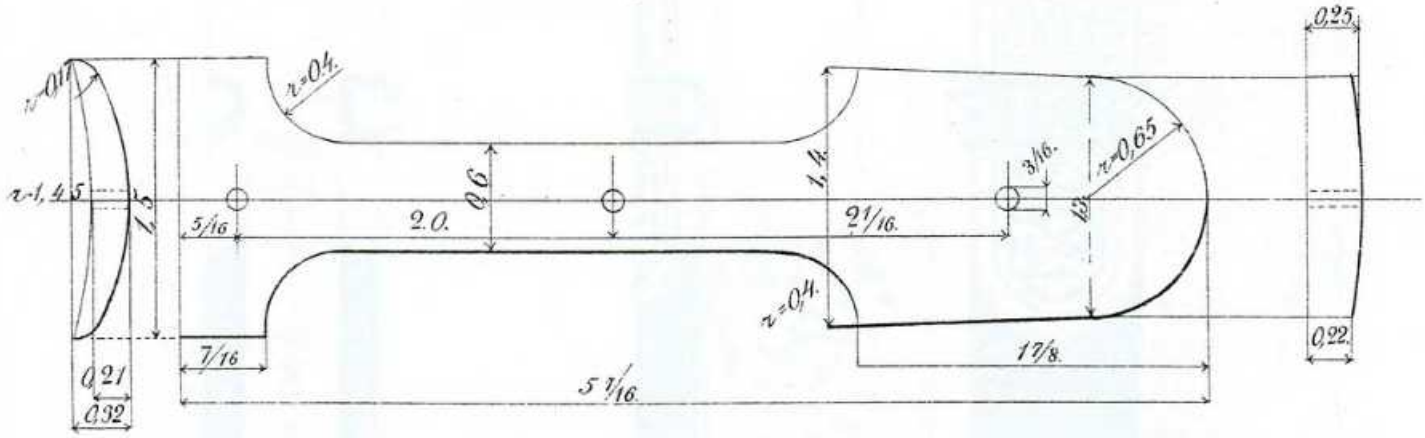
(1/2)

Высочайше утверждено
1-го Марта 1904 года.

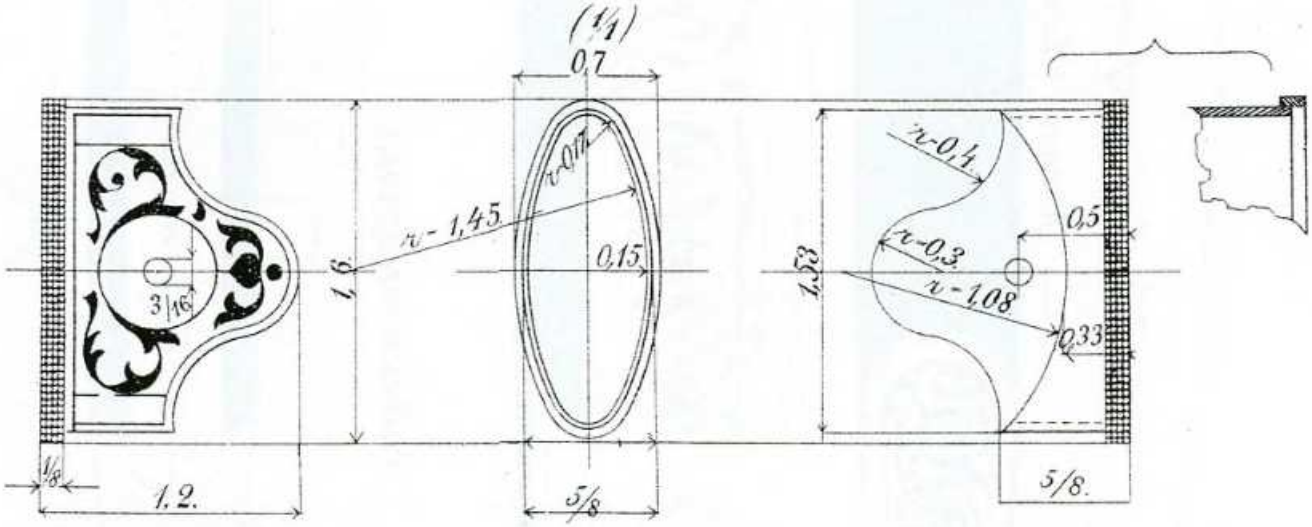

Чертеж кинжала для Кавказских казачьих войск, высочайше утвержденный 1 марта 1904 г.

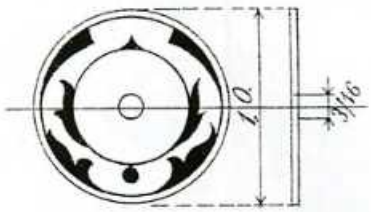
№ 1. Щечка
2 шт. (1/1)

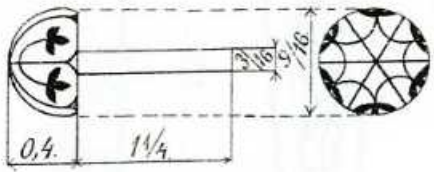
(1/1)

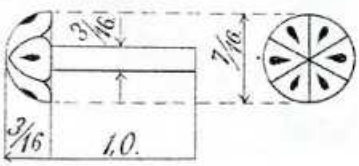
№3. Бляшка.
(1/1)

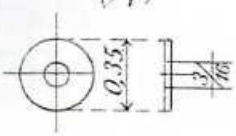
№4. Пуговица.
(заклепка)(1/1)

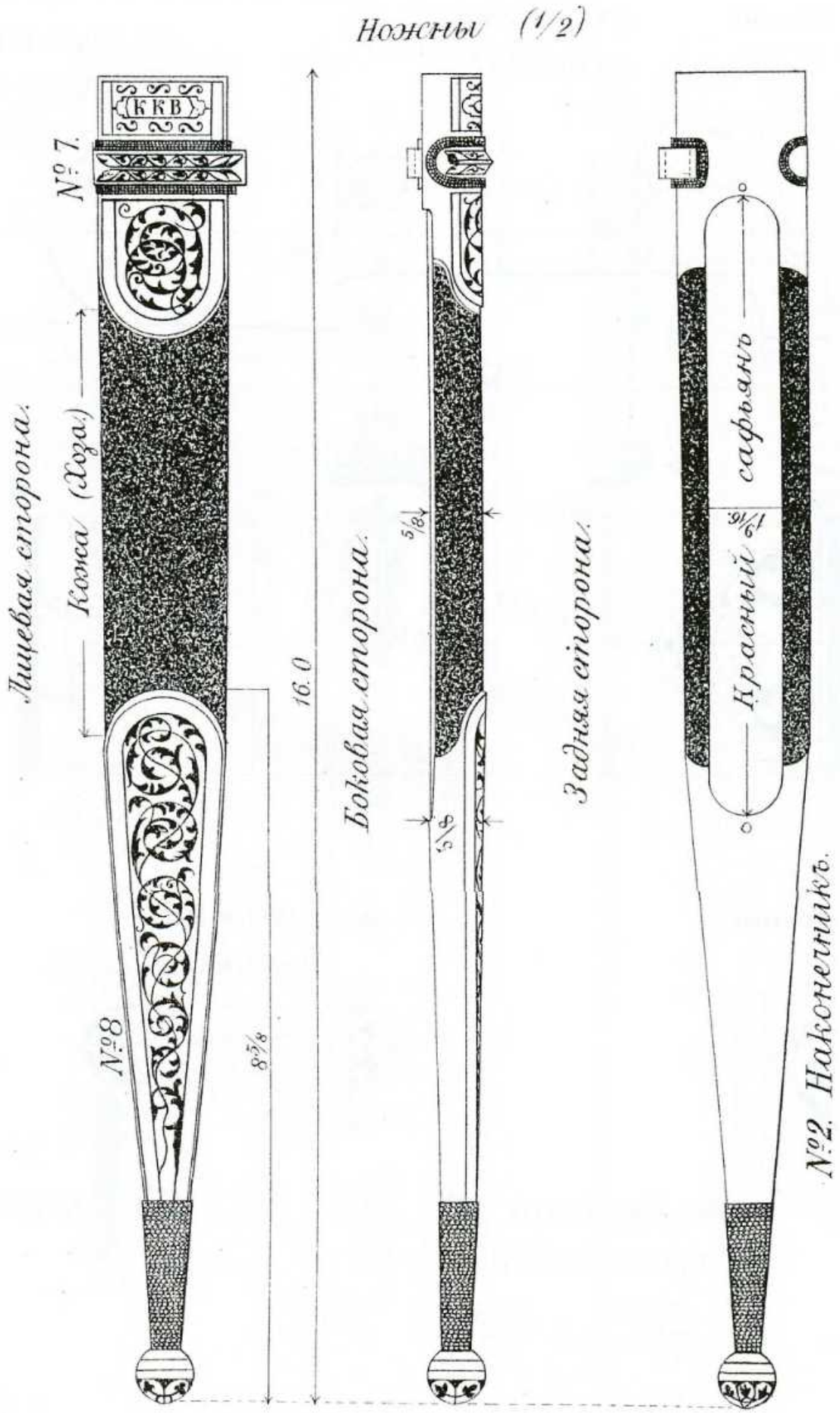

№5. Пуговица.
(заклепка)(1/1)

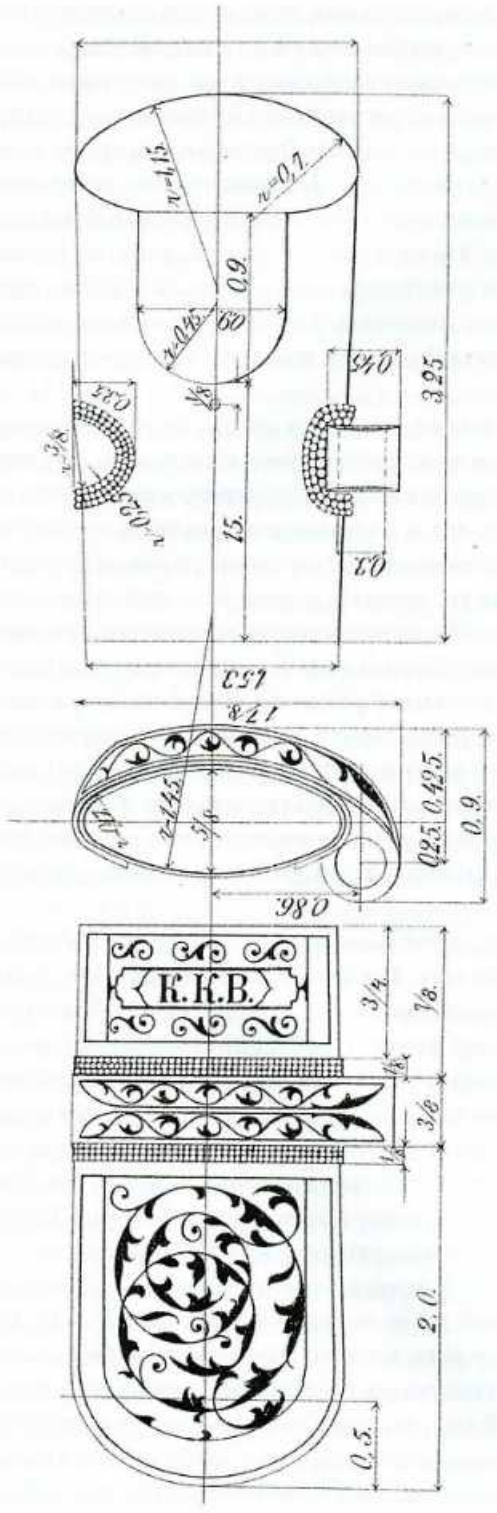
№6. Шайба.
(1/1)

Ножны (1/2)
Лицевая сторона.
№ 7.
К К В
Кожа (Хода)
№ 8
8 3/8
16. 0
Боковая сторона.
5/8
5/8
Задняя сторона.
Красный сафьянъ
9 1/16
№ 2. Наконечникъ.

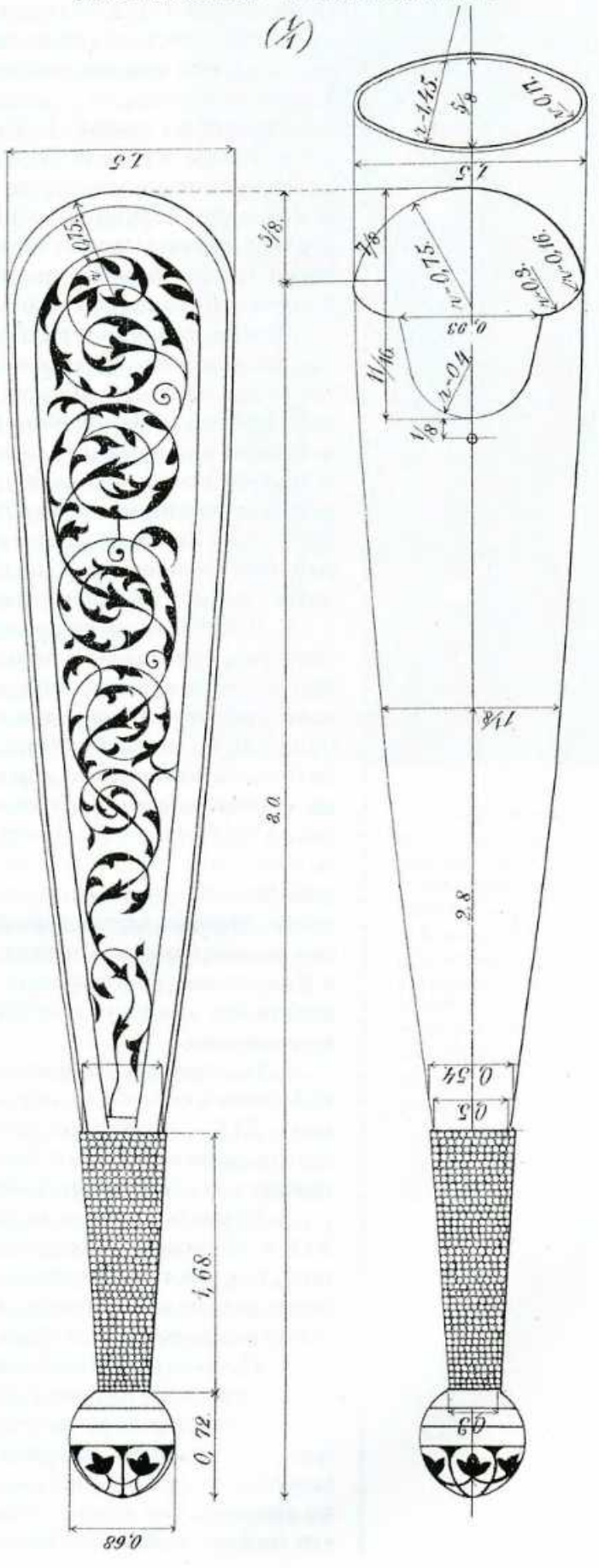
№ 7. Верхний наконечникъ.

(1/1)

№ 8. Нижній наконечникъ.

(1/1)

Здесь следовало бы поставить точку, но автор не может удержаться от искушения вступить в полемику с исследователями, заявляющими о способе носки кинжала параллельно поясу путем привязки его за шарик длинным концом поясного ремня. Не знаем, кто первый высказал подобное суждение, но в последнее время оно упорно муссируется. Приведем цитату из статьи А. Кудрина «История кинжала», опубликованной в 4-м номере журнала «Прорез»: «При повседневном ношении кинжал являлся оружием и элементом формы. Ножны практически всех кинжалов заканчивались фигурным шариком. В боевом положении, в походе, при езде на лошади длинный конец поясного ремня привязывался за наконечник кинжала. Таким образом, он висел параллельно талии и не мешал движению. В шарик упирался узел тонкого кожаного ремня и служил опорой узла».

Можно, конечно, придраться к отдельным выражениям: что такое «боевое положение» кинжала, каким образом он мешает движению казака, тем более конного... Однако остановимся на главной мысли автора – о завязывании узлом поясного ремня около шарика. К сожалению, не указан источник информации, иначе его можно было бы подвергнуть внешнему и внутреннему критическому анализу. Одно дело, если о подобном подвесе кинжала пишет профессиональный этнограф или военный XIX в., другое – если заезжий беллетрист того же времени или современный «ветеран» лет пятидесяти. Выступим в роли оппонента и выскажем свои возражения по следующим позициям.

1. В Кубанском казачьем войске никто никогда не жаловался на неудобства, связанные с ношением кинжала. Войсковые комиссии, изучавшие опыт минувших войн, всегда высказывали массу претензий почти ко всем предметам снаряжения казаков, но в отношении способа подвески кинжала их не было. Лишь в 1872 г. командир 1-го пешего пластунского батальона заявил, что кинжалы мешают делать ружейные приемы, хотя их «удобно носить спереди на поясах». Он просил разрешения носить кинжалы по примеру бывшего 1-го пешего батальона Кавказского линейного казачьего войска (потом – 13-й батальон Кубанского войска) при полном боевом вооружении на правой стороне пояса в особо устроенной лопасти. Мнение командира батальона никто из офицеров Кубанского войска не поддержал. По результатам специально проведенных испытаний в Кавказской учебной роте было заявлено о полном удобстве существующей носки кинжала и необходимости лишь правильно выполнять ружейные приемы.

2. На рисунках и гравюрах XIX в., изображающих горцев и казаков, указанного способа подвязки кинжала нет. На фотографиях второй половины XIX – начала XX в. мы его (способ) тоже не увидим. При этом сразу оговорим возможное возражение: мы ведем речь не о студийных фотографиях, а о походных, боевых (в т. ч. сделанных с кадров кинохроники).

3. Странно, но никто из путешественников, этнографов и военных XIX в. не заметил столь экзотичного способа ношения кинжала. Разумеется, мы могли пропустить подобное свидетельство, но уже ясно, что оно очень редкое и относится к конкретному месту, времени и событию. Не будем строить догадки, а приведем еще ряд «технических» возражений.

4. Пусть сторонники «параллельной подвески» попробуют завязать узлом широкий сыромятный пехотный пояс казака-пластуна. У них ничего не получится из-за его ширины, у них ничего не получится из-за его небольшой длины. Проделаем подобный опыт с узким и длинным поясом конного казака. Его ширина около 20 мм, и завязать узел тоже непросто, но при желании можно. Итак, вы завязали пояс узлом – значит, теперь вы его можете выбросить (в туманную, сырую, дождливую погоду он дефор-

мируется). Нам могут возразить, что А. Кудрин несколько погорячился, завязав пояс узлом около шарика: на самом деле кинжал просто приматывали к поясу его длинным концом. Мы могли бы просто спросить: к чему все эти обмотки, если, по уверениям всех «действующих лиц» XIX в., кинжал совершенно не мешает, а у конного казака спокойно лежит на бедре? Для сторонников «обмотки» (а не узла) мы приведем еще два довода, но вначале несколько слов о пешем казаке, которого мы уже «списали» в силу характеристик его форменного пояса.

Да, пешему казаку кинжал мог немного мешать при движении, но мешает все, что находится на поясе. При вертикальной подвеске кинжал путался бы в ногах и в полах черкески (шинели), наклонная подвеска устраняла эту проблему – кинжал мягко приподнимался верхней частью бедра. Что действительно мешало пешему казаку при быстрой ходьбе и беге, так это полы черкески. Документы и воспоминания пестрят сообщениями о том, что казаки «высоко подтыкали» полы черкески за пояс. Само собой, при этом поднимался кинжал и даже идея о какой-то там обмотке оказывалась излишней. Интересно, что черкеску поднимали и крепили полы за пояс и конные казаки, дабы избежать эффекта «паровой бани» от горячих боков лошади. В противном случае все заканчивалось кожными заболеваниями. И еще два обещанных довода против обмотки.

5. Вы примотали кинжал к поясу. Но он не стальная линейка и вокруг талии не обернется. Если вы надели настоящий кинжал, а не «мышеколку» начала XX в. или муляж фольклорного коллектива, то он будет торчать от левого бока на 10–20 см. О каких удобствах тут можно говорить, если даже не знаешь, куда девать левую руку.

6. Кинжал и шашка составляют пару, носимую на поясе с левой стороны. Поэтому они всегда расположены более или менее параллельно, чтобы не мешать друг другу. Вы привязали кинжал к поясу, и его наконечник переместился в дистанцию шашки – оружие начинает тереться и ударять друг о дружку. А на коне вы повредите оружие за несколько минут: при верховой езде шашка всегда подпрыгивает и, естественно, она будет металлическим эфесом с силой бить по металлическому наконечнику кинжала.

Для тех, кого не убедили приведенные шесть доводов (что представляется совершенно невероятным), назову последний – седьмой. Во время военного похода кинжал просто невозможно было повернуть вдоль талии налево, так как в этом месте на поясе располагались различные предметы снаряжения. Чего стоит только одна пузатая фляжка.

И в заключение этого затянувшегося спора сообщаю сторонникам «привязки» кинжала, что крючок на поясе, куда они также любят укладывать кинжал, в Кавказском линейном, а затем в Кубанском войске предназначался для подвешивания шомпольной трубки с шомполом и пистолета сверху. Об этом говорят и документы, и фотографии. По словам дагестанского этнографа А. Д. Магомедова, крючки в начале XX в. служили «для прикрепления на весу шашки». Честно говоря, не можем понять, как и зачем ее крепили. От веса шашки крючок будет выворачивать ремень. Возможно, шашка висела на пасовых ремнях портупеи, а для ограничения движений каким-то способом фиксировалась еще и крючком.

Младший урядник конного полка ККВ. Классический подвес кинжала с помощью короткой ременной петли, продетой в кольцо сверху. В таком положении кинжал совершенно не мешает при ходьбе, а тем более при конной езде. Конец ремня спокойно свисает по внешней стороне бедра, играя декоративную роль

Азиатский кремневый пистолет носили не только на крючке, но и в особой петле, устроенной на поясе между кинжалом и шашкой. Согласитесь, что притягивать кинжал к поясу, перекрывая тем самым пистолет, более чем нелепо. Пистолет носили и просто заткнутым за пояс с левой стороны.

Г. Н. Прозрителев в своей работе «Кавказское оружие» (Ставрополь, 1915) пишет, что значение крючка на поясе ему неизвестно. Если о функциональной роли крючка в начале XX в. не знал такой видный исследователь и директор ставропольского музея, то не знали об этом и как минимум два поколения казаков. Для указанных нами целей поясной крючок использовался в Кубанском войске в 1860-е гг. Возможно, ношение на крючке шомпольной трубки и пистолета – лишь дань кратковременной моде, так как документов, регламентирующих этот прием, мы не встретили. Возможно (даже скорее всего), пистолет надевали на крючок вовсе не в походной и боевой ситуации, а в праздничных и торжественных случаях, чтобы продемонстрировать все свое оружие сразу. Разумеется, крючок мог употребляться и для подвески других, кроме шомпола, предметов снаряжения. С третьей четверти XIX в. крючок, на наш взгляд, – лишь декоративный элемент поясного набора, как впоследствии муляжи жирничек и отверток.

Подведем итоги. Способ фиксации кинжала параллельно поясу в условиях пограничной службы и военного похода представляется нам ненужным, неудобным, а при полном комплекте снаряжения и невозможным. Мы готовы корректировать свою точку зрения при появлении серьезных источников, свидетельствующих об обратном. Но уже и сейчас ясно, что подобный способ ношения кинжала не носил повсеместного и системного характера. А исключения из общей нормы бывают всегда, и мы могли бы привести их десятки. Наверное, никто не может представить себе кубанского казака начала XX в. в лаптях, кумачовых шароварах и зеленом бешмете, расшитом красными петухами...

Казаки 8-го Кубанского пластунского батальона. 1905 г.

Батальон входил во 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду, состоявшую из второочередных батальонов номеров с 7-го по 12-й. Мобилизация бригады началась в ноябре 1904 г. Окончательная подготовка к военному походу на Дальний Восток проходила в селении Армавир, где и была сделана эта фотография. Все три кинжала – с произвольным прибором.

Посмотрите на ширину форменного пояса, и все мысли о завязывании его узлом около шарика исчезнут сами собой

Мы можем допустить привязку кинжала к поясу в домашнем быту, хотя никакой практической целесообразности в этом не видим. Вполне вероятно, это было связано с всплеском сиюминутной моды или же с ситуациями этикетного характера. Однако и это требуется еще доказать, голословных утверждений мало.

Отделкой златоустовских клинков в Кубанском войске занимались: войсковая мастерская, военно-ремесленные школы, кавказские мастера оружейного и серебряного дела и, крайне редко, мастера станичные. Первые две группы эпизодически производили выделку небольших партий кинжальных клинков весьма посредственного качества, кавказские мастера – довольно регулярно и в значительных количествах (особенно в годы Первой мировой войны). Ремонт оружия выполняли также оружейные мастерские при военных отделах и оружейные мастерские в конных полках и пластунских батальонах.

Дату создания войсковой мастерской Кубанского войска установить не удалось. Пер-

Казаки Ейского конного полка на закавказском кордоне. Начало 1880-х гг. Обратите внимание на казака, стоящего у дерева. Правой рукой он придал кинжалу горизонтальное положение, и конец ножен этого обычного по размерам кинжала (по тем временам) ушел за спину соседа. Неужели такую неудобную позицию кинжала можно признать приемлемой для «боевого положения» или похода?

Кубанские казаки на Кавказском фронте. Первая мировая война. Что-то не получилось у бравых пластунов в боевом походе привязать свои кинжалы параллельно поясу. У крайнего справа казака к ножнам кинжала прикреплен индивидуальный перевязочный пакет

вые сведения о ней мы нашли в документах Войскового штаба за 1871 г. Мастерская занималась исправлением 6-линейных казачьих винтовок, переделкой кремневых пистолетов в ударные (всего 14 штук за год), переделкой 300 «донских шашек по азиатскому образцу». Те же работы производились в 1872 г., добавилась «обделка» 283 златоустовских шашек, очевидно из поставки 1870 г. [91]. «За недоставкой оружия для починки» мастерская делала железные кровати и водопровод в Мариинском женском училище. После 1872 г. сведения о мастерской крайне редки, и речь в них идет о починке огнестрельного оружия.

В конце 1870-х гг. в войске готовят проект положения о мастерской. Программа обучения мастеров предусматривала выполнение следующих работ, связанных с холодным оружием: заточка шашечных и кинжальных клинков, выправка погнутых клинков, изготовление ножен и рукоятей, металлических частей поясного и портупейного приборов [92]. В высочайше утвержденном 23 сентября 1889 г. «Положении о войсковой мастерской Кубанского казачьего войска» ее задачи были сформулированы так: «Для исправления оружия, изготовления седел и прочего казачьего снаряжения...». Пункт 23-й предписывал мастерам на вновь изготовленных вещах ставить свои и мастерской клейма. О холодном оружии в «Положении» нет ни слова, теоретический курс для учеников оружейного отделения предусматривал лишь изучение устройства и действия ручного огнестрельного оружия. Но само собой хорошо ничего не получится: правильно заточить кинжал, а тем более шашку сможет лишь хорошо обученный мастер.

Истинное положение дел в мастерской и профессиональный уровень ее сотрудников красноречиво рисует рапорт начальника мастерской от 16 ноября 1890 г.: «Не имея в настоящее время ни средств, ни умения производить в потребном количестве то необходимое в снаряжении каза-

Депутаты от пехоты (трое первых слева) *и конницы Кубанского казачьего войска на представлении наследнику-цесаревичу в г. Керчи. 1869 г.* Слева направо: *урядник, казак, есаул, хорунжий, урядник и два приказных. Нижние чины вооружены шестилинейными винтовками. У двоих конных казаков пистолеты прикреплены к поясу спереди*

Кавказский пояс с серебряным набором, в состав которого входит и крючок

ков, в котором крайне нуждается войско, я прошу... разрешить допустить к работе во вверенной мне мастерской известных мне в Дагестане мастеров тысячи кинжалов и тысячи шашек златоустовских, по установленному образцу... Мастерская же, взяв посильное участие в работе (дерево ножен и выковка мелких частей), расчислит процент для удержания в свою пользу.

Безсомнительная польза выражается тем, что явятся даровые учителя, около коих, конечно, успеют научиться и наши сомнительные мастера и ученики...

Вещи будут выполняться со штемпелем мастерской, что, популяризуя войсковую мастерскую, оградит казака и успокоит его в качестве...» [93].

Очень хочется связать это свидетельство с описанными выше кинжалами 1891 г. изготовления (со столь необычными картушами на клинках), но подтверждений подобного «исхода» дагестанцев в мастерскую нет. Да и начальник мастерской предполагал не изготавливать клинки, а «одевать» златоустовские. Возможно, следствием этого рапорта стало желание наказного атамана организовать обучение мальчиков казачьего сословия у дагестанских мастеров-серебряников, работавших в Кубанской области. Дагестанцы, естественно, разделили желание атамана. Юнус Ибрагимов-оглы 3 января 1894 г. в письме к «Начальнику казачьего войска» сообщал: «Я желаю взять в свою мастерскую для обучения двух мальчиков казачьего сословия и двух из горцев Кубанской области. Мальчики эти должны обучаться три года, в течение которых я обязуюсь выучить отделывать холодное оружие под серебро и металл кавказской работы; работать самостоятельно ленчики, как простые, так и отделывать их рогом, и шорной работе, относящейся к седлу...» [94].

Что касается клейма войсковой мастерской, то оно нам хорошо известно – это аббревиатура «ККВ» в овале. На холодном оружии клеймо выбивалось на обоймице рукояти, на устье и наконечнике ножен, иногда – на пяте кинжального клинка. Существовало две разновидности клейма, отличавшиеся размером и начертанием букв. Малое клеймо имело овал размером 2 × 4 мм, большое – 4,9 × 7 или 4 × 7 мм. Большое клеймо, проставленное на клинке, вовсе не означало, что его изготовили в войсковой мастерской. Как мы не раз подчеркивали, выделка клинков не входила в ее задачи. Не имея оборотного капитала, мастерская по соглашению получала (не приобретала) от кавказских оружейников клинки, делала весь прибор, собирала, пускала в продажу и потом уже рассчитывалась с мастерами. Вот на подобные клинки ставилось так называемое «приемное клеймо» мастерской, то есть клеймо качества, гарантирующее казаку прием его оружия в полках и батальонах. Приемное клеймо войсковой мастерской одновременно являлось и приемным клеймом войска. Собственно говоря, это не два отдельных понятия, а одно и то же. В документах выражения «приемное клеймо войска» и «приемное клеймо войсковой мастерской» используются как синонимы.

Существовала и несколько другая схема употребления приемного клейма «ККВ». Клинок ковал кавказский оружейник, оправу и сборку производил кавказский серебряник. Готовый кинжал сдавался в войсковую мастерскую для клеймения и потом продавался мастерской или мастером-серебряником. Цель преследовалась та же – подтвердить качество оружия и ускорить его реализацию. В обоих случаях мастерская имела свой коммерческий интерес – за наложение приемного клейма она брала по 10 коп.

Был и третий вариант: частные мастера просто подделывали клеймо войсковой мастерской. Подобная практика приняла угрожающие размеры, и в 1898 г. наказной атаман объявил по войску, что «у частных мастеров и торговцев не может быть вещей с клеймом мастерской». Это еще больше стимулировало последних пускать свои изделия в продажу через мастерскую. Атаман также потребовал «установить клеймение всех вещей, изготовленных в мастерской». Что означает требование «установить»? Ведь если клеймо подделывали – значит, оно существовало. Вероятно, здесь ключевое слово «всех» – мастерская явно не успевала (не хотела, не могла) клеймить все вещи (речь идет не только о холодном оружии).

На устье ножен одного из кинжалов образца 1904 г. (с клинком 1905 г. изготовления) нам встретилось клеймо в виде двух букв «ВМ», выбитых раздельно двумя буквенными чеканами. Можно предположить, что данное клеймо означает «войсковая мастерская».

Кинжалы, помеченные клеймом войсковой мастерской и выбитыми на клинках приемными клеймами, встречаются нечасто, но и редкими их не назовешь. К настоящим раритетам, пожалуй, стоит отнести клинки с так называемым «полным клеймом» войсковой мастерской. Скомпоновано оно в форме овала, верхняя дуга которого образована словом «войсковая», нижняя – словом «мастерская»; в центре – «К.К.В.».

Клейма войсковой мастерской Кубанского казачьего войска. Вверху – малое клеймо на ободке обоймицы рукояти. Внизу – большое клеймо, выбитое на обоймице рукояти. Обоймица никогда не облегала плотно основание рукояти и при клеймении всегда проминалась, отчего клеймо редко получалось четким. Подобное клеймо, выбитое на пяте клинка, являлось приемным клеймом мастерской и приемным клеймом войска

Подобное клеймо автор видел несколько раз на кожаных вещах, относящихся к конскому снаряжению. Кинжальный клинок с этим клеймом встретился лишь один раз (кинжал хранится в музее истории ст. Брюховецкой). К сожалению, установить хронологические рамки использования этого клейма не удалось. По нашему мнению (скорее интуитивному, чем логическому), это изначальный вариант клейма войсковой мастерской, изготовленный вскоре после издания «Положения» о ней, то есть в конце 80 – начале 90-х гг. Клеймо слишком «громоздкое» и неудобное для того, чтобы ставить его на стальных клинках, имеющих к тому же линзовидное сечение. Замена износившегося многобуквенного клейма обходится недешево. Поэтому в войске переходят на упрощенный (и уже ранее использовавшийся) вариант сокращенного клейма в виде буквенной аббревиатуры «ККВ». Таковой нам представляется логика развития событий. Именно сокращенный вариант клейма и могли подделывать частные мастера и торговцы, о чем писал атаман войска в 1898 г.

Стоит, наверное, упомянуть еще о двух особенностях использования аббревиатуры «К. К. В.» на холодном оружии. Черневая надпись из этих букв на верхней части устья ножен не является клеймом мастерской. Этот «знак принадлежности» и элемент декора присутствует на работах различных мастеров. Выбитые клейма «ККВ» вовсе не обязательно проставлены на всех металлических деталях оружия. Встречаются полные «родные» комплекты, на которых клеймо выбито не на всех трех подлежащих клеймению деталях (обоймица рукояти, устье, на-

конечник), а на двух или даже на одной. Если уж мы заговорили о комплектности, то несколько слов о «сборных оправах».

Наличие на кинжале разных по технике исполнения и рисунку устья, наконечника и обоймицы рукояти еще не свидетельствует о монтаже этого комплекта несколько дней назад неизвестным реставратором. Есть комплекты сборные, что называется, от рождения. «Я тебя слепила из того, что было» – эти слова известной песенки могут стать первым объяснением данного явления. Второе состоит в том факте, что крепление наконечника ножен являлось самым слабым звеном в конструкции кинжала. Рапорты начальников эшелонов с молодым пополнением свидетельствуют, что за время движения по железной дороге из 120–170 казаков сменных команд 10–15 человек утрачивали наконечники. В частях они подбирали новые. Это уже, конечно, сборный комплект, но и новоделом его не назовешь. Существование подобных «старых» сборных комплектов подтверждают отдельные дореволюционные фотографии и подлинники с убедительной легендой, исключающей позднейшее вмешательство.

Коротко опишем один из таких кинжалов (КМ-3143/16). Клинок стандартный фабричный, 1908 г. изготовления. Рукоять из двух щечек темно-коричневого рога на трех заклепках. Головки крайних заклепок диаметром 14 мм, средней – 10 мм. Под верхней – шайба диаметром 25,6 мм, довольно неровно вырезанная. Орнамент на рукояти и устье вытравлен, слегка подрезан штихелем и затем заполнен чернью. Травление и резьба очень грубой работы. Нам неизвестны факты исполнения орнамента кавказскими мастерами в технике травления. Им, с детства обученным владеть штихелем, было легче и быстрее его вырезать. На ободке обоймы рукояти выбито клеймо войсковой мастерской. Два этих факта – техника исполнения орнамента и клеймо – свидетельствуют о том, что прибор рукояти и устье были выполнены в мастерской Кубанского войска. Орнамент наконечника совершенно другой, да и выполнен гравировкой. В очередной раз убеждаемся, что в войсковой мастерской предпочитали густой насыщенный «мархарай».

Устье кинжальных ножен работы Екатеринодарской военно-ремесленной школы. Все изображения выполнены травлением. Его признаки: канфареная («песочная») фактура дна, разная глубина рисунка, заоваленные места сопряжений, изъеденные мелкими точками края линий... В ряде мест металл вообще не протравлен (или очень неглубоко) и чернь не легла или вскоре выпала

Приведем ассортимент войсковой мастерской за 1897 г. [95]. «Кинжал с золотым набором под чернью и златоустовским клинком – 6 руб. 25 коп., с азиатским клинком – 5 руб. 25 коп.; с набором желтой меди под чернью и златоустовским клинком – 5 руб. 55 коп., с азиатским клинком – 4 руб. 55 коп.; с металлическим гладким набором под чернью и златоустовским клинком – 5 руб. 20 коп., с азиатским клинком – 4 руб. 20 коп.; пояс к кинжалу с позолотой – 1 руб., с медным прибором под чернью – 80 коп., с гладким под чернью – 70 коп.». Такса 1899 г. предусматривала уже верхнюю и нижнюю цену по каждому пункту. Кинжал со златоустовским клинком и золоченым набором под чернью стоил от 6 руб. 25 коп. до 7 руб. 25 коп., с азиатским клинком – 5 руб. 25 коп.; кинжал со златоустовским клинком и белым набором под чернью – от 5 руб. 20 коп. до 8 руб., с азиатским клинком и тем же набором – от 4 руб. 20 коп. до 7 руб.; клинок кинжальный златоустовский стоил 3 руб., азиатский – 2 руб.; ручка буйволового рога – от 50 до 75 коп.; ножны кинжальные – 60 коп.; сборка и заточка кинжала – 20 коп. [96].

Военно-ремесленные школы утверждены в Кубанской области приказом по военному ведомству 1893 г. В одном из постановлений цель их учреждения сформулирована так: «Для распространения в населении Кубанского казачьего войска ремесленных знаний, необходимых для изготовления предметов обмундирования и снаряжения выходящих на службу казаков, а также для приготовления строевым частям войска знающих мастеров и подмастерьев учреждены военно-ремесленные школы, каждая

Кинжал Кубанского казачьего войска работы войсковой мастерской. 1890-е гг. Клинок маркирован «полным клеймом» мастерской. Сравните клинок мастерской с клинками Златоустовской оружейной фабрики

на 60 учеников...» Учебный курс в школах разделялся на три погодных класса: младший, старший и специальный. В школы принимались сыновья казаков и чиновников войска в возрасте от 16 до 17 лет.

Уже в первые годы было замечено, что в школы поступали сыновья зажиточных родителей с целью отбыть действительную службу на нестроевых должностях. Возвратясь в станицу, сыновья богатых казаков, «не имея нужды снискивать себе пропитание тяжелым трудом ремесленника, не только не открывают дома мастерских, но и вовсе оставляют свое мастерство...». Таким образом, войсковые деньги оказывались истраченными без всякой пользы. В 1904 г. наказной атаман приказал отдавать преимущество при поступлении в школы сиротам.

Согласно Положению о военно-ремесленных школах ученики в течение всего трехлетнего курса должны были обучаться одному и тому же ремеслу. Однако в Кубанском войске в 1900 г. было установлено правило, чтобы ученики шорно-седельного и кузнечно-слесарного отделений два года обучались одному ремеслу, а один год – другому. Опыт оказался неудачным. В 1904 г. была утверждена единая программа по изготовлению следующих вещей:

1) по кузнечному ремеслу: подковы всех типов, ковочный инструмент и рабочий кузнечный инструмент;

2) по седельному ремеслу: арчаки казачьего образца – «голые» и оклеенные; шашечные и кинжальные ножны;

3) по шорному: все ремни на седла, подушку, потник, переметные сумы, чехол для ружья, патронташ;

4) по слесарному: слесарные инструменты;

5) по шапочно-портняжному: все предметы казачьего обмундирования и папахи.

Как мы видим, изготовление кинжальных, а тем более шашечных клинков программой обучения не предусматривалось. Ученики седельного отделения должны были научиться делать ножны. При каждой школе имелась «военная мастерская», в которой выпускники школ с целью «совершенствования в своем мастерстве» изготовляли для выходящих на службу казаков снаряжение и обмундирование. Казаки, служившие в мастерских, имели форму одежды, установленную для конных полков, но с шифровкой на погонах, обозначавшей название школы (например: Е. Ш. – Екатеринодарская школа). На предметах, сделанных в мастерских, проставлялось клеймо, аналогичное шифровке на погонах.

На основании приказа по военному ведомству № 134 от 1893 г. в Кубанской области в 1893–1894 гг. были открыты Екатеринодарская, Уманская и Майкопская школы. Клейма соответственно «Е. Ш.», «У. Ш.» и «М. Ш.». Чуть позже начала работать Лабинская школа, но просуществовала она недолго. Вторично ее открыли в 1918 г. В сентябре того же года возникла Славянская школа. Всего на 1919 г. в Кубанской области работало семь военно-ремесленных школ: Екатеринодарская, Уманская, Майкопская, Славянская, Лабинская, Кавказская и Баталпашинская. На оружии нам встречались клейма только первых трех школ и, возможно, Лабинской – очень нечетко пробита левая буква. Все клейма овальной формы. В Екатеринодарской школе буква «е» встречается в двух вариантах – прописная и строчная. Приведем описание кинжала образца 1904 г. с прибором работы Екатеринодарской школы (КМ-1853).

Клинок четырехдольный златоустовский; изображения в картушах сохранились фрагментарно, и год разобрать не удалось. Весь набор к кинжалу сделан из белого металла. Устье и наконечник украшены черневым орнаментом в стиле дагестанского орнамента «мархарай». С обратной стороны устья и наконечника выбито клеймо «Е. Ш.». Выделим характерные черты этой школы (да и других тоже). Невысокий уровень технического исполнения. Фигурные вырезы на обратной стороне устья и наконечника ножен вырублены, по-видимому, зубилом и даже толком не зачищены. Белый металл прибора очень тонкий, поэтому на кинжалах всегда много помятостей. Особенно тонка лента на скобе устья, так как ее выколачивали вручную. На нашем кинжале ее толщина 0,4 мм. Поэтому для придания жесткости ленту скручивали в кольцо не менее двух оборотов. В местах пайки скобы всегда «заплывы» олова. Рисунок выполнен травлением. Линии, как обычно, разной ширины, их края неровные и извилистые. Орнамент, как всегда, густой и сочный, и, если не вглядываться в детали, он смотрится пышнее и богаче, чем резные (с чернью) орнаменты работы большинства кавказских мастеров. По вертикальной осевой орнамента проходит ряд шестилепестковых розеток (хотя есть работы Екатеринодарской школы и вовсе без них). Скоба украшена черневыми «шевронами».

Когда Екатеринодарская школа начала изготавливать рукояти, ножны и прибор к ним, нам точно неизвестно. Первые опыты работы с холодным оружием Уманской и Лабинской военно-ремесленных школ относятся к 1901 г., когда наказной атаман Кубанского войска приказал выдать им по 500 шашечных и по 600 кинжальных клинков «с целью дать им практику в обделке холодного оружия, необходимого для продажи казакам» [97]. Небольшое количество кинжалов Уманской школы отмечено в актах осмотра сменных команд 1903–1904 гг. О кинжалах Лабинской школы упоминаний в документах нет.

Вплоть до Первой мировой войны речь об изготовлении клинков в военно-ремесленных школах даже не заходила. Утраты оружия на фронте и мобилизация льготных частей вызвали острую нехватку кинжалов. 21 апреля 1915 г. наказной атаман генерал от инфантерии М. П. Бабыч издал приказ Кубанскому войску № 249. Вследствие важности этого приказа процитируем его полностью. «Ввиду недостатка кинжальных клинков, изготовляемых Златоустовской оружейной фабрикой, мною было разрешено Екатеринодарской военно-ремесленной школе изготовить 3000 штук кинжальных клинков. Изготовленные клинки проверены комиссией.

Клейма Екатеринодарской, Уманской и Майкопской военно-ремесленных школ

Клеймо Екатеринодарской школы с прописной буквой «Е» проставлялось и на приборе кинжала (редко), и на клинке. В последнем случае оно играло роль приемного клейма

Два сборных кинжала. На левом орнамент на обоймице выполнен гравировкой, на устье (работы военно-ремесленной школы) – травлением. Ножны изначально делались без наконечника, по оборотной стороне до самого низа идет красивый профессиональный шов. Кинжал из довоенных поступлений. В таком виде он вполне мог участвовать и в Первой мировой и в Гражданской войнах.

Правый кинжал описан в тексте (КМ-3143/16). *Укажем лишь, что при реставрации была заменена кожа. На этот факт мы не обращали внимания раньше, не будем обращать и дальше, так как у большинства «находящихся в обороте» кинжалов поставлена новая кожа. Второй кинжал также из довоенных поступлений. Они оба могли поступить в музей в ходе «пионерских чисток» казачьих хат*

Примерно с конца 1880-х гг. в Кубанской области появляются кинжалы в «сплошных» мельхиоровых ножнах с таковыми же рукоятями или с рукоятями из роговых щечек, но покрытых с лицевой стороны металлом. Украшены они черневым черкесским орнаментом, в ряде случаев орнамент резной без черни (очень неглубокий и не очень чисто выбранный). Орнаменты на изделиях варьируют, но всегда довольно простенькие. У всех кинжалов этой группы есть одна конструктивная деталь, сразу бросающаяся в глаза, – высокая скоба «пирамидальной» формы (края заметно сужаются кверху со всех четырех сторон) и глубоко заведенное на тыльную сторону кольцо скобы. И самое главное – на кинжалах стоят клинки казачьего образца работы Златоустовской фабрики. Мы приводим фотографию кинжала, у которого рукоять и орнамент на ней аналогичны орнаменту кинжала из коллекции РЭМ (Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. – СПб, 2006. – № 47). *Разница в клинках – на нашем стоит златоустовский.*

У нас есть две версии происхождения этих кинжалов: 1) кавказский мастер (о мастерах говорить не приходится, так как кинжалы выглядят стандартно) покупал клинки фабрики, делал прибор и монтаж и продавал готовое изделие казакам. У этой версии есть слабое место: официально аббревиатура «ККВ» должна была выставляться на клинках войскового заказа; 2) организатором производства является войсковая мастерская. Клинки Златоуста штаб отпускал войсковой мастерской. Она, как обычно, привлекала к работе кавказских мастеров, возможно, на прессе или давильном станке делала весь прибор и отдавала для сборки и художественного оформления азиатским мастерам. Затем готовые кинжалы шли в продажу. Версия согласуется с прейскурантами мастерской, в которых речь шла о кинжалах с «клинком Златоустовским и набором белого металла с чернью».

Кинжалы Кубанского казачьего войска с прибором работы Екатеринодарской военно-ремесленной школы. Начало XX в. Кинжал слева – КМ-1853 *(см. основной текст)*

Два кинжала и кинжальная полоса с клинками, заверенными приемным клеймом Екатеринодарской военно-ремесленной школы

На клинках с одной стороны имеется клеймо «К.К.В.», а с другой «Е.В.Р.Ш.», кроме того, на этих же клинках имеется клеймо приемной комиссии «К.К.В.», почему предписываю станичным правлениям приказ этот объявить на станичных сборах, разъяснив, что клинки, изготовленные Екатеринодарской военно-ремесленной школой, приобретенные казаками, начальствующими лицами браковаться не будут. При покупке кинжалов необходимо обращать внимание на клеймо.

Изготовление таких клинков другим лицам, кроме Екатеринодарской военно-ремесленной школы, воспрещаю».

Когда-то в коллекции автора был кинжал Екатеринодарской школы, научное значение и редкость которого выяснились позже. Любительскую фотографию воспроизвести, очевидно, не удастся, поэтому дадим описание. Клинок «стандартный» – прямой обоюдоострый, четырехдольный. На клинке нет ни одной сигнатюры, свидетельствующей о производстве его в Златоусте. Тем не менее по качеству выделки клинка и чистоте обработки мы склонны отнести его к продукции оружейной фабрики. Прежде всего это видно по долам: глубокие, четкие, ровные, без выхватов – они явно вышли из-под профильных валков. Хвостовик в верхней своей части утончается (как обычно на златоустовских клинках) до 2 мм.

На лицевой стороне клинка в «типичном» златоустовском картуше (они легко узнаваемы, но при внимательном рассмотрении мы заметим отличия в деталях даже на клинках одного года выпуска) изображены три буквы «К», то есть аббревиатура «ККК», которая до сих пор нас ставит в тупик. Травление также высококачественное: по чистоте фона, глубине вытравки и ровным краям мы тоже отнесли бы его к работе фабрики. Поверх аббревиатуры, прямо на двух буквах «К», выбито клеймо Екатеринодарской школы. На обратной стороне в подобном же картуше вместо ожидаемого «ЗОФ» вытравлены прописные буквы, из которых видны две: «ЕШ», обычного для подобных аббревиатур размера (приблизительно 15 мм).

Прибор ножен несет на себе характерные признаки работы военно-ремесленных школ: травленый, заполненный чернью рисунок; орнамент – густой «мархарай»; черневые «шевроны» на скобе и т. д.

Удивительно, но на этом и на других известных автору кинжалах из данной партии вместо обещанного атаманом приемного клейма войска (т. е. «К.К.В.») выбито клеймо Екатеринодарской школы – «Е. Ш.». Не исключено, что атаману было не до тонкостей и он допустил ошибку; возможно, в этой партии по неизвестной нам причине появились две серии, из которых одна помечена клеймом войска, другая – клеймом школы.

Кинжалы Кубанского казачьего войска работы Екатеринодарской военно-ремесленной школы периода Первой мировой войны.

Вверху – *аббревиатура «ЕВРШ» выполнена «прописным курсивом»*; ниже – *лицевая сторона с аббревиатурой «ККК» и наложенным сверху приемным клеймом школы.*

Внизу – *кинжал из этой же серии, но надпись «ЕВРШ» выполнена соподчиненной вязью* (фото из Интернета)

Кинжал Екатеринодарской военно-ремесленной школы периода Первой мировой войны. Размеры: 470, 325, 36,7; толщина 5 мм. Длина картуша 55 мм, ширина – 29 мм. Высота первых трех букв «ЕВР» 13 мм, буквы «Ш» – 7 мм. Буквы «ККВ» выполнены русской титульной вязью, их высота 12 мм (на фото буквы не просматриваются). Клинок, устье и наконечник ножен маркированы клеймом школы. Подлинной является и обоймица рукояти. Скоба на устье перепаяна. Все остальные детали – новодельные

Кинжал Екатеринодарской военно-ремесленной школы периода Первой мировой войны. Размеры: 456, 326, 36. Длина картуша 57 мм, ширина – 26 мм. Высота букв 12 мм

В последующие годы войны и шашки, и кинжалы делались в военно-ремесленных школах «по приобретению клинков». В начале 1919 г. стоимость работ, согласно таксе, утвержденной приказом по Кубанскому войску, составляла: ножны шашечные деревянные без оклейки – 15 руб., оклейка кожей – 30 руб., оклейка парусиной – 20 руб.; рукоять шашки из дерева – 10 руб., набор железный – 15 руб.; готовый кинжал с железным набором стоил 50 руб. [98]. Для сравнения: башлык – 2 руб., черкеска казачья – 30 руб., гимнастерка летняя с одним карманом – 4 руб., френч летний – 25 руб., зимний – 45 руб., бешмет летний – 12 руб., зимний – 45 руб. Цены, установленные приказом, совершенно не отвечали галопирующим ценам рынка, и школы находились в крайне тяжелой ситуации. Стоимость седла была установлена в 400 руб., а рыночная равнялась 900 руб. К концу года рыночная цена башлыка достигла 350 руб., гимнастической рубахи из парусины – 350 руб., черкески из фабричного сукна – 1500 руб. Подчеркиваем еще раз тот факт, что в годы войны наборы на кинжалы и шашки выполнялись из железа.

Третий крупный участник кинжального производства на Кубани – кавказские мастера оружейного и серебряного дела. В их жизни издавна значительное место занимали отхожие промыслы. Во многом они были обусловлены узостью внутреннего рынка и хроническим малоземельем. Окончание Кавказской войны, развитие капиталистических отношений, втягивание Кавказа во всероссийский рынок во многом способствовали расширению практики отхода. Ежегодно значительное число местных жителей (в основном дагестанцев) покидали родные места и в поисках заработка расходились по городам и селениям Северного Кавказа, Закавказья, Южной России [99].

Часть из них оседала и в Кубанской области.

Э. Г. Аствацатурян, специально изучавшая отходничество дагестанских мастеров, отмечала, что в начале XX в. в Екатеринодаре их работало девять человек, по два-три мастера – в Майкопе и Армавире [100]. Впоследствии ей удалось выявить еще ряд дополнительных имен. Аналогичное исследование провели и мы.

Напомним, что Кубанское казачье войско начало сотрудничество с дагестанскими мастерами в 1871 г., когда оружейники Казикумухского округа изготовили по его заказу 1000 кинжальных клинков. В 1884 г. «осматривающий оружие в Кубанском казачьем войске» подполковник Андриевский отметил кинжалы 1-го Урупского полка: «Кинжальные клинки, около 700 экземпляров, выписаны полком в этом году из Закавказья от известного азиатского мастера Базалая – клинки хороши, и вполне отделанный кинжал обошелся казакам довольно дешево – ничего подобного за эту цену казаки в вольной и отдельной (речь о военном отделе. – *Б. Ф.*) продаже не могут найти».

По мере развития отходничества все большее количество контрактов заключается с кавказскими мастерами в самой Кубанской области. В 1876 г. в Екатеринодаре оформлением оружия занимался серебряных дел мастер Казаметов. В 1878 г. оружейным мастером Майкопского военного отдела состоял Мамаев, в станице Новонижестеблиевской работал «мастер отделки» Ахвердов [101]. В Екатеринодаре (помимо мастеров, указанных Э. Г. Аствацатурян) трудились Сулейман Юсупов, Юнус Керимов, Али Ибрагимов, Юнус Ибрагимов. Поставщиком оружия и снаряжения для нижних чинов станиц Кавказского полкового округа являлся Магомет Али Оглы Алимов, а 2-го Полтавского полка – мастер Магомет-Остап-Оглы Хаджи-Мурзаев.

Мы опубликовали четыре фотографии кинжалов работы Екатеринодарской школы из шести, имеющихся в нашем распоряжении. В пяти случаях рисунки картушей и букв заметно (порой кардинально) разнятся друг от друга. Этому факту есть следующие объяснения: 1. Помимо заказа 1915 г. школе было сделано еще несколько (в делопроизводственной переписке о них нет ни слова). 2. Получив заказ, школа (как обычно) выдала клинки в обработку нескольким азиатским мастерам. Вполне очевидно, что рисунков эталонного оформления клинков никто не делал, мастера получили лишь словесное описание. Этим можно объяснить ошибки: три «К» вместо «ККВ», и маленький хвостик у буквы «Ш», превративший ее в «Щ» (С. 258, внизу).

Качество выделки клинков высокое. Если они работы военно-ремесленной школы (о чем пишет атаман), то остается только удивляться и восхищаться тем, как в это военное время школа сумела приобрести дорогостоящее оборудование и найти высококвалифицированных мастеров. Мы почти уверены, что клинки эти родом из Златоуста и приобрели их за наличные деньги у каких-то частных торговцев или тех же златоустовских кустарей. Не зря же в 1916 и 1917 гг. школа сообщает о выделке кинжалов только после «приобретения клинков». С чего бы вдруг школа закрыла свое только что налаженное производство. Впрочем, по этой узкой теме надо еще как следует поработать.

Кинжал (полоса) «дагестанского типа» со смещенным долом. Ранняя работа братьев Керимовых. Конец 1890-х гг. – начало XX в. Вверху – *клеймо «Керимовы»,* внизу – *приемное клеймо Екатеринодарской школы («Е.Ш»). Клеймо школы со строчной буквой «е» встречается на клинках очень редко, тем более в прямоугольной рамке*

Особо следует отметить работы екатеринодарского мастера Сулеймана, который делал серебряные оправы с гравировкой и чернью. К празднику 200-летия Кубанского казачьего войска он изготовил партию дорогих шашек и кинжалов. На клинках он «глубоко вырезал» и вызолотил следующие надписи: с одной стороны – «В память 200 лет Кубанского казачьего войска», с другой – «За наездничество 2 сент. 1896 г.». Количество заказанного призового оружия не могло быть большим, обычно речь шла о 10–15 экземплярах. Клинки Сулеймана из этого заказа, наверное, самые редкие и дорогие среди казачьего оружия (вследствие малого количества и мемориального характера).

В 1893 г. атаман Лабинского отдела полковник Савицкий заключил «условие» с жителем селения Цударх Даргинского округа Джебраилом Омар-Оглы на отделку холодного оружия для казаков отдела [102]. Первоначально его напарником был житель аула Кубачи Омар Али-Оглы, а по мере увеличения объемов производства к ним присоединились Гаджи Омар-Оглы и братья Юнус Ибрагим-Оглы Керимов и Али-Бита-Оглы Керимов. Управление отдела выписывало из штаба войска шашечные и кинжальные клинки и отдавало названным лицам для «обделки в металл и под чернение ножен». Они поставили холодное оружие для казаков эшелонов 1894, 1895 и 1896 гг. Об объемах производства свидетельствует тот факт, что только Омар Али-Оглы сделал прибор к 950 шашкам и 370 кинжалам, а Юнус Керимов – к 1400 шашкам и 2600 кинжалам.

Все эти подробности мы узнали лишь благодаря следственному делу, заведенному за растрату казенных денег. Объяснение одного из мастеров выявило такую интересную для нас деталь: «Для каждого полкового округа я делал разный рисунок, совершенно отдельный от других поставщиков: для Лабинского полка мелкая резьба и для Кубанского – толстая крупная, так что можно сосчитать, кто получил оружие из отдела и когда, и кому переданы деньги, часть в казначейство за клинки, а остальная

мне за обделку...» Надо добавить, что названные мастера, помимо отделки оружия, изготавливали еще и различные предметы казачьего снаряжения (при написании имен мастеров использована орфография источника).

Особенно бурную деятельность развил Юнус Ибрагим-Оглы Керимов. В первой половине 1890-х гг. он поставлял оправленное оружие в три отдела – Екатеринодарский, Кавказский, Лабинский (и, кажется, даже в Темрюкский). Очевидно, с его именем можно связать кинжальные клинки с клеймом «КЕРИМОВЪ», появившиеся в Кубанской области где-то в начале XX в. Может оказаться, что сам Керимов не выступал в роли клиночного мастера, а являлся хозяином мастерской с полным циклом кинжального производства. Клеймо встречается и на однодольных клинках, и на четырехдольных «казачьего фасону».

Первые сведения о кинжальных клинках мастера Керимова (Киримова, Керима) относятся к 1904 г. Его продукция замечена в сменных командах Кубанского войска. Из отчета о состоянии сменной команды 1-го Черноморского полка от 3 апреля 1904 г.: «Все шашки и кинжалы войскового образца отличного качества... В числе кинжальных клинков 20 изделия мастера Киримова, вполне хорошего качества». Из акта осмотра эшелона 4-го пластунского батальона: «Кинжалы наполовину местной работы мастера Керима и Войсковой мастерской. У трех казаков кинжалы с железными клинками». Из отчета о сменной команде Кубанского казачьего дивизиона от 30 сентября 1904 г.: «Шашки и кинжалы златоустовские, кроме трех мастера Киримова» [103].

Клеймо «КЕРИМОВЪ» (а потом «КЕРИМОВЫ») выбивалось штампом, надпись рельефная на опущенном фоне. Клеймо высокого качества: буквы одинаковой высоты, с равной толщиной основных и соединительных штрихов, соблюдены межбуквенные промежутки, строгая вертикальная ориентация. Поверхность букв полукруглая, заполированная. В клейме «КЕРИМОВЫ» заглавная буква «К» выполнена выше остальных, почему в прямоугольной рамке клейма для нее сделан выступ (рамка клейма напоминает лежащую букву «Г». Длина рамки 23 мм, ширина – 4 мм.

Четырехдольные клинки Керимова смотрятся изящнее, легче, чем клинки Златоустовской фабрики. Это впечатление обусловлено несколько большей длиной его клинков в сравнении со «среднестатистическим» златоустовским и значительно меньшей шириной. Наш экземпляр имеет общую длину 480 мм, длину клинка 370 мм, ширину – 30 мм, толщину – 5,1 мм. В более узких клинках нагляднее проявляется линзовидное сечение. Разумеется, нельзя гарантировать те же самые пропорции в других партиях, но общий стиль, наверное, выдерживался.

В начале XX в. все (или почти все) известные кавказские оружейники стали изготавливать клинки наподобие высочайше утвержденных для Кавказских казачьих войск. Они выпускались и раньше, но в этот период

Кинжал (полоса) образца Кавказских казачьих войск с клеймом братьев Керимовых

Кинжал Терского казачьего войска с клинком мастера Гузунова. Начало XX в.

их производство сделалось более стабильным и массовым. Это понятно: уставное оружие было легче сбывать рядовым казакам.

Еще в 1901 г. известный владикавказский мастер Гузун Гузунов предложил Кубанскому войску 330 кинжальных клинков [104]. После наложения приемного клейма войсковой мастерской их пустили в продажу. С 1902 г. «металлической обделкой» клинков Гузунова занялся екатеринодарский мастер Хаджи-Мирзаев Абдул Юсуп-Хаджи-оглы, проживавший на Екатерининской улице в доме Посполитаки. На клинки Гузунова накладывалось клеймо мастерской, и в неотделанном виде они продавались по цене 1 руб. 75 коп., в оправе указанного мастера – 3 руб. 50 коп.

Клеймо Г. Гузунова на казачьих кинжалах ничем не отличается от обычного его клейма, проставленного на других образцах оружия. В прямоугольной рамке с чуть закругленными углами рельефом выполнена фамилия мастера – ГУЗУНОВЪ. Буквы одинаковой высоты, с довольно широкими штрихами; в левой части надписи межбуквенные промежутки несколько больше, чем в правой. Буква «Н» имеет ориентировку соединительного штриха слева – вниз – направо. По качеству выделки клинки Гузунова заметно уступают златоустовским, особенно неважно проработаны долы. В отличие от «керимовских» клинки Гузунова, наоборот, чуть пошире златоустовских. Размеры описываемого экземпляра: общая длина 470 мм, длина клинка 350 мм, ширина – 40 мм, толщина – 5,6 мм.

Клеймо владикавказского мастера Османа Омарова – ОСМАНЪ – выбито на четырехдольных клинках в контррельефе без какой-либо рамки.

На взгляд автора, кинжалы кавказских мастеров проигрывают златоустовским в декоративном плане (о качестве клинковой стали судить не беремся). У златоустовских пространство между рукоятью и долами занято красивой виньеткой и надписями декоративным шрифтом – русской

титульной вязью. На кавказских этот большой промежуток не заполнен ничем, кроме узкого клейма, и долы визуально укорачиваются и выглядят «обрубленными». От этого страдают целостность клинка, его завершенность и ухудшается его эстетическое восприятие.

С началом Первой мировой войны целый ряд кавказских оружейников начинает работать на Екатеринодарскую военно-ремесленную школу. Они изготавливают для нее кинжальные клинки. У нас есть данные о приходе клинков в 1917 г. В январе 500 кинжальных клинков сдал мастер Дарсап, в феврале 380 штук – мастер А. Гусейнов, в марте он же сдал еще 570, в апреле Гасан Гасанов сдал 1083 клинка, а Гусейнов – еще 350 [105]. За четыре месяца школа получила 2883 клинка.

Починкой холодного оружия активно занимались оружейные мастерские при военных отделах. Оружейная мастерская Екатеринодарского отдела составляла одно целое с войсковой мастерской. Все эти мастерские были заведены «хозяйственно-экономическим способом» без отпуска денежных сумм от войска. Существовали они «единственно выручкою за проводимые работы». Приказом по военному ведомству № 234 от 9 августа 1872 г. оружейные мастерские было предписано завести в конных полках и пластунских батальонах. Для первоначального приобретения инструмента на каждую мастерскую отпустили из войскового капитала 146 руб. 50 коп.

В инструкции для оружейных мастерских перечислялись виды работ, которые им разрешалось выполнять. В отношении холодного оружия перечень работ таков: «рукоятка из буйволиного рога к шашке и кинжалу, рукоятка из бычьего рога к шашке и кинжалу, отточка шашки и кинжала с правкою на кругу, заточки сломанного лезвия, перемена в ножнах деревянных частей, перемена кожи на ножнах, новая железная гайка к шашке или кинжалу».

Затачивать сломанный конец шашки или кинжала дозволялось только в том случае, когда оставшаяся часть лезвия имела длину: в шашке от рукояти по прямой линии до конца обуха 27 ¼ дм, в кинжале 11 ½ дм.

Оружейные мастерские должны были ставить четыре вида клейм: малое клеймо «с начальной буквой офицера, заведующего оружейной частью» (высота букв – 1 линия); большое клеймо (высота букв – 2,5 линии); малое клеймо с начальной буквой названия оружейной мастерской; большое клеймо с начальной буквой названия мастерской. В прилагаемом рисунке клейм буквы выполнены готическим шрифтом. Видеть подобные клейма на холодном оружии автору не приходилось.

Изготовлением прибора к холодному оружию занималась и немногочисленная группа станичных мастеров. Мы долго сомневались в том, следует ли выделять их в качестве четвертого полноправного участника оружейного производства наряду с войсковой мастерской, военно-ремесленными школами и кавказскими мастерами-оружейниками. Дело в том, что о них в войсковых документах нет совершенно никаких упоминаний. Для войсковых инстанций разного уровня они словно выпали из процесса оружейного производства. Судя по всему, отношение к ним офицеров войска, занятых организацией снабжения казаков оружием, было очень скептическим. Начальник войсковой мастерской сетовал, что казаки попадают «к сомнительным доморощенным мастерам», которые вместо настоящей черни накладывают на оправу лак с сажей.

Во-вторых, в справочных изданиях того времени, изредка публиковавших данные о мастерах, не всегда приводятся сведения об их этнической и сословной принадлежности. Поэтому в составе станичных мастеров могут быть показаны упомянутые нами дагестанцы-отходники или мастера,

Рисунки клейм оружейных мастерских при военных отделах Кубанской области. Из архивного дела 1876 г. «Правила для офицеров, заведующих оружейными мастерскими». Стоимость работ составляла: рукоять буйволового рога к шашке – от 70 до 90 коп., к кинжалу – от 20 до 30 коп.; из бычьего рога к шашке – от 15 до 20 коп., к кинжалу – от 10 до 15 коп.; заточка шашки – от 5 до 15 коп., заточка кинжала – 3–8 коп.; заточка сломанного лезвия – 5–15 коп.; замена дерева в шашечных ножнах – 10–20 коп., в кинжальных – 4–7 коп.

пришедшие на заработки из южнорусских губерний. Тем не менее станичные мастера тоже вносили свою (пусть небольшую и не очень качественную) лепту в починку и изготовление оправ, ножен и рукоятей холодного оружия.

Приведем данные из справочного издания 1889 г. [106]. Всего в Кубанской области было зарегистрировано 37 мастеров. «Станица Ханская. Слесарит 3 человека – умеют делать ружья и пистолеты (при готовых стволах), шашки и кинжалы (при готовых клинках), наборы поясов, уздечек, седел. Но работы у них мало. Жители предпочитают покупать слесарные изделия в г. Майкопе, как более дешевые...

Станица Новоминская. 2 слесаря. Один починяет ружья, другой делает незатейливые ножи для местных жителей, приделывает рукоятки к клинкам кинжалов и шашек... Станица Новодеревянковская. 2 слесаря. Чинят ружья, кинжалы. Баталпашинск – серебряных дел мастеров 8 человек (5 русских, 1 армянин, 2 горца). Делают на заказ газыри, кинжалы, приборы к поясам и уздечкам. За работу берут при своем материале по 50–60 коп. с золотника, за позолоту добавляют еще по 30 коп. за золотник. При материале заказчика берут по 20–30 коп. с золотника».

Разумеется, никаких сведений о клеймах мастеров-станичников не имеется. Скорее всего, их и не было в силу двух обстоятельств: характера работы, заключавшейся чаще всего в мелкой починке, и полулегальной деятельности вследствие неодобрительного отношения к ним войскового руководства. Возможно, кто-то из мастеров-серебряников и выставлял свою фамилию на оправе оружия, но письменных свидетельств этого мы пока не встретили.

И последняя информация о «кубанских клеймах». С конца 1880-х гг. «офицер, осматривающий оружие в Кубанском казачьем войске», получил право проставлять два клейма: «Б» и «О». Клеймо «Б» («брак», «браковано») должно было выбиваться на оружии, совершенно негодном к службе. Появление этого клейма вызвало к жизни следующее обстоятельство. При осмотре оружия в полках, состоящих на действительной службе, часть его неизменно браковалась. После окончания службы казаки первого льготного комплекта продавали в своих станицах уже забракованное однажды оружие молодым казакам, уходящим на службу. В полках оружие вновь браковалось (порой офицеры даже узнавали «в лицо» отдельные экземпляры). Затем повторялась история с продажей. Разорвать этот порочный круг и было призвано клеймо «Б».

Клеймо «О» («одобрительное клеймо») должно было выбиваться на оружии, которое по отдельным внешним (слишком большой или, наоборот, маленький размер, необычная форма клинка...) и качественным характеристикам не соответствовало предъявляемым требованиям, но в целом к службе допускалось.

Судя по всему, приказ о клеймении оружия буквами «Б» и «О» остался только на бумаге или действовал очень короткое время. Клинков с подобными клеймами мы не встречали (на огнестрельном оружии – да). Разумеется, речь не идет о златоустовском «О», столь часто встречающемся на хвостовиках шашек и кинжалов.

Как раз коротким разговором о златоустовских клеймах на казачьем оружии мы и завершим этот сюжет. Считая себя некомпетентным в этом вопросе (в очередной раз, как и по технологии клинкового производства, хочется прочитать квалифицированную статью златоустовского историка), автор позволит себе только два суждения. Из литературы давно уже известно златоустовское клеймо в виде буквы «П» в кружке («пробован»), означающее, что клинок прошел заводские испытания по проверке каче-

ства. Мнение ряда авторов (Т. И. Абольская, В. В. Паришкура) о том, что это клеймо в сочетании с буквой «Ш» в кружке означает проверку клинка на «прочность и гибкость», представляется сомнительным.

Во-первых, было бы более чем странно заверять отдельным клеймом каждую качественную характеристику клинка. Все механические свойства клинка заверены клеймом «П». Во-вторых, в паре с буквой «П» фигурирует не только «Ш», но и «С», «М», «Л», «Б», «Р». В-третьих, клинки вообще никогда не проверяли на гибкость. Гибкая у нас медная проволока, которую можно легко намотать на палец. Да, испытание в отдельных случаях называли «проба гибом», но проверяли упругость, то есть способность клинка восстановить свою первоначальную форму после прекращения действия нагрузки без каких-либо следов остаточной деформации.

Кроме «кружковых» клейм на клинках Златоуста встречаются «буквенные пары» из двух одинаковых букв, одна из которых под короной. На наш взгляд, это клейма браковщиков и приемщиков артиллерийского ведомства, работавших на Златоустовской фабрике. По заведенному порядку в войсковые части оружие принималось лишь по наружному осмотру и клеймам артиллерийских приемщиков. В отношении Кубанского войска (и, надо полагать, остальных казачьих войск) подобное положение не действовало. Кубанское казачье войско заказывало оружие помимо Главного артиллерийского управления и принимало его под свою ответственность.

Таким образом, на холодном оружии кубанских казаков вплоть до начала XX в. клейм артиллерийских приемщиков нет и быть не должно. В 1892 г. Главное артиллерийское управление предложило новый «Порядок приема холодного оружия, изготовленного на Златоустовской оружейной фабрике для казачьих войск». Суть его заключалась в распространении общих правил приема оружия и на Кавказские казачьи войска. Против нового порядка выступил горный начальник златоустовских заводов, заявивший, что подобное нововведение замедлит и удорожит производство. Кубанское и Терское казачьи войска высказались также за старый порядок приема, мотивируя свое мнение тем, «что фабрика изготавливает оружие по образцам, даваемым ей при каждом новом заказе».

Образцы клейм артиллерийских приемщиков на казачьих клинках

Старый порядок приемки оружия продержался до 1899 г., когда было установлено «казачье холодное оружие изготавливать на Златоустовской Оружейной фабрике по заказам ГАУ». Этим же годом датирован приказ атамана Кубанского войска, запрещавший покупать клинки, не прошедшие через артиллерийского приемщика. С 1899 г. на казачьем холодном оружии появляются две буквы «Ш», одна из которых под короной. Странно, но значительное количество клинков, кроме указанного клейма, больше не имеет никаких клейм или надписей: ни аббревиатур «ККВ» и «ЗОФ», ни картушей, ни года, ни поверочных клейм. Происхождение подобных клинков мы убедительно объяснить не можем (ясно, что они не из числа войсковых заказов).

После букв «Ш» на клинках появляются две буквы «Д», причем выполнены они не печатным шрифтом, а прямым курсивом. Самое ран-

нее двойное «Д» известно нам на клинке 1904 г. изготовления. Не позже 1906 г. проставляются две буквы «А», которые примерно в 1909 г. на короткое время заменяются буквами «У» (причем в квадрате), а затем возникают вновь. Даты появления указанных литер на клинках даются не по приказам, а по известным автору конкретным экземплярам оружия, а потому их следует считать ориентировочными.

...Завершая разговор о кинжале 1904 г., выскажем свое мнение о правильном наименовании подобных ему кинжалов более ранних лет изготовления. Их нередко называют: «Кинжал ККВ образца 1904 г.». Да, они принципиально ничем не отличаются, тем более что кинжала, соответствующего во всем образцовому чертежу, еще никто не видел. Но согласитесь, нелепо называть кинжал 1891 г. изготовления кинжалом образца 1904 г. Мы придерживаемся следующего определения: «Кинжал Кубанского казачьего войска. Россия. 1891 г.». С 1904 г. можно говорить об «образце 1904 г.». Если же на клинке нет даты (или она не просматривается, уничтожена) и на кинжале отсутствуют другие датирующие признаки, то лучше воздержаться от упоминания года образца. Разумеется, все сказанное относится и к шашкам.

Шашки и кинжалы, разработанные и утвержденные в Кубанском войске в еще более ранние годы, на наш взгляд, можно употреблять со словом «образец». Например: «Шашка/кинжал Кубанского казачьего войска образца 1876 г.».

Гораздо более сложным представляется методически правильное название кинжала следующего внешнего вида. Клинок, предположим, златоустовский, 1907 г., с аббревиатурой «ККВ», а ножны и рукоять серебряные, с великолепным кубачинским орнаментом. Назвать его образцом 1904 г. уже трудно (т. к. он совершенно от этого образца отличается), но все же можно, ибо казаки заказывали произвольные варианты оформления, да и войсковая мастерская готовила подобные комплекты (опосредованно, через азиатских мастеров).

В данном случае мы сталкиваемся с весьма острой проблемой атрибуции – какими критериями следует руководствоваться при определении наименования оружия? Чему следует отдать предпочтение: клинку или эфесу, месту изготовления или месту использования оружия?.. Автор не принадлежит к числу сторонников атрибуции холодного оружия по клинку. Полоса персидского шемшира, смонтированная в Туркмении, и тем более в комплекте с ножнами, несомненно, получит название сабли туркменской. Та же полоса с эфесом турецкой формы станет турецким шемширом. Но нет правил без исключения, зачастую требуется «индивидуальный» подход. В приведенном нами примере приоритетным, на наш взгляд, является клинок. В служебном музейном каталоге короткую аннотацию подобному кинжалу мы сформулировали так: «Кинжал Кубанского казачьего войска. Россия. Начало XX в. Клинок образца 1904 г. производства Златоустовской оружейной фабрики. Эфес и ножны произвольные, работы дагестанских мастеров».

Усложним задачу: клинок того же типа, но без штемпеля Кубанского казачьего войска – «ККВ». Используя отработанную технологическую цепочку, Златоуст мог в любое время выбрасывать на рынок партии подобных «немых» клинков для продажи оптовым торговцам. Если такой клинок оформлен в предусмотренный стандартный набор, то его, пожалуй, можно именовать как «кинжал Кавказских казачьих войск образца 1904 г.». А если набор совершенно произвольный и кинжал изначально предназначался для продажи охотникам центральных губерний России или в качестве сувениров? Возможно, в таком случае стоит употреблять «раздель-

ные» определения, в которых вначале дается лишь название предмета («кинжал»), а затем идет атрибуция клинка, ножен...

Есть еще более сложный вариант: клинок «казачьего фасона» с круговым клеймом Златоустовской оружейной фабрики, но ножны и рукоять также заводского изготовления, с совершенно необразцовым набором, а более похожим на детали армейских уставных образцов, выполненные из латуни. Если это не экспериментальный образец, то называть его казачьим кинжалом (тем более образца 1904 г.), на наш взгляд, неправомочно.

Мы рассмотрели несколько экземпляров кинжалов с клинками казачьего образца. Но встречается и обратная комбинация: клинки кавказского типа (да еще и с клеймами мастеров), а рукоять и ножны – образцовые. Безусловно, мы можем вести речь о «кинжале казачьих войск», так как он изначально собирался по заказу какого-то казака. И еще один пример, иллюстрирующий сложность подбора корректного определения. Кинжал, полностью сработанный кавказскими мастерами, с четкими клеймами, с арабографической надписью, но на пяте вытравлен Златоустовский картуш с аббревиатурой «ККВ». Мы бы его назвали «кинжал кавказский».

Уставной кинжал образца 1904 г. не смог полностью вытеснить кустарные кавказские кинжалы с произвольными клинками и оформлением. Зажиточные казаки даже предпочитали носить именно «кавказцев» при партикулярной черкеске или на льготе. Для офицеров ношение кавказского холодного оружия высокохудожественной отделки являлось чуть ли не нормой.

В заключение короткая информация о месте и значении кинжала в боевой практике кубанских казаков. Без всякого сомнения, для казаков это оружие второстепенное и его боевое применение ограничивается редкими рукопашными схватками в ограниченном замкнутом пространстве. Черноморские казаки вообще никогда не отличались особым пристрастием к клинковому оружию и в деле всегда предпочитали огнестрельное. О боевом применении у них кинжала образца 1840 г. каких-либо сообщений найти не удалось. Архивные материалы начала 50-х гг. XIX в. свидетельствуют, что в пограничных нарядах казаки были вооружены только ружьями и пиками [107]. О малополезности кинжалов в бою свидетельствует история с «кинжальными ружьями» середины XIX в.

В марте 1851 г. военный министр сообщил Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом о повелении императора приспособить к казачьему ударному ружью штык с рукояткой по образцу кинжала нижних чинов лейб-гвардии Черноморского дивизиона [108]. Штык-кинжал должен был постоянно висеть на поясе, а при необходимости надеваться на ствол ружья. Всего было изготовлено 10 подобных штыков-кинжалов, четыре из них отправили на Кавказ с ружьями. В Черноморском войске ружье испытывалось в 6-м конном полку. Тем временем артиллерийский департамент заказал на Сестрорецком заводе 96 ружей с кинжальными штыками для Донского и Черноморского войск. В 1852 г. 46 ружей доставили в Екатеринодар и распределили для испытаний по полкам. Войсковое дежурство нашло ружья весьма полезными для казаков конных полков, «ибо горцы, бросаясь на казаков с шашками, встречают ряд страшных для них и непреодолимых штыков... не нужна будет и пика во всех родах службы».

Комиссия полковника Войнича, испытывавшая кинжальные ружья в 1853 г., нашла: «Кинжальный штык по роду здешней войны оправдывает свое назначение. В конном строю служит казакам кинжалом, а в пешем штыком». Забавное выражение – «служит в конном строю кинжалом»; иными словами, просто висит на поясе.

Кинжалы Кубанского казачьего войска с клинками Златоустовской оружейной фабрики; оправа рукоятей (и ножен) произвольная, кавказская

Кинжал. Россия, Златоуст. 1904 г.

Кинжал. Россия, Златоуст (?). Начало XX в. В литературе встречалась следующая атрибуция: «Кинжал горных бригад обр. 1905 г.». Атрибуция представляется сомнительной, так как в «Кратком росписании сухопутных войск» (СПб, 1907) горные бригады не упомянуты

Исправлявший должность наказного атамана Я. Г. Кухаренко согласился с мнением комиссии о том, что кинжальный штык, близко расположенный к дулу ружья, может при заряжании обрезать пальцы. Об удобстве действия кинжальными ружьями в пешем строю его мнение оказалось прямо противоположным мнению Войскового дежурства: «В бою рукопашном казак с ружьем кинжальным встречает прежде удар неприятельской шашки, потому что ружье кинжальное короче противу длины вытянутой руки, вооруженной шашкой». Против были использованы и тактико-технические характеристики ружей как оружия огнестрельного. В итоге император приказал новые ружья не вводить. Из материалов этого (и других) дела ясно видно, что в Черноморском войске ни шашка, ни кинжал не рассматриваются как оружие рукопашного боя; эту роль играли длинные пехотные ружья со штыками у пеших казаков и копья – у конных.

После окончания Кавказской войны кинжал почти совсем утратил значение боевого оружия. Комиссия Перепеловского, проектировавшая образец 1876 г., уже предъявляла к кинжалу требования и как к шанцевому инструменту, которым можно нарубить хворост для фашин, сделать изгородь, наколоть дров...

В штаб Кавказского военного округа от Кубанского войска поступило следующее заключение о роли и месте кинжала: «У казаков штык всегда может заменить кинжал, положительно непригодный в рукопашной свалке, производимой среди белого дня на открытом поле. Нам известны случаи полезного применения кинжала в Кавказскую войну, именно: для закола заснувшего в ночном секрете неприятельского часового или в отчаянной схватке в саклях, где нельзя было действовать шашкой. Что же касается до обыкновенного употребления кинжала на походе, а именно: рубка ветвей для устройства костров и балаганов... то его заменит шанцевый инструмент. Кинжал оставить офицерам и урядникам, для которых в бою более распоряжаться нижними чинами, чем тратить физическую силу» [109].

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. показала, что казаки имели только огневые (за исключением нескольких мелкомасштабных стычек) контакты с противником, находясь на лошадях или в окопах. На запрос наказного атамана о «замечаниях и опыте» войны командир 1-го Кубанского полка Махмуд Шахамиев ответил: «Опыт войны показал, что особенно при удержании неприятельской пехоты – надо кинжалы приспособить к ружьям в виде штыков... в свободное время носить в ножнах как теперь» [110]. В 1880 г. казачья комиссия, на основании опыта войны, подготовила проект изменений в форме, снаряжении и вооружении казаков. Она предложила ввести вместо кинжала штык-кинжал.

При обсуждении этого проекта в Кубанском войске прозвучали такие суждения. «Употребляемый ныне казаками кинжал, – писал атаман Майкопского отдела, – приспособить к берданковским ружьям в виде штыка для боя в пешем строю» [111]. Командир Екатеринодарского конного полка заявил: «Штык-кинжал – согласен в уменьшенном размере и виде». В таком примерно духе высказался еще ряд офицеров. Против выступил командир Хоперского полка.

Через несколько лет (в 1887 г.) один из участников войны вновь возбудил этот заглохший вопрос и предложил ввести «вместо кинжала – кинжальный штык, т. к. в войну с Турцией дрались прикладами» [112]. Обратите внимание: у казака есть и шашка, и кинжал, а в пешем строю сподручнее получается пользоваться прикладами.

Очень показателен в плане отношения самих казаков к кинжалу приказ по 3-му пешему пластунскому батальону от 1 октября 1893 г.: «Кин-

Кавказские кинжалы высокохудожественной отделки начала XX в., находившиеся на вооружении офицеров и казаков Кубанского войска. К сожалению, на двух верхних проставлены только инициалы владельцев: «К. Т. Ч.» и «Г. Ф. С.». Владелец третьего – Мирошниченко, последний владелец четвертого – Джумай

Кинжал кавказский. Начало XX в. Клиночный мастер – Абдурагим (вероятно, из селения Верхнее Казанище Темир-Хан-Шуринского округа Дагестанской области). Рукоять и ножны мы бы приписали работе лакского златокузнеца. Кинжал был подарен членами Кубанского краевого правительства атаману В. Г. Науменко в годовщину взятия Екатеринодара (1919 г.). С обратной стороны головки рукояти гравировка: «Куб. Пох. Атаману В. Г. Науменко». На устье черневая надпись: «1910 г.» и «В. М.». По левому борту ножен гравировка: «От офиц. И класс. Чинов Воен. Вед. Куб. края. 14/X1919 г». Кинжал был подарен музею-заповеднику дочерью В. Г. Науменко Н. В. Назаренко в 2006 г. Доставлен в Россию из Америки старшим научным сотрудником Н. А. Корсаковой

Кинжал кавказский (Северо-Западная Грузия – ?). Начало XX в. Сталь, серебро, дерево, кожа, рог

Вверху слева: *есаул 1-го Таманского конного полка Александр Андреевич Ассиер. 6 декабря 1881 г.*

Снимок сделан в Тегеране, где Ассиер вместе с другими русскими офицерами-инструкторами занимался обучением персидских казачьих частей. А. А. Ассиер вместе с женой и ребенком скончался в августе 1892 г. от азиатской холеры. Вся семья похоронена на армянском кладбище при деревне Ванаки. Фотография была подарена Е. А. Маковкину

Отставной полковник Е. А. Маковкин. Начало XX в. В чине сотника был определен инструктором в персидскую кавалерию от Ставропольского конного училища. Чин полковника получил за взятие штурмом города Пекина 1 августа 1900 г. (командовал сводным казачьим полком Забайкальского казачьего войска)

Офицеры Кубанского казачьего войска. Начало XX в. Справа – *сотник 1-го Уманского полка*

Казаки Собственного Его Императорского Величества конвоя. Начало XX в. Знак в память 100-летнего юбилея конвоя, расположенный выше газырниц на левой стороне груди, помогает поднять нижнюю хронологическую границу до 1911 г., а медаль «В память 300-летия царствования дома Романовых» – установить ее как минимум на 1913 г. У верхнего слева казака (Лавриненко из ст. Ивановской) модная в предвоенные годы костяная рукоять кинжала с килевидным завершением головки и изогнутыми боковыми сторонами, подчеркивающими заостренные концы плечиков. У обоих казаков на головах шашек излюбленное украшение – полумесяц со звездой

Вверху справа – *Ф. Елисеев, вольноопределяющийся 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка ККВ. Май, 1910 г.*

Федор Иванович Елисеев родился 24.11.1892 г. в ст. Кавказской Кубанской области. После окончания Оренбургского юнкерского училища (1913 г.) произведен в офицеры. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну – самый молодой полковник Добровольческой армии. Командовал Корниловским конным, сводным Хоперским и 1-м Лабинским полками, 2-й Кубанской казачьей (Улагаевской) дивизией. В 1920 г. под Сочи вместе с Кубанской армией сдался красным частям. В 1921 г. бежал в Финляндию. Организовал группу «Кубанские джигиты», с которой гастролировал по свету. Во время Второй мировой войны вступил в Иностранный легион французской армии. Был тяжело ранен, попал в плен. В 1949 г. переехал в США. Оставил обширные мемуары. Умер в 1987 г. Похоронен на русском кладбище в Нью-Джерси

Супружеская пара. Начало XX в.

Казак ст. Новоминской И. Г. Губа во время прохождения службы при Кубанском областном правлении. 1913 г. Как нестроевой войскового учреждения он не имеет шифровки на погонах

Внизу слева – *младший урядник 3-го пластунского батальона с правами по образованию 2-го разряда*

Казаки 6-го Кубанского пластунского батальона. Начало XX в. Это первоочередная часть ККВ. У сидящих казаков на левом плече видны китицы (декоративный шнур с кистями, сплетенный из шелковых ниток, конского волоса...)

Казачата в черкесках и бешметах с детскими и вполне «взрослыми» кинжалами

Из воспоминаний Федора Елисеева: «Мы, казачата, знали, что подлежим обязательной военной службе, в двухклассном училище после занятий один час полагался «пешему строю» под командой урядника. Возвращаясь домой, обязательно шли по Красной улице, чтобы встречным офицерам отдавать воинскую честь, в чем получали большое удовольствие, удовлетворение».

Внизу слева – *Ульян Хрущ, командированный в столицу на празднование 100-летнего юбилея Бородинской битвы*

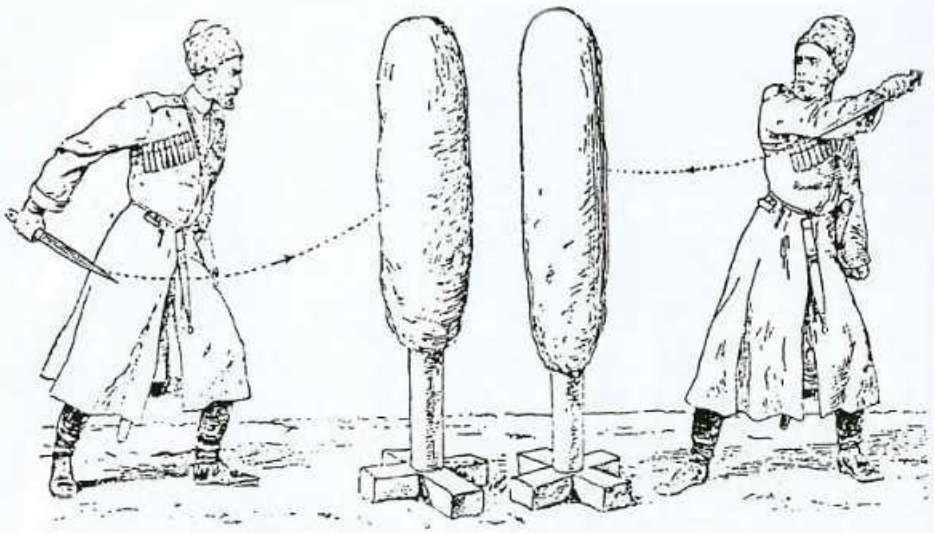

Казаки-ветераны.
Вверху слева – *90-летний казак ст. Стародеревянковской Мацко с внуком. Служил в Его Императорского Величества конвое. Снимок 1910 г.* Справа – *казак ст. Старокорсунской Журба, 110 лет от роду. Участник обороны Севастополя в 1854 г.*

«О действиях кинжалом. Нанесению ударов кинжалом обучают пешком и не иначе как по видимым предметам. Взмахи кинжала должны быть быстры, отрывисты, а удары – глубоки. Они могут быть: 1) Сверху вниз. 2) Снизу вверх. 3) Наотмашь» // Устав строевой казачьей службы. – СПб, 1899. – С. 56.

жалы составляют самую слабую сторону большинства. Очень много кинжалов со сточенными и зазубренными клинками, неисправными ручками и побитыми и расколотыми ножнами. Вообще видно, что казаки считают кинжалы как бы совершенно излишними в снаряжении, не заботятся о приобретении кинжалов с хорошими клинками и о сохранении их» [113]. Это мнение очень созвучно с мнением старого казака Богатырева, письмо которого опубликовали «Кубанские областные ведомости»: «А что стоят ни на что не нужные кинжалы».

С новой остротой вопрос о необходимости и полезности кинжала поставила Русско-японская война 1904–1905 гг. В 1907 г. Главное управление казачьих войск попросило от «участников последней кампании» дать заключение о приспособлении кинжала к казачьим винтовкам или введении обычного штыка [114]. «Война показала нужду в штыке для нижних чинов» – таково мнение большинства. А вот каким ему быть, голоса разделились. Командир 1-го Кизляро-Гребенского полка (ТКВ) предлагал штык обыкновенный. Командир 1-го Екатеринодарского полка был за штык, так как кавалерии пришлось действовать врукопашную и порой врываться в окопы, но он находил нужным приспособить кинжалы к винтовкам.

Лучше всех общее мнение выразил командир 1-го Уманского полка: «Опыт войны показал необходимость иметь для конных частей штык, на позициях все единогласны, что кинжал должен примыкаться к винтовке по образцу штык-тесака» [115]. Для обсуждения недостатков, обнаруженных войной, в Кубанском войске 25 октября 1906 г. создается специальная комиссия. После долгих дебатов она решила кинжал оставить, но «сделать толще и шире, чтобы удобнее рубить хворост, колья, в крайности копать землю (настаивали особенно казаки)». Намеченный гибрид не родился, все предложения комиссии так и остались на бумаге (из бесед с упомянутыми выше участниками Первой мировой войны выяс-

нилось, что во всех случаях рубки кинжалом его всегда держали за головку рукояти; опыты подтвердили, что это гораздо удобнее, нежели при хвате за среднюю часть рукояти).

А штык все-таки пришел в конные части Кубанского казачьего войска. Все расставила по своим местам Первая мировая война. Уже в 1914 г. артиллерийское ведомство начинает отпускать штыки в казачьи части, ведущие бои на Западном фронте. Штык носился на шашечных ножнах при помощи ременных гаек.

Не исключено, что в этой войне несколько возросло значение кинжала. А. Н. Кулинский отмечает: «Уже в самом начале Первой мировой войны пехотинцы всех воюющих армий убедились в необходимости легкого и эффективного коротколинкового оружия для ближнего боя. Этого требовали условия окопной войны, несмотря на наличие во всех армиях штыков. Этого требовали и специальные подразделения пехоты, осуществлявшие диверсионные акции, совершавшие разведывательные вылазки» [116]. Однако мы не думаем, что в казачьих частях кинжал стал играть гораздо более существенную роль. Не зря же Кубанская рада в апреле 1917 г. приняла проект военной службы казаков, в котором говорилось, что «на основании опыта настоящей войны кинжал отменяется в конных и пеших частях войска».

«Пластуны в австрийских окопах». Рис. И. Лютина из журнала военных лет

Фотографии кубанских казаков периода Первой мировой войны 1914–1918 гг.

По данным видного советского этнографа-кавказоведа Л. И. Лаврова, с 1920 г. казаки перестали носить кинжалы, «ставшие после этого лишь настенным украшением». От его поездки на Кубань в 1936 г. сохранилось следующее воспоминание: «На улицах Баталпашинска не видел никого с кинжалом на поясе. Черкесы, абазины и ногайцы, не говоря уже о казаках, перестали его носить» [117].

В годы Великой Отечественной войны была предпринята попытка реанимировать кинжал в рамках сумасбродной тактической схемы. Из воспоминаний генерала армии С. М. Штеменко о 9-й Краснознаменной пластунской дивизии: «Не сразу решился вопрос о методах использования этой дивизии в бою. Предлагалось, например, чтобы пластуны ночью бесшумно подползли к первой траншее немцев (на то они и пластуны!), ворвались в нее без выстрела, уничтожили противника холодным оружием, а затем уже открывался огонь по глубине обороны и начиналась нормальная атака.

Этот метод был чреват всякими неожиданностями. Атаковать не подавленную артогнем оборону немцев, подползая к ней на животе, являлось делом весьма рискованным. Даже в случае успешного захвата первой траншеи современная оборона не могла рухнуть. Все равно требовалась артиллерийская подготовка, а затем нужно идти в атаку. Наиболее же вероятно, что романтичный маневр целой дивизии ползком будет своевременно обнаружен противником и сорван с большими для нас потерями.

Старший урядник Ефим Стрижикоза, «эвакуированный из 4-го Кубанского пластунского батальона в 4-ю Кубанскую запасную пешую сотню». Лагерь при реке Челбасы, 17 сентября 1915 г.

Однако сторонники этого метода действий твердо стояли на своем. Тогда мы испробовали его на занятиях, после чего всем стало ясно, что атаковать надо обычным способом. Пластуны пластунами, а времена таких атак давно прошли» [118].

Бурное возрождение казачества вновь стимулировало интерес к кинжалу, как к знаку, символу, атрибуту казачьей формы. Спрос на кинжалы выбросил на рынок не только действительно «дедовское» оружие, но и множество подделок, начиная от примитивных фальсификаций группы «fake» и заканчивая изощренными «top-forgery».

Завершим главу описанием формы обмундирования и полного комплекта оружия кубанских казаков. Реформы 1840–1842 гг. установили резкое различие в вооружении конных и пеших черноморских казаков. Нижним чинам пеших батальонов полагались лишь пехотные ружья со штыками. Артиллерийский департамент «ассигновал» казакам английские ружья, состоящие в артиллерийских гарнизонах. Закупленные в начале 30-х гг. в Англии, они оказались непригодными для вооружения регулярных войск и были переделаны на Сестрорецком заводе под «гарнизонный образец». Кроме английских черноморцам передали и бывшие в употреблении ружья Тульского и Ижевского заводов, изготовленные в начале 30-х гг. Всего Черноморскому войску безвозмездно передали 8154 кремневых пехотных ружья. Пластуны и застрельщики пеших батальонов получили в 1844 г. литтихские штуцера.

Горнист 1-го Кубанского пластунского батальона Волобуев. Р. Френц. 1914–1916 гг.

Казакам конных полков полагались шашки образца 1838 г., кинжалы образца 1840 г., кавалерийские пистолеты, пики и ружья, утвержденные 29 апреля 1838 г. Требуемые для 12 конных полков и трех конно-артиллерийских батарей 10 939 пистолетов были отпущены из Киевского арсенала, Ново-Георгиевского гарнизона и с Тульского оружейного завода. Речь идет о «переправленных» по новому образцу (1839 г.) кавалерий-

ОБРАЗЦЫ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, СОСТОЯВШЕГО НА ВООРУЖЕНИИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В XIX в.

Ружье пехотное кремневое образца 1839 г. Россия, Тула. 1841 г.

Ружье пехотное образца 1844 г., переделочное из образца 1828–1839 гг. На стволе указан год: 1842, на замочной доске: Тула. 1843.

Шестилинейная казачья винтовка. Конец 1850-х гг. Бельгия, Льеж, фирма Lemilie

Шестилинейная стрелковая винтовка образца 1856 г. с ударно-капсюльным замком. Россия, Тула. 1857 г.

Шестилинейная пехотная винтовка образца 1858 г. Россия, Тула. 1859 г.

Винтовка игольчатая системы Карле образца 1867 г. Россия, Тула. 1868 г.

Шестилинейная переделочная драгунская винтовка системы Крнка. Россия, Тула. 1867 г.

Шестилинейная пехотная винтовка системы Крнка. Россия, Ижевск

Винтовка системы Бердана № 1 образца 1868 г. с откидным вверх-вперед затвором. На стволе надпись: «Кольтовский оружейный завод г. Гартфорд»

Винтовка системы Бердана № 2 образца 1870 г. Учебный экземпляр. На стволе: Тульский оружейный завод. 1874

Пистолеты кремневые. Дагестан. XIX в.

Пистолет-тромблон. Кавказ. XIX в.

Пистолеты кремневые. Северо-Западный Кавказ. XIX в.

Пистолет кремневый. Северо-Западный Кавказ (черкесы). XIX в.

Пистолет капсюльный (переделочный из кремневого). Северо-Западный Кавказ (черкесы). Середина XIX в.

Пара капсюльных пистолетов. На стволе надпись: «LAZARIO COMINAZO». Италия. 2-я четверть XIX в. Пистолеты подарены музею казаком по фамилии Мамай

Пистолет капсюльный. Кавказ. Середина XIX в. Замочная доска и курок – европейской работы

Кавалерийский солдатский пистолет с ударно-капсюльным замком. Россия, Ижевск. 1851 г.

Капсюльный револьвер системы Кольта. Середина XIX в. «Пистолеты-револьверы» полковника Кольта, закупленные Военным министерством в количестве 3000 штук, продавались офицерам Кавказского корпуса по 25 руб. серебром. По архивным материалам, «никто из господ офицеров Черноморского войска на выписку револьверов-пистолетов желания не изъявил». Из других источников известно о наличии у отдельных высших должностных лиц войска кольтовских револьверов

Трехлинейный револьвер системы Нагана образца 1895 г. Россия, Тула. 1915 г.

ских пистолетах в полуложах. 10 176 кремневых казачьих ружей образца 1838 г. были заказаны в Туле по войсковому подряду.

С 1850 г. пешие казаки вооружены пехотными ружьями образца 1844 г. с ударно-капсюльным замком. В 1854 г. в войско поступают казачьи офицерские пистолеты с ударным замком. В июле 1854 г. пластуны и застрельщики конных полков снабжаются штуцерами Гартунга, выписанными с Ижевского завода. В начале 1860-х гг. уже известный нам фабрикант Таннер поставляет Кубанскому войску 12 тыс. 6-линейных винтовок. В мае 1872 г. пластунские батальоны войска получили винтовки системы Карле, а в 1877 г. – системы Крнка. В 1879 г. завершился прием казачьих винтовок системы Бердана. С 1895 г. началось перевооружение Кубанского войска трехлинейными винтовками образца 1891 г. Проходило оно быстро и организованно. В 1897 г. винтовки уже получали полки 3-й очереди.

С середины 70-х гг. началась замена безнадежно устаревших кавказских кремневых пистолетов. 17 августа 1874 г. император повелел заменить пистолеты у нижних чинов конно-артиллерийских батарей и музыкантов казачьих войск. Револьверы Смитта-Вессона были заказаны в Америке на Спрингфильдском заводе. Кубанскому войску полагалось: 570 револьверов для трубачей тридцати конных полков, 156 – для горнистов пяти пеших батальонов и 1425 – для нижних строевых чинов пяти

Казак и штаб-офицер конных полков Черноморского казачьего войска. Парадная форма. 1859 г.

Мундир офицера конных полков Черноморского казачьего войска образца 1840/1842 гг. (КМ-1639). Выполнен из синего фабричного сукна (кастор), сильно притален, укорочен; отрезной по линии талии со значительным расклешением книзу. Полочки симметрично оформлены с обеих сторон шестигнездными нагрудными патронниками из черного бархата высотой 9 см. Напатронники со всех сторон обшиты серебряным галуном (по бокам и верхнему краю шириной 2,5 см, по нижнему – 1 см). Края бортов, горловина и низ мундира также украшены галуном.

Центральная застежка на навесных крючках. Втачные двухшовные рукава заканчиваются притачной надстрочной манжетой. Внешний фигурный край манжеты отделан красным кантом, по центру расположена петлица галунной тесьмы.

Спинка с подкройными бочками (рельефом), за счет которых создается приталенность мундира. Линию рельефа спинки продолжает шов нижней части мундира, украшенной галуном с заостренными концами. Вставной клин спинки нижней части мундира выкроен в форме волана, что создает падающие фалды. На плечевом шве пришит серебряный обер-офицерский погон с красным просветом. Пуговица белая, с цифрой «2».

Отличительной особенностью мундира является имитация нижнего кафтана (архалука) в виде вставки из красной ткани с притачным воротником-стойкой с закругленными концами (высота 5 см). По средней линии воротника наложена петлица («катушка») галунной тесьмы. Основание воротника и внешние срезы борта оформлены галуном.

Мундир выполнен на хлопчатобумажной подкладке, до талии утеплен ватой (?). На левой планочке имеется внутренний карман.

Мундир принадлежал зауряд-прапорщику Василию Москаленко, жившему в ст. Новониколаевской Кубанской области. Был передан Кубанскому войсковому музею его вдовой А. К. Москаленко

Мундир парадный унтер-офицера лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона образца 1845 г. Принадлежал казаку станицы Ивановской Кубанской области Алексею Заике. Подарен Кубанскому войсковому музею его сыном урядником Заикою

Обер-офицер и урядник конно-артиллерийской батареи Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск. Парадная форма. 1859 г.

конно-артиллерийских батарей. В 1876 г. револьверами были вооружены вахмистры конных полков и фельдфебели пеших батальонов. Заказ 25 440 револьверов для казаков конных полков пришлось отложить «до улучшения состояния войсковых финансов». Как это ни невероятно, но азиатские кремневые пистолеты, «выражавшие собою, – по словам одного офицера, – всю ничтожность боевого оружия», были отменены только 24 марта 1880 г.

Теперь о форменной одежде. 1 ноября 1840 г. утверждается новая форма обмундирования для Черноморского казачьего войска. В качестве мундира конных полков вводился кафтан темно-синего сукна, без воротника, с вырезом на груди, застегивающийся крючками от нагрудного патронника до пояса. У офицеров на обшлагах, обшитых красным кантом, находились серебряные петлицы. У нижних чинов обшлагов не было, а края рукавов отделывались серебряным галуном у урядников и узкой синей тесьмой у казаков.

Офицерский нагрудный патронник изготавливался из черного бархата с 12 гнездами, по шесть с каждой стороны. Напатронники (газыри) полагались из карельской березы с серебряными верхушками, крепящимися к мундиру цепочками. У казаков нагрудный патронник выполнялся из черной кожи с 16 гнездами. Напатронники – из белой жести на синих шнурках. Мундир шили приталенным за счет спинки с подкройными бочками (рельефом), отрезным по линии талии, со значительным расклешением книзу.

Шапка – круглой формы, с околышем черного косматого курпея и красным, стеганным на вате верхом (у офицеров обкладывался серебряной тесьмой). Офицерам полагались серебряные чешуйчатые эполеты,

казакам – погоны красного сукна с пробитым и подложенным желтым сукном номером полка. Шаровары темно-синего сукна. Под кафтан надевался красный архалук с воротником.

В качестве вицмундира офицеры употребляли чекмень (от тюркского «чепкен»). Его главное отличие от мундира заключалось в отсутствии выреза на груди и наличии воротника-стойки.

Пешие батальоны получили в качестве мундира короткие куртки темно-синего сукна, которые употреблялись совсем недолго. В 1848 г. по распоряжению Николая I они заменяются полукафтанами с полами примерно до середины бедра. В 1858 г. с полукафтанов убрали нагрудные патронники, и в таком виде они употреблялись пешими казаками до 1873 г.

Парадный мундир составляли кафтан и архалук, надетые вместе (по более поздней терминологии это черкеска и бешмет). Чекмень полагался для полуформы и походов. В быту его называли «кафтан вседневный». Полукафтан, сменивший в пеших батальонах куртку, представлял собой кафтан донского покроя.

В 1856 г. наказной атаман Черноморского войска ходатайствовал об изменении форменной одежды. Это стало особенно актуальным в связи с предполагаемым объединением Черноморского войска и ряда

Обер-офицер конно-артиллерийской батареи Кубанского казачьего войска. Парадная форма. 1859 г.

Парадный мундир трубача лейб-гвардии Кавказских казачьих эскадронов Его Императорского Величества конвоя периода царствования Александра II. Принадлежал отставному уряднику ст. Архангельской А. С. Аулову. Подарен Кубанскому войсковому музею в 1912 г. На фотографии – отставной трубач урядник Анисим Семенович Аулов. Екатеринодар. 1900-е гг.

«Мундир императора Александра II». Из экспозиции Кубанского казачьего музея в штате Нью-Джерси (США). Мундир был пожалован «на память» Кубанскому казачьему войску 16 августа 1881 г. императором Александром III; входил в число войсковых регалий

Автор располагает описанием пожалованных высочайших вещей, в том числе и великого князя Михаила Николаевича (подарены кубанцам семьей покойного князя в 1909 г.). В американском музее экспонируется не мундир Александра II, а какой-то сборный комплект. Под синей конвойной черкеской императора ясно виден черный бешмет с золотым генеральским галуном, принадлежавший великому князю (форма одежды, присвоенная генералам и офицерам конно-артиллерийских батарей Кубанского войска). Висящий на поясе кинжал – также не из императорских вещей

Нагрудные тесьмы первоначально предназначались для ношения натрусок, затем – для ношения компасов

бригад Кавказского линейного в Кубанское. Образцы формы проектировались специальной комиссией под председательством генерал-адъютанта Огарева.

Приказом военного министра от 18 мая 1859 г. новая форма для будущего войска была утверждена. Ее разрешали вводить постепенно с 1 января 1861 г. Вот ее описание на примере офицера конного полка. Папаха – верх красного сукна с серебряными галунами кавказского образца. Мундир из темно-синего сукна с напатронниками, верхний край которых обшивался в один ряд узким кавказским галуном. Плечевые погоны красные с серебряными галунами для обозначения чинов и с вышитым серебряной канителью номером полка. Бешмет красный с серебряными галунами для обозначения чинов на воротнике и по бортам.

Черкеска (это название официально присвоено казачьей форменной одежде в 1861 г.) изготавливалась одинакового с мундиром покроя, но без всяких галунов и из сукна домашней выделки. Для обозначения чинов на ней полагались погоны, одинаковые с мундирными. Шаровары темно-синие. В форме казаков отсутствовали какие-либо тесьмы и галуны, кроме урядничьего унтер-офицерского галуна по воротнику бешмета. Черкеску разрешалось носить в границах войска, на кордонной службе, в экспедициях и походах; на службе внутренней и при выходе за пределы войска полагался мундир.

Казак 9-й особой конной сотни Василий Григорьевич Ткаченко. Фото 21 января 1916 г. Родился в 1888 г., работал учителем в Иркутской губернии, в 1915 г. зачислен в Запорожскую запасную конную сотню, в 1915 г. командирован на пополнение 9-й особой конной сотни, в 1916 г. зачислен в Екатеринодарскую школу подготовки прапорщиков

На основании разрешения императора приказом по Кубанскому войску № 66 от 20 апреля 1870 г. вводятся черные черкески, красные бешметы и красные верха погон и папах. Приказ по военному ведомству от 14 декабря 1871 г. окончательно закрепил новую форму обмундирования, которая в дальнейшем претерпела лишь незначительные изменения. В 1900–1903 гг. цвет мундирной черкески был серым.

Перед Первой мировой войной мундир конного казака представлял из себя черкеску черного фабричного сукна длиной не короче 7 вершков от земли. С обеих сторон груди нашивались напатронники из 14 гнезд каждый. Под ними делались прорезные карманы. Мундир застегивался крючками от нижней части напатронников до пояса. У казаков нижние края рукавов обшивались тесьмой 1/4 вершка шириной, у урядников – серебряным унтер-офицерским галуном кавказского образца. Погоны, длиной 3,5 вершка и шириной 1,5 вершка, имели лицевую сторону красного, а подбой – защитного сукна. Шифровка на погонах, размером в 1 вершок, выполнялась на красном сукне желтой, а на защитном – синей масляной краской.

Мундир казаков пластунских батальонов отличался малиновой суконной выпушкой, вшитой по бортам до пояса. Погоны – из малинового сукна с шифровкой номера батальона. Бешмет к мундиру в конных полках из красной, в батальонах – из черной шерстяной материи. Опушка форменных папах – из черного курпея, верх в конных полках был красный, в батальонах – малиновый. Шаровары – из произвольной материи темного цвета.

Повседневная форма кубанских казаков вызывала ряд справедливых нареканий еще в последней четверти XIX в. Русско-японская война вскрыла ее недостатки предельно остро, показав полную неприспособленность подобной одежды к условиям современной войны. Уже в первое военное лето казаки стали носить гимнастерки и различные холщовые

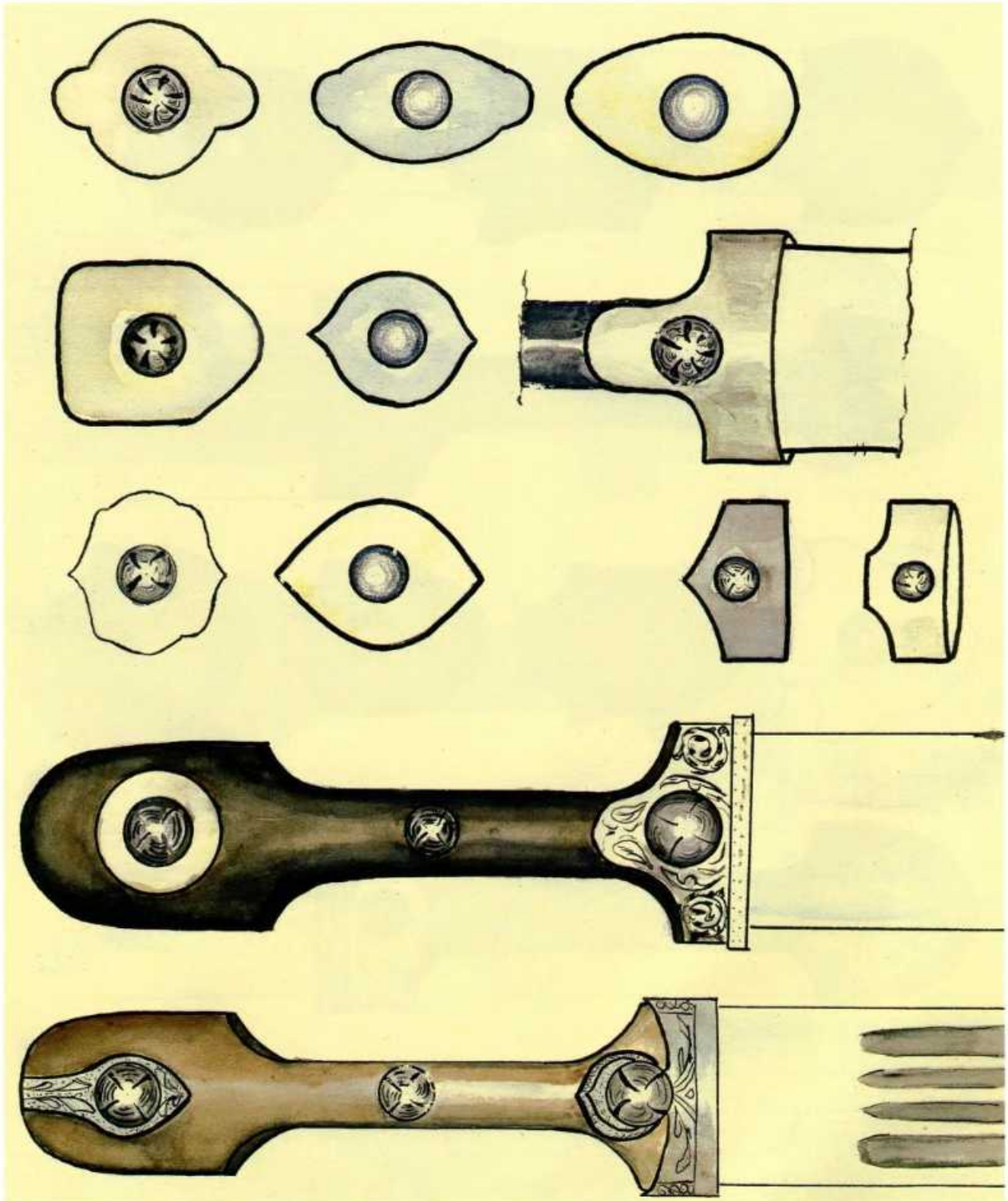
рубахи, которые покупали сами или получали в качестве пожертвований. Опыт войны внимательно изучался и обобщался в войске. Подавляющее большинство опрошенных участников войны высказались за отмену черкески, бешмета, чувяков, бурки... Только шаровары и башлык не вызвали принципиальных возражений.

Для устранения недостатков, обнаруженных опытом войны, приказом по Кубанскому войску от 25 октября 1906 г. создается комиссия под председательством атамана Екатеринодарского отдела генерал-майора Савицкого. Комиссия нашла, что «черкеску необходимо заменить более простым и удобным костюмом, более соответствующим боевой жизни». Вместо нее комиссия разработала специальный костюм, названный чекменем. Бешмет упразднялся, а предлагалась гимнастерка защитного цвета. Однако эти и другие конструктивные предложения казачьей комиссии реализованы не были.

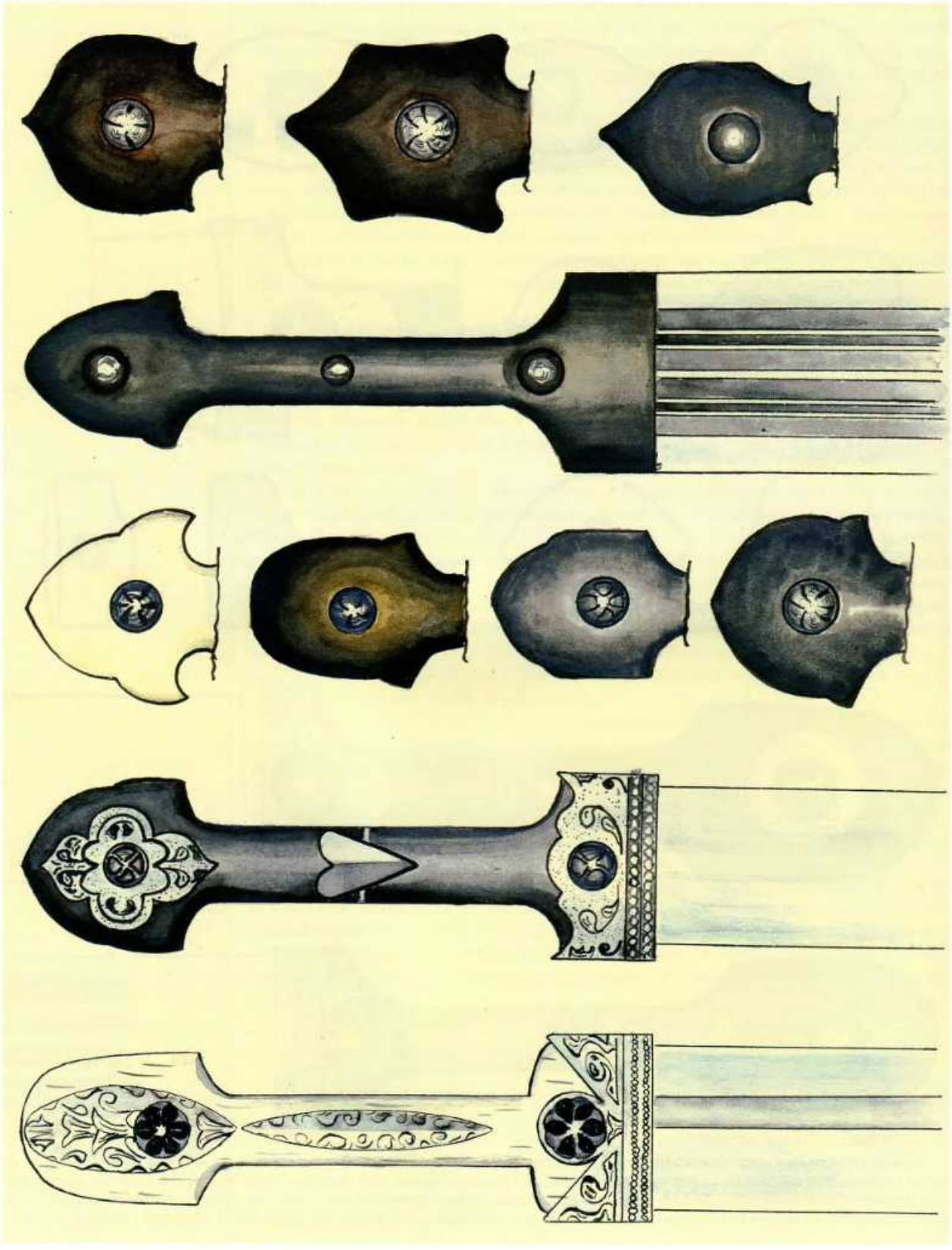
Первая мировая война вновь заставила вернуться к решению этого вопроса. Приказом по военному ведомству от 18 октября 1915 г. кавказским казакам стали отпускать защитные фуражки, защитное сукно на черкески и бешметы, кавалерийские шинели. Казакам полагались гимнастерки пехотного образца. В декабре 1916 г. кубанцам разрешили и в зимнее время заменять черкеску гимнастической рубахой. При этом многое зависело от командира части.

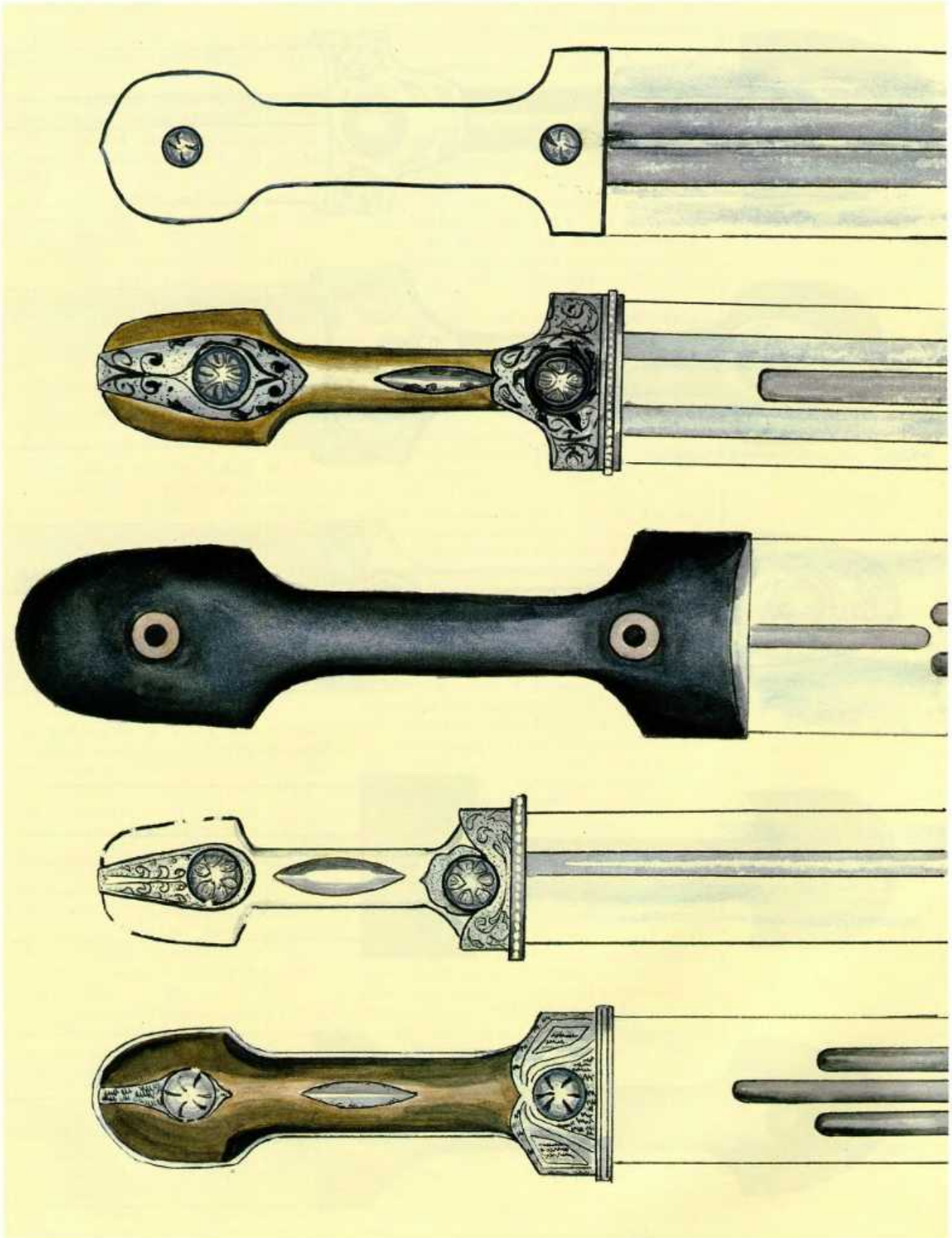
Вот как описывает Ф. И. Елисеев встречу со «знаменитой» Кавказской кавалерийской дивизией генерала Шарпантье в составе 16-го Терского, 17-го Нижегородского, 18-го Северского и 1-го Хоперского полков: «Все казаки в однообразных черных небольших папахах без всякого «залома» их. Все – в защитного цвета гимнастерках, которых наша бригада не имеет» [119]. Да, на Кавказском фронте многие полки еще щеголяли в черкесках, но на Западном, где шла тяжелая позиционная война с немцами и австрийцами, уже было не до щегольства. Наконец, приказом по войску Кубанскому атаман Бабыч «на время настоящей войны» заменил черкеску рубахой «при кинжале с поясом».

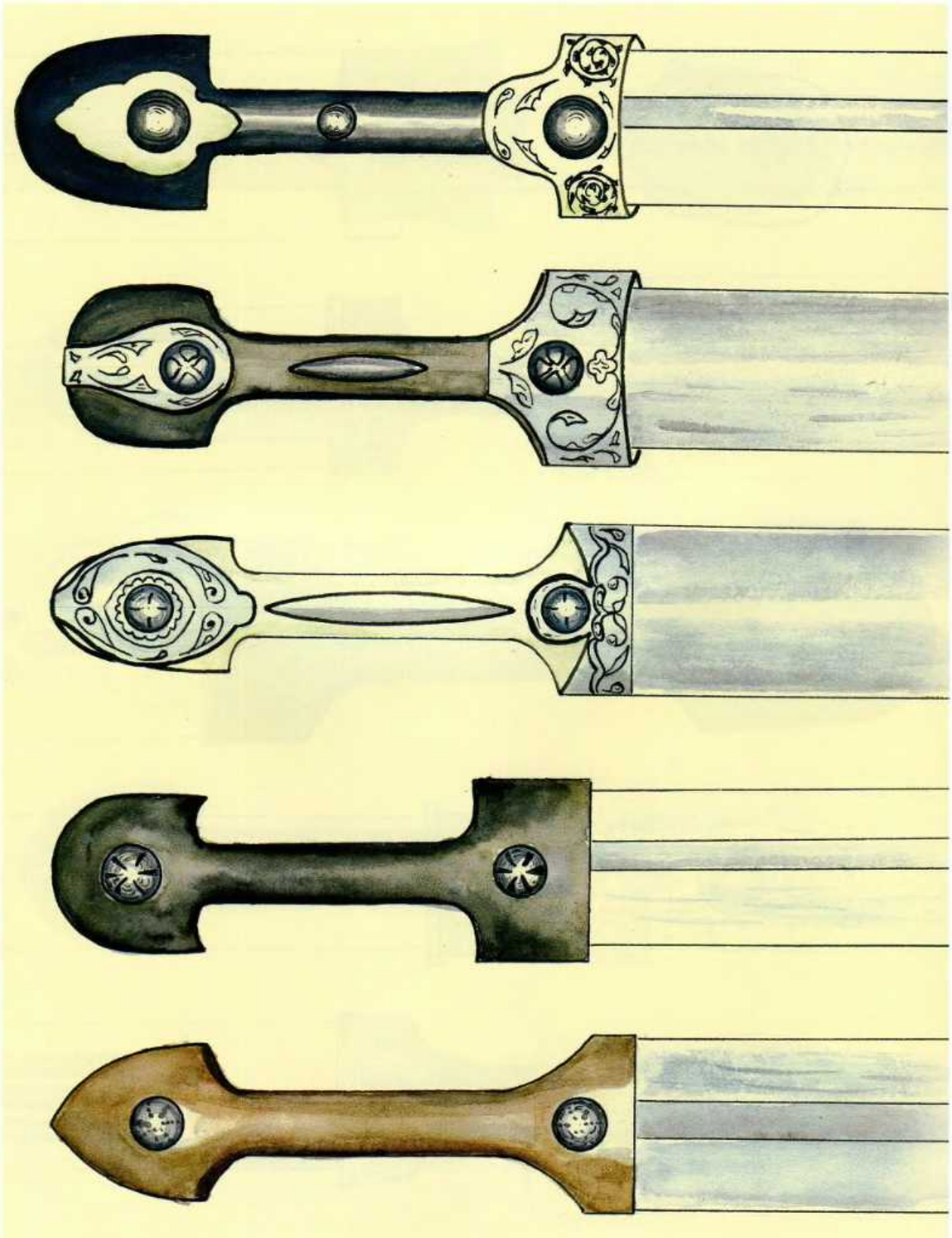
Казаки учитывали опыт войны. Вскоре после Февральской революции кубанцы принимают ряд мер, направленных на изменение своей форменной одежды. В августе 1917 г. на заседании Кубанского казачьего круга решили: «...обмундирование и снаряжение должно быть упразднено на основании опыта настоящей войны, но парадная форма и бурка сохраняются». В принятом Кубанской радой 19 апреля 1917 г. проекте военной службы казаков говорилось более конкретно: «Черкеску заменить рубахой – летней и зимней. Бурку заменить венцерадой, плащом или шинелью. Кинжал в коннице и пехоте отменить». Принятие радой решений о замене некоторых видов казачьей одежды армейскими образцами выглядит вполне обоснованным и логически оправданным. Боевая целесообразность становится главным критерием оценки повседневной форменной одежды.

Формы кинжальных рукоятей и варианты их оформления. По фотографиям кубанских казаков конца XIX – начала XX в. Автор, рисовавший первый (и, наверное, последний) раз в жизни, стремился передать лишь форму; на завитки, имитирующие орнамент, внимания обращать не следует. На рисунках представлены не все варианты отделки. Стоит упомянуть о наборных рукоятях на изогнутых клинках; на некоторых фотографиях четко видны чередующиеся пластины черного и белого цветов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Попко И. Д.* Исторические и биографические очерки. – Екатеринодар, 1872. – С. 13.

2. *Орлов П.* Кубанские казаки. – Екатеринодар, 1908. – С. 81.

3. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 249. Оп. 1. Д. 336. Л. 364.

4. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 535.

5. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 39. Л. 131.

6. *Марзей А. С.* Черкесское наездничество. «ЭКІУЭ». – Нальчик, 2004. – С. 189.

7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 335. Л. 31.

8. *Якобсон А. П.* Средневековый Крым. – М. – Л., 1964. – С. 140.

9. Адыги, балкарцы и карачаевцы... – С. 186.

10. Там же. С. 442.

11. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 38. Л. 199.

12. Там же. Ф. 288. Оп. 1. Д. 21. Л. 35.

13. *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. – М., 1953. – С. 36.

14. *Устинов А. И., Портнов М. Э., Нацваладзе Ю. А.* Холодное оружие. – М., 1994. – С. 21.

15. *Леонов О.* Вооружение «потемкинских» гренадер. 1786–96 // Цейхгауз. – № 21. – С. 12.

16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.

17. Там же. Д. 45. Л. 8–12.

18. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – СПб, 1896. – Т. 3. – С. 137.

19. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 495. Л. 25.

20. *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие XVIII–XX вв. – СПб, 2001. – С. 180, 182.

21. *Кузнецов И. В.* Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. – М., 1995. – С. 27.

22. *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. – Ставрополь, 1992. – С. 30.

23. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978. – С. 243.

24. *Дубровин Н.* Черкесы (адыге). – Краснодар, 1927. – С. 2.

25. *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин XIX – начала XX в. – М., 1978. – С. 93.

26. *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. – М. – Л., 1949. – С. 75–77.

27. *Сазонов.* Отчет о командировке в Дагестан в 1936 г. (рукопись, хранящаяся в отделе оружия ГИМ).

28. *Батчаев В. М.* Сармато-аланские элементы в традиционной культуре балкарцев // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе, 1986. – С. 162.

29. *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1986. – С. 53.

30. *Чахкиев Д. Ю.* К вопросу о происхождении кавказского кинжала // 1-я Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 1989. – С. 2.

31. *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию. – Майкоп, 1994. – С. 22.

32. *Мафедзев С. Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX века. – Нальчик, 1991. – С. 162.

33. *Драгунский офицер.* Воспоминания о Закавказском походе 1953 и 1854 гг. // Военный сборник. – СПб, 1860. – № 11. – С. 144.

34. *Дюма А.* Кавказ. – Краснодар, 1992. – С. 146.

35. *Прозрителев Г. Н.* Кавказское оружие. – Ставрополь, 1915. – С. 5.

36. *Асхабов И. А.* Чеченское оружие. – М., 2001. – С. 94.

37. *Шереметьев Д. А.* Колоть или рубить? Способы применения кинжала у народов Кавказа в XIX веке в контексте представлений о сакральном // Доклад, прочитанный в рамках научно-практической конференции «Чтения по военной истории», проходившей в СПбГУ 21–23 апреля 2005 г.).

38. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 35. Л. 157.

39. *Королев В. Н.* Черкесские элементы в донском казачестве (XVI–XVII вв.) // Россия и Северный Кавказ. – Грозный, 1990.

40. *Вилинбахов В. Б.* К истории влияния кабардинцев на военный быт казачества // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1965. – Т. 23.

41. *Колесников В. А.* Закубанские горцы и военный быт линейных казаков // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур». – Астрахань, 1995. – Ч. 1. – С. 25.

42. *Ламонов А. Д.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1914. – Т. 19. – С. 471.

43. *Толстов В. Г.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. – Тифлис, 1901. – С. 190.

44. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 35. Л. 150.

45. Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 5а. Л. 13.

46. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 832. Л. 104.

47. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 240.

48. Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 309. Л. 2–7.

49. *Кибовский А.* Черноморские казаки в 1840-х гг. Уникальный источник времен Николая I // Цейхгауз. – 2006. – № 22.

50. ПСЗ. – Собр. 2. – СПб, 1843. – Т. 17. – Ст. 15809.

51. *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. 1825–1855. – Новосибирск, 1944. – Т. 18.

52. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 41, 43.

53. *Кулинский А. Н.* Указ. соч. – С. 216.

54. *Стил Д.* Эволюция холодного оружия // Солдат удачи. – 1996. – № 6. – С. 51.

55. ПСЗ. – Собр. 2. 1845. – СПб, 1846. – Т. 20. – Ст. 18329.

56. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 188. Л. 1, 31.

57. Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

58. Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

59. *Фоменко А. С.* Фоменко, его потомки и бытовая их жизнь. – Екатеринодар, 1903. – С. 121.

60. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 265. Л. 8.

61. ГАКК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

62. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 465.

63. *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. – М., 1995. – С. 37.

64. *Фролов Б. Е.* Оружие кубанских казаков. – Краснодар, 2002.

65. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1174. Л. 237.

66. Там же. Оп. 2. Д. 314. Л. 319.

67. Там же. Д. 114. Л. 100.

68. Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 4558. Л. 2.

69. Там же. Д. 796. Л. 10.

70. Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 596. Л. 13.

71. Цит. по: *Маленко Л.* Азовське козацьке військо (1828–1866). – Запоріжжя, 2000. – С. 246.

72. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 850. Л. 17.

73. Там же. Л. 49.

74. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1955. Л. 3.

75. ПСЗ. – Собр. 2. – СПб, 1895. – Т. 49. – Ст. 50303а.

76. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3878. Л. 26.

77. Там же. Д. 1955. Л. 6.

78. Там же. Л. 114.

79. Там же. Д. 3878. Л. 33.

80. Там же. Д. 4766. Л. 26.

81. Кубанская справочная книжка. 1891. – Екатеринодар, 1891. С. 139.

82. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6155. Л. 54.

83. Там же. Л. 55.

84. Там же. Д. 6246. Л. 28, 32.

85. Там же. Д. 6228. Л. 18–19.

86. *Дмитриев А. В.* Клинки Златоуста // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 12. – С. 78, 79.

87. *Гаденко К. П.* Описание формы обмундирования и снаряжения нижних чинов Кубанского и Терского казачьих войск. – Екатеринодар, 1901. – С. 32.

88. Там же. С. 35.

89. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6158. Л. 26.

90. Цит. по: *Федоров В. Г.* Холодное оружие. – СПб, 1905. – С. 82.

91. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1.

92. Там же. Д. 1643. Л. 85.

93. Там же. Д. 5257. Л. 142.

94. Там же. Д. 6435. Л. 1.

95. Там же. Д. 7153.

96. Там же. Д. 7450. Л. 115.

97. Там же. Д. 11556. Л. 93.

98. Там же. Оп. 5. Д. 490. Л. 112.

99. *Аствацатурян Э. Г.* История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. – М., 1977. – Ч. 1. – С. 89.

100. *Аствацатурян Э. Г.* Дагестанские мастера серебряного и оружейного дела в городах Северного Кавказа и Закавказья в конце XIX – начале XX века // Советская этнография (отдельный оттиск). – М., 1976. – С. 117.

101. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1968. Л. 23; Д. 2702. Л. 11; Д. 11556. Л. 58.

102. Там же. Д. 6963.

103. Там же. Д. 8670.

104. Там же. Д. 11556. Л. 62.

105. Оп. 5. Д. 1. Л. 3–147.

106. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1889. – Вып. 8.

107. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 781.

108. Там же.

109. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 29. Л. 56.

110. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 9.

111. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3137.

112. Там же. Д. 4946. Л. 19.

113. Там же. Д. 6133. Л. 60.

114. Там же. Ф. 318. Оп. 2. Д. 3776.

115. Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9226. Л. 36.

116. *Кулинский А. Н.* Европейское холодное оружие. – СПб, 2003. – С. 164.

117. *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. – Л., 1982. – С. 13, 44.

118. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. – М., 1975. – С. 282.

119. *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. – М., 2001. – С. 115.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА КИНЖАЛОВ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА С ЧЕТЫРЕХДОЛЬНЫМИ КЛИНКАМИ РАБОТЫ ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ФАБРИКИ

Кинжал Кубанского казачьего войска. Клинок изготовлен в Златоусте по частному заказу, или для «вольной» продажи частным лицам. Конец XIX – начало XX в. Датировка произведена по клейму «Ч.З.», которое, по договоренности наказного атамана Кубанского казачьего войска с «начальником Златоустовских заводов», должно было ставиться на кинжалах и шашках с 1899 г. В то же время картуш на клинке характерен для кубанских изделий 1870-х гг. и для конца XIX в. выглядит архаичным: ведь уже с начала 1890-х гг. вошел в употребление новый картуш (что опять же не исключает возможности использования старого на частных заказах). Реальной представляется версия о криминально-коммерческом союзе «несунов» оружейной фабрики и златоустовских кустарей-оружейников

Кинжал Кубанского казачьего войска. Клинок – Златоустовской оружейной фабрики 1894 г. изготовления. Ножны – 1911 г.

Кинжал Кубанского казачьего войска с клинком Златоустовской оружейной фабрики 1894 г.

Кинжалы Кубанского казачьего войска с клинками 1902 и 1904 гг.

Кинжалы Кубанского казачьего войска с клинками 1906 и 1907 гг. Клинок 1906 г. и картуш на нем выглядят «подновленными»

Кинжал Кубанского казачьего войска с клинком 1905 г., выполненным на Златоустовской оружейной фабрике по индивидуальному заказу

Г.К.М.
Казак
Г.К.
Терещенко
95-го полк
1905
года

Казак
Г.К.
Терещенко
95-го полк
1905
года

84

Г.К.М.
90

Кинжал Кубанского казачьего войска с клинком 1908 г.

Кинжалы с клинками 1909 г. изготовления

Кинжалы Кубанского казачьего войска с клинками 1911, 1915 и 1916 гг. изготовления

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История казачества, в том числе и кубанского, немыслима вне контекста истории России. В то же время, возникнув на территории фронтира и функционируя на стыке цивилизаций, казачество оформилось как смешанный евразийский феномен. Эти смешанные черты мы наблюдаем и в военной культуре кубанского казачества, испытавшей сильное воздействие кавказских народов. «Кавказское влияние» ярче всего прослеживается в одежде и оружии, в меньшей степени – в тактике и форме ведения боевых действий. Изучение казачьего оружия показывает, что оно являлось чутким индикатором многих явлений социально-политической, экономической, этнической истории региона.

В истории холодного клинкового оружия кубанских казаков можно выделить несколько периодов. Для первого из них (1787–1816 гг.) характерно почти полное отсутствие сабель (или иного клинкового оружия) на вооружении рядовых казаков. Сабли от казаков и не требовались, так как не полагались им по штату. Главное оружие черноморского казака – ружье, главное холодное оружие – пика.

Сабли и кинжалы имелись в этот период в Черноморском войске в весьма незначительном количестве. В основном это довольно богатые, украшенные вещи, выполняющие прежде всего репрезентативные функции и являющиеся статусным знаком, маркером казачьей старшины. При выборе сабель войсковые чиновники отдавали явное предпочтение турецким. Первый эпизод, связанный с массовым вооружением рядовых казаков саблями, относится к 1811 г., когда сформированной лейб-гвардии Черноморской конной сотне были заказаны в Туле русские кавалерийские сабли.

Второй период (1816–1838 гг.) связан с официальным введением на вооружение черноморских казаков уставных кавалерийских сабель. Последовательно сменявшие друг друга образцы 1809, 1817 и 1827 гг., в условиях кордонной службы на Кавказе, оказались не просто малополезным, но даже обременительным оружием для казаков. Неудачный образец холодного оружия (речь идет о вполне определенном контексте его бытования) в сочетании с отсутствием навыков его употребления еще больше закрепляют приоритет ружья и пики. Форменная сабля становится внешним атрибутом форменного мундира и активно используется в этом качестве в полках, выходящих за пределы Черномории на внешнюю службу.

В самой же Черномории казаки под разными предлогами уклоняются от приобретения сабель. В тех случаях, когда сабля у казака есть, она часто не берется на кордонную службу. Порой оставить «сабли в домах» приказывают даже полковые командиры. Во всех отчетах командиров различных уровней о столкновениях с черкесами речь всегда идет о действии в бою ружьем и пикой.

В то же самое время кавалерия линейных казаков Кубани, быстро перешедших на адыгский боевой комплекс и действующих в несколько иных географических условиях и, естественно, иными тактическими приемами, быстро становится грозной силой, внушающей уважение даже своим

противникам. Остро отточенная шашка и умение действовать ею становятся отличительным признаком линейцев, а лихая кавалерийская атака – излюбленным тактическим приемом. Воспоминания современников переполнены восторженными отзывами о «невероятной храбрости» и мастерстве конных линейцев – этого «урагана легкой кавалерии».

Начало третьему периоду в истории холодного оружия черноморцев положил 1838 г., когда на вооружение всех казачьих войск России (кроме Линейного) поступили шашки. Фактическое перевооружение Черноморского войска шашками образца 1838 г. началось только через пять лет – в 1843 г. Высочайшим описанием от 1 ноября 1840 г. в Черноморском казачьем войске вводились кинжалы.

Введение на вооружение черноморских казаков шашки и кинжала находилось в контексте перевода Черноморского войска на «линейские образцы». Сами же линейцы оставались верны кавказскому оружию, что подтвердило Положение о Кавказском линейном казачьем войске, которым для офицеров и казаков вновь утверждались «черкесские» шашки, кинжалы, ружья и пистолеты.

Образование в 1860 г. Кубанского казачьего войска с точки зрения вооружения не принесло ничего нового. В описании унифицированного обмундирования образца 1859 г. про оружие говорилось: «...то же, что имеется уже в войсках». Поэтому окончание третьего периода и начало четвертого мы относим к 1871 г., когда приказом по военному ведомству для Кубанского казачьего войска были утверждены шашка и кинжал «азиатского образца». Для бывших линейцев смена формулировки ничего не значила (они и так уже полвека использовали эти образцы), для бывших черноморцев приказ стал юридическим обоснованием давно уже начавшегося стихийного перехода на образцы кавказского оружия.

1860–1880-е гг. отмечены крайне низким качеством холодного оружия кубанских казаков. Стремясь предотвратить «полнейшее обезоруживание казаков», руководство войска обращается к практике войсковых заказов оружия на Златоустовской оружейной фабрике. При каждом заказе кубанцы разрабатывали образец шашки и кинжала (разумеется, кроме повторных заказов какого-то образца). Шашки проектировались «по образцу черкесских», а первые партии кинжалов – по образцу дагестанских. К концу 80-х гг. XIX в. проблему качества оружия в первоочередных частях войска удалось в основном решить.

Все последние три десятилетия XIX в. кубанцы заказывали фактически один тип шашечного клинка, разработанный в 1876 г. комитетом генерал-майора Перепеловского (а по большому счету этот тип можно вести еще с конца 1850-х гг., то есть от таннеровки). Подтипы, характерные для заказов отдельных лет, отличались лишь длиной и весом клинка, углом наклона хвостовика и другими мелкими деталями. Златоустовские картуши с надписями в них заметно отличаются по годам изготовления (и даже за один год), но никакого отношения к морфологическому типу, к конструктивным достоинствам клинка не имеют и носят исключительно информационный и декоративный характер.

Что же касается кинжалов, то в конце 1880-х гг. произошла кардинальная замена заказываемого в Златоусте образца. На смену однодольному клинку дагестанского типа приходят четырехдольные клинки «казачьего фасону».

Высочайшее утверждение в 1904 г. образцов азиатской шашки и кинжала позволяет нам выделить последний период в истории холодного оружия кубанских казаков. Во многом это формальная временная привязка, так как утверждены типы оружия, уже употреблявшиеся в войске не одно

десятилетие. И тем не менее введение уставных образцов значительно облегчило жизнь самому войску, оружейной фабрике, артиллерийским приемщикам и ускорило процесс перевооружения казаков. Увереннее почувствовали себя полковые командиры, постоянной головной болью которых была попытка добиться единообразия во фронте. К концу первого десятилетия XX в. большая часть казаков первоочередных полков была вооружена образцовыми шашками и кинжалами.

Но произвольные образцы (т. е., проще говоря, кавказские) отнюдь не вышли из употребления. Они продолжали бытовать в полках второй и третьей очередей, отчасти первой, среди отставных казаков. Для офицеров же ношение кавказского, богато декорированного, оружия давно стало устойчивой традицией и своеобразным шиком.

В казачьем холодном оружии конца XIX – начала XX в. удачно сочетались отменное качество клинковой стали и совершенная (насколько это реально в жизни) конструкция. Количественные характеристики клинка шашки – длина, ширина, вес, изгиб – были практически идеальны для данного класса оружия. Если добавить к этому прекрасно рассчитанный отвес, прямую рукоять (находящуюся на одной линии с обухом), клиновидное сечение клинка, то станет очевидно, что в умелых руках кубанская шашка являлась грозным оружием.

Памятный знак «300 лет Кубанскому казачьему войску». В серебре подобных знаков было заказано сто штук

МЕРЫ ДЛИНЫ

Верста = 500 саженям = 1,0668 км
Сажень = 3 аршинам = 7 футам = 213,36 см
Аршин = 4 четвертям = 16 вершкам = 28 дюймам = 71,12 см
Четверть = 4 вершкам = 17,77 см
Вершок = 4,44 см
Фут = 12 дюймам = 30,48 см
Дюйм = 10 линиям = 2,54 см
Линия = 10 точкам = 2,54 мм

ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ВЕСА

Пуд = 40 фунтам = 16,38 кг
Фунт = 96 золотникам = 409,512 г
Золотник = 96 долям = 4,27 г
Фунт артиллерийский = 491 г

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава 1. САБЛИ 17

Глава 2. ШАШКИ 87

Глава 3. НОЖИ И КИНЖАЛЫ 189

Заключение 315